

Париж при Коммуне. Семьдесят три дня второй осады; с многочисленными иллюстрациями, зарисовками, сделанными на месте, и портретами (с оригинальных фотографий)

Джон Лейтон

Paris under the Commune

John Leighton

Электронная книга проекта Гутенберга о Париже времен Коммуны

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Париж при Коммуне

Автор: Джон Лейтон

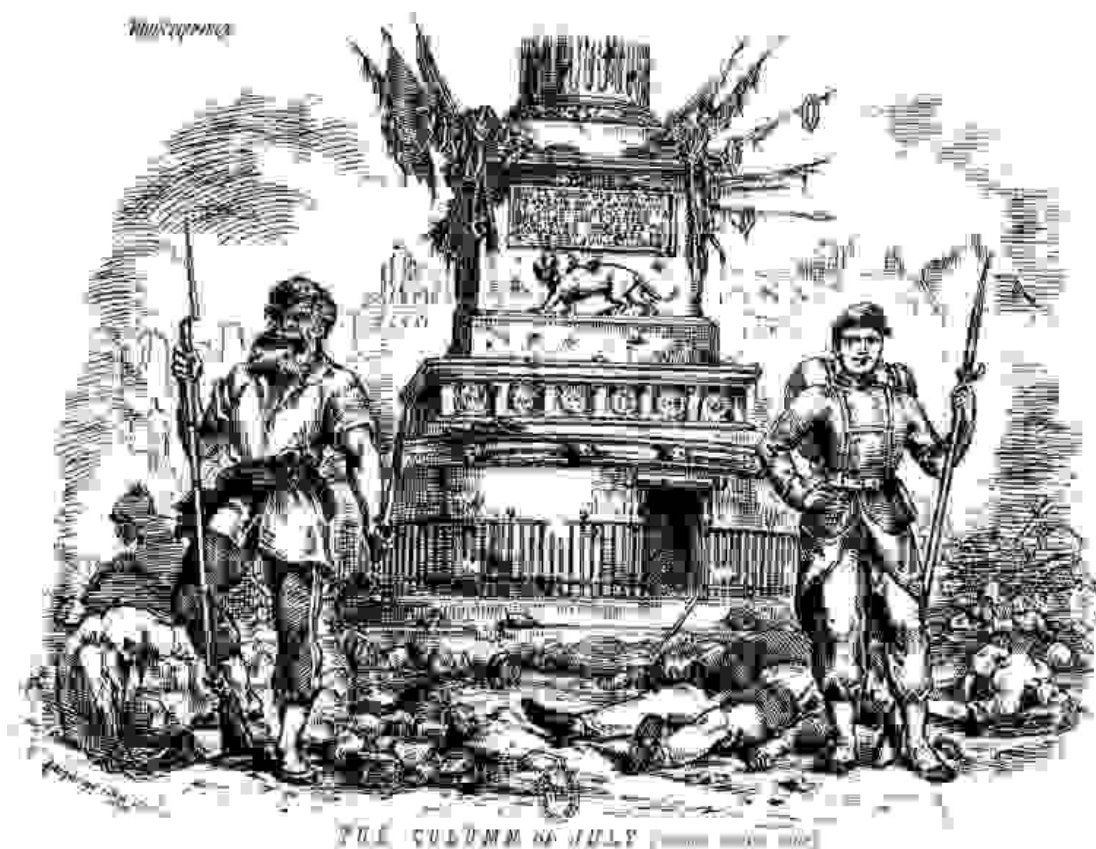
Дата выхода: 1 января 2004 г. [Электронная книга № 10861]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсеры: Роберт Коннел, Вилельмина Мальер и PG Distributed Proofreaders

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ПАРИЖ При КОММУНЕ" ***

июльская колонна

ПАРИЖ При КОММУНЕ: ИЛИ СЕМЬДЕСЯТ ТРИ ДНЯ ВТОРОЙ ОСАДЫ

С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ, ЗАРИСОВКАМИ, СДЕЛАННЫМИ НА МЕСТЕ, И ПОРТРЕТАМИ (ПО ОРИГИНАЛЬНЫМ ФОТОГРАФИЯМ).

ДЖОН ЛЕЙТОН, F.S.A.,
&C.

ЛОНДОН:
1871.

Социализм или Красная Республика - это одно и то же, ибо они сорвали бы триколор и водрузили красный флаг. Из Вандомской колонны можно было бы сделать монетки. Это снесло бы статую Наполеона и воздвигло бы вместо нее статую Марата. Это уничтожило бы Академию, Политехническую школу и орден Почетного легиона. К великому устройству Свободы, равенства и братства добавилось бы “Ou la mort”. Это привело бы ко всеобщему банкротству. Это разорило бы богатых, не обогатив бедных. Это уничтожило бы труд, который дает каждому его хлеб. Это уничтожило бы собственность и семью. Оно будет маршировать с головами осужденных на пиках, заполнять тюрьмы подозреваемыми и опустошать их путем массовых убийств. Оно превратит Францию в страну мрака. Это задушило бы свободу, задушило бы искусство, заставило замолчать мысль и отрицать Бога. Это привело бы в действие эти две роковые машины, одна из которых никогда не работает без другой, — ассигнационный пресс и гильотину. Одним словом, оно хладнокровно сделало бы то, что люди 1793 года делали в лихорадке, и после великих ужасов, которые видели наши отцы, у нас было бы ужасное во всем низком и незначительном.

(ВИКТОР Гюго, 1848.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В начале июня текущего года я делал заметки и наброски, не имея ни малейшего представления о том, что мне с ними делать. Я был на станции Мон-Парнас Западной железной дороги, ожидая поезда из Парижа в Сен-Клу. Наши попутчики, как мы узнали

впоследствии, были в основном узниками Версаля; охрана, солдаты; и очередь, по крайней мере, на две мили, представляла собой запустение и руины.

Фасад вокзала, очень большого, был весь изрыт пулями федеральных войск, в то время как пушечные ядра проделали дыры в каменной стене, как в сыре, и полетели по железной дороге в сторону Шербура или Бреста! Ресторан внизу был почти уничтожен, прилавки, столы и стулья превратились в беспорядочную кучу. Но там был книжный киоск, и на этом книжном прилавке лежала небольшая работа под названием “Битва за сентябрь”, брошюра, которую купил и подарил мне друг, сказав: “*Вуаля, текст о ваших преступлениях*”. Из семи дней мои мысли, естественно, переместились на семьдесят три - продолжительность правления Коммуны - а затем снова на двести двадцать дней - которые включали коммуну 1871 года и ее предшественников. Отсюда и этот объем, который я сравниваю с французским замком, к которому я добавил второй этаж и крылья.

И теперь, когда дом закончен, я должен выразить свои обязательства месье Мендесу и многочисленным французским друзьям за их любезную и ценную помощь, в том числе моим коллегам по “Графике”, которые позволили мне украсить стены картинами из их магазинов; и, наконец, что не менее важно, я выражаю искреннюю благодарность английскому пэру, который предоставил в мое распоряжение свою уникальную коллекцию гравюр и журналов того периода, посвященных этой теме — теме, с которой я довольно хорошо знаком. Порох сделал свое дело, запах бензина выветрился, дом, который называл меня хозяином, исчез с лица земли, а версаль сообщил, что мой консьерж и его жена были *расстреляны* в Версале; и в довершение ко всему, моя арендная плата была внесена авансом, так как она была внесена у *нотариуса* перед Первой осадой.... Но мои соседи, где они? В моем ближайшем окружении шесть домов были полностью разрушены, и еще столько же полуразрушены. Я могу рассказать только об одном друге, любезном и способном архитекторе, который, увы! выразил протест лично и получил пулю из револьвера в затылок. Его голова склонена пожизненно. Он потерял свое удовольствие и свое сокровище, ценный художественный музей, — к счастью, они не смогли испортить его репутацию или памятник его жизни — ряд замечательных фолиантов, которые существуют “*для всех*”.

L.

ЛОНДОН, 1871 год.

Содержание

	ПРЕДИСЛОВИЕ
	СПИСОК ТАБЛИЧЕК И ИЛЛЮСТРАЦИЙ
ВВОДНАЯ ГЛАВА	30 октября 1870 г.—Захват ратуши —Губернатор Трошу уходит в отставку— Попытка восстания—Митинги, площадь Бастилии—Пруссак вхоят в Париж— Враждебность Национальной гвардии
I.	Памятное 18 марта—Построение и Национальное братание—Дисциплина со скидкой
II.	Убийство генералов Леконта и Клемана Тома
III.	Прокламация месье Пикара —Правительство удаляется в Версаль
IV.	Провозглашенный Новый режим—Безвестность новых Хозяев
V.	Париж колеблется—Небольшая симпатия к Версалью

- VI. Холмы Монмартра
- VII. Возможный выпуск — Одобренное Воззвание
- VIII. Демонстрация Друзей порядка
- IX. Драма на улице Мира — Жертвы по приказу
- X. Свадьба
- XI. Биржа и Бельвиль
- XII. Наблюдает и ждет
- XIII. Робкий, но благоразумный Человек
- XIV. Некоторые федеральные мнения
- XV. Прокламация адмирала Сассе—Париж Удовлетворена.
- XVI. Вдова
- XVII. Центральный комитет одерживает победу
- XVIII. Выборы в Париже
- XIX. Коммуна факт— Разношерстное Собрание
- XX. Объявление выборов
- XXI. Серия официальных указов — о землевладельце и арендаторе
- XXII. Реквизиции и пиры
- XXIII. Перемещения и отставки
- XXIV. Общее бегство
- XXV. Посланник Гарибальди
- XXVI. Начало гражданской войны — За Триумфальной аркой
- XXVII. Монт—Валерьен открывается для федералов — Противоречивые новости
- XXVIII. Смерть администрации генерала Дюваля
- XXIX. Антипатия к Церкви — архиепископа допросили
- XXX. Сообщники Версаля
- XXXI. Смерть полковника Флуранса
- XXXII. Крест и Красное Знамя
- XXXIII. Полковник Асси из Крезе—Позор Луллье
- XXXIV. Боевые действия продолжаются
- XXXV. Федеральные похороны
- XXXVI. Благоразумный совет
- XXXVII. Подавление газет
- XXXVIII. Вторая бомбардировка — Авеню Великой армии — Безрассудная цель версальцев
- XXXIX. План Бержере
- XL. Еще один генерал полиции и прессы — Гражданин мира
- XLI. Женщины и дети
- XLII. Почему примирение невозможно?
- XLIII. Переносная гильотина
- XLIV. Братская могила

XLV.	Праздный Париж
XLVI.	Пресса
XLVII.	День следует за днем
XLVIII.	Колонна осужденных—Типовые постановления
XLIX.	Тьер и примирение—Париж и Франция
L.	Коммунистические карикатуры—Политическая сатира
LI.	Гюстав Курбе—Федерация искусств—Курбе, президент
LII.	Лагерь на Вандомской площади
LIII.	Выборы 16 апреля
Ливии.	“Перемены” в коммуне
LV.	Выборы без выборщиков — Фарс всеобщего избирательного права
LVI.	À la Mode de Londres
LVII.	Маленькие сестры бедняков
LVIII.	Бекон и Аньер взяты—Обращение к французскому народу—Федерация коммун—Коммуна или Всемирный потоп
LIX.	Военный трибунал
LX.	Героический геймен
LXI.	Убийство мертвых
LXII.	Перемирие в Нейи—Порт-Майо разрушено—Нейи в руинах
LXIII.	Масонское посредничество—Посланник мира—Граждане и братья—Белый флаг на Порт-Майо
LXIV.	Предусмотрительный месье Пье
LXV.	Ресурсы коммуны — королевский путь к богатству
LXVI.	Пророчество Прудона
LXVII.	Революционные воздушные шары
LXVIII.	Исповедь совести
LXIX.	Коммунистическая журналистика—сенсационные статьи
LXX.	Водопад Форт-Исси
LXXI.	Клюзере арестован
LXXII.	Исполнительная комиссия—Комитет общественной безопасности
LXXIII.	Компетентный суд
LXXIV.	Пароль выдан
LXXV.	Осужденная часовня
LXXVI.	Реституция - это грабеж
LXXVII.	Монахини Пикпуса
LXXVIII.	Россель уходит в отставку —Подобие правительства
LXXIX.	Нехватка средств — сухожилия войны
LXXX.	Пароли—Колесница Аполлона—Огнеупоры
LXXXI.	Святотатство—Дубинки в церквях
LXXXII.	Огнеупоры в опасности

LXXXIII.	Дом М. Тьера, снос
LXXXIV.	Сыновняя любовь
LXXXV.	Общинные сепаратисты —Спасайся, кто может
LXXXVI.	Причина сбоя —падает Вандомская колонна
LXXXVII.	Концерт в Тюильри
LXXXVIII.	Взрыв магазина с патронами
LXXXIX.	Начало действия —Париж перестает улыбаться
XC.	Войска входят—Уличные укрепления—Повстанцы дома
XCI.	Аресты и убийства
XCII.	Огнем и мечом
XCIII.	Баррикада на площади Клиши
XCIV.	Разорение
XCV.	Кровопролитие и разбой
XCVI.	Отель де Виль в огне—Печь
XCVII.	Контролеры и пародистки
XCVIII.	Улицы Парижа
XCIX.	Умирующие демоны—Заложники—Репрессии—Кладбища
C.	Канализация и катакомбы
CI.	Траур и печаль

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хронология коммуны

Мемуары Рошфора.

18 марта

Пруссаки и коммуна

Мемуары Гамбона

Мемуары Луллье

Воспоминания Протота

Перевод Виктора Гюго

Записка Журда

Последние прокламации коммуны

Записка Ферре

Заложники—жандармы и т. Д.

Президент Бонжан

Записка Урбена.

Разрушения Парижа

Официальный отчет генерала Ладмиро

Боеприпасы, израсходованные при Второй осаде Парижа

Список разрушенных памятников и зданий

Указатель к плану—Ущерб от пожара и т.д.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ:

ФРОНТИСПИС: ИЮЛЬСКАЯ КОЛОННА (ИСТОРИЯ ПОВТОРЯЕТСЯ)

ПОРТРЕТ М. ТЬЕРА, ПРЕЗИДЕНТА ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

СОСТОЯНИЕ УЧАСТНИКА— ИЗОБРАЖЕНО ИМИ САМИМИ. АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ ПАЖ — РОШФОР, КЛЕМАН ТОМА и др. (факсимиле)

ИЮЛЬСКАЯ КОЛОННА—ПЛОЩАДЬ БАСТИЛИИ

ХОЛМЫ МОНМАРТРА— ТАМ ПРИПАРКОВАНА ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

МОНМАРТР—ПЕРВАЯ ЛИНИЯ СТРАЖЕЙ

КРАСНОЕ ЗНАМЯ ИЮЛЬСКОЙ КОЛОННЫ

ОЧИЩЕНИЕ ЕЛИСЕЙСКИХ ПОЛЕЙ ПОСЛЕ УХОДА ПРУССАКОВ—СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВОЙ БАРРИКАДЫ, 18 МАРТА

ОБОРОНА ОТЕЛЬ - ДЕ - ВИЛЬ

СТРАЖИ, БУЛЬВАР СЕН-МИШЕЛЬ

ЗА БАРРИКАДОЙ—ДЕЖУРНЫЙ

ПОРТРЕТ ГАМБОНА, ЧЛЕНА КОММУНЫ

ЗА БАРРИКАДОЙ—ВЕЧЕРНЯЯ ТРАПЕЗА

ПЛОЩАДЬ СОГЛАСИЯ—ФЕДЕРАЛЫ ВЫХОДЯТ НА УЛИЦУ

ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛА БЕРЖЕРЕ

ПОРТРЕТ АББАТА ДЕГЕРРИ, КЮРЕ ЦЕРКВИ МАДЛЕН

ПОРТРЕТ РАУЛЯ РИГО, ПРОКУРОРА КОММУНЫ

ПОРТРЕТ МОНСЕНЬОРА ДАРБОЯ, АРХИЕПИСКОПА ПАРИЖСКОГО

ПОРТРЕТ ПОЛКОВНИКА ФЛУРАНСА

ПОРТРЕТ ПОЛКОВНИКА АССИ, УПРАВЛЯЮЩЕГО ОТЕЛЬ ДЕ ВИЛЬ

КРАСНЫЙ ФЛАГ НА ПАНТЕОНЕ

ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛА КЛЮЗЕРЕ

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА ЭТУАЛЬ

КОННЫЙ ЕГЕРЬ , ИСПОЛНЯЮЩИЙ ОБЯЗАННОСТИ АРТИЛЛЕРИСТА - КОММУНИСТА

СТРЕЛОК МОРСКОЙ ПЕХОТЫ И УЛИЧНЫЙ МАЛЬЧИШКА
ЛЕГИСЛАТУРНЫЙ КОРПУС—ШТАБ ГЕНЕРАЛА БЕРЖЕРЕ
ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛА ДОМБРОВСКОГО
СОЖЖЕНИЕ На ГИЛЬОТИНЕ На ПЛОЩАДИ ВОЛЬТЕРА
COLONNE VENDÔME
КАРИКАТУРА ВО ВРЕМЯ КОММУНЫ—МАЛЕНЬКИЙ ПАРИЖ И ЕГО ИГРУШКИ (*факсимиле*)
СОВРЕМЕННЫЙ “ЭРОСТРАТ”—КУРБЕ И ОБЛОМКИ ВАНДОМСКОЙ КОЛОННЫ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ВИЗИТ К МЛАДШИМ СЕСТРАМ БЕДНЯКОВ
ПОРТРЕТ ВЕРМОРЕЛЯ, ДЕЛЕГАТА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ
ЖЕНСКОЕ ЛЮБОПЫТСТВО В ПОРТ-МАЙО
ВОРОТА МАЙО И ЧАСОВНЯ СВЯТОГО ФЕРДИНАНДА
ПЕРЕМИРИЕ—ЖИТЕЛИ НЕЙИ ВЪЕЗЖАЮТ В ПАРИЖ
ОЖИДАЮ ПЕРВОГО ВЫСТРЕЛА Из ФОРТА ВАЛЕРЬЕН
ЖЕНСКАЯ НЕВОЗМУТИМОСТЬ ПОСЛЕ ПЕРЕМИРИЯ
ПОРТРЕТ ПРОТОТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРАВОСУДИЯ
ПОРТРЕТ ФЕЛИКСА ПАЯ, ЧЛЕНА КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
МАСОНЫ НА КРЕПОСТНЫХ ВАЛАХ
ПОРТРЕТ ВЕРМЕША, РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА “ПЕР ДЮШЕН”
ПОРТРЕТ ПАСХАЛЯ КРУССЕ, ДЕЛЕГАТА ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
ПОРТРЕТ ДЮПОНА, комиссара ПО ТОРГОВЛЕ
ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЧАСОВНЯ (ОСУЖДЕНА КОММУНОЙ)
КАРИКАТУРА ВО ВРЕМЯ КОММУНЫ—ПАРИЖ ЕСТЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ (*факсимиле*)
ПОРТРЕТ ДЕЛЕКЛЮЗА, ВОЕННОГО ДЕЛЕГАТА
ПОРТРЕТ ФОНТЕЙНА, ДИРЕКТОРА ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ ДОМЕНАМ И РЕГИСТРАЦИИ
МОШЕННИКИ , УБЕГАЮЩИЕ ИЗ ГОРОДА НОЧЬЮ
ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛА ЛА СЕСИЛИИ
ЦЕРКОВЬ СВЯТОГО ЕВСТАФИЯ (СНАРУЖИ)
ИНТЕРЬЕР ЦЕРКВИ СВЯТОГО ЭСТАША, ИСПОЛЪЗУЕМОЙ В КАЧЕСТВЕ КРАСНОГО КЛУБА
ДОМ М. ТЬЕРА На ПЛОЩАДИ СЕН-ЖОРЖ
ДОМ ВО ВРЕМЯ СНОСА—ПОСЛЕ ЕГО СНОСА
ПОРТРЕТ КУРНЕ, ПРЕФЕКТА ПОЛИЦИИ

ПОРТРЕТ АРТУРА АРНОЛЬДА, комиссара ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

СЕНА: ЗАТОНУВШИЕ КАНОНЕРСКИЕ ЛОДКИ-ПОРТ МАЙО, ЗАПУСТЕНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ

БАРРИКАДА На УЛИЦЕ КАСТИЛЬОНЕ СО СТОРОНЫ ВАНДОМСКОЙ ПЛОЩАДИ

ДВОРЕЦ ТЮИЛЬРИ

ПОРТРЕТ РАЗУА, НАЧАЛЬНИКА ВОЕННОГО УЧИЛИЩА

ЖИЗНЬ КАФЕ При КОММУНЕ—НЕБОЛЬШОЙ ПЕРЕРЫВ—АФИШИ СПЕКТАКЛЕЙ И ВСЕСОЖЖЕНИЯ -“ЗРЕЛИЩА ПАРИЖА”

ПЛОЩАДЬ СОГЛАСИЯ—СТАТУИ ЛИЛЛЯ И СТРАСБУРГА

ОГОНЬ И ВОДА— ВОЗДЕЙСТВИЕ ОГНЯ НА ФОНТАНЫ ПЛОЩАДИ СОГЛАСИЯ И ЗАМКА О— ХИРОНДЕЛЬ-ДЕ-ПАРИ

ПОРТРЕТ ЖЮЛЯ ВАЛЬЕСА, УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ И ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ

БАРРИКАДА, ПЕРЕКРЫВАЮЩАЯ УЛИЦУ РИВОЛИ От ПЛОЩАДИ СОГЛАСИЯ

СЛЕДЫ ОТ ПУЛЬ “EN FACE” И “EN PROFIL”— НА ДЕРЕВЬЯХ И ФОНАРЯХ

КОРОЛЕВСКАЯ УЛИЦА, ВЫХОДЯЩАЯ ОКНАМИ ОТ ПЛОЩАДИ МАДЛЕН До ПЛОЩАДИ СОГЛАСИЯ

ТЕПЛЫЙ УГОЛОК ТЮИЛЬРИ

ПОРТРЕТ МИЛЬЕРА, БЫВШЕГО ДЕПУТАТА, ЧЛЕНА КОММУНЫ

PALAIS DE JUSTICE

ПОЛИЦИЯ ПАРИЖА—МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ, УЛИЦА РИВОЛИ

ПОРТРЕТ ФЕРРЕ, ПРЕФЕКТА ПОЛИЦИИ

ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ ДВОРЕЦ (БОЛЬНИЦА СКОРОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ КОММУНЫ)

RÉTROLEURS AND RÉTROLEUSES

ТЕАТР ПОРТ-СЕН—МАРТЕН- ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ДОМА СЕНСАЦИОННОЙ ДРАМЫ

КАМЕРА АРХИЕПИСКОПА ПАРИЖСКОГО В ТЮРЬМЕ ЛА РОКЕТ

ДВОР ЛА РОКЕТ , ГДЕ БЫЛИ РАССТРЕЛЯНЫ АРХИЕПИСКОП И ЗАЛОЖНИКИ

МОЙ СОСЕД НАПРОТИВ, ДЕЛА ИДУТ СВОИМ ЧЕРЕДОМ — МОЙ СОСЕД ПО СОСЕДСТВУ, ОН СЧИТАЕТ, ЧТО ЕМУ ПОВЕЗЛО

ПАРИЖСКОЕ МЕТРО (КАНАЛИЗАЦИЯ И КАТАКОМБЫ)

THE ENEMIES OF PROGRESS (LES ARISTOCRATES ENCORE)—CORPS DE GARDE DE L'ARMÉE DE VERSAILLES

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОГУЛКИ—ЛАГЕРЬ В ЛЮКСЕМБУРГЕ—НОВЫЕ ХОЗЯЕВА—ПРОКЛАМАЦИЯ ЗА ПРОКЛАМАЦИЕЙ

ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ ДВОРЕЦ (НЫНЕШНЯЯ РАТУША ПАРИЖА, 1871)

ПОРТРЕТ МАРШАЛА Мак-МАГОНА, ГЕРЦОГА МАДЖЕНТА

СНОВА СВЕТ И ВОЗДУХ—КОММУНА ФОССЕ (КОНЕЦ)

ПРИЛОЖЕНИЕ.

МУЗЕЙ ЛУВРА, РАСПОЛОЖЕННЫЙ НА ПЛОЩАДИ КАРУСЕЛЬ

ПАЛЕ - РОЯЛЬ

HOTEL DE VILLE

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

ДВОРЕЦ ОРДЕНА ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА

КАРТА ПАРИЖА, С УКАЗАНИЕМ ВСЕХ ЧАСТЕЙ, ПОВРЕЖДЕННЫХ ИЛИ УНИЧТОЖЕННЫХ.

М. Тьер,
избранный главой исполнительной власти 18 февраля 1871 г.
и президентом Республики с сентября 1871 г.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

К концу дня 30 октября 1870 года в Париже поднялось сильное волнение; распространилась весть, что деревня Ле Бурже вновь взята пруссаками. Военный отчет сделал все возможное, чтобы сделать пилюлю менее горькой, сказав, что “эта деревня не входила в систему обороны”, но люди, хотя и пребывали в неведении, инстинктивно чувствовали, что со стороны вождей должна быть слабость. После того как при взятии этого места было пролито столько французской крови, люди храброй воли не захотели бы его занимать. Мы признаем, что Ле Бурже, возможно, и не имел большого значения с военной точки зрения, но что касается его морального эффекта, то о его потере приходится очень сожалеть.

Раздражение, испытываемое населением Парижа, сменилось яростью, когда на следующий день в *Официальном журнале*:

“Правительство только что ознакомилось с печальным известием о капитуляции Меца. Маршал Базен и его армия были вынуждены сдаться после героических усилий, поддерживать которые было невозможно только из-за нехватки продовольствия и боеприпасов. Они попали в плен”.

И после этого правительство говорит о перемирии! Что? Страсбург, Туль, Мец и многие другие города сопротивлялись до последней крайности, а Париж, ожидающий помощи от

провинций, должен капитулировать, в то время как ни одно усилие не предпринято? У нее больше нет хлеба? Нет порошка? У ее граждан больше нет крови в жилах? Нет, нет! Никакого перемирия!

Утром депутация, сформированная из офицеров Национальной гвардии, отправилась в Отель-де-Виль, чтобы узнать у правительства, каковы его намерения. Их принял мсье Этьен Араго, который пообещал им, что о принятом решении они будут проинформированы около двух часов дня.

В упомянутое время подъем по канату был прерван; батальоны Национальной гвардии хлынули на Место, некоторые вооруженные, многие без оружия.

Над морем голов внимание привлекали знамена и огромные плакаты с надписями —

“Vive la République!

“Никакого перемирия!”

или же

“Vive la Commune!

“Смерть трусам!”

Рошфор,^[1] вместе с несколькими другими членами правительства, появляется у главных ворот, которые охраняет рота Мобилей. Появляется раздетый генерал Трошу; его встречают криками “*Да здравствует Республика! La levée en masse!* Никакого перемирия! Национальная гвардия, которая массово требует *введения дамбы*, лишь устроит резню. Сначала у нас должны быть пушки; мы их получим”. Увы! было бы гораздо лучше вообще их не иметь, как докажет дальнейшее. Пока одни кричат: “Да здравствует Трошу!”, другие кричат: “Долой Трошу!” Вскоре Ратуша захвачена; дворы, салуны, галереи - все заполнено. Каждый предлагает свой совет, но определенные группы положительно настаивают на отставке правительства. Списки имен передаются из рук в руки; среди них имена Дориана (президента), Шелчера, Делеклюза, Ледрю Роллена, Феликса Пая.

Раздаются крики, что, если правительство откажется уйти в отставку, его члены будут арестованы.

“Да! да! схватите их!” И офицер бросается вперед, чтобы взять их в плен, пока они заседают в совете.

“Извините, месье, но какой у вас ордер на это?” - спрашивает один из членов комиссии.

“Я не имею никакого отношения к ордерам. Я действую от имени народа!”

“ Вы консультировались с народом? Собравшиеся здесь не составляют народ.

Офицер был сбит с толку. Однако вскоре после этого толпе сообщают, что члены правительства арестованы.

Основная сцена произошла в кабинете бывшего префекта. Гражданин Бланки подходит к столу; обращаясь к присутствующим, он просит их покинуть помещение, чтобы дать комиссии возможность обсудить ситуацию. Комиссия! Какая комиссия? Откуда она берется? Никто ничего об этом не знал, так что члены клуба, очевидно, назвали себя. Месье Бланки, без сомнения, позаботился об этом. В это время в соседней комнате царил необычайное волнение; солдаты 106-го батальона, несшие караул внутри ратуши, были вынуждены пустить в ход оружие, чтобы помешать кому-либо еще войти. После некоторой суматохи и борьбы, но без какого-либо пролития крови, некоторым национальным гвардейцам этого батальона удалось пробиться к комнате, в которой находятся заключенные члены правительства, и им удалось освободить их.

Около двух часов ночи 106-й батальон полностью очистил Отель-де-Виль от толпы. Никакого насилия совершено не было, и генерал Трошю проводил смотр войскам, выстроенным в боевой порядок, который простирался от площади Виль до площади Согласия. Час спустя тишина была полностью восстановлена.

Члены правительства, находившиеся в заключении в течение нескольких часов, теперь хотели показать свою власть; они чувствовали, что их власть пошатнулась, и видели необходимость ее укрепления. Что может сделать правительство в таком случае? Создать плебисцит. Но на этот раз консультации проводились только с Парижем, и на то были веские причины. Таким образом, 1 ноября жителям Парижа было предписано выразить свои пожелания, ответив "да" или "нет" на этот простой вопрос: —

“Признает ли народ Парижа полномочия правительства в области национальной обороны?”

Это было ясно, позитивно и без всякой двусмысленности.

Партизаны коммуны яростно заявляли, что те, кто голосовал "за", были реакционерами. “Дайте нам коммуну 93-го!” - кричали те, кто думал, что знает немного больше об этом вопросе, чем остальные. В целом их приняли довольно плохо. Бесполезно говорить о 93-м! Замените ваших Бланки, ваших Феликсов Пайтс, ваших Флурансов людьми, подобными тем, кто участвовал в великой революции, и тогда мы будем рады услышать, что вы скажете по этому вопросу.

Жители Монмартра, Ла-Шапель, Бельвиля вели себя как добропорядочные граждане, сохранив мужество в час несчастья.

Как бы то ни было, правительство было поддержано большинством в 557 995 голосов против 62 638.

Что ж, господа из Коммуны, попробуйте еще раз или, что еще лучше, сохраняйте спокойствие.

Ночью 21 января представители национальной обороны и высшие офицеры армии собрались за столом в зале заседаний совета. Они все еще находились под скорбным впечатлением, произведенным роковым днем девятнадцатого, когда сотни горожан погибли в Монрету, Гарше и Бюзенвале. Из-за неадекватности правительства жителям Парижа было выдано по 300 граммов отвратительного черного хлеба в день на каждого человека. Все обращения к ним были напрасны. Было сказано, что, распределяя наш хлеб постепенно, мы должны были бы таким образом приучить себя к лишениям и незаметно подготовиться к еще большим страданиям, в то время как продолжительность наших запасов продовольствия была бы увеличена. Но ответ всегда был: “Хлеба? У нас будет достаточно, и с запасом”. Когда стало ясно, что приближается великий кризис, общественное мнение проявило себя в сильном волнении. Поэтому неудивительно, что на лицах всех этих джентльменов, сидевших за столом совета, читались следы глубокой депрессии. Губернатор Парижа подал в отставку, как он обычно делал после каждого довольно бурного заседания; но его коллеги отказались принять ее, как и раньше. Что было делать? Разве губернатор Парижа не поклялся никогда не капитулировать? После ночи, проведенной за обсуждением этого вопроса, члены правительства приняли следующий план действий. Вы увидите, что это было так же просто, как и невинно! На всех стенах было расклеено следующее объявление:—

“Правительство национальной обороны решило, что главное командование парижской армии в будущем будет отделено от президентства в правительстве.

“Генерал Виноа назначен главнокомандующим парижской армией.

“Титул и функции губернатора Парижа запрещены”.

Была сыграна хитрость: если они капитулируют сейчас, это больше не будет актом губернатора Парижа. Как это было бы остроумно, если бы не было жалко!

“Генерал Трошу сохраняет за собой пост главы правительства”.

Рядом с этим плакатом было объявление генерала Томаса.

- В НАЦИОНАЛЬНУЮ ГВАРДИЮ.

“Прошлой ночью горстка повстанцев взломала тюрьму Мазас и освободила нескольких заключенных, среди которых был господин Флуранс. Те же люди пытались занять *мэрию* 20-го округа (Бельвиль) и установить там руководителей восстания; ваш главнокомандующий полагается на ваш патриотизм в подавлении этой позорной крамолы.

“На карту поставлена безопасность Парижа.

“Пока враг бомбардирует наши форты, группировки в наших стенах прилагают все усилия, чтобы парализовать оборону.

“Во имя общественного блага, во имя закона и высокого и священного долга, который повелевает вам всем объединиться для защиты Парижа, будьте готовы сорвать эту самую преступную попытку; по первому зову поднимите Национальную гвардию до единого человека, и мятежники будут бессильны.

“Главнокомандующий Национальной гвардией,

- КЛЕМЕНТ ТОМАС.

- Подлинная копия.

“Временно исполняющий обязанности министра внутренних дел “,
ЖЮЛЬ ФАВР.

“Париж, 22 января 1871 года”.

Утром большие группы людей, собравшихся из простого любопытства, появились на площади Ратуши, которая, однако, носила мирный вид.

Примерно в половине третьего пополудни отряд из ста пятидесяти вооруженных национальных гвардейцев выступил с улицы Тампл и расположился перед Ратушей с криками: “Долой Трошю!”, “Да здравствует Коммуна!”. Затем была проведена короткая беседа между несколькими национальными гвардейцами и некоторыми офицерами Мобильной связи, которые говорили совершенно спокойно. Внезапно раздается выстрел, и в тот же момент, как в грандиозной сцене мелодрамы, окна и огромная дверь распахиваются, и видны две шеренги мобильных охранников: первая шеренга стоит на коленях, вторая - на ногах, и все нацелили свои мушкеты и приготовились стрелять. Затем раздался залп, который посеял ужас среди толпы людей, находившихся в этом Месте, которые бросились врассыпную, издавая крики. В следующий момент Место очищено. Ах, эти знаменитые колесницы способны творить чудеса.

Повстанцы во время этого безумного бегства мужчин, женщин и детей отвечали на атаку, одни целились из укрытий за углами и столбами, другие стреляли из окон соседних домов.

Затем раздается приказ прекратить стрельбу, и со стороны авеню Виктория приближается вереница людей с носилками, размахивающих платками, как флагами. В Отель-де-Виль ранен только один офицер, но на месте лежат дюжина жертв, две из которых - женщины.

В четыре часа 117-й батальон Национальной гвардии занимает позицию перед муниципальным дворцом. Они подкреплены отрядом *жандармов*, конных и пеших, а также ротами мобилей под командованием генерала Карреара.

Генерал Клеман Тома спешит сказать несколько слов 117-му полку; позже он поплатился жизнью за то, что таким образом оказался на стороне порядка. Наконец, прибывает генерал Виной в сопровождении своего штаба, чтобы принять меры против любых новых актов агрессии. Митральезы и пушки расставлены перед Ратушей; по всему городу бьют в барабаны *канаты*, и большое количество батальонов Национальной гвардии собирается на улице Риволи, у Лувра и на площади Согласия; другие расположились бивуаком перед Промышленным дворцом, в то время как по другую сторону Елисейских полей вытягиваются кавалерийские, пехотные и мобильные полки. Агитаторы исчезли, спокойствие восстановлено, понятно, в городе, ибо все это не прерывало оживленного обмена снарядами между французскими и прусскими батареями, и большое количество парижан, которые дважды помогали разогнать повстанцев в октябре и январе, невольно подумали о Коммуне 10 августа 1793 года, которая возглавила революцию, и сказали себе, что, возможно, среди нынешних повстанцев есть такие, которые, подобно первым, восстанут, чтобы освободить их от пруссаков. Ибо у этих агитаторов есть некоторая видимость правды на их стороне: “Вы слабы и робки”, - кричат они тем, кто у власти; “вы, кажется, скорее ожидаете поражения, чем победы. Уступите место энергичным, какими бы малоизвестными они ни были; для людей великой Коммуны, нашей первой славной революции, они также были по большей части неизвестны. Мы уверены в армии Парижа, и мы разорвем железный круг вторжения”.

Хотя коммунисты с тех пор проявляли храбрость, а иногда и героизм в своей борьбе против версальских войск, теперь, когда мы видели их вождей в действии, мы очень сомневаемся, увенчались ли бы усилия, о которых они говорили, успехом. Их целью была власть, и, не имея ничего, чем можно было бы рисковать, и всего, что можно было бы получить, они немедленно распорядились бы общественной собственностью, чтобы обеспечить себе удовольствия и почести. Те немногие правомыслящие люди, которые поначалу взяли на себя

обязательство, доказали это фактом своей отставки через несколько дней после того, как Коммуна утвердилась.

Вернулось спокойствие. Утром 25-го гвардейцы патрулировали площадь Бастилии, площадь Шато д'О, бульвар Маджента и внешние бульвары. Парис вздрогнула, словно очнувшись от какого-то страшного сна, и мысль о враге у ее ворот наяву снова всколыхнула все ее силы.

Коммунисты потерпели второе поражение, но вскоре им предстояло взять страшный реванш.

Клятва, данная губернатором Парижа, была повторена большинством парижан, и все партии, казалось, сплотились вокруг него под одним лозунгом: победить или умереть. После фортов, баррикад и, в качестве последнего средства, сожжения города. Кто знает? Возможно, фанатики сопротивления уже разработали план разрушения, который впоследствии послужил для Коммуны. Доказано, что ничто в этой разрушительной работе не было экспромтом.

Таким образом, известие о конвенте от 28 января, предвещающем капитуляцию Парижа, было встречено очень плохо, и г—н Гамбетта, призывая народ в своем знаменитом циркуляре от 31 января сопротивляться насмерть, посеял семена гражданской войны:

“ГРАЖДАНЕ,

Враг только что нанес Франции самое жестокое оскорбление, которое ей когда—либо приходилось терпеть в этой проклятой войне, слишком суровое наказание за ошибки и слабости великого народа.

“Неприступный Париж, побежденный голодом, больше не в состоянии сдерживать немецкие орды. 28 января столица пала, ее форты сдались врагу. Город все еще остается нетронутым, как бы отвоевываемая своей собственной силой и моральным величием последнюю дань уважения варварству.

“Но, падая, Париж оставляет нам славное наследие своих героических жертв. В течение пяти месяцев лишений и страданий она дала Франции время собраться с силами, создать своих детей, раздобыть оружие, сформировать армии, еще молодые, но доблестные и решительные, которым не хватает только той прочности, которую можно приобрести только опытом. Благодаря Парижу мы держим в наших руках, если только мы будем решительны и патриотичны, все, что необходимо, чтобы отомстить и снова стать свободными.

“Но, как будто злая судьба решила сокрушить нас, нас ожидало нечто еще более ужасное и чреватое большими страданиями, чем падение Парижа.

“Без нашего ведома, ни предупредив нас, ни посоветовавшись с нами, было подписано перемирие, о преступной слабости которого нам стало известно слишком поздно, которое передает в руки пруссаков департаменты, занятые нашими солдатами, и которое обязывает нас ждать три недели, в разгар катастрофических обстоятельств, в которые ввергнута страна, прежде чем может быть собрано национальное собрание.

“Мы отправились в Париж за некоторыми объяснениями, а затем молча ожидали обещанного прибытия члена правительства, которому мы были полны решимости передать наш пост. Как делегаты правительства, мы хотели подчиниться и тем самым доказать всем, друзьям и диссидентам, подавая пример умеренности и уважения долга, что демократия - это не только величайший из всех политических принципов, но и самое скрупулезное из правительств.

“Однако из Парижа никто не прибыл, и необходимо действовать, во что бы то ни стало; вероломные козни врагов Франции должны быть сорваны.

“Пруссия рассчитывает на перемирие, чтобы ослабить и распустить наши армии; она

надеется, что Ассамблея, собравшаяся после столь долгой череды бедствий и находящаяся под впечатлением ужасного падения Парижа, проявит робость и слабость и будет готова заключить позорный мир.

“Именно мы должны расстроить эти расчеты и превратить те самые инструменты, которые готовы сокрушить дух сопротивления, в стимулы, которые должны пробудить и взбудоражить его.

“Давайте превратим это самое перемирие в учебный кодекс для наших молодых войск; давайте используем предстоящие три недели для того, чтобы более усердно, чем когда-либо, продвигать организацию обороны и войны.

“Вместо собрания трусливых реакционеров, которого ожидают наши враги, давайте сформируем собрание, которое будет истинно национальным и республиканским, желающим мира, если мир может обеспечить честь, положение и целостность нашей страны, но способным скорее проголосовать за войну, чем помогать в убийстве Франции.

“ФРАНЦУЗЫ,

Помните, что наши отцы оставили нам Францию, целую и неделимую; давайте не будем предателями нашей истории; давайте не отдадим наши традиционные владения в руки варваров. Кто же тогда подпишет перемирие? Ни вы, легитимисты, которые так доблестно сражались под флагом Республики, защищая древнее королевство Франция; ни вы, сыновья буржуа 1789 года, чья работа заключалась в объединении старых провинций в пакте о неразрывном союзе; ни вы, городские рабочие, чей интеллект и великодушный патриотизм представляют Францию во всей ее силе и величии, лидера современных наций; ни вы, земледельцы, которые никогда не щадили своей крови в защиту Революции, которая дала вам право собственности на вашу землю и ваше звание гражданина. .

“Нет! Не будет найдено ни одного француза, подписавшего этот позорный акт; попытка врага искалечить Францию будет сорвана, ибо, воодушевленные той же любовью к метрополии и стойко переносящие наши невзгоды, мы снова станем сильными и изгоним иностранные легионы.

“Для достижения этой благородной цели мы должны посвятить наши сердца, нашу волю, наши жизни и, возможно, что еще большая жертва, отказаться от наших предпочтений.

“Мы должны сплотиться вокруг Республики, проявить присутствие духа и силу цели; и без страсти или слабости поклясться, как свободные люди, защищать Францию и Республику от всех и вся.

“К оружию!”

Правительство, добившись от г-на де Бисмарка условия, чтобы Национальная гвардия сохранила оружие, надеясь снова завоевать расположение общественности, подобно тому как предлагают погремушку капризному ребенку, чтобы он успокоился; и 3 февраля оно опубликовало новость:

“После самых напряженных усилий с нашей стороны мы добились для Национальной гвардии выполнения условий, ратифицированных конвенцией от 28 января”.

Тремя днями позже, 6 февраля, Гамбетта писал:

“Его совесть не позволила бы ему оставаться членом правительства, с которым он больше не был согласен в принципе”.

Кандидатами, избранными в Париже 8 февраля, были Луи Блан, Виктор Гюго, Гарибальди, Гамбетта, Рошфор, Делеклюз, Пье, Локруа, Флоке, Мильер, Толен, Малон. Провинции, с другой стороны, выбирали своих депутатов из числа реакционной партии, члены которой с тех пор так хорошо известны под названием *сельских жителей*.

Громкий ропот поднялся в рядах Национальной гвардии, когда были опубликованы указы от 18 и 19 февраля об их денежном довольствии; и позже, когда приказ из штаба потребовал, чтобы марширующие роты сдали на государственный склад все свои агитационные принадлежности.

18 февраля г-н Тьер был назначен главой исполнительной власти путем голосования Собрания.

В воскресенье, 26 февраля, площадь Бастилии, на которой последние два дня проходили манифестации в честь февральской революции 48-го года, превратилась в святыню, к которой под звуки музыки маршировали целые батальоны Национальной гвардии, их флаги были украшены гербами свободы и кокардами. Июльская колонна была увешана знаменами и украшена венками из бессмертников. У ее подножия произносились яростные речи, темой которых было отстаивание Республики “на смерть”. Один человек по имени Будайль притворился, что у него есть доказательства предательства правительства в интересах национальной обороны, и пообещал, что представит их в надлежащее время и в надлежащем месте.

До этого момента демонстрации, казалось, приводили только к одному результату — ограничению циркуляции; но вскоре они привели к сценам смятения и беспорядков. К часу дня, когда на вышеупомянутом Месте собралось, возможно, двадцать или тридцать тысяч человек, разъяренная толпа потащила человека, обвиняемого в шпионаже, к реке и, связанного по рукам и ногам, бросила в воду у острова Святого Людовика под дикие крики и проклятия безумцев, чьей добычей он стал.

Ночь на 26-е была очень беспокойной; барабаны били к оружию, а утром 27-го главнокомандующий Национальной гвардией издал воззвание, в котором он обращался к добрым гражданам Парижа и вверял заботу о городе Национальной гвардии. Однако это никак не повлияло на внешний вид площади Бастилии; толпа продолжала неистово аплодировать зажигательным речам социалистической партии, которая поклялась поднять Париж любой ценой.

Июльская колонна, площадь Бастилии.

В тот же день, 27 февраля, правительство уведомило население Парижа о результатах переговоров с Пруссией в следующем заявлении:

“Правительство взывает к вашему патриотизму и вашей мудрости; в ваших руках будущее Парижа и самой Франции. Только тебе решать, спасти или погубить и то, и другое!

“После героического сопротивления голод вынудил вас открыть свои ворота победоносному врагу; армии, которые должны были прийти вам на помощь, были отброшены за Луару. Эти неоспоримые факты вынудили Правительство национальной обороны начать мирные переговоры.

“В течение шести дней ваши переговорщики оспаривали землю шаг за шагом; они делали все, что было в человеческих силах, чтобы добиться менее жестких условий. Они подписали предварительные условия мира, которые вот-вот будут представлены Национальному собранию.

“В течение времени, необходимого для изучения и обсуждения этих предварительных условий, военные действия возобновились бы, и кровь лилась бы снова и бесполезно, без продления перемирия.

“Это продление может быть получено только при условии частичной и очень временной оккупации части Парижа: оно должно быть абсолютно ограничено кварталом Елисейских полей. В город должно войти не более тридцати тысяч человек, и они должны отступить, как только будут утверждены предварительные условия мира, а этот акт может занять всего несколько дней.

“Если бы эта конвенция не соблюдалась, перемирию пришел бы конец: враг, уже овладевший фортами, силой оккупировал бы весь Париж. Ваша собственность, ваши произведения искусства, ваши памятники, которые теперь гарантированы конвенцией, перестанут существовать.

“Несчастье охватило бы всю Францию. Ужасные разрушения войны, которые до сих пор не перешли Луару, распространятся на Пиренеи.

“Тогда абсолютно верно будет сказать, что на карту поставлено спасение Франции. Не подражайте ошибке тех, кто не захотел слушать нас, когда восемь месяцев назад мы призывали их не начинать войну, которая должна быть фатальной.

“Французская армия, которая с таким мужеством защищала Париж, займет левый берег Сены, чтобы обеспечить верное выполнение нового перемирия. Национальная гвардия должна оказать свою помощь, поддерживая порядок в остальной части города.

“Пусть все добрые граждане, которые заслужили честь как его вожди и показали себя такими храбрыми перед врагом, восстановят свою власть, и нынешняя жестокая ситуация будет прекращена миром и восстановлением общественного процветания”.

Этот пункт об оккупации пруссаками Парижа был расценен некоторыми людьми как простое удовлетворение национального тщеславия; но большинство сочло его яблоком раздора, брошенным г-ном де Бисмарком, который имел все основания желать начала гражданской войны, сделав себя таким образом сообщником социалистов и членов Интернационала. Ограничиваясь простым анализом фактов и теми соображениями, которые могут просветить общественное мнение относительно причин событий, мы не позволим увлечь себя обширным полем гипотез, но сохраним скромный характер рассказчиков. В ночь на 27 февраля адмирал, командующий третьей секцией укреплений, заметив враждебное отношение Национальной гвардии, приказал войскам, разоруженным в соответствии с условиями перемирия, отступить в глубь города. Жители Бельвиля воспользовались этим обстоятельством, чтобы разграбить пороховые склады, которые были вверены их попечению, и на следующий день они отправились под звуки барабанов и труб в казармы на улице Пепиньер, чтобы пригласить размещенных там моряков присоединиться к ним в патриотической манифестации в ту ночь. Полагая, что целью было помешать пруссакам войти в Париж, некоторое количество этих храбрых парней, которые так превосходно вели себя во время осады, направились к площади Бастилии, но, будучи встречены по пути некоторыми из своих офицеров, они вскоре отделились от бунтовщиков. Тридцать из них были приглашены на банкет под открытым небом на площади Бастилии; но, видя вероятность беспорядков, почти все они удалились, и на следующее утро на перекличке не хватило только восьми человек. Ни один из шести тысяч морских пехотинцев, размещенных в казармах Военной школы, не отлучился. В тот же день, 28-го, тайное общество, которое, как мы узнали позже, знали и которого боялись, выпустило свой первый циркуляр под названием Центрального комитета национальной гвардии; роль, которую с тех пор играл этот орган, была слишком важной, чтобы мы могли не включить сюда это заявление: его решения стали официальными актами, которые свергли всю установленную власть.

“ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ.

“Граждане,

“Общее мнение населения, по—видимому, состоит в том, чтобы не оказывать никакого сопротивления вступлению пруссаков в Париж. Центральный комитет, который дал противоположный совет, заявляет о своем намерении придерживаться следующих резолюций:—

“Повсюду вокруг кварталов, занятых противником, должны быть возведены баррикады, чтобы полностью изолировать эту часть города. Следует потребовать от жителей ограниченной части немедленно покинуть ее.

“Национальная гвардия совместно с армией должна образовать непрерывную линию по всему периметру и позаботиться о том, чтобы враг, изолированный таким образом на территории, которая больше не принадлежит нашему городу, никоим образом не сообщался ни с одной из других частей Парижа.

“Центральный комитет привлекает Национальную гвардию для оказания помощи в

осуществлении необходимых мер для достижения этого результата и для предотвращения любых агрессивных действий, которые имели бы непосредственный эффект свержения Республики”.

Но вот маленькая предательская табличка, рукописная и анонимная, которая выдержана в гораздо более справедливом тоне:—

Конвенция разрешила пруссакам занять Елисейские поля от Сены до предместья Сент-Оноре и до площади Согласия.

“Да будет так! Чем серьезнее травма, тем страшнее месть.

“Но, если какой-нибудь сводник осмелится пересечь круг нашего позора, пусть его немедленно объявят предателем, пусть он станет мишенью для наших яиц, объектом для нашей нефти, меткой для наших бомб Орсини,^[2] целью для наших кинжалов!

“Пусть это будет рассказано всем.

“По решению Горациев,

“ (Подпись) POPULUS.”

Возбуждение в умах людей было так велико, что вступление пруссаков было отложено на сорок восемь часов, но первого марта, в десять часов утра, они вошли в город, и дым их бивуачных костров был виден на Елисейских полях. Вечером того же дня в телеграмме из Бордо сообщалось, что Национальное собрание ратифицировало предварительные условия мира большинством в 546 голосов против 107. На следующий день бывший министр иностранных дел отбыл в Версаль, и к девяти часам вечера все было подготовлено к эвакуации войск, которая была произведена к одиннадцати часам третьего марта. За короткий период их пребывания город погрузился в настоящий траур; общественные здания (даже Биржа) были закрыты, как и магазины, склады и большая часть кафе. На окнах висели черные флаги или триколор, обтянутый черным крепом, а вуали из того же материала скрывали лица статуй^[3] на площади Согласия.

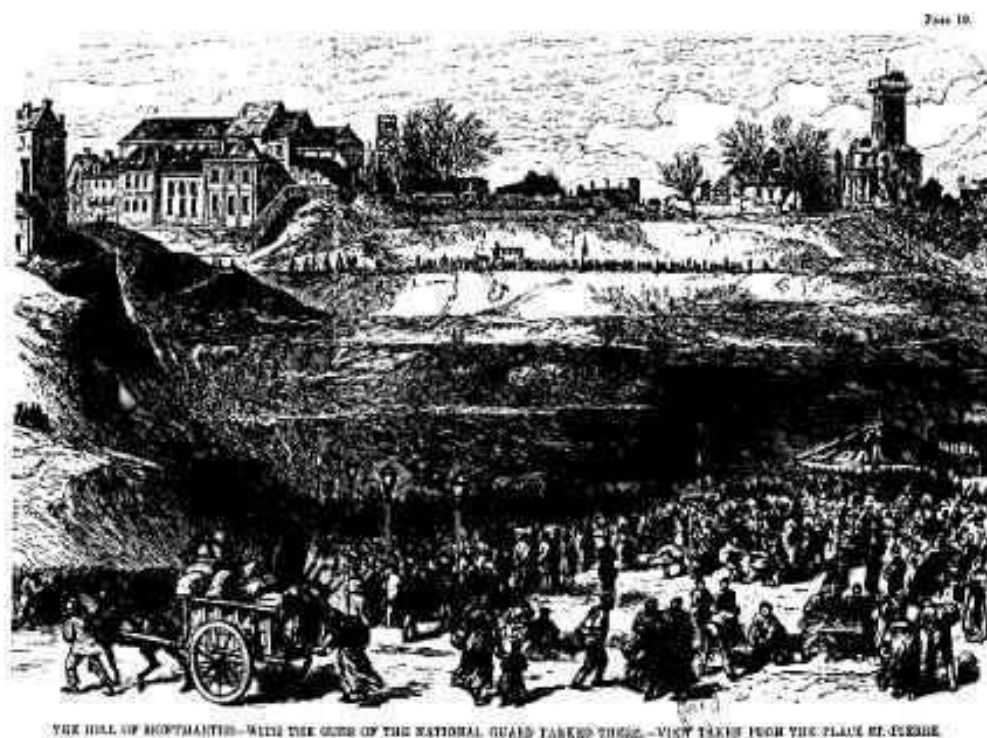
Все эти демонстрации носили, однако, мирный характер, и присутствие противника в Париже не привело к серьезным инцидентам.

Тем не менее, волнение общественного сознания не улеглось; некоторые приписывали это заговору, подготовленному социалистами и достигшему зрелости. Другие считали, что пруссаки оставили позади себя эмиссаров, сеющих беспорядки, в отместку за прием, оказанный им на площади Согласия. По правде говоря, их появление было каким угодно, только не триумфальным; их национальный вид был встречен свистом; их офицеров освистывали, когда они прогуливались по Тюильри, а те, кто пытался посетить Лувр, были вынуждены ретироваться, не удовлетворив своего любопытства. Вечером 3 марта в ноте, поступившей из Министерства внутренних дел, в следующих выражениях указывалось на опасность, которой следует опасаться со стороны Центрального комитета:

“За последние несколько дней произошли инциденты самого прискорбного характера, которые серьезно угрожают спокойствию столицы. Некие вооруженные национальные гвардейцы, выполняя приказы не своих законных начальников, а анонимного Центрального комитета, который не мог дать им никаких инструкций, не совершив преступления, строго караемого законом, завладели значительным количеством оружия и боеприпасов под предлогом спасения их от врага, вторжения которого они якобы опасались. Подобные действия должны были, во всяком случае, прекратиться после ухода прусской армии. Но это не так, потому что сегодня вечером в караульное помещение "Гобеленов" ворвались и украли несколько патронов.

“Те, кто провоцирует эти беспорядки, навлекают на себя самую ужасную ответственность; именно в тот момент, когда город Париж, избавленный от контактов с иностранцами, желает вновь обрести свои привычки к спокойствию и трудолюбию, эти люди сеют смуту и готовят гражданскую войну. Правительство обращается ко всем добропорядочным гражданам с просьбой помочь в подавлении в зародыше этих преступных проявлений.

“Пусть восстанут все, кому дороги честь и покой города; пусть Национальная гвардия, отражая все вероломные наущения, сплотится вокруг своих офицеров и предотвратит зло, последствия которого будут неисчислимы. Правительство и главнокомандующий (генерал д'Орель де Паладин, назначенный в тот же день М. Тьера главному командованию Национальной гвардии) полны решимости энергично выполнять свой долг; они приведут в исполнение законы; они рассчитывают на патриотизм и преданность всех жителей Парижа”.

Холм Монмартр с припаркованными там орудиями Национальной гвардии. Вид сделан с площади Сен-Пьер.

Действительно, пришло время положить конец существующему положению дел, поскольку повстанцы уже располагали двадцатью шестью орудиями, которые сформировали постоянный артиллерийский парк на площади Италии, и вот что представляли собой Холмы Монмартра шестого марта, как их описал очевидец:

“Высоты превратились в настоящий лагерь. Три или четыре сотни национальных гвардейцев, частично принадлежащих к 61-му и 168-му батальонам, несут там охрану днем и ночью и регулярно сменяют друг друга, как старые участники боевых действий. У них есть два барабанщика и четыре трубача, которые бьют по канату или объявляют атаку всякий раз, когда их берет фрик, и никто не знает, почему и зачем. Офицеры в широких красных ремнях, высоких сапогах и с длинными шпагами, волочащимися за ними, расхаживают по Залу с трубками или сигарами в руках. Они презрительно поглядывают на прохожих и кажутся почти подавленными важностью высокой миссии, которую, как они воображают, призваны выполнить.

“Вот в чем состоит их миссия: в момент вступления пруссаков в Париж Национальная

гвардия Монмартра, опасаясь, что у них отберут артиллерию для передачи врагу, собрала и перетащила свои орудия, числом около двадцати, на плато, образующее вершину Монмартра, а затем поставила их во главе особого караула. Теперь, когда пруссаки ушли, они все еще удерживают свою крепость, думая использовать ее для защиты Республики от нападений реакционеров. Орудия направлены в сторону Парижа, и охрана не ослабевает ни на минуту. Есть четыре основных поста, самый важный из которых находится у подножия холма, на площади Сен-Пьер. Гвардейцы расположились бивуаком под открытым небом, их мушкеты сложены стопкой и всегда наготове. На углу каждой улицы выставлены часовые, в большинстве своем парни шестнадцати-семнадцати лет; но они настроены совершенно серьезно и обращаются с прохожими достаточно грубо.

“Все улицы, которые выходят на площадь Сен-Пьер, перекрыты баррикадами из брусчатки. Самое важное представляло собой перевернутую телегу, наполненную огромными камнями, и с поднятым на вершине красным флагом

. Вокруг царила гробовая тишина. Прохожих было всего несколько, и никого, кроме национальных гвардейцев с ружьями на плечах”.

Часовые на Монмартре

Бульвар Клиши и бульвар Рошешуар выглядят совершенно по-разному. Кафе переполнены людьми, открыты концертные залы. Мужчины и женщины спокойно проходят взад и вперед, не обращая внимания на направленные на них пушки.

Правительство, прежде чем приступить к активным мерам, воззвало к здравому смыслу народа в прокламации, датированной 8 марта, заявив, что замена законной власти тайной

задержит эвакуацию противника и, возможно, подвергнет нас бедствиям еще более масштабным и ужасным.

“Давайте спокойно посмотрим в лицо нашей позиции. Мы были завоеваны; почти половина нашей территории оказалась во власти миллиона немцев, которые наложили на нас штраф в размере пяти миллиардов долларов. Наш единственный способ выполнить этот тяжелый долг - это строжайшая экономия, самое примерное поведение и забота. Мы не должны терять ни минуты, прежде чем браться за работу, которая является нашей единственной надеждой. И в этот ужасный момент наша жалкая глупость приведет нас к гражданской войне?..

“Если, пока они встречаются для переговоров с врагом, нашим участникам переговоров есть чего опасаться, они сломаются, как это было 31 октября, когда события в Отель-де-Виль вынудили врага отказаться нам в перемирии, которое могло бы спасти нас”.

Такая форма рассуждения не была нелогичной, но те, кто тайно работал для удовлетворения своих собственных амбиций, не очень-то стремились к убеждению, и их мирмидонцы слепо подчинялись им и злорадствовали над диким, напыщенным языком демагогической прессы, который, хотя они его и не понимали, производил на них не меньшее впечатление своими раздутыми фразами.

Правительство, понимая, что, возможно, потребуются применить строгие меры, отдало приказ ускорить прибытие остальной армии Севера.

Через несколько дней после 18 марта они решили нанести решительный удар Демократической партии, сразу подавив *Мстителя*, *Орденосца*, *Критиков народа*, *Карикатуру*, *Отца Дюшенна* и *Буш де Фер*.

У национальных гвардейцев была настоящая мания коллекционирования пушек; после того, как они поставили на батарею митральезы и семизарядные патроны, полученные по патриотическим подпискам, они также захватили другие, принадлежащие государству, и унесли их на Холмы Монмартра, где у них было около сотни орудий. Речь шла о возвращении этой артиллерии. Пока они в Версале были заняты решением проблемы, Национальные гвардейцы продолжали свои манифестации на площади Бастилии, с триумфом перетаскивая эти артиллерийские орудия с Марсова поля на Люксембургское, из парка Монруж в Нотр-Дам, с площади Вогезов на площадь Италии и с холмов Монмартра на холмы Шомон.

Прежде чем применить силу, правительство пожелало предпринять последнюю попытку примирения, и 17 марта на стенах было вывешено следующее воззвание:—

“ЖИТЕЛИ ПАРИЖА,

“Мы еще раз обращаемся к вам, к вашему разуму и вашему патриотизму и надеемся, что вы прислушаетесь к нам.

“Ваш великий город, который не может жить без порядка, испытывает серьезные проблемы в некоторых своих кварталах, и этих проблем, не распространяясь на другие части, тем не менее достаточно, чтобы предотвратить возвращение промышленности и комфорта.

“В течение некоторого времени несколько опрометчивых людей под предлогом сопротивления пруссакам, которых больше нет в наших стенах, объявили себя хозяевами части города, возвели окопы, выставили там охрану и заставляют вас делать то же самое, все по приказу секретного комитета, который берет на себя командование частью Национальной гвардии, тем самым отвергая власть генерала д'Ореля де Паладина, столь достойного быть во главе вас, и хотел бы сформировать правительство в противовес тому, которое существует законно, порождение всеобщего избирательного права.

“Эти люди, которые уже причинили вам столько вреда, которых вы сами разогнали 31 октября, объявляют о своем намерении защитить вас от пруссаков, которые только появились в наших стенах, и чей решительный отход задерживается этими беспорядками и наведением пушек, которые, если выстрелят, только разрушат ваши дома и убьют ваших жен и вас самих; фактически, компрометируя саму Республику, которую они якобы защищают; ибо, если во Франции утвердится мнение, что Республика является необходимым спутником беспорядков, Республика будет потеряна. Не возлагайте на них никакого доверия, но выслушайте правду, которую мы говорим вам со всей искренностью.

Правительство, созданное всей нацией, могло бы до этого вернуть эти украденные ружья, которые в настоящее время угрожают только вашей безопасности, захватить эти нелепые укрепления, которые не мешают ничему, кроме бизнеса, и передать в руки правосудия преступников, которые без колебаний развязывают гражданскую войну сразу после этого с иностранцами, но оно хотело дать тем, кто был введен в заблуждение, время отделиться от тех, кто их обманул.

“Однако время, отпущенное благородным людям на то, чтобы отделиться от других, и которое вычитается из вашего спокойствия, вашего благополучия и благополучия Франции, не может быть продлено бесконечно.

“Пока длится такое положение вещей, торговля приостановлена, ваши магазины опустели, заказы, которые поступали бы отовсюду, приостановлены; ваше вооружение бездействует, кредит не может быть восстановлен, капитал, который требуется правительству, чтобы избавить территорию от присутствия врага, поступает в руки, но медленно. В ваших собственных интересах, в интересах вашего города, а также в интересах Франции правительство намерено действовать. Виновные, которые претендуют на создание собственного правительства, должны быть переданы в руки правосудия. Украденное у государства оружие должно быть заменено в арсеналах; и для того, чтобы осуществить этот акт справедливости и разума, правительство рассчитывает на вашу помощь.

“Пусть все хорошие граждане отделятся от плохих; пусть они помогают общественным силам, а не противостоят им; таким образом, они ускорят возвращение комфорта в город и окажут услугу самой Республике, которую беспорядок губит во мнении Франции.

“Парижане! Мы обращаемся к вам на этом языке, потому что уважаем ваш здравый смысл, вашу мудрость, ваш патриотизм; но, поскольку это предупреждение сделано, вы должны одобрить то, что мы прибегли к силе любой ценой и без промедления, чтобы порядок, единственное условие вашего благополучия, был восстановлен полностью, немедленно и без изменений”.

Как только партия беспорядков увидела намерения версальского правительства, изложенные таким образом, раздался хор взаимных обвинений: “Они хотят покончить с Республикой!” — “Они собираются стрелять в наших братьев!” — “Они хотят посадить короля” и т. Д. Одно и то же напряжение навсегда! Чтобы предотвратить, насколько это возможно, пагубные последствия этой повстанческой пропаганды, правительство выпустило следующую прокламацию, датированную 18 марта:

“НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ ПАРИЖА!” —

За границей распространяются абсурдные слухи о том, что правительство замышляет *государственный переворот*.

“Правительство Республики не имеет и не может иметь никакой другой цели, кроме благополучия Республики.

“Принятые меры были необходимы для поддержания порядка; он был и остается преисполненным решимости положить конец повстанческому комитету, члены которого, почти все неизвестные населению Парижа, проповедующие только коммунистические

доктрины, предадут Париж разграблению и сведут Францию в могилу, если Национальная гвардия и армия не поднимутся единодушно на защиту страны и Республики”.

Правительство неоднократно вело переговоры с восставшими национальными гвардейцами на Монмартре; в какой-то момент прошел слух, что оружие сдано. Оказалось, что хранители этой артиллерии проявили некоторое намерение восстановить ее, лошади даже были отправлены без какой-либо военной силы, чтобы вызвать недоверие, но люди заявили, что они не доставят орудия, кроме как в батальоны, которым они по праву принадлежали. Была ли здесь недобросовестность? или те, кто давал обещание, обязались доставить шкуру до того, как они убили медведя.

Общественное мнение в целом сформировалось примерно в следующей форме: “Если они обманывают друг друга, это не очень опасно!”

Многие честные граждане легли спать семнадцатого марта, полные надежд. Он видел, как Париж быстрыми шагами приближается к восстановлению своего бизнеса и возвращению к своему обычному облику; эмигранты и иностранцы придут толпами, их карманы будут переполнены золотом, чтобы совершать покупки и обеспечивать промышленность Парижа контрибуциями. Французские и иностранные банкиры будут соперничать друг с другом в выплате контрибуции в размере пяти миллиардов.

Мечта доброго мсье Прюдомма^[4] была, однако, несколько омрачена видом ошетинившихся пушками холмов Монмартра; но число охранников настолько уменьшилось, и они, казалось, так устали от этого дела, что казалось, они вот-вот уйдут навсегда. Следующая глава расскажет вам, о чем думали парижане, проснувшись утром восемнадцатого марта.

ГЕНИЙ КРАСНОГО ФЛАГА.

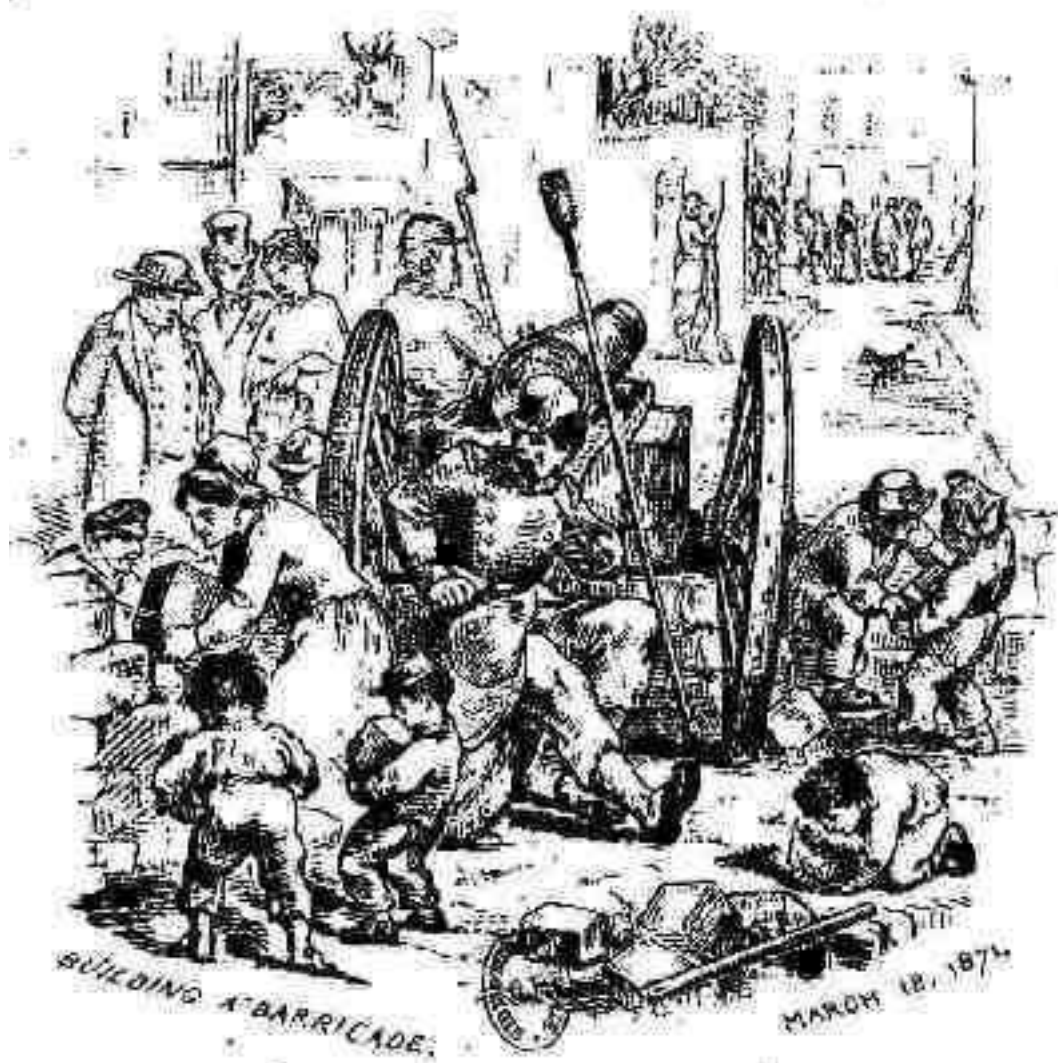
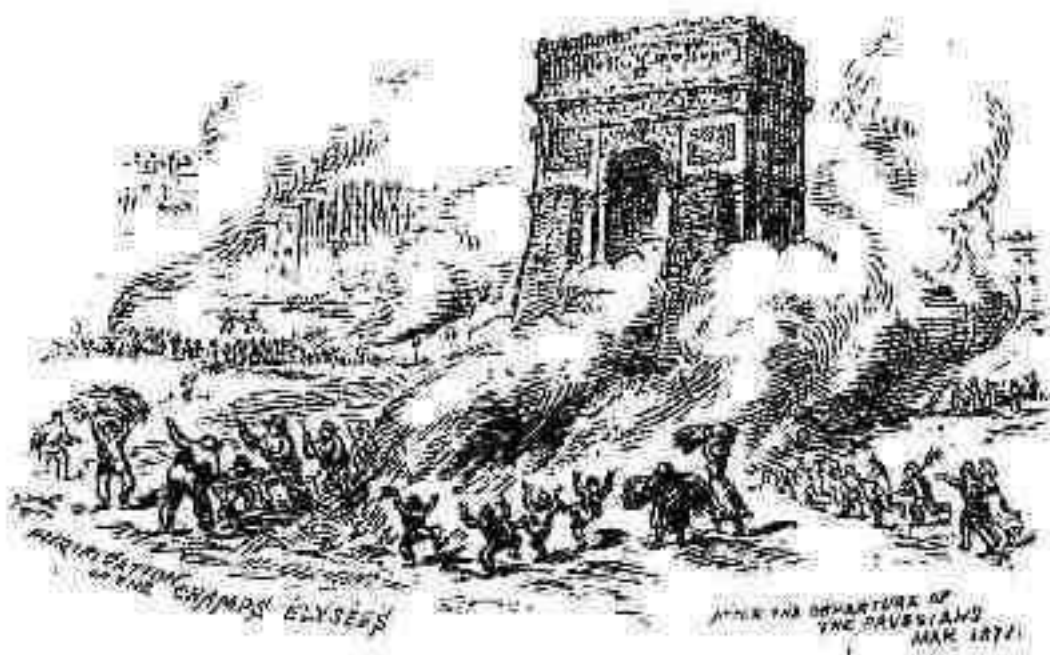
ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Мемуары, см. [Приложение I](#).

[2] Незадолго до этого полиция изъяла в Париже десять тысяч бомб Орсини и сотни других бомб новой конструкции, заряженных гремучей ртутью.

[3] Восемь гигантских женских фигур, представляющих главные города Франции: Страсбург, Лилль, Мец и др.

[4] “Жозеф Прюдом” - типичный представитель парижского среднего класса (*буржуа*); честный простой отец семейства, миролюбивый, но патриотичный, гордящийся своей страной и готовый умереть за нее.

Очищение Елисейских полей — После ухода пруссаков в марте 1871 г.
Строительство баррикады. 18 марта 1871 года.

Я.

Listen! Что это значит? Это кратковременный шквал или первый порыв бури? Связано ли это с природой или с волей человека; это выход или наступление революции, которая должна все перевернуть?

Таковы были мои размышления, когда 18 марта 1871 года около четырех часов утра я был разбужен шумом, вызванным топотом множества ног. Из моего окна, в мрачном белом тумане, я мог видеть отряды солдат, медленно проходящих под стенами, завернувшись в свои серые плащи; в это время шел мелкий моросящий дождь. В полудреме я спустился на улицу как раз вовремя, чтобы допросить двух солдат, проходивших сзади.

“Куда вы направляетесь?” — спросил я. “Мы не знаем”, - говорит один. “В отчете говорится, что мы направляемся на Монмартр”, - добавляет другой.^[5] Они действительно собирались на Монмартр. В пять часов утра 88-й линейный полк занял вершину холма и ведущие к нему улочки, место, несомненно, знакомое некоторым из них, которые по воскресеньям и в праздничные дни карабкались по склонам холма в компании деревенщин с яблоневыми лицами с окраин и представителей среднего класса квартала; принимая участие в толпе на площади Сен-Пьер с ее играми и увеселениями, и “помогая”, как они сказали бы, в стрельбе из бочки, восхищаясь способностями одних и понося глупость других. когда у них в карманах появлялось несколько су, они пробовали свои силы в забрасывании больших мячей в пасти фантастических чудовищ, нарисованных на квадратной доске, в то время как их деревенские друзья грызли пряные орешки и находили их вкусными. Но этим утром 18 марта на площади Сен-Пьер нет ни женщин, ни пряностей, ни спорта: кругом слякоть и грязь, а очереди неважные - мужчины вынуждены стоять непринужденно, опершись на руки, не в лучшем расположении духа из-за погоды или открывающихся перед ними перспектив.

Ах! а пушки Национальной гвардии, которые хмуро смотрят из своих амбразур на вершине холма, использовались ли они против пруссаков? Нет! о них не было слышно ни слова во время осады, и их слышали только в те дни, когда их окрестили и за них заплатили; элегантные вещи, едва ли почерневшие от пороха, которые, как всегда надеялись, будут мирными и никогда не будут опасны для столицы. Жестокая ирония! те ружья, за которые заплатил Париж, и те американские митральезы, сделанные из сбережений как богатых, так и бедных, из фартингов бережливых домохозяек и наполеонов миллионеров; вклады художников, которые проектировали, и поэтов, которые писали, разрушают Париж, вместо того чтобы защищать его. Медные рты, которые ели хлеб человечества, обращены против самой нации, чтобы пожрать и ее тоже.

Но, возвращаясь к 88-му линейному полку, забрали ли они оружие? Да, но они снова его отдали, и кому? да еще для толпы женщин и детей; а что касается вождей, то, казалось, никто не знал, что с ними стало. Однако рассказывают, что генерал Леконт был взят в плен и доставлен в Шато-Руж, и что в девять часов несколько африканских егерей довольно энергично атаковали на площади Пигаль отряд национальной гвардии, который ответил залпом пуль. Офицер егерского полка был застрелен, и его люди разбежались, большая часть, как говорят, в винные лавки, где они братались с патриотами, которые предлагали им выпить. На месте мне сообщили, что генерал Виноа, который был верхом на лошади, попал в окружение толпы женщин, в него бросили камень и кепку^[6], и он счел благоразумным сбежать, предоставив национальным гвардейцам и линейным судьям прогуливаться в дружбе по трое в ряд, рассредоточившись по внешним бульварам и по всему Парижу. Действительно, я только что видел пьяную пару, полную вина и дружбы, сильно напоминающую дуэль, закончившуюся веселым завтраком. И кто в этом виноват? Никто не

знает. Все согласны, что это ошибка, вызванная плохим управлением и отсутствием такта. Конечно, Национальная гвардия на Монмартре не имела права удерживать пушки, принадлежащие Национальной гвардии, как единому целому, или угрожать возрождающейся торговле и спокойствию Парижа посредством оружия, направленного против его мирных граждан и правительственных чиновников; но было ли необходимо прибегать к насилию, чтобы завладеть пушками? Не следует ли сначала исчерпать все средства примирения и не можем ли мы надеяться, что горожане на Монмартре сами в конце концов бросят артиллерийские орудия^[7], которые они с трудом защитили. На самом деле, они были перегружены своими собственными баррикадами, и они могли бы взять на себя восстановление своих улиц и наведение порядка.

Господин Тьер и его министры были иного мнения. Они предпочитали действовать, и энергично. Очень хорошо! но когда принимаются решения, человек должен быть уверен в их выполнении, поскольку в обстоятельствах такой важности неудача сама по себе делает попытку ошибкой.^[8]

Чтож! правительство заявило, что кто бы мог вообразить, что шеренга вскинет приклады своих мушкетов,^[9] или что егеря, потеряв одного офицера, повернутся спиной к гражданам и что их единственными делами будут обильные пометки за счет повстанцев? Но как могло быть иначе? Не прошло и нескольких дней с тех пор, как солдаты праздно бродили по улицам вместе с национальной гвардией; были расквартированы среди народа, ели его суп и болтали со своими родственниками и дочерьми, непривычные к дисциплине и строгости военной организации; обессиленные поражением, поскольку их офицеры поддерживали иллюзию своей непобедимости; раздраженные своей формой, которой они перестали гордиться, униженные солдаты пытались сбежать на гражданку. Неужели командующие офицеры не знали о преобладающем духе войск? Должны ли мы признать, что они были грубо обмануты или что они обманули правительство, когда последнее могло и должно было быть в состоянии предвидеть результат? Возможно, Собрание имело право принуждать, но они не имели права не знать о своей власти. Они должны были знать, что 100 000 единиц оружия (шассепоты, табатьерки,^[10] и мушкеты) были в руках недовольных людей, бряцали по полу у торговцев фальсифицированными винами и спиртными напитками и в низкопробных кабаре. Дело в том, что правительство совершило прыжок в неизвестность и удивилось, когда оказалось в трудном положении.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[5] Приложение, примечание 2.

[6] Знак оскорбления.

[7] Над этой бесполезной артиллерией много смеялись; шутники говорили, что нотариус генерала Трошю добросовестно претворял в жизнь “план” своего прославленного клиента в этих запоздалых укреплениях.

[8] Как должно было действовать правительство перед лицом этих фактов; ждать событий или нанести сильный удар?

Некоторые считают, что сопротивление повстанцев было усилено мерами, принятыми правительством, которое должно было быть более дипломатичным и умелым. Волнение жителей Монмартра при вступлении пруссаков улеглось за несколько часов; теперь долгом правительства было смягчить раздражение, которое побудило повстанцев создать свою крепость на Монмартре, а не следовать советам разъяренных реакционеров, которые не принимают во внимание события и обстоятельства, не анализируя элементы того, с чем они

борются, и не взвешивая меры, которые они даже не знают, как тактично применить.

Орудия не были возвращены, но в Париже было очень спокойно. Разногласия вспыхнули в Комитете Монмартра, некоторые из членов которого хотели, чтобы пушка была возвращена (Комитет заседал в доме № 8 по улице Розье, с военным трибуналом, с одной стороны, и военной штаб-квартирой, с другой). Теперь опасность, казалось, была предотвращена, и властям оставалось только одно - дать угаснуть всем волнениям, не прислушиваясь к слепым или вероломным советчикам, которые выступали за систему немедленных репрессий. Было сказано, однако, что большее число членов правительства были склонны к выжиданию, но временное назначение генерала Валентена на должность руководителя префектуры полиции, казалось, противоречило этому утверждению.

В это время лидеры, удерживавшие Монмартр, подстегиваемые окружающими их честолюбцами и теми, кто желал разжечь гражданскую войну ради незаконных выгод, которые можно было получить от нее, готовили манифестацию, которая заключалась в том, чтобы потребовать от Национальной гвардии права избирать своего главнокомандующего; и этот пост должен был быть предложен Менотти Гарибальди. Но хотя жители Монмартра заявили, что все, кто не подписал манифесты, были предателями, адреса остались почти полностью пустыми. Очевидно, что у восстания было мало сторонников. По другим данным, восстание 1871 года было результатом обширного заговора, спланированного и возвращенного под влиянием шестимесячной осады. Не простой парижский эмут, а грандиозное общественное движение, организованное великой и универсальной революционной державой; Международное общество, гарибальдизм, мадзинизм и фенианство назначили друг другу свидание в Париже. Кюзере, американец; Франкель, пруссак; Домбровский, русский; Брауншвейг, литовец; Романелли, итальянец; Околовиц, поляк; Спиллторн, бельгиец; и Сесилия, Вроблевский, Венцель, Герцфель, Бозиский, Синек, Проловиц и сотня других, столь же прославленных, собравшихся со всех концов земного шара; таковы были эти пылкие заговорщики, все проникнутые, подобно их коллегам Флурансам, религиозным духом. Эды, Анри, Дювали и *тутти куанти*, с принципами французской школы демократии и социализма.

Нам говорят, что эта сильная и ужасная банда находится под командованием вождя, который остается скрытым и немым, в то время как якобы она подчиняется Пятсу, Делеклюзу и Рошфурту, политикам, которые, не будучи генералами, никогда не снисходят до сражения.

В первые дни марта все было подготовлено к грядущему взрыву, и, несмотря на уход пруссаков, Социалистическая партия решила, что он должен произойти. (*Guerre des Communeux*, p. 61.)

[9] Знак того, что они отказались сражаться.

[10] гладкоствольный мушкет, выполненный в виде затвора и называемый табакеркой из-за способа открывания затвора для регулировки заряда.

II.

В три часа дня на одной из улиц, граничащих с Елисейским полем - Монмартре, - собралась плотная группа лайнсменов и националистов. Человек, рассказавший нам это, не помнил названия улицы, но люди горячо обращались к толпе с речью, говоря о генерале Леконте и о том, что он дважды приказывал войскам стрелять по гражданскому ополчению.

“И то, что он сделал, было правильно”, - сказал пожилой джентльмен, который слушал.

Слова, которые не успели быть произнесены, как вызвали поток проклятий со стороны окружающих. Но он продолжал замечать, что генерал Леконт действовал только по приказу своего начальства; когда ему приказали взять оружие и разогнать толпу, его единственным долгом было повиноваться.

Поскольку эти замечания были восприняты отнюдь не дружелюбно, враждебность к незнакомцу возросла, когда к нему подошел вивандиер и, глядя прямо в лицо джентльмену, подвергнувшемуся ярости толпы, воскликнул: “Это Клеман Тома!” И на самом деле это был генерал Клеман Тома; он был не в форме. Поток оскорблений разом разразился сотней голосов, и гнев толпы, казалось, вот-вот перерастет в насилие, когда какой-то негодяй выкрикнул: “Вы защищаете негодяя Леконта! Что ж, мы соединим вас обоих, и вы будете красивой парой!” и, когда этот проект был одобрен, генерала поспешили, не без того, что ему пришлось подвергнуться новым оскорблениям, туда, где с утра находился генерал Леконт.

С этого момента собранный мною рассказ лишь немногим отличается от того, что распространялось по Парижу.

Около четырех часов пополудни два генерала были выведены из тюрьмы сотней национальных гвардейцев, руки генерала Леконта были связаны вместе, в то время как руки Клемана Тома были свободны. Таким образом, их сопроводили на вершину холма Монмартр, где они остановились перед домом № 6 по улице Розье: это маленький домик, который я часто видел, мирное и удобное жилище с садом перед домом. Что происходило в нем, возможно, никогда не будет известно. Именно там Центральный комитет Национальной гвардии проводил свои заседания в полном составе? или их представляли несколько его членов? Многие люди думают, что дом не был занят и что национальные гвардейцы провели своих заключенных в его стены, чтобы заставить толпу поверить, что они идут на суд, или, по крайней мере, создать видимость законности совершения преднамеренных действий. В одном остается мало сомнений, а именно в том, что в это время вокруг стояли линейные солдаты и что суд, если таковой вообще имел место, был недолгим: осужденного отвели в обнесенное стеной помещение в конце улицы.

Отель де Виль, укрепленный Национальной гвардией, март 1871 года.

Строительство Парижской Ратуши, ставшей свидетелем Стольких национальных церемоний и республиканских триумфов, было начато в 1533 году и закончено в 1628 году. Здесь Первый

бурбон, Генрих IV, праздновал Свое вступление в Париж после осады 1589 года, а мэр Байи 17 июля 1789 года представил Людовика XVI. К народу, с трехцветной кокардой. Генрих IV. Стал католиком, чтобы въехать в “свой добрый город Париж”, в то время как Людовик XVI. Носил демократические знаки отличия, чтобы сохранить их. Несколько дней спустя 172 члена секций, представляющие муниципалитет Парижа, учредили Коммуну. Отель-де-Виль был резиденцией Первого комитета общественной безопасности, и из Зеленой палаты Робеспьер управлял Конвентом и Францией до своего падения 9 Термидора. С 1800 по 1830 год местом Политических манифестаций были праздники. В 1810 году Бонапарт принимал здесь Марию-Луизу; в 1821 году Здесь праздновалось крещение герцога Бордоского; в 1825 году были даны праздники герцогу Ангулемскому по возвращении из Испании и Карлу X., прибывшему из Реймса. Пять лет спустя, с того же балкона, где Байи представлял Людовика XVI. Обращаясь к народу, Лафайет, стоявший рядом с Луи Филиппом, сказал: “Это лучшая из республик!” Именно здесь, в 1848 году, де Ламартин Мужественно заявил Разъяренной толпе, что, пока он жив, Красный флаг Не должен быть флагом Франции. В Роковые июньские дни 1848 года Отель-де-Виль был спасен от разрушения только благодаря Бесстрашию Нескольких храбрецов. Королева Англии была принята здесь в 1865 году, и с тех пор здесь чествовали монархов, посетивших Париж. 4 сентября была Провозглашена Бескровная революция; а 31 октября 1870 года и 22 января 1871 года Флуранс и Бланки предприняли бесплодную попытку заменить трехцветный флаг Красным; но их сторонники добились успеха 18 марта, когда город был укреплен и стал Штаб-квартирой коммуны 1871 года.

Как только они остановились, офицер Национальной гвардии схватил генерала Клемана Тома за воротник пальто и несколько раз сильно встряхнул его, воскликнув, приставив дуло револьвера к его горлу: “Признайтесь, что вы предали Республику”. На это месье Клеман Тома лишь пожал плечами; после этого офицер удалился, оставив генерала одного перед стеной, а напротив него шеренгу солдат.

Кто подал сигнал к стрельбе, неизвестно, но воздух сотрясла очередь из двадцати мушкетов, и генерал Клеман Тома упал лицом на землю.

“Теперь ваша очередь”, - сказал один из убийц, обращаясь к генералу Леконту, который немедленно выступил из толпы, перешагнув через тело Клемана Тома, чтобы занять его место, ожидая, прислонившись спиной к стене, рокового момента.

- Огонь! - крикнул офицер, и все было кончено.

Полчаса спустя на улице Акаций я встретил пожилую женщину, которая просила три франка за пулю — пулю, которую она извлекла из штукатурки стены в конце улицы Розье.

III.

Сейчас десять часов вечера, и если бы я не был так устал, я бы пошел в Отель-де-Виль, который, как мне сказали, захвачен Национальной гвардией; 18 марта продолжается 31 октября. Но события этого дня так утомили меня, что я едва ли могу описать все, что видел и слышал. На внешних бульварах винные лавки переполнены подвыпившими людьми, пьяными хвастунами, которые хвастаются, что совершили революцию. Когда insult успешен, находится множество негодяев, готовых сказать: “Я сделал это”. Выпивка, песни и разговоры - в порядке вещей. На каждом шагу вы натываетесь на “грудю оружия”. На углу пассажа Элизе-де-Боз-Ар я встретил толпы людей, некоторые лежали на земле; здесь батальон стоял непринужденно, но готовый к маршу; а у входа на улицы Бланш и Фонтен

было несколько камней, зловеще поставленных один на другой, что указывало на признаки баррикады. На улице Аббатис я насчитал три пушки и митральезу, угрожавшие улице Мучеников. На улице Акаций был арестован человек, и национальные гвардейцы вели его на гауптвахту: я слышал, что он был вором. Такие аресты характерны для парижского эмигранта. Несмотря на эти маленькие сценки, беспорядок не чрезмерен, и, если бы не множество людей в военной форме, можно было бы подумать, что это вечер народного праздника; победители развлекаются.

Часовые, улица Валь-де-Грас и бульвар Сен-Мишель

Сегодня вечером среди федералов очень мало лайнсменов; возможно, они отправились в свои казармы, чтобы насладиться супом и хлебом.

На главных бульварах шумные группы комментируют события прошедшего дня. На углу улицы Друо офицер 117-го батальона громким голосом читает, или, скорее, декламирует, поскольку он знает все это наизусть, воззвание месье Пикара, официальную афишу дня.

“Правительство обращается к вам с просьбой защитить ваш город, ваш дом, ваших детей и вашу собственность.

“Какие-то обезумевшие люди под командованием неизвестных вождей направляют против Парижа орудия, защищенные от пруссаков.

“Они противопоставляют силу Национальной гвардии и армии.

“Вы потерпите это?

- Неужели вы на глазах у чужеземцев, готовых воспользоваться нашими разногласиями, оставите Париж на растерзание мятежникам?

“Если вы не погасите это в зародыше, Республика и Франция будут разрушены навсегда.

“Их судьба в ваших руках.

“Правительство желает, чтобы вы энергично держали свое оружие, чтобы поддерживать закон и уберечь Республику от анархии. Соберитесь вокруг своих вождей; это единственное средство избежать разорения и господства чужеземцев.

- Министр внутренних дел,
ЭРНЕСТ ПИКАР.

Толпа слушала со вниманием, два или три раза прокричала “К оружию!”, а затем разошлась — я на мгновение подумал, чтобы вооружиться, хотя на самом деле это было только для того, чтобы усилить другую группу, формирующуюся на другой стороне дороги.

В этот день "Друзья порядка" были очень апатичны, настолько, что Париж разделен между двумя партиями: одной активной, а другой пассивной.

Честно говоря, я не знаю, что могло сделать население Парижа, чтобы противостоять восстанию. “Соберитесь вокруг своих вождей”, - говорится в воззвании. Это легче сказать, чем сделать, когда мы не знаем, что с ними стало. Раскол, вызванный в Национальной гвардии Государственным переворотом Центрального комитета, имел своим следствием дезорганизацию всего командования. Кто должен был отличать и где найти офицеров, оставшихся верными делу порядка?

Это правда, что они протрубили “спуск”^[11] и избили “генерала”;^[12] но кто командовал этим? Было ли это обычное правительство или революционный комитет?

Не один добропорядочный гражданин был готов исполнить свой долг; но, надев форму и застегнув ремень, он почувствовал себя очень озадаченным, опасаясь помочь антанте вместо того, чтобы укрепить защитников закона. Поэтому мирные граждане-солдаты не обращали внимания на зов трубы и барабана.

Разумно оставаться дома, когда не знаешь, куда идти. Кроме того, линия не ответила, а дурные примеры заразительны; более того, справедливо ли требовать от отцов семейств, от купцов и ремесленников, фактически от солдат по необходимости, усилий, перед которыми отступают профессиональные солдаты? Дело в том, что правительство бежало. Возможно, несколько министров все еще оставались в Париже, но основная часть отправилась на Ассамблею в Версаль.

Я не осуждаю их несколько поспешный отъезд,^[13] возможно, это было необходимо; тем не менее мне кажется, что их присутствие положило бы конец нерешительности со стороны робких людей.

Тем временем кафе от "Мадлен" до "Гимнастки" были переполнены щеголями и бездельниками обоего пола. На внешних бульварах они напивались, а на внутренних - навеселе, разница заключалась лишь в качестве выпиваемых напитков.

Какой необыкновенный народ французы!

ПРИМЕЧАНИЯ:

^[11] Перекличка.

^[12] Сборный клич во время опасности, победить который можно только приказом вышестоящего начальника, исходящим от главнокомандующего в крепости или гарнизонном городке.

[13] Парижская армия была отведена к Версалю в ночь на 18 марта, а 19-го сотрудники всех министерств и государственных учреждений покинули Париж в том же направлении.

19 марта, уже в восемь часов утра, г—н Тьер направил властям всех департаментов следующий циркуляр:

“Все правительство собралось в Версале: Национальное собрание также соберется там.

“Армия численностью в сорок тысяч человек была собрана там в хорошем порядке под командованием генерала Виоля. Туда прибыли все военачальники армии и все гражданские власти.

“Гражданские и военные власти не будут выполнять никаких других приказов, кроме тех, которые отданы законным правительством, проживающим в Версале, под страхом увольнения.

“Ко всем членам Национального собрания обращается просьба поторопиться с возвращением, чтобы присутствовать на заседании 20 марта.

“Настоящее сообщение будет доведено до сведения общественности.

“А. ТЬЕР”.

IV.

На следующее утро, 19 марта, я спешил узнать о событиях прошлой ночи, о том, какую позицию заняла Пэрис после своего первого сюрприза. Эта ночь, несомненно, собрала советников и, возможно, уладила разногласия, существующие между правительством и Центральным комитетом.

Ранним утром все выглядело почти как обычно; улицы были мирными, слуги ходили по магазинам, а обычные пассажиры сновали туда-сюда. Проходя мимо, я встретил случайного знакомого, с которым время от времени разговаривал, человека, с которым я служил во время осады, когда мы несли караул на крепостных валах. “Ну, - сказал я, - доброе утро, есть у вас какие-нибудь новости?” — “Новости, - ответил он, - нет, насколько мне известно, нет. Ах, да, ходят слухи, что вчера на Монмартре что-то произошло”. Мне сказали об этом в центре города, на улице Гранж-Бательер. Воистину, в Париже есть люди удивительно апатичные и невежественные. Я бы не на шутку поспорил, что, обыскав покои отставников, можно было бы найти тех, кто верит, что ими все еще правит Наполеон III, и никогда не слышал о войне с Пруссией, разве что как о вполне вероятном событии.

На бульварах было не слишком оживленно. Продавцов газет было в избытке. Мне не нравится полагаться на информацию этих публичных газет, поскольку каким бы беспристрастным или искренним ни был репортер, он не может представлять факты иначе, чем в соответствии с впечатлением, которое они производят на него, а оценивать факты по тому впечатлению, которое они производят на других, практически невозможно.

Я направился на улицу Друо в поисках плакатов, и нашел их в изобилии, к тому же белых, свидетельствующих о том, что в Париже не обошлось без правительства; ибо белый - официальный цвет даже при красной Республике.^[14]

Взяв карандаш, я поспешно переписал воззвание новых мастеров, и думаю, что у меня получилось хорошо, потому что мы очень быстро забываем и воззвания, и людей. Где они сейчас, официальные счета за прошлый год?

“RÉPUBLIQUE FRANÇAISE.
“Liberté, Egalité, Fraternité.”
To the People.

“Граждане, жители Парижа сбросили с себя иго, которое на них пытались наложить”.

Какое ярмо, джентльмены — прошу прощения, граждане Комитета? Уверяю вас, как часть народа, что я никогда не чувствовал, что кто-то пытался навязать его мне. Я припоминаю, если мне не изменяет память, что говорилось о нескольких пистолетах, но ничего не говорилось о хомутах. Тогда выражение “Парижане” является грубым преувеличением. Жители Монмартра и их соседи из этого трудолюбивого пригорода, безусловно, являются частью населения, и не менее уважаемыми или достойными нашего внимания из-за того, что они живут за пределами центра (на самом деле, я всегда предпочитал угольщика с шоссе Клиньянкюр щеголю с улицы Тэбу); но, несмотря на все это, они - не все население. Таким образом, ваше предложение ничего не подразумевает, и, более того, при всей его устаревшей метафоричности, риторика устарела. Я думаю, было бы лучше сказать просто —

“Граждане, жители Монмартра и Бельвиля взяли свое оружие и намерены сохранить его”.

Но тогда это не имело бы характера провозглашения. Экстраординарный факт! вы можете перевернуть целую страну, но вы не должны прикасаться к официальному стилю; он неизменен. Можно побеждать империи, но нужно уважать бюрократическую волокиту. Давайте читать дальше:

“Спокойные, невозмутимые в наших силах, мы ждали без страха, как без провокации, бесстыдных безумцев, которые угрожали Республике”.

Республика? Опять неподходящее выражение, они хотели забрать пушки.

“На этот раз наши армейские братья...”

Ах! ваши братья по армии! Они ваши братья, потому что они по-братски подняли приклады своих мушкетов. В своей семье вы не признаете братства, кроме тех, кто придерживается того же мнения.

“На этот раз наши армейские братья не поднимут руки на священный ковчег нашей свободы”.

О! Итак, оружие теперь - священный ковчег. Очень святая метафора для людей, не слишком влюбленных в церковников.

“Спасибо за все; и пусть Париж и Франция объединятся, чтобы построить Республику, и с одобрением примут единственное правительство, которое навсегда закроет шлюзы вторжения и гражданской войны.

“Осадное положение отменяется.

“Жители Парижа собираются по своим секциям, чтобы избрать Коммуну. Безопасность всех граждан обеспечивается силами Национальной гвардии.

“Отель де Виль в Париже, 19 марта 1871 года.

Центральный комитет Национальной гвардии:

Асси, Биллиоре, Ферра, Бабики, Э. Моро, О. Дюпон, Варлен, Бурсье, Мортье, Гушье, Лаваллетт, О. Журд, Руссо, Ш. Лулье, Бланше, Г. Гайяр, Барруд, Х. Жересм, Фабр, Пужере.”^[15]

Есть один упрек, в котором нельзя обвинить новую Парижскую революцию; это упрек в том, что она поставила во главе людей с доказанной неспособностью. Те, кто осмелился бы утверждать, что каждый из названных выше людей обладал не большим гением, чем потребовалось бы для возрождения двух или трех наций, сильно удивили бы меня. В драме Виктора Гюго говорится, что ребенок, оставшийся без родителей, должен считаться джентльменом; таким образом, малоизвестный человек на тех же условиях должен считаться гениальным человеком.

Но на стенах улицы Друо можно было увидеть гораздо больше прокламаций.

“RÉPUBLIQUE FRANÇAISE.

“LIBERTÉ, ÉGALITÉ, FRATERNITÉ,

“To the National Guards of Paris.

“ГРАЖДАНЕ, Вы возложили на нас ответственность за организацию защиты Парижа и ваших прав”.

О! что касается этого, то нет; тысячу раз нет! Я признаю — поскольку вы, похоже, цепляетесь за это, — что Пушки - это воплощение силы, но ни под каким предлогом я не допущу, чтобы я доверил вам ответственность за организацию чего бы то ни было. Я ничего о вас не знаю; я никогда не слышал, чтобы о вас говорили. В мире нет никого, о ком я знал бы больше, чем о Ферра, Бабики, если только это не Гайяр и Пужере (хотя я сам служил в национальной гвардии и простудился на крепостных валах короля Пруссии^[16] так же, как и все остальные). Я не знаю, чего вы хотите и куда вы ведете тех, кто следует за вами; и я могу доказать вам, если хотите, что есть по меньшей мере сто тысяч человек, которые тоже простудились и которые в настоящий момент находятся в точно таком же настроении относительно вас: “Мы осознаем, что выполнили нашу миссию”.

Вы очень добры, что взяли на себя столько хлопот, но я что-то не припомню, чтобы давал вам какую-либо миссию для выполнения!

“Благодаря вашему мужеству и присутствию духа!..”

Ах, джентльмены, это лесть!

“Мы изгнали правительство, которое предавало вас.

“Наш мандат истек...”

Всегда одно и то же поручение, которое мы вам дали, да?

“Теперь мы возвращаем это вам, ибо мы не претендуем на то, чтобы занять место тех, кого свергло народное дыхание.

“Приготовьтесь, пусть немедленно начнутся общинные выборы, которые принесут нам единственную награду, на которую мы когда—либо надеялись, - возможность увидеть установление настоящей республики. Тем временем мы сохраняем Отель де Виль во имя народа.

“Hôtel de Ville, Paris, 19th March, 1871.

“Центральный комитет национальной гвардии:

Ассы, Биллиорай и другие“.

На плакатах также расклеено другое воззвание^[17], подписанное гражданками Асси, Биллиораем и другими, объявляющее, что Общинные выборы состоятся в следующую среду, 22 марта, то есть через три дня.

Итак, это результат вчерашних событий, и о революции 18 марта можно рассказать в нескольких словах.

На Монмартре были пушки; правительство хотело захватить их, но не смогло из-за братских чувств и трусости линейных солдат. Тайное общество, состоявшее из нескольких делегатов от нескольких батальонов, воспользовалось случаем, чтобы громко заявить, что они представляют все население, и приказало народу избрать Парижскую коммуну, хотя они того или нет.

Что теперь будет делать Париж между этими диктаторами, появившимися бог знает откуда, и правительством, бежавшим в Версаль?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[14] Никто не может использовать белые плакаты — они зарезервированы правительством.

Ниже приводится выдержка из *Официального журнала Версаля*, датированная 20 марта, которая объясняет официальную форму заявлений, сделанных Центральным комитетом:— “Вчера, 19 марта, были взломаны офисы *Официального журнала* в Париже, сотрудники бежали в Версаль с документами, чтобы присоединиться к правительству и Национальному собранию. Захватчики завладели печатными машинами, материалами и даже официальными и неофициальными статьями, которые были напечатаны и остались в типографиях. Именно таким образом им удалось создать видимость регулярности публикации своих указов и ввести в заблуждение парижскую общественность с помощью фальшивого *Официального журнала*.”

[15] Вот выдержка из *Официального журнала* по этому вопросу (номера от 29 марта и 1 июня):

“В восстании, кратковременный триумф которого придавил Париж столь гнусным и унижительным ярмом, довел бедствия Франции до предела и подверг опасности цивилизацию, международное сообщество приняло участие, которое внезапно открыло всем пагубную силу этого опасного объединения.

“19 марта, на следующий день после вспышки ужасного мятежа, последние ужасы которого составят одну из самых страшных страниц в истории, на стенах появились плакаты, сообщавшие Парижу имена его новых хозяев.

“За исключением одного-единственного (Асси), который приобрел прискорбную известность, эти имена были неизвестны почти всем, кто их читал; они внезапно возникли из полной неизвестности, и люди с удивлением, в ступоре спрашивали себя, какая невидимая сила могла придать им влияние и значение, которыми они сами по себе не обладали. Этой силой был Интернационал; эти имена принадлежали некоторым из его членов”.

[16] *Travailler pour le Roi de Prusse*, “работать на короля Пруссии” - старая французская поговорка, означающая работать даром, без всякой цели.

[17] “ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ.

“Поскольку:—

“Крайне необходимо, чтобы немедленно была сформирована Коммунальная администрация города Парижа”,

Постановляет: —

“1. Выборы в Муниципальный совет города Парижа состоятся в следующую среду, 22 марта.

“2-е число. Избиратели будут голосовать по спискам и в своих округах.

Каждый округ изберет члена совета на каждые двадцать тысяч жителей и еще одного при избытке более десяти тысяч.

3-й. Голосование будет открыто с восьми утра до шести вечера. Результат будет объявлен сразу.

4-е место. Надлежащее исполнение настоящего указа возложено на муниципалитеты двадцати округов.

Вскоре будет вывешен плакат с указанием количества членов совета от каждого округа.

“Hôtel de Ville, Paris, 29th March, 1871.”

V.

Париж бездействует и наблюдает за событиями, как наблюдают за текущей водой. Откуда берется это безразличие? Неожиданность и исчезновение вождей могли бы вчера извинить бездействие Парижа, но прошло двадцать четыре часа, каждый человек обратился к своей совести и смог услышать ее ответ. Было время провести разведку, выступить вместе; было бы время действовать!

Почему ничего не делается? Почему до сих пор ничего не сделано? Генералы Клеман Тома и Леконт были убиты; это столь же неоспоримо, сколь и отвратительно. Желает ли весь Париж разделить с преступниками ответственность за это преступление? Регулярное правительство было изгнано. Согласен ли Париж на это изгнание? Люди, облеченные бесправием или, по крайней мере, с недостаточными правами, узурпировали власть. Неужели Париж настолько забылся, что без сопротивления подчинился этой узурпации?

Нет, совершенно точно нет. Париж ненавидит преступность, не одобряет изгнание правительства и не признает права членов Центрального комитета навязывать нам свои пожелания. Почему же тогда Париж остается пассивным и терпеливым? Разве он не боится, что скажут, что молчание подразумевает согласие? Как же так получается, что я сам, например, вместо того, чтобы записать свои мимолетные впечатления на этих страницах, не беру свой мушкет, чтобы наказать преступников и противостоять этому деспотизму? Дело в том, что мы все считаем нынешнюю ситуацию исключительно сложной. Правительство, которое удалилось в Версаль, совершило так много ошибок, что было бы трудно безоговорочно встать на его сторону. Слабость и неспособность, проявленные большей частью тех, кто составлял его, во время осады, их упорство в том, чтобы оставаться глухими к законным желаниям столицы, не располагали нас к зависимости от положения вещей, которое невозможно было бы полностью одобрить. Короче говоря, эти неизвестные революционеры, безусловно виновные, но, возможно, искренние, заявляют о правах Парижа, которых склонен требовать почти весь Париж. Невозможно не признать, что муниципальная франшиза востребована и отныне становится необходимой.

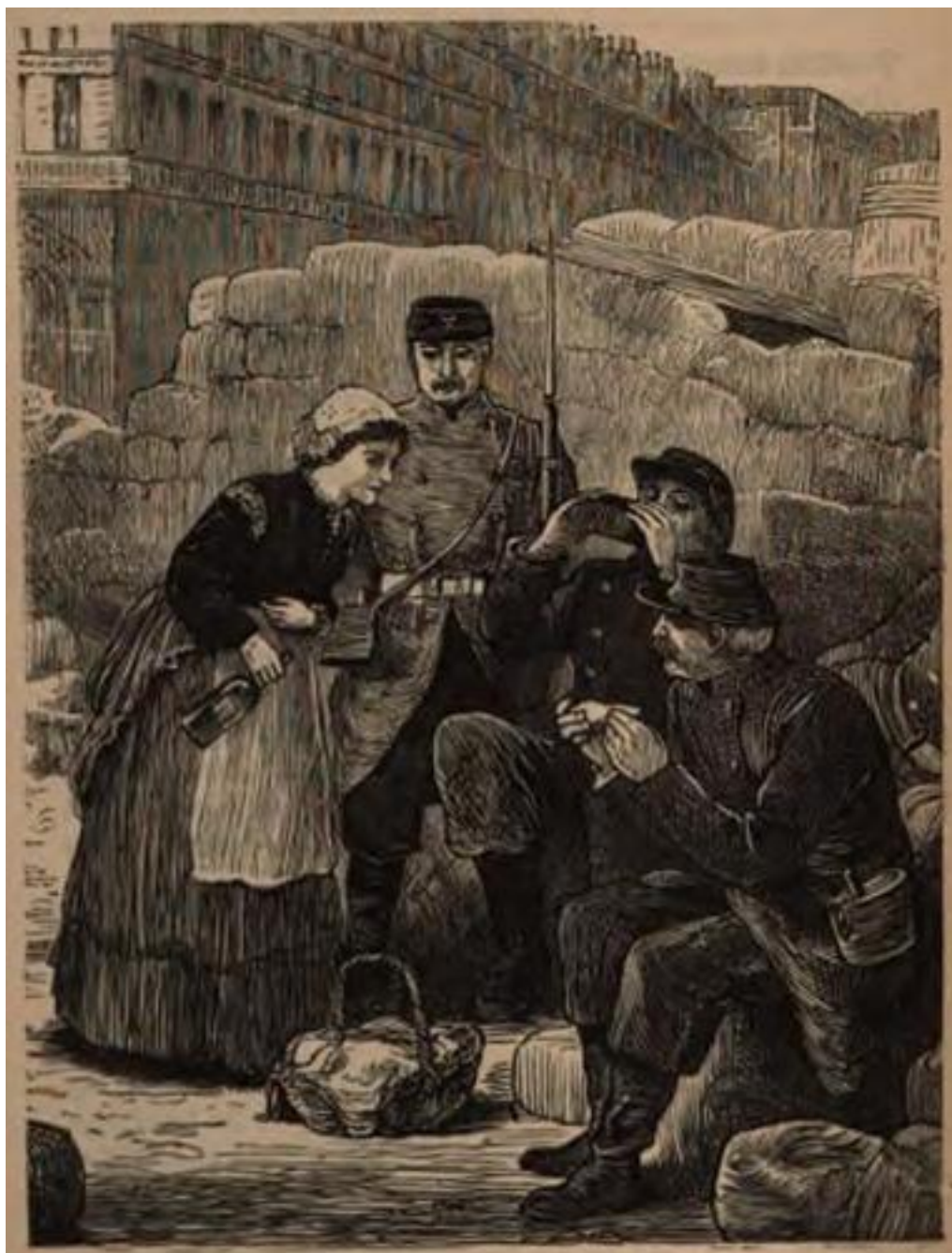
Именно по этой причине, хотя мы и ошеломлены грядущими эксцессами и теми, которые уже были совершены диктаторами 18 марта, хотя и возмущены мыслью о всей пролитой крови, которая еще не пролита, — это причина, по которой мы не становимся ни на чью сторону. Прошлые злодеяния законного правительства Версаля ослабляют наш энтузиазм по этому поводу, в то время как несколько похвальных идей, выдвинутых незаконным правительством Ратуши, уменьшают наш ужас перед его преступлениями и наши опасения по поводу его злодеяний.

Тогда — почему бы не осмелиться сказать это? Париж, который так впечатлителен, так возбудим, так романтичен, восхищаясь всем смелым, испытывает лишь умеренную симпатию к тому, что благоразумно. Мы можем улыбнуться, как я только что улыбнулся, решительному заявлению Центрального комитета, но это не мешает нам признать, что его

сила реальна, а свирепые элементы, которые он так внезапно выявил, не лишены определенного величия. Можно было бы с ехидцей заметить, что не один патриот во время своей вчерашней вечерней прогулки по внешним бульварам и в окрестностях Ратуши выпил больше *вина*, чем было разумно, в честь Республики и Коммуны, но это не помешало нам испытать удивление, сродни восхищению, при виде этих батальонов, спешащих со всех сторон по какому-то невидимому сигналу и готовых в любой момент отдать свои жизни для защиты ... что? Их оружие, и эти пистолеты были в их глазах осязаемыми символами их прав и свобод. В это время героическая Ассамблея петляла в Версале, и правительство собиралось присоединиться к ним. Париж не следует за теми, кто летает.

VI.

На Бют-Монмартре *праздник*. Погода чудесная, и все идут посмотреть на пушки и осмотреть баррикады, Мужчины, женщины и дети взбираются на холмистые улицы, и все они выглядят радостными ... ради чего, они сами не могут сказать, но кто может устоять перед очарованием солнечного света? Если бы пошел дождь, город был бы в трауре. Теперь горожане закрыли свои магазины, надели свои лучшие наряды и собираются пообедать в ресторане. Это настоящие враги беспорядка, мелкие лавочники и скромные горожане. Странное противоречие! Но что бы вы хотели? солнце такое яркое, погода такая чудесная. Вчера из-за восстания никто не работал; было похоже на воскресенье. Следовательно, сегодня выходной - понедельник восстания.

За баррикадой: Утренняя трапеза —тридцать су в день и ничего лишнего

VII.

Посреди всех этих проблем, в которых каждый плывет по течению, не имея ни малейшего представления о том, куда он плывет, — когда Центральный комитет делает прокламации, с одной стороны, и Версальское правительство обучает войска, с другой, - появилось несколько человек, которые высказали несколько разумных слов. С этого момента эти люди могут быть уверены, что Париж одобряет их, и Париж будет им повиноваться — честный и умный Париж — Париж, который готов поддержать ту сторону, которая может доказать, что в ней больше справедливости.

Депутаты и мэры Парижа вывесили на плакатах следующее воззвание:—

“RÉPUBLIQUE FRANÇAISE.
“LIBERTÉ, ÉGALITÉ, FRATERNITÉ.

“Граждане, Впечатленные абсолютной необходимостью спасения Парижа и Республики путем устранения всех причин столкновений и убежденные в том, что лучшим средством достижения этой великой цели является удовлетворение законных желаний народа, мы решили сегодня же потребовать от Национального собрания принятия двух мер, которые, как мы все надеемся, будут способствовать восстановлению спокойствия в общественном сознании.

“Этими двумя мерами являются: избрание всех офицеров Национальной гвардии без исключения и создание муниципального совета, избираемого всеми гражданами.

“Чего мы желаем и чего требует общественное благо при любых обстоятельствах; и что нынешняя ситуация делает более необходимым, чем когда-либо, - это порядок на свободе и посредством свободы.

“*Vive la France! Vive la République!*

“*Представители Сены:*

“Луи Блан, В. Шелшер, Эдмон Адан, Флоке, Мартин Бернар, Ланглуа, Эдуард Локрой, Фарси, Бриссон, Греппо, Мильер.

“*Мэры и прилегающие районы Парижа:*

“1—й округ: Адам, Мелин, примыкает.-2—й округ: Тирар, мэр, представитель Сены; Бреле, Шерон, Луазо—Пинсон, примыкает.—3—й округ; Бонвале, мэр; Ш. Мюрат, примыкает.—4—й округ: Вотрен, мэр; Луазо, Каллон, примыкает.—5—й округ: Журдан, примыкает.-6—й округ Округ: Эриссон, мэр; А. Леруа, примыкающий.—7—й округ: Арно (де л'Арьеж), мэр, представитель Сены.—8—й округ: Карно, мэр, представитель Сены.-9—й округ: Демаре, мэр.—10-й округ: Дюбай, мэр; А. Мюрат, Дегейв-Денункес, примыкает.-11-й округ: Моту, мэр, представитель Сены; Бланшон, Пуарье, Толен, представитель Сены.-12-й округ: Денизо, Дюма, Турийон, примыкает.-18-й округ: Лео Мейе, Комб, примыкает.-14-й округ: Элигон, примыкает.-15-й округ: Жоббе-Дюваль, примыкает.-16-й округ: Анри Мартен, мэр и представитель Сены, -17-й. Arrondissement: FRANÇOIS FAVRE, maire; MALOU, VILLENEUVE, CACHEUX, adjoints.—18th. Округ: КЛЕМАНСО, мэр и представитель народа; Ж.Б. ЛАФОН, ДЕРЕП, ЖАКЛАР, примыкающие”.

Это воззвание вывешено уже два часа назад, и я еще не встретил ни одного человека, который бы его полностью не одобрял. Депутаты от Сены и мэры Парижа благодаря бегству правительства в Версаль стали законными вождями. Мы избрали их, и они должны вести нас. На них лежит обязанность примирить Ассамблею с городом; и нам кажется, что они воспользовались последним средством добиться этого примирения, отделив все, что является законным и практичным в их притязаниях, от преувеличения эмеута. Поэтому пусть они получают все похвалы за эту поистине патриотическую попытку. Пусть они поспешат добиться от Ассамблеи признания наших прав. Соглашаясь с требованиями депутатов и мэров, правительство не прибегнет к восстанию; напротив, оно добьется радикальной победы над ним, поскольку отнимет у него всякий предлог для существования и определенным образом отделит от него всех тех людей, которые были ослеплены незаконным и насильственным способом, которым составлена эта программа, справедливостью определенных ее частей.

Если Ассамблея согласится на это, все, что останется от 18 марта, будет воспоминанием — без сомнения, достаточно болезненным — об одном кровавом дне, в то время как из великого зла выйдет великая польза.

Что бы ни случилось, мы полны решимости; мы, то есть все те, кто, не следуя версальскому правительству и не принимая активного участия в восстании, в равной степени желаем восстановления законной власти и развития муниципальных свобод, — мы полны решимости следовать туда, куда нас могут повести наши депутаты и мэры. На данный момент они представляют единственную законную власть, которая, как нам кажется, справедливо осознала трудности ситуации, и если, в случае потери всякой надежды на примирение, они прикажут нам взяться за оружие, мы это сделаем.

VIII.

В этот вечер, 21 марта, в Париже царит атмосфера необычайного удовлетворения; он верит депутатам и мэрам, он доверяет даже Национальному собранию. Люди говорят о проявлении Друзей Порядка и одобряют это. Иностранец, русский, месье А. Ж., проживший в Париже десять лет и, следовательно, парижанин, сообщил мне следующую информацию, которую я поспешно принял к сведению:

“Сегодня в половине второго на месте Нового Оперного театра собралась группа, в которую входил и я. Нас было едва ли двадцать человек, и у нас был флаг, на котором было написано: ‘Собрание друзей порядка’. Этот флаг нес линейный солдат, как говорят, служащий дома Сираудин, великих кондитеров. Мы прошли маршем по бульварам до улицы Ришелье; когда мы проходили мимо, распахивались окна, и люди кричали: *“Да здравствует Орден! Vive l’Assemblée Nationale! A bas la Commune!”* Какими бы немногочисленными мы ни были вначале, вскоре наша численность возросла до трехсот, пятисот, тысячи человек. Наш отряд шел по улице Ришелье, увеличиваясь по мере продвижения. На площади Биржи капитан Национальной гвардии попытался остановить нас. Мы продолжили наш путь, рота отсалютовала нашему флагу, когда мы проезжали мимо, и барабаны забили к оружию. Пройдя по улицам, окружающих Биржу, число которых все увеличивалось, мы вернулись на бульвары, где вокруг нас царил самое оживленное оживление. Мы остановились напротив улицы Друо. Мэрия Девятого округа была занята батальоном, приданным Центральному комитету, — кажется, 229-м. Хотя существовала некоторая опасность столкновения, мы вышли на улицу, решив выполнить свой долг, который заключался в протесте против вмешательства в порядок и пренебрежения установленными законами; но нам не было оказано никакого сопротивления. Национальные гвардейцы вышли к дверям мэрии и вручили нам оружие, и мы собирались продолжить наш путь, когда кто-то заметил, что наш флаг, на котором, как я уже сказал, было изображено лесное “Собрание друзей порядка”, может подвергнуть нас опасности быть принятыми за *“реакционеров”*, и что нам следует добавить слова *“Да здравствует Республика!”* Те, кто возглавлял манифестацию, остановились, и несколько из них зашли в кафе и там написали мелом слова на флаге. Затем мы возобновили наш марш, следуя по самым широким и оживленным тропам, и повсюду были встречены одобрительными возгласами. Четверть часа спустя мы прибыли на улицу Мира и маршировали по направлению к Вандомской площади, где скопились батальоны Комитета и где, как хорошо известно, располагался штаб Национальной гвардии. Там, как и на улице Друо, били в барабаны и нам вручали оружие; более того, пришел офицер и сообщил руководителям манифестации, что делегат Центрального комитета просит их проследовать в штабные помещения. В этот момент я нес флаг. Мы продвигались молча.

Когда мы подошли к балкону, окруженные национальными гвардейцами, настроенными в целом мирно, на балконе появился довольно молодой человек без формы, но в красном шарфе, окруженный несколькими старшими офицерами; он вышел вперед и сказал: "Граждане, от имени Центрального комитета...", но его прервал шквал свиста и криков *"Да здравствует Орден!"* *Vive l'Assemblée Nationale! Vive la République!* Несмотря на эти дерзкие попытки помешать нам, мы не подверглись ни насилию, ни даже угрозам, и, больше не беспокоясь о делегате, мы обошли колонну и, вернувшись на бульвары, направились к площади Согласия. Там кто-то предложил нам навестить адмирала Сайссе, который жил на улице Поке, в квартале Елисейских полей, когда серьезный седовласый мужчина сказал, что адмирал Сайссе находится в Версале. 'Но,' добавил он, 'среди вас есть несколько адмиралов'. Он назвал свое имя, это был адмирал де Шайе. С этого момента он возглавил манифестацию, которая прошла через мост Согласия в Сен-Жерменское предместье. Постоянно встречаемые одобрительными возгласами и увеличиваясь в числе, мы последовательно прошли парадом по всем улицам квартала, и каждый раз, когда мы проходили перед караульным помещением, мужчины предъявляли оружие. На площади Сен-Сюльпис батальон выстроился, чтобы пропустить нас. Затем мы пошли по бульвару Сен-Мишель и Страсбургскому бульвару. Во время этой части нашего курса к нам присоединилась большая группа, впереди которой шел трехцветный флаг с надписью *"Да здравствует Национальное собрание!"* С этого момента два флага развевались бок о бок во главе расширенной процессии. Когда мы собирались свернуть на бульвар Бонн-Нувель, человек, одетый в палетоз и серую фетровую шляпу, бросился на меня, когда я нес знамя Друзей порядка, но негр, одетый в форму Национальной гвардии, шедший рядом со мной, удержал этого человека, который после этого повернулся к человеку, несшему другой флаг, вырвал его у него и с необычайной силой сломал древко, которое было крепким, о его колено. Этот инцидент вызвал некоторое замешательство; мужчину схватили и увели, и я боюсь, что с ним довольно жестоко обращались. Затем мы вернулись на бульвары. При нашем появлении энтузиазм прохожих был огромен; и, конечно, без преувеличения, к тому времени, когда мы вернулись к фасаду Нового Оперного театра, где нам предстояло расстаться, нас насчитывалось от трех до четырех тысяч человек. Зуав взобрался на дерево перед Гранд-отелем и водрузил наш флаг на самую высокую ветку. Было условлено, что мы встретимся на следующий день в форме, но без оружия, в том же месте".

Этот отчет немного отличается от тех, что публикуются в газетах, но у меня есть все основания полагать, что он абсолютно правдив.

Каков будет эффект от этого проявления? Удастся ли тем, кто желает "Порядка через Свободу и в Свободе", собраться в достаточно большом количестве, чтобы образумить, не прибегая к силе, многочисленных партизан Коммуны? Что бы ни случилось, это проявление доказывает, что Пэрис не намерена, чтобы от нее избавлялись без ее собственного согласия. В связи с действиями депутатов Национального собрания, они не могли быть неэффективными в содействии грядущему умиротворению.

Много обнадеживающих обещаний согласия и тишины распространяется этим вечером среди менее жестоких групп.

IX.

Что это за стрельба? Против кого она направлена? Против пруссаков? Нет! Против французов, против прохожих, против тех, кто кричит *"Да здравствует Республика и да*

здравствует Порядок". Мужчины падают мертвыми или ранеными, женщины разбегаются, магазины закрываются под свист пуль — весь Париж в ужасе. Это то, что я только что видел или слышал. Наконец-то с нами покончено. Мы увидим возведенные на наших улицах баррикады; мы встретим ужасные носилки, с которых свисают руки, черные от пороха; каждая женщина будет плакать вечером, когда ее муж поздно вернется домой, и всех матерей охватит ужас. Франция, увы! Франция, сама плачущая мать, падет от рук своих собственных детей.

Я начал в компании друга с пассажира Шуазель по пути в Тюильри, который со вчерашнего дня был занят батальоном, преданным Центральному комитету. Вооружившись на углу улицы Сен-Рок и улицы Нев-де-Пти-Шан, мы заметили значительную толпу, идущую в направлении улицы Мира. "Что сейчас происходит?" - спросил я своего друга. "Я думаю, - сказал он, - что это невооруженная манифестация, идущая к Вандомской площади; незадолго до этого она прошла по бульварам, выкрикивая *"Да здравствует Орден"*.

Разговаривая, мы приближались к улице Мира. Внезапно послышался ужасный шум. Это был выстрел. Белый дым поднимался вдоль стен, со всех сторон раздавались крики, толпа в ужасе разбегалась, и в сотне ярдов перед нами я увидел упавшую женщину. Она ранена или мертва? Что это за резня? Какие страшные дела совершаются под открытым небом, под этим великолепным солнцем? Едва мы успели скрыться на одном из перекрестков, преследуемые испуганной толпой, как магазины поспешно закрылись, и ужасная весть распространилась по всему охваченному ужасом Парижу.

Сообщения, чрезвычайно разнообразные по форме, распространялись с необычайной быстротой; некоторые были сильно преувеличены, другие наоборот. "Погибло двести человек", - сказал один из них. "В ружьях не было пуль", - сказал другой. Мнения относительно причины конфликта были на удивление разными. Возможно, мы никогда не узнаем с абсолютной уверенностью, что происходило на Вандомской площади и улице Мира. Что касается меня, то я оказался сразу; слишком далеко и слишком близко от места действия; слишком близко, потому что я едва не был убит; слишком далеко, потому что я не видел ничего, кроме дыма и бегства перепуганной толпы.

Несомненно одно: "Друзья порядка", которым вчера удалось собрать большое количество граждан, сегодня попытались возобновить свою попытку умиротворения невооруженным числом. Три или четыре тысячи человек вышли на улицу Мира к двум часам дня, крича: *"L'Ordre! L'Ordre! Vive l'Ordre!"* Центральный комитет, несомненно, отдал суровые приказы, поскольку передовые стражи Этого Места, далекие от того, чтобы вручить оружие "Друзьям Порядка", как они это сделали накануне, формально отказались позволить им продолжать свой путь. И что произошло потом? Две толпы оказались лицом к лицу; одна безоружная, другая вооруженная, обе находились в сильном возбуждении, одна пыталась протиснуться вперед, другая была полна решимости воспрепятствовать ее прохождению. Раздался пистолетный выстрел. Это был сигнал. Опустились мушкеты, вооруженная толпа открыла огонь, и безоружные рассеялись в безумном бегстве, оставляя на своем пути мертвых и раненых.

Но кто произвел тот первый пистолетный выстрел? "Один из граждан, участвовавших в демонстрации; более того, у часовых были вырваны мушкеты", - утверждают сторонники Центрального комитета и приводят, среди прочих доказательств, свидетельство очевидца, иностранного генерала, который видел все это из окна улицы Мира. Но на эти утверждения мало можно положиться. Можно ли всерьез полагать, что толпа, внешне мирная, совершила бы такой акт агрессии? Кто был бы настолько безумен, чтобы подвергнуть массу безоружных

людей такой страшной мести, бросив вызов, столь же преступный, сколь и бесполезный? Версия, согласно которой офицер Федеральной гвардии выстрелил из пистолета у подножия Вандомской площади, тем самым подав сигнал подчиненным открывать огонь по гражданам, какой бы невероятной ни казалась такая чрезмерная хладнокровная жестокость, является гораздо более правдоподобной. А сейчас сколько женщин оплакивают раненых своих мужей и сыновей, а возможно, и погибших? Сколько уже пало жертв? Количество пока неизвестно. Месье Барле, лейтенант Национальной гвардии, был убит выстрелом в живот. Говорят, что месье Гастон Жоливе, который некоторое время назад совершил тяжкое в наших глазах преступление, опубликовав комическую оду, в которой он позволяет себе высмеивать нашего прославленного и любимого мастера Виктора Гюго, но, безусловно, ни в чем не был виновен в желании возвращения к порядку, получил перелом руки. Месье Отто Хоттингер, один из директоров французского банка, упал, пораженный двумя пулями, когда поднимал с земли раненого человека.

Один из моих друзей уверяет меня, что через полчаса после перестрелки в него стреляли, когда он выходил из *ворот-кошер*,^[18] национальные гвардейцы из засады.

В четыре часа на углу улицы Мира и улицы Нев-де-Пти-Шан старик, одетый в блузу, все еще лежал там, где упал, поперек тела *кантиньера*, а рядом с ним рядовой, мертвой рукой сжимавший древко трехцветного флага. Тот ли это солдат, о котором мой друг месье А. Дж. говорит в своем отчете о первой демонстрации и который, как говорили, был служащим у Сираудена?

Было много других жертв — месье де Пен, редактор *Paris-Journal*, опасно ранен пулей, пробившей бедро; месье Портель, лейтенант Эклеров Франкетти, ранен в шею и правую ногу; месье Бернар, коммерсант, убит; месье Жиро, биржевой маклер, также убит. Каждую минуту в похоронный список добавляются новые имена.

Куда приведет нас эта революция, которая началась с убийства двух генералов и продолжается убийствами прохожих?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[18] Порт-кошер (каретные ворота).

Х.

Посреди всего этого ужаса я увидел одно маленькое происшествие, которое заставило меня улыбнуться, хотя оно было и печальным; идиллия, которая могла бы стать элегией. Три наемных экипажа спускались по улице Нотр-Дам-де-Лоретт. Это была свадьба. В первом экипаже была невеста, молодая и хорошенькая, в слезах; во втором — жених, выглядевший совсем не довольным. Поскольку лошади двигались медленно из-за холма, я подошел и поинтересовался причиной недовольства. *Почетный караул* сообщил мне, что произошло неприятное обстоятельство. Они приехали в *мэрию*, чтобы пожениться, но *мэрию* превратили в гауптвахту, и вместо *мэра* и его клерков они обнаружили солдат Коммуны. Сержант предложил заменить муниципального чиновника, но дедушки-родители не согласились на такое соглашение, и они были вынуждены вернуться с брачными узами, которые еще не были завязаны. Печальное положение вещей. “Пух!” — сказала проходившая мимо пожилая женщина. “Они могут пожениться завтра. — Всегда есть достаточно времени, чтобы покончить с собой”.

Это правда, они могут пожениться завтра; но эти молодые люди хотели пожениться сегодня. Что для них революции? Какое значение имело бы для Коммуны, если бы эти влюбленные объединились сегодня? Можно ли когда-нибудь быть уверенным в возвращении счастья, которое однажды ускользнуло? Ах, это восстание, я ненавижу его за людей, которых оно убило, и за вдов, которых оно сделало вдовами; а также за эти прелестные глаза, которые блеснули от слез под свадебным венком.

XI.

The *Мэрии* Второго округа, похоже, суждено стать центром сопротивления Центральному комитету. Федералы не смогли или не осмелились занять его. В квартале Площади Биржи и Площади Победы собрались национальные гвардейцы и объявили себя Друзьями Порядка. Но их немного. Вчера утром, 23 марта, они были усилены батальонами, которые присоединялись к ним один за другим со всех концов Парижа. По их словам, они подчиняются приказам адмирала Сайссета, назначенного высшим командованием Национальной гвардии. Считается, что на Бирже и во дворе Мессенджеров есть митральезы. Резня на улице Мира решила судьбу самых робких. Есть решимость покончить, тем или иным способом, с тиранами, которые на самом деле представляют лишь небольшую часть населения Парижа и которые хотят господствовать над всем городом. Приготовления к сопротивлению ведутся между Ратушей, с одной стороны, где сидят члены Комитета, надежно защищенные, и Вандомской площадью, переполненной повстанцами, с другой. Неужели это гражданская война — гражданская война со всеми ее ужасами, которая вот-вот начнется? Рота мобильных гвардейцев присоединилась к батальонам Порядка. Ученики Политехнической школы ходят между *мэрией* Второго округа и Гранд-отелем, где, как говорят, обосновались адмирал Сайссе и его сотрудники.^[19] Тройная шеренга национальных гвардейцев закрывает вход на улицу Вивьен от экипажей и всех, кто не принадлежит к этому кварталу. Тем не менее, большому количеству людей, жаждущих информации, удастся миновать часовых, несмотря на это правило. На Биржевой площади огромная толпа обсуждает и жестикулирует вокруг сложенных штыков, которые сверкают на солнце. Я замечаю, что карманы национальных гвардейцев набиты до отказа; было роздано большое количество патронов.

Приказ строжайший: никто не должен покидать свой пост. Однако есть люди, которые стоят там без сна двадцать четыре часа. Никто не должен покидать лагерь Друзей Порядка даже для того, чтобы пойти пообедать. Тем, у кого нет денег, либо выдают паек, либо их снабжают за счет *мэрии* ресторана на улице Фий Сен-Тома ужином, состоящим из супа и бульона, тарелки мяса, овощей и бутылки вина. Я слышу, как один из них восклицает:

“Если бы федералы знали, что мы не только получаем зарплату, но и питаемся как принцы, они бы перешли на нашу сторону, все до единого. Что касается нас, мы полны решимости подчиняться *мэрам* Парижа и депутатам парламента”. Большое удивление вызывает отсутствие вице-адмирала Сайссе; поскольку он принял командование, он должен показать себя. Некоторые мошенники даже намекают, что вице-адмирал не решается организовать сопротивление, но мы не будем их слушать и в целом полны уверенности и решимости. “Мы многочисленны, полны решимости; на нашей стороне право, и мы восторжествуем”.

Около четырех часов звучит сигнал тревоги. Мы слышим крики “К оружию! К оружию!” Бьют барабаны, звучат трубы, строятся ряды. Со всех сторон раздается зловещий щелчок, когда мужчины взводят курок. Настал момент действия. Здесь более десяти тысяч человек, хорошо

вооруженных и решительных. Рота мобилей и национальная гвардия защищают вход на улицу Вивьен. Вся эта суматоха вызвана одним из батальонов из Бельвиля, проходящим по бульварам с тремя пушками.

Что сейчас произойдет? Когда повстанцы достигают вершины улицы Вивьен, они, кажется, колеблются. Через несколько секунд бульвары, которые только что были переполнены людьми, внезапно опустели, и даже кафе закрылись.

В такой момент, как этот, одного случайного выстрела (сегодня утром таких было несколько; женщина, стоявшая у окна на углу улицы Сен—Марк, чуть не погибла из-за неосторожности одного из охранников) - одного выстрела, даже крика или угрожающего жеста было бы достаточно, чтобы вспыхнуло пламя. Никто не двигается и не говорит. Я чувствую, что трепещу перед возможностью непоправимой катастрофы; это торжественный и ужасный момент.

Батальон из Бельвиля вручает оружие; мы отвечаем, и они проходят дальше. Опасность миновала; мы снова дышим. Через несколько секунд толпа вернулась на бульвары.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[19] Подполковник де Богран устроил импровизированное помещение для штаба в Гранд-отеле, и назначение адмирала Сассе вместе с М. Шельше и Ланглуа усилило вражду двух сторон. Центральный комитет, видя грозившую опасность, объявил, что общинные выборы переносятся на воскресенье, 26 марта.

XII.

Сейчас два часа ночи. Устав от ничегонеделания, я достаю записную книжку, усаживаюсь на пороге напротив ресторана Catelain и при свете уличного фонаря записываю свои заметки.

Как только наступила ночь, были приняты все меры предосторожности. Мы понятия не имеем, кто нами командует, но, похоже, предполагается серьезная оборона, которая осуществляется с осторожностью. Это адмирал Сайссе, который стоит во главе нас? Мы надеемся на это. Хотя мы так часто разочаровывались в наших начальниках, мы все еще не утратили желания доверять кому-то. Сегодня вечером мы верим в адмирала. Время от времени наши старшие офицеры удаляются в *мэрии* и получают строгие приказы относительно своих обязанностей. Мы сами по себе - настоящая армия; наш центр находится на площади Биржи, наши крылья простираются на прилегающие улицы. Ряды граждан охраняют все входы; часовые выставлены в шестидесяти футах впереди, чтобы подать сигнал тревоги. Внутри закрытого пространства никого не видно, но в домах, как обычно, живут люди. По приказу были оставлены открытыми двери, а также все окна на первых этажах. Каждая рота, разделенная под командованием сержантов, овладела тремя или четырьмя домами. При первом сигнале тревоги наружные двери должны быть закрыты, мужчины должны броситься к окнам и оттуда открыть огонь по нападавшим. “Держите себя в готовности; очень возможно, что на вас могут напасть. При приближении противника охрана на улицах должна под огнем отступить к домам и укрыться там. Те, кто стоит у окон, должны вести непрерывный огонь по повстанцам. Тем временем основная часть наших сил придет нам на помощь и очистит улицы своими митральезами”.

Итак, мы ждали, настроенные на послушание, спокойные, с безмолвной, но горячей молитвой о том, чтобы нам не пришлось поворачивать оружие против наших соотечественников.

Ночь прекрасна. Некоторые из наших мужчин разговаривают группами на порогах дверей, другие, завернувшись в одеяла, лежат на земле и спят. На верхних этажах некоторых домов огни все еще мерцают сквозь муслиновые занавески; внизу все погружено в темноту. Почти не слышно звуков, только время от времени вдалеке доносится грохот тяжелой телеги или, может быть, пушечного выстрела; а ближе к нам раздается внезапный грохот мушкета, который соскальзывает со своего места на мостовую. Каждый час слышен глухой топот множества ног; это патруль Мобилей совершает свой обход. Мы спрашиваем их, когда они проходят мимо.— “Есть что—нибудь свежее?” - “Ничего”, - неизменный ответ.— “Как далеко вы зашли?”— “До улицы Мира”, - отвечают они и проходят дальше. Возобновляются прерванные разговоры, и спящие, разбуженные шумом, снова закрывают глаза. Мы наблюдаем и ждем, — пусть мы наблюдаем и ждем напрасно!

XIII.

Никогда еще я не встречал рассвет с таким удовольствием. Почти у каждого когда-нибудь в жизни проходили такие бессонные ночи, когда ему кажется, что темнота никогда не исчезнет, а стремление к свету и дню превращается в страшную тоску. Никогда рассвет не был более благодарным, чем после той ужасной ночи. И все же страх перед катастрофическим столкновением не исчез с наступлением ночи. Было даже вероятно, что федералы могли дождаться утра, чтобы начать свою атаку, как раз тогда, когда усталость наибольшая, со сном бороться труднее всего, и, следовательно, дисциплина неизбежно ослабла. Во всяком случае, свет, казалось, успокаивал нас; мы едва могли поверить, что преступление гражданской войны могло быть совершено днем. Ночь была полна страхов, утро застало нас бодрыми и счастливыми. Однако не всех из нас. Я улыбаюсь, вспоминая инцидент, произошедший незадолго до рассвета. Один из наших товарищей, лежавший рядом со мной, встал, вышел на улицу и некоторое время ходил взад-вперед, словно желая стряхнуть судорогу или холод. Я машинально проследил за ним взглядом; он прогуливался перед домами, задние фасады которых выходили на пассаж Панорам, и при этом бросал украдкой взгляды в открытые дверные проемы. Он зашел в один из них и вышел с разочарованным выражением на лице. Повторив этот странный маневр несколько раз, он достиг *porte-cochère*, которая находилась рядом с рестораном Catelain. Он оставался там несколько минут, затем появился снова с сияющим лицом и направился прямо туда, где я стоял, радостно потирая руки.

“Сударь, ” сказал он тихо, чтобы его не подслушали, “ вы одобряете этот план действий, который заключается в том, чтобы в случае нападения стрелять по нападающим из окон?” — “Необходимость уличных боев”, - сказал я. “Будем надеяться, что нам не придется этого делать”. — “О! конечно; но я бы предпочел, чтобы они приняли другие меры”.— Почему? - Спросил я.— “Видите ли, когда мы будем в домах, повстанцы попытаются прорваться внутрь”. — Я не мог понять, к чему он клонит, поэтому сказал: “Скорее всего”. — “Но если они все—таки войдут?” он настаивал: “Я надеюсь, что к нам прибудет подкрепление с биржевой площади, прежде чем они смогут войти”.—“Несомненно! несомненно!” — ответил он; но я видел, что его это совсем не убедило.— “Но вы знаете, подкрепление часто прибывает слишком поздно, и если федералы войдут, нас перестреляют, как собак, в этих комнатах наверху!” — Я признал, что это было бы, мягко говоря, неприятно, но возразил, что во время

войны нужно рисковать. - “Значит ли это, месье, - продолжил он, - что, если в случае проникновения повстанцев мы будем искать черный ход, чтобы сбежать, мы должны действовать так же, как и раньше?” часть трусов?““ О трусах? нет; но о чрезмерно благоразумных людях? да.”: “Что ж, месье, я благоразумен, и этому конец!” - воскликнул мой товарищ с видом триумфатора. “И я думаю, что нашел ...” — “О задней двери идет речь?” — “Просто идите; посмотрите в тот коридор перед нами; в конце есть дверь, которая ведет — как вы думаете, куда?” — “В Панорамный коридор, не так ли?” — “Да, месье, теперь вы понимаете, что я имел в виду”. — Я сказал ему, что не думаю, что понимаю. “Видите ли, ” объяснил он, “ когда придет враг, мы должны броситься в этот коридор, закрыть нижнюю дверь и занять наш пост у окон, где мы будем храбро выполнять свой долг до последнего патрона. Но предположим, тем временем, что этим дьяволам удастся выломать нижнюю дверь прикладом своих мушкетов — а она не очень прочная, — что нам тогда делать?” “Ну, конечно, ” сказал я, “ мы должны расположиться наверху лестницы и встретить их на острие наших штыков”. “Ни в коем случае”, — возразил он. “Но мы должны; это наш долг”. “О! Мне показалось, что мы, возможно, добрались до двери, ведущей в коридор, ” продолжал он с несколько пристыженным видом. — “Что, убегай!” — “Нет, не совсем; только найди какое-нибудь безопасное место!” — “Ну, если уж на то пошло, - ответил я, - ты можешь делать все, что захочешь; только я предупреждаю тебя, что проход занят сотней наших людей и что все выходы забаррикадированы”. — “Нет, не все, ” убежденно сказал он, “ и именно поэтому я обращаюсь к тебе. Вы журналист, не так ли?” — “Иногда”. — “Да, но вы такой; и вы знаете актеров и всех подобных людей, и вы бываете за кулисами, я полагаю, и знаете, где актеры одеваются, и все такое”. — Я с некоторым удивлением посмотрел на моего храброго товарища, но он продолжал, не замечая меня: “И вы знаете все входы и выходы театра, коридоры, потайные люки”. — “Предположим, я это сделаю, какая вам от этого польза?” — “Все хорошее в мире, месье; это будет моим спасением. Почему нам нужно только найти актерский вход в *Варьете*, который находится в коридоре, затем позвонить в колокольчик; привратник знает вас и впустит нас. Ты можешь провести нас как вверх по лестнице, так и за кулисы, и мы легко найдем какую-нибудь дыру или угол, в котором можно спрятаться, пока бой не закончится. “Тогда, - сказал я, чувствуя некоторое отвращение к своему спутнику, - мы можем смело выйти из парадной двери на бульвары и спокойно позавтракать, пока остальные будут заняты тем, что уносят наших мертвых товарищей с лестницы, которую мы должны были помогать защищать!”

Бедняга ошеломленно посмотрел на меня, а потом ушел. Я понял, что задел его чувства, и подумал, что, возможно, был неправ, заставив его почувствовать трусость своего предложения. Я знал его несколько месяцев; он жил на той же улице, что и я, и я помнил, что у него были жена и дети. Возможно, он был прав, желая защитить свою жизнь любой ценой. Я обдумывал это минуту или две, а потом это совсем вылетело у меня из головы.

В четыре часа утра у нас снова поднялась тревога; в одно мгновение все были на ногах и бросились к окнам. Дом, в который меня направили, был тем самым, который вдохновил моего изобретательного друга на его новый план побега. Я нашел его уже устроившимся в комнате, откуда мы должны были стрелять на улицу. — “Вы не знаете, что я сделал”, — сказал он, подходя ко мне. - “Нет”. — “Ну, вы знаете дверь, которая выходит в коридор; вы помните ее?” — “Конечно, знаю”. — “Я обнаружил, что там был ключ; так что же ты думаешь, я сделал? Я дважды запер дверь, пошел и опустил ключ в ближайший водосток! На! на! Тот, кто попытается сбежать таким образом, будет прекрасно пойман!”

Я сердечно схватил его за руку и несколько раз пожал ее. Он сиял, и я тоже был доволен. Я не мог отделаться от ощущения, что, как бы низко ни пала Франция, никогда не следует отчаиваться из-за страны, в которой даже трусы могут быть храбрыми.

XIV.

В пятницу, 24 марта, в девять утра мы все еще были в районе Биржи. Некоторые мужчины не спали сорок восемь часов. Мы устали, но по-прежнему полны решимости. Наша численность увеличивается с каждым часом. Я только что видел, как три батальона с трубачами в полном составе подошли и присоединились к нам. Теперь они смогут дать людям, которые так долго находились на дежурстве, немного отдохнуть. Что касается того, что происходит, мы очень неполно информированы. Федералы укрепляются сильнее, чем когда-либо, на площади Отель-де-Виль и Вандомской площади. Они очень многочисленны и располагают большим количеством артиллерии. Почему они не переходят в наступление? Или они хотят, как и мы, избежать конфликта? Конечно, мы не будем первыми, кто прольет французскую кровь. Эти часы колебаний с обеих сторон успокаивают умы людей. Депутаты и мэры Парижа пытаются добиться от Национального собрания признания муниципального избирательного права. Если у правительства хватит здравого смысла пойти на эти уступки, которые являются одновременно законными и неотложными, вместо того, чтобы упрямо занимать оборону, будучи убежденным, что оно поступает правильно; если, одним словом, оно вспомнит хорошо известную максиму "*Summum jus, summa injuria*", ужасы гражданской войны можно предотвратить. Нам говорят, и, как мне кажется, правильно, что федеральная гвардия не без опасений относится к событиям, к которым они поспешили. Начальники, должно быть, тоже встревожены. Даже те, кто объявил себя непримиримыми в час триумфа, возможно, не пожалели бы сейчас, если бы небольшое снисхождение со стороны Ассамблеи дало им предлог не продолжать восстание. Только что несколько гвардейцев 117-го батальона, часть которого заявила в Центральный комитет, случайно проезжавшие мимо, остановились поболтать с нашими заставами. Гражданская война на ножах вовсе не казалась их самым горячим желанием. Один из них сказал: "Нас призвали к оружию, что мы могли сделать, кроме как подчиниться? Они платят нам, и вот мы здесь". Были ли они искренни в этом? Они пришли с надеждой присоединиться к нам или шпионить за тем, что мы делаем? Другие, однако, либо более откровенные, либо менее искусные в обмане, заявляли, что они хотят Коммуны и получают ее любой ценой. Это, однако, было гораздо меньшее число; большинство повстанцев придерживаются мнения этих людей, которые присоединились к разговору с нами. Вполне возможно, что могло бы быть достигнуто некоторое взаимопонимание. Мне только что сообщили факт, который подтверждает мое мнение.

Эскомпт был занят постом федералов. Рота правительственной гвардии из 9-го округа подошла, чтобы вступить во владение. "Вы пробыли здесь целых два дня; идите домой и отдохните", - сказал офицер, командовавший последним. Но федералы упрямо отказывались уходить. Офицер настаивал. — "Мы в своем квартале, вы из Бельвиля; наше дело охранять Эскомптскую лавку". — Все это было бесполезно, пока офицер не сказал: "Уходите немедленно, и мы дадим вам сто франков". — Они не стали дожидаться повторения предложения, а взяли деньги и ушли. Итак, люди, готовые продать свою совесть по два франка за голову — а их было пятьдесят, — не могут иметь никаких серьезных политических убеждений. Я забыл сказать, что этим постом федералов командовал итальянец Тибальди, тот самый, который был арестован в одном из переходов ратуши во время беспорядков 31 октября.

XV.

Новости отличные, возможно, через несколько часов будет лучше. Мы заранее радуемся почти несомненной перспективе умиротворения. Светит солнце, бульвары заполнены людьми, особенно сияют лица женщин. В чем причина всей этой радости? Только что на всех стенах в городе был развешан плакат. Я с удовольствием копирую его.

“ДОРОГИЕ СОГРАЖДАНЕ, спешу сообщить вам, что вместе с депутатами от Сены и мэрами Парижа мы добились от правительства Национального собрания: 1. Полное признание ваших муниципальных привилегий; 2. Право избирать всех офицеров Национальной гвардии, а также главнокомандующего; 3. Изменения в законе о законопроектах; 4. Проект закона о арендной плате, благоприятного для арендаторов, платящих 1200 франков в год или меньше этой суммы. Пока вы не утвердите мою кандидатуру или пока вы не назначите кого-то другого вместо меня, я буду продолжать оставаться на своем посту, чтобы следить за выполнением этих примирительных мер, которых нам удалось добиться, и вносить свой вклад в благополучие Республики!

“Вице-адмиралу и
временному командующему,
САИССЕ
, Париж, 23 марта”.

Что ж! это уместно и соответствует цели. Национальное собрание поняло, что в таком городе, как Париж, революция, в которой участвует треть населения, не может быть вызвана исключительно мотивами грабежа и убийства;^[20] и что, если некоторые требования народа незаконны или преждевременны, есть по крайней мере другие, которые, по праву, должны быть удовлетворены. Париж никогда не бывает полностью неправ. Конечно, среди авторов и лидеров 18 марта есть много тех, кто очень виноват. Убийцы генерала Леконта и генерала Клемана Тома должны быть разысканы и наказаны. Все честные люди должны требовать и ожидать, что будет проведено тщательное расследование массовых убийств на Вандомской площади. Следует признать, что все федералы, офицеры и солдаты, не являются дьяволами или пьяницами. Нескольких сотен человек, напивающихся в кабаре (возможно, я был неправ, придавая здесь такое большое значение распространенности этого порока среди повстанцев), нескольких подвыпивших грубиянов недостаточно, чтобы дать нам право осудить сто тысяч человек, среди которых, несомненно, найдутся несколько здравомыслящих людей, убежденных в справедливости своего дела. Неужели все эти неизвестные и внезапно вознесшиеся вожди, которых выделила революция, недостойны нашего уважения и лишены способностей? Возможно, они обладают новой жизненной силой, которую было бы правильно и, возможно, необходимо как-то использовать. Идеи, которые они представляют, следует изучить и, если они окажутся полезными, применить на практике. Это то, что Ассамблея поняла и что она сделала. Путем уступок, которые скорее увеличивают, чем уменьшают ее влияние, она возлагает на всех здравомыслящих мужчин, солдат и офицеров, обязательство вернуться к своей верности. Те, кто, прочитав воззвание адмирала Сассе, все еще отказываются признать правительство, являются уже не людьми, действующими во имя Парижа и Республики, а бунтовщиками, виновными в том, что они идут самыми преступными путями для удовлетворения своих собственных дурных страстей. Таким образом, плевелы будут отделены от пшеницы и безжалостно вырваны. Вчера и

позавчера на Биржевой площади, на площади Победы и в Банке мы были полны решимости оказать сопротивление — сопротивление, не более того, ибо никто из нас, я уверен, не сделал бы ни единого выстрела без достаточной провокации, — и даже это решение стоило нам большой боли и некоторых колебаний. Мы чувствовали, что в случае нападения наши выстрелы могут поразить в грудь многих невинных людей — и, возможно, в последний момент наши сердца предали бы нас. Теперь никакие мысли такого рода не могут помешать нам. Признавая наше требование, Ассамблея была полностью права на своей стороне, и теперь мы будем рассматривать любое восстание против власти, которым она так умело пользуется, как акт, влекущий за собой немедленное наказание. До сих пор, опасаясь быть покинутыми или неправильно понятыми правительством, мы были полны решимости подчиняться мэрам и депутатам, избранным народом, но Ассамблея своим разумным поведением проявила себя достойно доверия. Пусть они командуют, мы готовы повиноваться.

Поистине, эта перемена в отношении правительства одновременно странна и восхитительна. Не далее как вчера их язык был совершенно другим. То, как большинство приняло мэров, не заставило нас ожидать прекращения полномочий, столь благоприятного для пожеланий всех заинтересованных сторон. Но все это в прошлом, давайте не будем обвинять друг друга. Давайте лучше порадуемся нашей нынешней удаче и постараемся забыть об опасностях, которые только что казались такими неминуемыми. Я слышу со всех сторон, что депутаты Сены и мэры, наделенные всеми полномочиями, заняты завершением последних приготовлений. Говорят о муниципальных выборах, назначенных на 2 апреля; таким образом, все поводы для недовольства вот-вот исчезнут. Столица! Париж доволен. Магазины снова открываются. Набережные заполнены людьми; одна только Вандомская площадь не украшает остальные, но скоро это произойдет. Погода прекрасная, люди с улыбкой подходят друг к другу на улицах; почти удивительно, что они не обнимаются. Сегодня пятница? Нет, воскресенье. Браво! Сборка.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[20] В то самое время, когда провозглашение адмирала Саиссэ воодушевило сторонников Ассамблеи, не было недостатка в доказательствах бедности Коммуны как в деньгах, так и в людях: новый заем, полученный от Банка Франции, который уже авансировал полмиллиона франков, и военные назначения, которые возвысили Брюнеля, Эда и Дюваля из абсолютной неизвестности до генеральского звания. Это были признаки, определенно благоприятные для партии порядка.

XVI.

На первом этаже дома моего соседа находится мастерская обойщика. Позавчера мастер ушел за какой-то работой, а сегодня утром еще не вернулся. В мучительных предчувствиях его жена обошла все вокруг в поисках его. Его тело только что было найдено в море с простреленной головой. Некоторые говорят, что он шел по Рю де ла Пэ по дороге домой и был случайно застрелен; но *Официальный* журнал объявляет, что этот бедняга, Вален, был национальным гвардейцем, убитым из револьверов участников манифестации. Кому мы должны верить? В любом случае, этого человека завтра похоронят, а его бедная жена - вдова.

XVII.

Что все это значит? Обманываем ли мы самих себя или нас обманывают? Мы напрасно ждем выполнения обещаний адмирала Сэссе. Официально объявив, что Ассамблея согласилась со справедливыми требованиями мэров и депутатов, взял ли он на себя смелость выдавать обманчивые надежды за свершившиеся факты? Теперь кажется совершенно очевидным, что правительство не пойдет ни на какие уступки, что прокламация - всего лишь макулатура и что Временный командующий Национальной гвардией вводил нас в заблуждение — несомненно, с похвальными намерениями — или же сам был обманут подобным образом. Объединенные усилия депутатов от Сены и мэров Парижа оказались недостаточными для того, чтобы пробудить апатию Ассамблеи.^[21] Напрасно Луи Блан умолял представителей Франции одобрить примирительное поведение представителей Парижа. “Пусть ответственность за то, что может случиться, ляжет на ваши собственные головы!” - воскликнул месье Клемансо. Он был прав: небольшая снисходительность могла бы спасти всех; такое упрямство фатально. Лишенные поддержки Собрания и предоставленные самим себе, депутаты и мэры Парижа, желавшие прежде всего избежать гражданской войны, были вынуждены согласиться с пожеланиями Центрального комитета и настаивать на немедленном проведении муниципальных выборов. Они не могли действовать иначе, и все же для них унижительно склоняться перед превосходящей силой, и из-за этого их авторитет подрывается. То, что Ассамблея, представляющая всю Францию, могла бы сделать без потери достоинства и даже с честью для себя, первые делают, только рискуя потерять свое влияние; то, что для Ассамблеи было бы почетной уступкой, для них является опасным, хотя и необходимым подчинением. Комитет был бы аннулирован, если бы правительство дало согласие на муниципальные выборы, но благодаря запоздалому согласию, полученному от депутатов и мэров Парижа, он одерживает победу. Результатом унижения, которому были вынуждены подвергнуться представители Парижа, чтобы предотвратить кровопролитие, будет полное сложение ими власти, которая останется за Центральным комитетом до тех пор, пока не будут избраны члены Коммуны. Покинутые правительством после ухода главы исполнительной власти и министров, мы сплотились вокруг представителей, которые, не будучи поддержаны правительством, вынуждены подчиняться революционерам. Теперь мы должны выбирать между Коммуной и анархией.

Поэтому сегодня, в воскресенье, 26 марта, мужское население Парижа спешит на выборы. Тщетно газеты умоляли людей не голосовать; выборы были объявлены только вчера, и у избирателей не было времени пересмотреть выбор, который они должны сделать, и все же они настаивают на голосовании. Те, кто откажется подчиниться предложениям Центрального комитета, переизберут бывших мэров или выберут кого-нибудь из депутатов, но голосовать они будут. Нынешняя позиция регулярного правительства многое сделала для продвижения революции. Ошибки Ассамблеи приуменьшили в глазах общественности значение бунта как преступления. Повсюду открыто сожалеют об убийстве генералов Клемана Тома и Леконта; но тех, кто повторяет, что Центральный комитет заявляет о своей непричастности к этому, выслушивают терпеливо. Слух о том, что они были застрелены солдатами, набирает силу и, кажется, воспринимается менее недоверчиво. Что касается массовых убийств на улице Мира, нам говорят, что это событие окутано тайной, что свидетельства крайне противоречивы и т.д. и т.п.^[22] Очевидно, что существует решительное реакционное движение в пользу партизан Коммуны. Без одобрения их действий их деятельность неоспорима. Они многое сделали за короткое время. Люди восклицают: “Вот вам мужчины!” Такое положение вещей очень тревожит всех тех, кто остался верен Ассамблее, которая, несмотря на свои ошибки, не перестала быть законным представителем страны. Это жестокое положение для парижан, которые вынуждены выбирать между

регулярным правительством, которому они хотели бы повиноваться, но которое из-за своих недостатков делает такое повиновение невозможным, и незаконной властью, которая, хотя и виновна в своих действиях и запятнана преступлениями, все же представляет мнения республиканского большинства. Следовательно, к сегодняшнему вечеру Коммуна будет создана; ее незаконное существование, несомненно, может быть доказано сторонниками конституционной законности, которые сочли бы недействительными выборы, проведенные без согласия нации, представленной Ассамблеей. Законные или нет, однако выборы состоялись, и сам по себе этот факт имеет определенное значение. Через несколько часов Исполнительной власти Республики придется иметь дело, хочет она того или нет, с силой, которая зарекомендовала себя настолько законно, насколько это было в ее силах при данных обстоятельствах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[21] Известие о проверке, которой подверглись мэры Парижа в Собрании, внезапно ослабило узы, которые в течение двух дней объединяли друзей порядка, и глубокое уныние овладело общественным сознанием. Именно в этот момент депутаты Комитета появились в мэрии первого округа в сопровождении трех артиллерийских орудий - очень воинственное сопровождение депутации. Было решено, что общинными выборами должны руководить действующие мэры и что батальоны каждого квартала города, федеральные или нет, должны занять места для голосования в своих районах; но это не помешало Комитету на следующее утро оккупировать мэрию Сен-Жермен-л'Оксерруа, несмотря на договоренность, своими самыми преданными батальонами.

[22] Ниже приведены выражения, в которых Коммуна отзывалась о событиях 18 марта и оправдывала убийство двух генералов:

“ГРАЖДАНЕ, День 18 марта, который по заинтересованным причинам был искажен самым одиозным образом, будет назван в истории Днем народного правосудия!

Правительство, ныне свергнутое — всегда бестактное — ринулось в конфликт, не считаясь ни с собственной непопулярностью, ни с братскими чувствами, которые одушевляют армии; вся армия, когда ей приказали совершить братоубийство, ответила криками “Да здравствует Республика!” “Vive la Garde Nationale!”

Только два человека, сделавшие себя непопулярными из-за действий, которые мы теперь называем незаконными, были убиты в момент народного возмущения.

Комитет Федерации национальной гвардии, чтобы отдать дань уважения истине, заявляет, что он не был свидетелем этих двух казней.

В настоящий момент министерства сформированы, префект полиции приступил к своим обязанностям, государственные учреждения снова работают, и мы призываем всех граждан сохранять предельное спокойствие и порядок”.

XVIII.

Толпы на улицах и променадах. Этим вечером все театры будут вновь открыты. Тем временем голосование продолжается. Погода чудесная, поэтому я прогуливаюсь по набережным. Под колоннадой Шатле выстроилась длинная очередь избирателей, ожидающих своей очереди. Я полагаю, что в этом квартале наверняка будут избраны кандидаты в члены Центрального комитета. Женщины в ярких платьях и свежих весенних шляпках прогуливаются взад и вперед. Я слышал, как кто-то сказал, что в Отель-де-Виль очень много пушек. Две подруги

встречаются на площади искусств и Метрополитен.— “Вы одна, мадам?” — спрашивает одна дама другую. - “Да, мадам, я жду своего мужа, который ушел голосовать”.

Ребенок, который скачет вприпрыжку, кричит: “Мама, мама, что такое Коммуна?”

Водители фиакров используют революцию как предлог для того, чтобы запрашивать экстравагантные тарифы; это не мешает им иметь очень решительные политические взгляды. Тот, кто водил машину, вряд ли получил бы одобрение Центрального комитета. — “Кочегар, какова стоимость проезда?” — Пять франков, месье. — Спрашиваю я. - Хорошо, отвезите меня на мэрию, на площадь Сен-Сюльпис.— “Прошу прощения, месье, но если вы собираетесь голосовать, то это будет стоить десять франков!”

По Страсбургскому бульвару текут потоки людей, одетых по-праздничному; бродячие торговцы футболками, брошюрами, сувенирами времен осады — специально приготовленными ломтями черного хлеба в рамках и глазури, а также кусочками ракушек, душистым мылом и цветными картинками; повсюду толпы нищих. В этой части города революция очень похожа на ярмарку.

В мэрии 6-го округа очень мало людей. Я вступаю в разговор с одним из тамошних чиновников. Он говорит мне, что никогда не видел, чтобы голосование проходило с большим воодушевлением.

Я встречаю друга, который только что вернулся из Бельвиля, и, конечно, спрашиваю его о новостях. - Голосование проходит в полном порядке, - говорит он мне. - Люди подходят к избирательному участку так, как если бы они устраивали прорыв. У них нет выбора, кроме как слепо подчиняться”. — “Центральному комитету?” Я спрашиваю. — “Да, но сам Комитет подчиняется только приказам”.— “Чи?” — “Почему, конечно, международные”.

На углу рядом с бульварами небольшая группка людей стоит перед плакатом. Я предполагаю, что они изучают заявление одного из кандидатов, но оказывается, что это всего лишь афиша. Толпа продолжает густеть; кафе переполнены; золотистые шиньоны в изобилии лежат на каждом столике; тут и там виднеется красная рубашка Гарибальди, похожая на маки среди кукурузы. Время от времени мимо бешено скачет всадник с депешами от одного участка к другому. Результаты некоторых выборов становятся известны. В Монруж, Берси, Батиньоле и Марэ нам говорят, что члены Центрального комитета избираются очень большим большинством. Тут раздается хриплый мальчишеский голос: “Купите отчет о грандиозном заговоре гражданина Тьера против Республики!” Затем присоединяется другой, с товарами менее политического и более вульгарного характера. Движение туда-сюда и ажиотаж необычайны. Пока население греется на солнышке, решается судьба города. — “М. Демарест избран от 9-го округа”, — говорит кто-то из моих близких. - “Лесюер - столица ‘Партии пик’”, - говорит другой. О, жители Парижа!

XIX.

Все кончено. У нас есть “Муниципальный совет”, по мнению одних; “Коммуна”, по мнению других. Не совсем законно избранный, но в достаточной степени. Восемьдесят членов совета, шестьдесят из которых совершенно неизвестные люди. Кто мог рекомендовать их или, скорее, навязать избирателям? Действительно ли под прикрытием бывшего Центрального комитета действует какая-то оккультная сила? Является ли Коммуна только предлогом, и мы находимся на пороге социальной и политической революции? Я случайно

услышал, как один сторонник новых доктрин сказал: “Пролетариат отстаивает свои права, которые были несправедливо попорчены аристократической буржуазией. Это ”Рабочий 1789 год”!”

Другой человек выражает то же самое в несколько иной форме. “Это бунт *канарейки* против всякого рода превосходства, превосходства удачи и превосходства интеллекта. Равенство людей перед законом признано, теперь они хотят провозгласить равенство интеллекта. Скоро всеобщее избирательное право уступит место жеребьевке. В Афинах было время, когда имена архонтов доставались наугад, как числа в лотерее лото”.

Однако революция еще не определила четко свои тенденции, а пока что мы должны думать о неизвестных существах, которые ее представляют? Человек, которому я питаю величайшее доверие и который провел свою жизнь, изучая вопросы социальной науки, и который, следовательно, вращался почти во всех революционных кругах и лично знаком с вождями, сказал мне только что, говоря о новом муниципальном совете,^[23] “Это будет собрание очень разношерстного характера. В этом будет много хорошего и много плохого. Мы можем с уверенностью разделить его на три отдельные части: во—первых, десять или двенадцать человек, принадлежащих к Интернационалу, которые и думали, и учились, и, возможно, способны действовать, смешавшись с этими несколькими иностранцами; во-вторых, некоторое количество молодых людей, пылких, но неопытных, некоторые из которых проникнуты якобинскими принципами; в-третьих, и это, безусловно, большая часть, неудачливые заговорщики прошлых революций, журналисты, ораторы и заговорщицы, - шумные, активные и искрометные, не имеющие между собой никакой особой связи, кроме отсутствия каких-либо общих уз единства с двумя бывшими подразделениями, и являющиеся путают то с одним, то с другим. Только члены Интернационала имеют какую-либо реальную политическую ценность; они социалисты. Якобинский элемент определенно опасен”. — Если в действительности Общественное собрание будет составлено таким образом, как оно будет действовать? Давайте подождем и посмотрим; тем временем город спокоен. Никогда еще в столь критический момент не выглядел таким спокойным. Кстати, где пруссаки?^[24]

ПРИМЕЧАНИЯ:

[23] В ” gives the following those who held service under the Commune:—

„Анис-эль-Биттар, библиотекарь рукописи. Department, Bibliothèque Nationale. (Египтянин)
Бьондетти, хирург 233-го батальона. (Итальянский.)
Бабиок, член коммуны. (Поляк.)
Беока, адъютант 207-го батальона. (Поляк.)
Клюзере, генерал, военный делегат. (Американец.)
Чернатеско, хирург из Франции. (Поляк.)
Крапулински, полковник штаба. (Поляк.)
Карнейру де Кунья, хирург 38-го батальона. (Португальский.)
Хараламбо, хирург федеральных скаутов. (Поляк.)
Домбровский, генерал. (Русский.)
Домбровский (его брат), полковник штаба. (Русский.)
Дурнофф, командир легиона. (Поляк.)
Эхенлауб, полковник. (Немецкий.)
Феррера Гола, генеральный директор полевых госпиталей. (Португальский.)
Франкель, член коммуны. (Прусский.)
Жорок, комендант форта д'Исси. (Валашский.)

Гражорок, комендант артиллерии на Монмартре. (Валашский.)
Кертцфельд, главный менеджер полевых госпиталей. (Нем.)
Изикердо, хирург 88-го батальона. (Поляк.)
Яловски, хирург зуавов Республики. (Поляк.)
Кобоско, Посыльный.
La Cecilia, General. (Итальянский.)
Ландовский, адъютант генерала Домбровского. (Поляк.)
Мизара, командир 104-го батальона. (Итальянский.)
Маратух, помощник хирурга 72-го батальона. (Венгерский.)
Моро, командир 22-го батальона. (Итальянский.)
Околович и его братья, генерал и офицеры штаба. (Поляки.)
Остин, член коммуны. (Бельгиец.)
Олински, командир 17-го легиона. (Поляк.)
Пизани, адъютант Флуранса. (Итал.)
Потампенки, адъютант генерала Домбровского. (Поляк.)
Плоубинский, штабной офицер. (Поляк.)
Паздзерский, комендант форта де Ванв. (Поляк.)
Пьяцца, командир легиона. (Итальянский.)
Пуньо, музыкальный руководитель в Оперном театре. (Итальянский.)
Романелли, управляющий военным министерством. (Итальянский.)
Розинский, хирург 144-го батальона. (Поляк.)
Рубинович, хирург морской пехоты. (Поляк.)
Синек, хирург 151-го батальона. (Немец.)
Скальски, хирург 240-го батальона. (Поляк.)
Сотериаде, хирург. (Испанец.)
Таллер, помощник губернатора форта Бисетр. (Немецкий.)
Ван Осталь, командир 115-го батальона. (Голландский.)
Ветцель, комендант южных фортов. (Немец.)
Вроблевский, генерал-комендант Южной армии. (Поляк.)
Виттон, хирург 72-го батальона. (Американец.)
Зенгерлер, хирург 74-го батальона, (немец.)]

[24] Пруссаки и коммуна, см. [Приложение 3](#).

XX.

Кто может удержаться от увлечения энтузиазмом толпы? Я не политик, я всего лишь наблюдатель, который видит, слышит и чувствует.

Я был на площади Отель-де-Виль в тот момент, когда были объявлены имена успешных кандидатов, и эмоции все еще свежи во мне.^[25] Там было, наверное, сто тысяч человек, собранных со всех концов города. Соседние улицы тоже были переполнены, и сверкающие на солнце штыки наполняли это Место яркими вспышками, подобными миниатюрным молниям. В центре фасада здания была установлена платформа, на которой возвышалась статуя Республики во фригийском колпаке. Бронзовый барельеф Генриха IV. они были тщательно скрыты связками флагов. Каждое окно было оживлено лицами. Я увидел нескольких женщин на крыше, и *геймены* были повсюду, цепляясь за скульптурные украшения или бесстрашно восседая на плечах мраморных бюстов. Один за другим батальоны занимали свои позиции на этом Месте со своими оркестрами. Когда все

собрались, они заиграли "Марсельезу", которой вторили тысячи голосов. Это было до крайности величественно, и великолепный гимн, который недавние поражения лишили его славы, снова зазвучал со всем своим возрожденным былым великолепием. Внезапно раздаётся канонада, голоса становятся все громче и громче; море штандартов, штыков и человеческих голов колышется взад и вперед перед платформой. Грохочет пушка, но мы слышим ее только в перерывах между исполнением гимна. Тогда все звуки сливаются в один вселенский крик, тот крик огромной толпы, у которого, кажется, только одно сердце и один голос. Члены Комитета, у каждого на груди трехцветный шарф, заняли свои места на трибуне. Один из них зачитывает имена избранных членов совета. Затем пушка грохочет еще раз, но ее почти заглушают оглушительные возгласы толпы. О, жители Парижа, которые в день "*Креста господня*"^[26] напились в винных лавках Монмартра, из чьих рядов вышли убийцы Тома и Леконта, которые на улице Мира расстреливали потерявших сознание пассажиров, которые способны на самую дикую расточительность и самые отвратительные поступки, вы также в дни своей славы, величественные, когда внутри бушует вулкан щедрых страстей, и сердца даже тех, кто больше всего осуждает вас, опалены огнем. пламя.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[25] Результаты голосования были объявлены в четыре часа 28 марта. Газеты, посвященные коммуне, утверждали на следующий день, что *в тот день было собрано двести пятнадцать* батальонов и что средняя численность каждого корпуса составляла тысячу человек. Кто бы мог подумать, что отель Place de l'Hôtel de Ville способен вместить столько народу! Это фарсовое утверждение о двухстах пятнадцати батальонах вошло в поговорку.

[26] Когда они поворачивали приклады (*крестовины*) своих ружей в воздухе в знак того, что они не будут сражаться.

XXI.

"Граждане, - говорится в *Официальном журнале* этим утром, "ваша Коммуна создана". Затем следует указ за указом. Повсюду расклеиваются белые плакаты. Зачем они в Ратуше, если не для того, чтобы публиковать указы? Воинская повинность отменена. Мы больше не увидим бедных молодых людей, марширующих по городу со своими номерами на фуражках и воспламененных тем благородным патриотизмом, который впитывается в кабаре за такой большой рюмкой. У нас больше не будет солдат, но, чтобы восполнить это, мы все станем национальными гвардейцами. Как говорит Эдгар По, есть замечательный указ. Что касается домовладельцев, то их досада велика; даже арендаторы не кажутся такими довольными, какими им следовало бы быть. Не платить никакой арендной платы, конечно, очень приятно, но они едва ли осмеливаются верить в такую удачу. Таким образом, когда Орфей, пытаясь спасти Эвридику из "адских областей", прерывает "своими гармоничными звуками" муки вечного наказания, Прометей, несомненно, не выказал столько восторга, сколько следовало бы, обнаружив, что клюв стервятника больше не вгрызается в его жизненно важные органы, "едва осмеливаясь поверить в такую удачу". Орфей - Коммуна; Эвридика - Свобода; "адские области" - правительство 4 сентября; "гармоничные звуки" - декреты коммуны; Прометей - арендатор; и гриф - землевладелец!

Говоря откровенно, однако, — простите меня за шутку на подобную тему, — указ, отменяющий уплату арендной платы за кварталы, заканчивающиеся в октябре 1870, январе 1871 и апреле 1871 годов, вовсе не кажется мне экстравагантным, и, право, я не вижу, что можно возразить против следующих строк, которые сопровождают его:

“Принимая во внимание, что расходы на войну были понесены главным образом промышленной, торговой и работающей частью населения, справедливо, что владельцы домов и земли также должны нести свою часть бремени”

Давайте обсудим это вместе, мистер домовладелец. У вас есть дом, и я в нем живу. Это правда, что дымоходы дымят и что вы самым решительным образом отказываетесь их ремонтировать. Однако дом ваш, и вы имеете полное право извлекать из него прибыль. Поймите раз и навсегда, что я никогда не оспариваю ваше право. Что касается меня, я полагаюсь на свой ум, я немногим обладаю, но у меня есть инструмент — это может быть ручка, или карандаш, или молоток, — который позволяет мне при обычном ходе вещей жить и более или менее регулярно выплачивать квартплату за мой квартал. Если бы у меня не было этого инструмента, вы бы позаботились о том, чтобы не позволять мне жить в вашем доме или какой-либо его части, потому что вы бы сочли, что я не в состоянии платить вам арендную плату. Теперь, во время войны, мой инструмент, несомненно, сослужил мне плохую службу. Он бесславно пролежал без дела в чернильнице, в фолианте или на верстаке. Я не только не смог им воспользоваться, но и в некотором роде разучился обращаться с ним; мне нужно какое-то время, чтобы снова привести себя в рабочее состояние. Пока я мало работал и еще меньше ел, что ты делал? О! Я не хочу сказать, что вы процветали так же, как в триумфальные дни Империи, но все же я не слышал о сколь-нибудь значительном количестве домовладельцев, просящих милостыню на углах улиц, и я не думаю, что вы выделялись своим усердием в муниципальных кантинах. Я даже слышал, что вы или многие из ваших братьев-землевладельцев очень старались не находиться в Париже во время прусской осады и что вы довольствовались тем, что высказывали самые горячие пожелания окончательного триумфа французского оружия из-под раскидистых дубов ваших замков в Турени и Босе или из безопасного убежища рыбацкой деревушки в Нормандии; в то время как мы, сопровождаемые, правда, вашими самыми горячими молитвами, по очереди несли караул на укреплениях в жестокие холодные ночи или по колено в грязи на улицах траншеи. Однако я не виню тех, кто искал спасения в бегстве; каждый человек волен поступать так, как ему заблагорассудится; я возражаю против того, чтобы вы вернулись и сказали: “В течение семи или восьми месяцев вы не работали, вам пришлось заложить свою мебель, чтобы купить хлеба своей жене и детям; Мне жаль вас от всего сердца — будьте так добры’ верните мне арендную плату за три четверти”. Нет, тысячу раз нет; такое требование абсурдно, порочно, нелепо; и я заявляю, что если не существует возможного компромисса между строгим исполнением закона и его декретом Коммуны, я предпочитаю, без малейших колебаний, подчиниться последнему; я предпочитаю видеть, как небольшая бедность на время заменит длительный путь процветания, которым наслаждался этот очень маленький класс людей, чем видеть, как последние предметы обстановки пятисот тысяч страдающих несчастных выставляются на аукцион и сбиваются за двадцатую часть их стоимости. Должен, однако, существовать какой-то способ согласования интересов как домовладельцев, так и арендаторов. Достаточно ли будет предоставить отсрочку последним и заставить первых ждать определенное время получения своих денег? Я думаю, что нет; если бы мне дали три года, чтобы выплатить арендную плату за три четверти, я все равно был бы смущен. Инструмент ремесленника не похож на крестьянский участок земли, который становится более продуктивным после того, как залежался под паром. В течение последних нескольких печальных месяцев, когда у меня не было работы, я был вынужден надеяться на будущее, будущее, сильно заложенное; когда я, возможно, едва ли смогу оплачивать расходы на каждый день, будет ли какая-нибудь возможность расплатиться с долгами прошлого? Вы можете продать мою мебель, если закон дает вам на это право, но я не буду платить!

Единственное возможное решение, поверьте мне, - это решение в пользу арендаторов, только его не следует применять столь массово. Следует провести расследование, и тем арендаторам, у которых война отняла всякую возможность оплаты, должна быть вручена безусловная квитанция: тем, кто пострадал меньше, должна быть разрешена пропорциональная компенсация; но те, кого вторжение не разорило и серьезно не обнищало — а их число велико среди торговцев провизией, владельцев кафе и частных жильцов, — пусть платят напрямую. Таким образом, арендодатели потеряют больше, чем можно себе представить, потому что будут лишены самой низкой арендной платы. Постановление коммуны основано на правильном принципе, но применяется слишком широко.

Новое правительство — ибо это Правительство — не ограничивается указами. Он должен обосноваться в своем новом жилище и все подготовить.^[27]

За несколько часов было организовано более десяти комитетов — исполнительного, финансового, государственной службы, образования, военного, юридического и комитета общественной безопасности. Бесконечные комитеты и ответственные лица: остается надеяться, что дело будет быстро улажено!

ПРИМЕЧАНИЯ:

^[27] Организация комиссий 31 марта:

исполнительная комиссия.—Citizens Eudes, Tridou, Vaillant, Lefrançais, Duval, Félix Pyat, Bergeret.

Commission of Finance.—Victor Clément, Varlin, Jourde, Beslay, Régère.

Военная комиссия.—Генерал Э. Дюваль, генерал Бержере, генерал Эд, полковник Шардон, полковник Флуранс, полковник Пиндли, комендант Ранвье.

Комиссия общественного правосудия.—Ранк, Протот, Лео Мейе, Верморель, Ледруа, Бабик.

Комиссия общественной безопасности.—Рауль Риго, Ферре, Асси, Курне, Уде, Шален, Жерарден.

*Продовольственная комиссия.*Дерер, Шампи, Остин, Клеман, Паризель, Эмиль Клеман, Фортюне Анри.

Комиссия промышленности и торговли.—Малон, Франкель, Теиз, Дюпон, Авриаль, Луазо—Пинсон, Эжен Жерарден, Пюже.

*Комиссия по иностранным делам.*Делеклюз, Ранк, Пасхаль Груссе, Улисс Парент, Артур Арнольд, Антуан Арнольд, Шарль Жерарден.

Комиссия государственной службы.—Остин, Биллиоре, Клеман (Ж.Б.) Мартле, Мортье, Растуль.

Комиссия по образованию.—Jules Vallès, Doctor Goupil, Lefèvre, Urbain,^[28] Albert Leroy, Verdure, Demay, Doctor Robinet.]

^[28] Мемуары, см. Приложение XIII.

XXII.

Давайте, давайте пойдем друг друга. Кто вы, члены Коммуны? Однако те из вас, кто в какой-то мере известен публике, не обладают достаточной уверенностью в себе, чтобы восполнить недостаток знаний, который у них есть о других. Не обращайтесь на то, насколько вы вызываете наше недоверие. Вы опубликовали указы, которые, безусловно, открыты для

критики, но которые не являются полностью возмутительными, поскольку их целью является защита интересов той части населения, которую вы в первую очередь представляете и от которой вы выполняете свои поручения. Мы простим указы, если вы не сделаете ничего хуже. Вчера, 30 марта, ночью (почему ночью?) несколько мужчин в красных шарфах, за которыми следовали еще несколько человек с оружием, явились в страховую компанию Union Insurance Company. За то, что швейцар отказался выдать ключи от офисов, он был арестован. Затем они взломали двери прикладами своих мушкетов и наложили печати на сейф. Что это может предвещать? Вас избрали для того, чтобы взламывать частные офисы и ставить печати на кассовые ящики? В тот же вечер мой друг, случайно проходивший по одному из мостов по пути домой, заметил, что окна Ратуши ярко освещены. Может быть, у них уже бал? он задумался. Он навел справки и выяснил, что это был не бал, а банкет; три или четыре сотни национальных гвардейцев из Бельвиля ворвались в апартаменты и приказали подать им ужин. Их сопровождало соответствующее количество компаньонов, и они пили, разговаривали и пели в свое удовольствие. Что вы хотите этим сказать, члены Коммуны? Вас избрали для проведения дня открытых дверей, и вы предлагаете написать над входом в муниципальный дворец: “Просторные помещения для пиршеств” в дополнение к вашему девизу “Свобода, равенство и братство”?

XXIII.

“Говорю тебе, ты не уйдешь!” — “Но я уйду”. — “Ну, ты можешь, но не твоя мебель”. — “А кто помешает мне унести мою мебель, если я захочу?” — “Я так и сделаю”. — “Я бросаю тебе вызов!” — “Вор!” — “Грабитель!”

Эта оживленная дискуссия велась у дверей дома, перед которым стояла тележка с мебелью; быстро собиралась толпа уличных мальчишек, и во всех окнах появлялись ухмыляющиеся головы любопытных соседей.

Один из партизан Коммуны решил извлечь выгоду из декрета. Поначалу все шло спокойно. Консьерж, застигнутый врасплох внезапным появлением фургона, не набрался смелости помешать погрузке в него мебели. Хозяин, однако, пронюхал об этом и поспешил на это место. Так вот, жилец отличался решительным характером, и поскольку ванмены отказывались ввязываться в драку, он сам взвалил на плечи свой последний предмет мебели и отнес его в фургон. Он уже собирался спрятать его под навесом, когда хозяин, как скряга, лишившийся своего сокровища, схватил его и бросил на тротуар. Арендатор снова схватил свою добычу и снова запихнул ее в тележку, откуда разъяренный хозяин немедленно вытащил ее обратно. Эта игра продолжалась некоторое время, каждый с такой же решимостью, как и другой, хватал, вырывал и тащил этот злополучный предмет мебели, пока один гаечный ключ, более сильный, чем предыдущий, полностью не вывихнул его составные части и не свалил его грудой обломков на землю. Это был момент для арендатора показать себя сильным духом человеком. Воспользовавшись удивлением хозяина, он ловко сгреб остатки своего имущества в фургон, вскочил на сиденье кучера, тряхнул вожжами, щелкнул кнутом и пустился в оглушительный галоп, преследуемый улюлюканьем толпы, криками водителей фургона и ругательствами разочарованного хозяина. Фургон и запряженный им тощий скот вскоре скрылись из виду, и хозяин остался один на пороге своего дома, потрясая кулаком и бормоча “Разбойник!”

XXIV.

Какое количество багажа! Даже те, кому посчастливилось быть свидетелями эмиграции до начала осады, никогда бы не предположили, что в Париже может быть столько багажа. Солидного вида сундуки с медными украшениями, черные деревянные ящики, мохнатые кофры, кожаные шляпные коробки и картонные коробочки для шляп, чемоданы и саквояжи громоздятся на всевозможных транспортных средствах, которых более десяти тысяч, запрудив дороги, ведущие к железнодорожным станциям. Все безумно хотят уехать; шепчутся о том, что Коммуна, ужасная коммуна, собирается издать декрет, запрещающий парижанам покидать Париж. Итак, все благоразумные люди убегают, прихватив с собой банкноты и акции в своих кошельках. Я вижу знакомого мужчину, который идет очень быстро, с озабоченным выражением лица. Я спрашиваю его, куда он идет. — “Ты не знаешь, что со мной случилось?” он плачет. Признаюсь, что нет. — “Самое невероятное: я приговорен к смерти!” — “Вы!” Воскликаю я. — “Да! коммуной!” — “И за что?” — Потому что я пишу в “*Фигаро*”. — “Почему, я никогда этого не знал!” — “О! не очень часто, но в прошлом году я отправил письмо Редактору, чтобы объяснить ему, что мой новый фарс под названием ‘Подвязки моей тети’ не имеет никакого отношения к ‘Подтяжкам моего дяди’, написанным кем-то другим. Вы понимаете, что я не хотел менять название, которое в своем роде довольно хорошее, поэтому я написал в *Figaro*, и поскольку мое письмо было вставлено, и поскольку Коммуна осуждает всех авторов.... Вы видите...!” — “Прекрасно! Ну, мой дорогой друг, вам следовало уехать раньше. Вы, конечно, едете в Версаль?” — “Почему бы и нет”. — “По железной дороге?” Я не могу удержаться от шутки на его счет. — “Да, конечно”. — “Ну, на вашем месте я бы действительно не стал этого делать; двигатель может взорваться, или вы можете врезаться в багажный поезд. Такие вещи случаются и в лучшие времена, и я думаю, Коммуна способна на все, чтобы избавиться от столь опасного противника”. — “Вы же не хотите сказать, ” дрожащим голосом произносит бедный человечек, “ что они пойдут на такое! Что ж, во всяком случае, я поеду по дороге”.”^[29]

Чуть дальше по Итальянскому бульвару я вижу еще одного знакомого. “Что, все еще в Париже? — Говорю я, пожимая ему руку. - “Сегодня вечером у меня выходной”, - отвечает он. “Вы приговорены к смерти?” — “Нет, но сегодня вечером меня будут судить”. - “Дьявол! Вы пишете в “*Фигаро*”? — “Нет, нет, это довольно длинная история. Три года назад я познакомился с очаровательной блондинкой, которая отвечала взаимностью на мои ухаживания и была в высшей степени любезна. Одним словом, я был сражен наповал. К несчастью, в этом деле замешан муж!” — “Дьявол там был!” — “Он навел справки и выяснил, кто я такая, и...” — “И пригласил вас на смертельный бой?” — “О, нет, он чулочник. Но с того дня он стал моим злейшим врагом”. — “Очень неприятно с его стороны, я уверен, но я не понимаю, каким образом враждебность этого розничного торговца обязывает вас покинуть Париж?” “Видите ли, у него есть двоюродный брат, которого избрали членом Коммуны. — Я понимаю ваше беспокойство; вы опасаетесь скрытой мести этого неразумного чулочника. — Сегодня ночью меня будут судить, но не страх смерти заставляет меня бежать. Все гораздо хуже. Эти люди из Отель-де-Виль способны на все, и я слышал, что они собираются принять закон о разводе. Я знаю злобность мужа этой леди — и я верю, что он способен развестись и заставить меня жениться на ней!”

Итак, под тем или иным предлогом почти все уезжают. Что касается меня, я как закоренелый парижанин — в моих ботинках укоренилась неприязнь к любому другому тротуару, кроме бульваров. Кто прав, я или те, кто спешит прочь? Существует ли здесь реальная опасность для тех, кто не является пылко приверженным принципам Коммуны? Я стараюсь верить в обратное. Правда, были аресты, посещения по месту жительства и другие незаконные и

тиранические действия, но я не думаю, что это может продолжаться долго.^[30] Не можем ли мы надеяться, что опасный элемент в коммуне вскоре будет нейтрализован более разумной частью муниципального совета, если, конечно, такая часть существует? Я не могу поверить, что революция, совершенная одной третью населения Парижа и терпимая другой (оставшаяся часть обратилась в бегство), может быть полностью лишена духа великодушия и полезности, способна лишь присваивать чужие средства и несправедливо сажать в тюрьму невинных граждан. Кроме того, даже если Коммуна, вместо того, чтобы попытаться заставить нас забыть кровавые деяния, предшествовавшие ее созданию, или попытаться исправить ошибки, в которых она была повинна, напротив, продолжит совершать подобные эксцессы, тем самым разоряя город, который и так много пострадал, даже тогда я не покину ее. Я буду цепляться за это до последнего, как моряк, полюбивший корабль, который доблестно нес его в стольких плаваниях, цепляется за обломки своего любимого и отказывается спастись без него.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[29] Ниже приводится документ, полностью подтверждающий эти опасения:—

“30 марта — Парижская коммуна — Приказ Центрального комитета офицеру, командующему батальоном охраны на станции Западный Сентур.

“Остановить все поезда, следующие в направлении Парижа, на станции Западный Сентр.

“Поставить на этот пост энергичного человека днем и ночью. Этот человек должен установить охрану с балкой, которую он должен перебрасывать через рельсы при прибытии каждого поезда, чтобы заставить его сойти с рельсов, если машинист откажется остановиться.

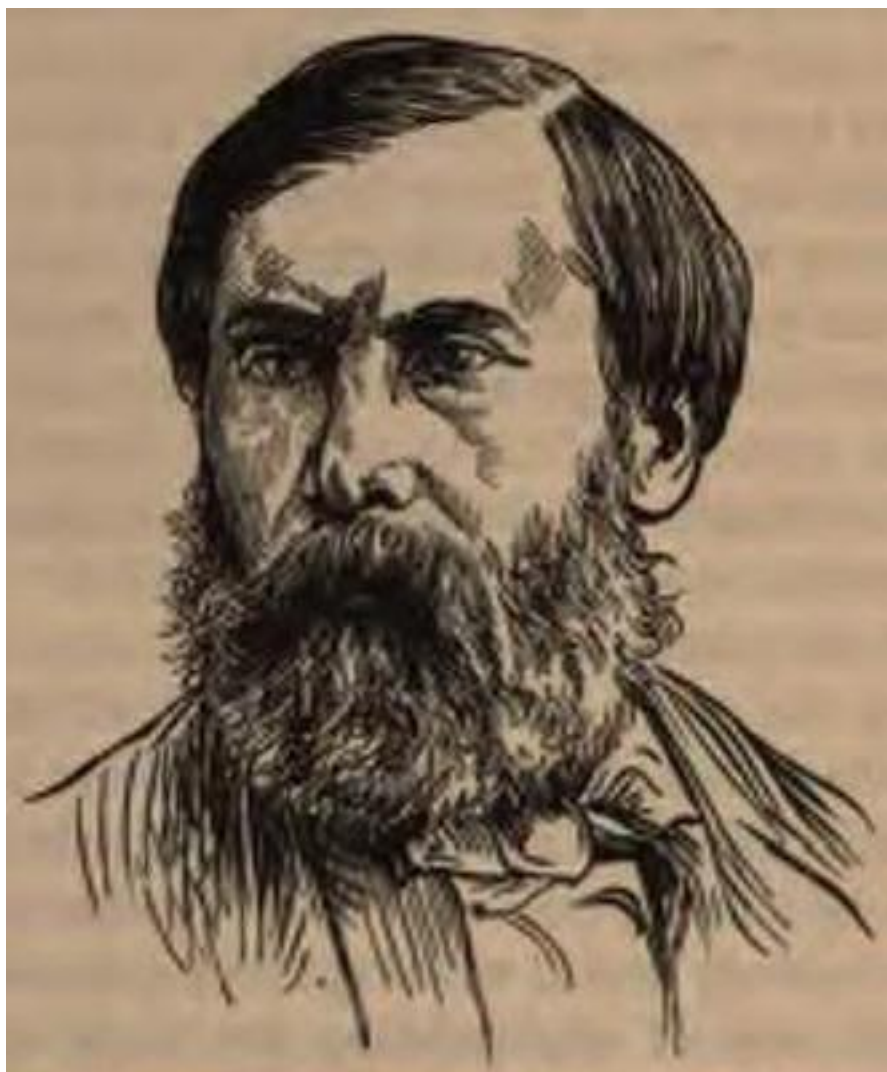
- ГЕНРИХ, командир легиона.

[30] Накопились досадные меры:

Уроженец тихого океана М. Глэ-Бизуан был арестован в табачной лавке, где он, несомненно, раскуривал реакционную сигару. Сначала ему показалось, что произошла ошибка, но он предстал перед Комитетом, который, однако, освободил его.

М. Марис Прот, писатель из *"Чаривари"*, который, конечно, не является роялистским журналом, был арестован на следующий день и содержался под стражей более длительное время.

В тот же день был произведен обыск в доме издателя Лакруа.]

Гамбон.

XXV.

Ожидается прибытие Гарибальди. Гамбон отправился на Корсику, чтобы встретиться с ним. Его должны поставить во главе Национальной гвардии. Остается искренне надеяться, что он не придет.^[31]

Во-первых, потому, что его присутствие в этот момент создало бы новые опасности; а во-вторых, потому, что этот замечательный и почитаемый человек бесполезно скомпрометировал бы свою славу в наших прискорбных разногласиях. Если бы я, малоизвестный гражданин, имел честь быть одним из тех, к кому прислушивается освободитель Неаполя, я бы без колебаний подошел к нему и, склонившись перед ним, как перед каким-нибудь древним героем, восставшим из своей славной могилы, сказал ему: “Генерал, вы спасли свою страну. Во главе нескольких сотен человек вы выигрывали сражения и брали города. Ваше имя напоминает имя Вильгельма Телля. Везде, где нужно было разорвать цепи и ярмо, вы спешили. Подобно воинам, которых Гюго превозносит в своем *Легенде времен*, вы были защитником справедливости, странствующим рыцарем свободы. Ты являешься нам победителем в далеком видении, как в царстве легенд. Ради славы нашего века, в котором не хватает героев, тебе подобает оставаться тем, кто ты есть. Продолжайте вдали, чтобы вы могли продолжать быть великими. Дело не в том, что ваша слава такова, что ее можно увидеть только на расстоянии, и она теряется, если

рассматривать ее слишком близко. Это не так! Но среди нас тебе будут мешать. Здесь недостаточно места, чтобы ты мог свободно обнажить свой меч. Мы ловкие, странные и сложные. Вы просты, и в этом ваше величие. Мы принадлежим своему времени, вам выпала честь быть анахронизмом. Вы были бы бесполезны для своих друзей, разрушительны для себя. Что бы ты, гигант, сражающийся мечом, сделал против карликов, у которых есть пушки? Ты храбр, но они хитры и победят тебя. Ради девятнадцатого века вы не должны быть побеждены. Не приходите; в своей простоте вы были бы пойманы в паутину умной посредственности, и над вашими грандиозными усилиями вырваться на свободу только посмеялись бы. Великий человек, с тобой обращались бы как с пигмеем”.

Однако вполне вероятно, что если бы я обратился с подобной речью к генералу Гарибальди, генерал Гарибальди вежливо указал бы мне на дверь. Другие, более могущественные советники внушали ему другие идеи. Дружба действительно опасна! Как глубоко болезненно то, что ни один человек, каким бы умным или великим он ни был, не может ясно различить грань, за которой миссия, которой наделили его Небеса, заканчивается, и, презирая все знаменитости, чуждые его истинной славе, соглашается оставаться таким, каким будут восхищаться будущие века.^[32]

ПРИМЕЧАНИЯ:

[31] Гражданин Гамбон, представитель департамента Сены, покинул Париж с миссией по поиску Гарибальди, но был арестован в Бонифачо, на острове Корсика, как раз в тот момент, когда он отправлялся на Капреру.

С воспоминаниями можно ознакомиться в [Приложении 4](#).

[32] Центральный комитет избрал Гарибальди главнокомандующим Национальной гвардией, но он отказался на следующих условиях, притворившись, что не осведомлен о состоянии Парижа:-

“Капрера, 28 марта 1871 года.

“ГРАЖДАНЕ,

Благодарю за честь, которую вы оказали мне, назначив главнокомандующим Национальной гвардией Парижа, которую я люблю и чьи опасности и славу я был бы горд разделить.

“Однако я обязан дать вам следующие пояснения:

“Комендант Национальной гвардии Парижа, командующий парижской армией и руководящий комитет, какими бы они ни были, являются тремя державами, которые несовместимы с нынешним положением Франции.

“У деспотизма есть преимущество перед нами, преимущество концентрации власти, и именно эту централизацию вы должны противопоставить своим врагам.

“Выберите честного гражданина, а в таких недостатка нет: Виктор Гюго, Луи Блан, Феликс Пай, Эдгар Кине или другой старейшина радикальной демократии послужили бы этой цели. Генералы Оремер и Бийо, которые, как я вижу, пользуются вашим доверием, могут быть причислены к этому числу.

“Будьте уверены, что верховное командование и все полномочия должны быть возложены на одного честного человека; такой человек выбрал бы других честных людей для помощи ему в трудной задаче спасения страны.

“Если вам посчастливится найти Вашингтон, Франция оправится от кораблекрушения и за короткое время станет величественнее, чем когда-либо.

“Эти условия не являются оправданием для уклонения от исполнения долга служения республиканской Франции. Нет! Я не отчаиваюсь сражаться на стороне этих *храбрецов*, и я,

“Искренне ваш,
(Подпись) “Дж. ГАРИБАЛЬДИ”.

XXVI.

Понедельник, 3 апреля.^[33] Ужасный день! Я бегал туда-сюда, присматривался, задавал вопросы, читал. Сейчас десять часов вечера. И что я знаю? Ничего определенного; ничего, кроме этого, что ужасно, — они сражаются.

Да, у ворот Парижа французы против французов, на глазах у пруссаков, которые, как вороны, следят за полем битвы: они сражаются. Я видел, как проезжали фургоны скорой помощи, полные национальных гвардейцев. Кем они были ранены? Зуавами. Правдоподобно ли это, возможно ли? Ах! эти ружья, пушка и митральезы, почему враг не забрал их все - все, до единого, как у солдат, так и у парижан? Но это оказалось бы небольшой помехой. Было решено — по какой чудовищной воле? — что мы должны быть сброшены на самое дно пропасти. Этих французов, которые будут убивать французов, не остановит отсутствие оружия. Если бы они не могли стрелять друг в друга, они бы задушили друг друга.

“Баррикада”: ужин — суп, сигары и "пти верре"

Этого, действительно, никто не ожидал. Опасались восстания; люди вспоминали июньские дни; в тот вечер, когда батальоны, преданные Национальному собранию, разбили лагерь неподалеку от Банка, мы представляли себе, как ужасную возможность, мушкетеры, направленные из-за камней баррикад, кровь, льющуюся по улицам, убитых мужчин, плачущих женщин. Но кто мог предсказать, что готовится гражданская война нового типа? Что Париж, отделенный от Франции, будет блокирован французами? Что она снова будет лишена связи с провинциями; возможно, снова умрет от голода? Что там будут не несколько человек, сражающихся насмерть в одном из кварталов города, а две армии, каждая с вождями, укреплениями и пушками? Что Париж, одним словом, будет снова осажден? Какой отвратительный сюрприз судьбы!

Канонада слышна с утра. Ах, этот звук, который во время осады заставлял наши сердца биться надеждой, — да, надеждой, потому что он заставлял нас верить в возможное избавление, — каким ужасным он был сегодня утром. Я направился к Елисейским полям. Париж был безлюден. Понял ли он наконец, что его честь, даже его существование были

поставлены на карту в этой революции, или она просто еще не началась? Батальоны маршировали по бульварам под музыку. Они направлялись к Вандомской площади и пели. У *кантиньеров* было оружие. Кто-то сказал мне, что люди всю ночь работали по соседству с Ратушей и что прилегающие к ней улицы были перегорожены баррикадами. Но на самом деле никто ничего не знает, кроме того, что в Нейи идут бои, что "роялисты" напали и что "наших братьев убивают". На площади Согласия собралось несколько групп. Я подхожу и вижу, что они обсуждают вопрос об арендной плате, — да, о арендной плате! Ах! совершенно очевидно, что тем, кого убивают в этот момент, не придется платить своему домовладельцу. Достигнув Последней точки, я отчетливо различаю плотную толпу вокруг Триумфальной арки и встречаю нескольких усталых национальных гвардейцев, возвращающихся с битвы. Они оборваны, запылены и унылы. "Что случилось?" — "Нас предали!" — говорит один. — "Смерть предателям!" — кричит другой.

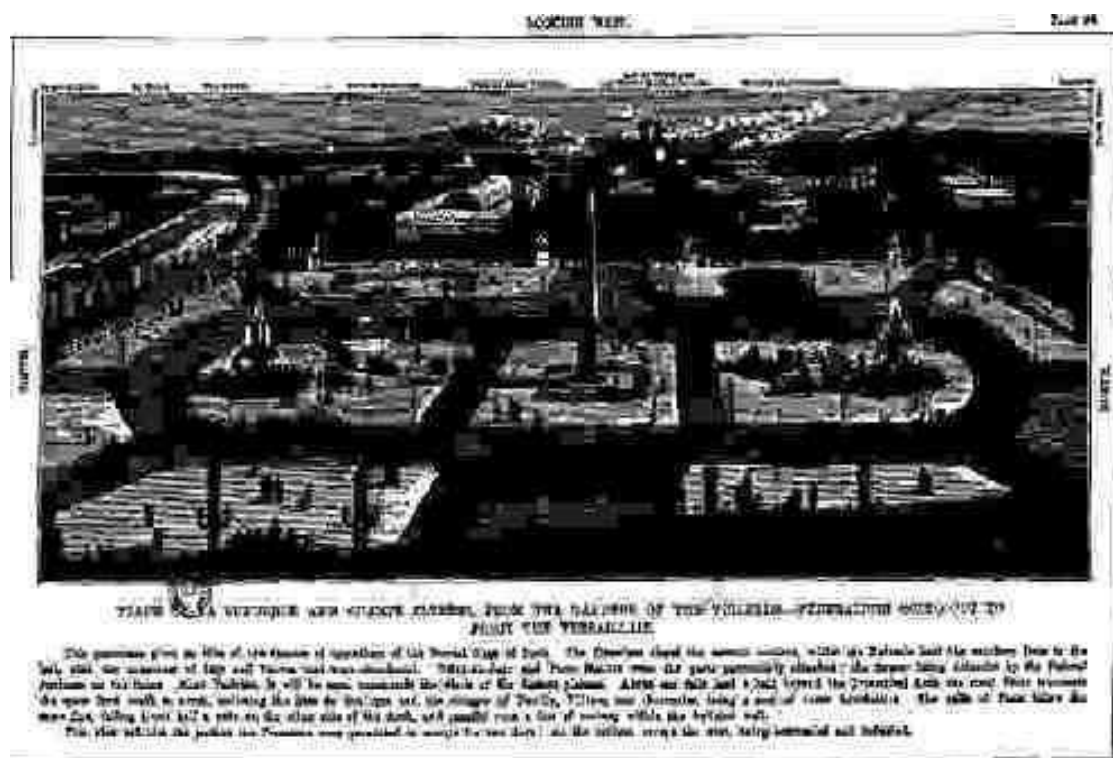
Никаких определенных новостей с поля боя. Беглец, сидящий возле кафе среди группы нетерпеливых вопрошающих, рассказывает, что баррикада на мосту Нейи была атакована *городскими сержантами*, переодетыми солдатами, и папскими зуавами с белым флагом. — Парламентский флаг? — спрашивает кто-то. — "Нет! флаг роялистов", — ответил беглец. — "И баррикада была взята?" — "У нас не было патронов; мы не ели двадцать четыре часа; конечно, нам пришлось отступить".

Далее солдат линии фронта утверждает, что баррикада снова взята. Пушка грохочет по-прежнему. Говорят, Мон—Валерьен обстреливает казармы Курбевуа, где вчера был расквартирован батальон федеральной гвардии. — "Но они ушли до рассвета", — добавляет солдат.

По мере того, как я продолжаю свой путь, группы становятся все многочисленнее. Я поднимаю голову и вижу, как над проспектом Великой Армии разорвался снаряд, оставив после себя облачко белого дыма, висящее несколько секунд, как хлопья облака, унесенные ветром.

Я продолжаю идти. Возвышенность, на которой возвышается Триумфальная арка, покрыта людьми; среди них очень много женщин и детей. Они монтируются на столбах, цепляются за выступы Арки, подвешиваются к скульптуре из барельефов. Один человек прикрепил доску к верхушкам трех стульев, и, заплатив несколько су, зеваки могут взобраться на нее. С этой позиции можно разглядеть неподвижную, внимательную толпу, тянущуюся по всей длине проспекта Великой Армии до ворот Майо, из которых каждое мгновение поднимается огромное облако белого дыма, сопровождаемое сильным взрывом, — это пушки крепостных валов стреляют по Второму мысу Курбевуа; а за этим далеко простирается залитая солнцем авеню Нейи, пустынная и пыльная, время от времени ее быстро пересекает человеческая фигура; и дальше всего, за Сеной, за авеню де Ль. Император, опустел и холм Курбевуа, где установлена батарея версальских войск. Но как я ни напрягаю зрение, я не могу различить ружей, но нескольких человек, несомненно, часовых, различить можно. Это *городские сержанты*, говорит мой сосед справа; но тот, что слева от меня, говорит, что это папские зуавы. У них должно быть хорошее зрение, чтобы распознать форму на таком расстоянии. О баррикаде на мосту ходят самые противоречивые слухи; невозможно установить, осталась ли она во владении солдат или федералов. Более того, с тех пор, как я пришел, боев было немного. Немного позже, в двенадцать часов, стрельба полностью прекращается. Но батарея на крепостном валу продолжает обстреливать Курбевуа, а Мон-Валерьен по-прежнему время от времени обстреливает Нейи. Внезапно поток пыли, идущий от ворот Майо, оттесняет гущу толпы, и когда он летит, расширяясь и кружась все безумнее по мере приближения, всех охватывает ужас, и они бросаются прочь, крича и жестикулируя. Говорят,

только что упал снаряд на проспекте Великой армии. Около Триумфальной арки не осталось ни души. Прилегающие улицы заполнены людьми, которые бежали туда, чтобы укрыться. Однако мало-помалу люди начинают приходить в себя, бегство прекращается на середине, и, посмеиваясь над своей минутной паникой, они снова поворачивают назад. Четверть часа спустя толпа повсюду такая же плотная, как и раньше.

Площадь Согласия и Елисейские поля, из садов Тюильри —Федералисты выходят сражаться с Версалем:

Эта панорама дает представление о театре военных действий Второй осады Парижа. Пруссак закрепили восточный оцепление, в то время как федералы удерживали южные форты до последнего, за исключением Исси и Ванвеса, которые были оставлены. Особенно сильно подверглись нападению Пойнт-дю-Жур и Порт-Майо; первые защищались федеральными канонерскими лодками на Сене. Мы увидим, что Мон-Валерьян господствует над всем отдаленным плато. Примерно в полутора милях за Триумфальной аркой река Сена пересекает пространство с юга на север, окружая Булонский лес и деревни Нейи, Вилье и Курсель, являясь своего рода внешним укреплением. Стены Парижа проходят по той же линии, проходя примерно в полумиле по другую сторону Арки, и параллельно им проходит железнодорожная ветка внутри укрепленной стены. Этот вид показывает ту часть, которую пруссакам было разрешено занять в течение двух дней: все выходы, кроме западного, были забаррикадированы и оборонялись.

Однако это зрелище сражающихся и зевак огорчает меня, и, отчаявшись узнать что-либо, я возвращаюсь в город.

Находясь на некотором расстоянии от места событий, получаешь лучшую информацию или, во всяком случае, ее гораздо больше. Воображение играет лучше, когда оно дальше от факта. До меня доходят сотни абсурдных историй. Что кажется сносно несомненным, так это то, что федералы получили сдерживающий фактор, сам по себе не очень важный, поскольку версальские войска продвинулись лишь незначительно, но, во всяком случае, сдерживающий фактор, который мог бы оказать некоторое влияние на решимость

Национальной гвардии. Им сказали, что армия не будет сражаться, что линейные солдаты поднимут приклады своих ружей в воздух в Нейи, как они это сделали на Монмартре. Но теперь они начинают верить, что армия будет сражаться, и те, кто громче всех кричит, что это были *сержанты де Вилль* и зуавы Шаретта, которые в одиночку возглавили атаку, кажутся таковыми, чтобы придать себе храбрости и поддержать свои иллюзии.

Но с какой стороны прозвучал первый выстрел? По этому поводу каждому есть что сказать, и никто не знает, чему верить. Официальные отчеты ожидаются с величайшим нетерпением. Стены, обычно такие общительные, до этого часа немые. Наименее невероятной из распространенных версий является следующая: на рассвете, как говорят, произошел обмен несколькими выстрелами между федеральным авангардом и патрулями версальских войск. Ни убитых, ни раненых; к счастью, только порох потрачен впустую. Немного позже, через несколько минут после прибытия генерала Виноя в Мон-Валерьен, посланец с флагом перемирия, предшествуемый трубачом и сопровождаемый двумя *сержантами де Вилль* (неизбежно), как говорят, появился на мосту Курбева. Названо имя посыльного — месье Паскье, главный хирург полка конной *жандармерии*. Двое национальных гвардейцев идут ему навстречу; после обмена несколькими словами один из федералов вышибает мозги месье Паскье из своего револьвера, и через десять минут Мон-Валерьен открывает ужасный огонь, который продолжается столь же ожесточенно четыре часа спустя.

Тем временем драмы бились об оружие со всех сторон. Значительное количество батальонов дефилирует по бульвару Монмартр; более двадцати тысяч человек, говорят некоторые, которые делают вид, что знают. Они продолжают маршировать, распевая и выкрикивая *“Да здравствует Коммуна! Vive la République!”* В ответ им раздается несколько криков. Это не только гвардейцы Монмартра и Бельвиля; под военными *кепиможно* разглядеть мирные лица горожан и торговцев, а руки многих белы, как у любого рабочего. Они маршируют в хорошем строю, они спокойны и решительны; чувствуется, что эти люди готовы умереть за дело, которое они считают справедливым. Я приподнимаю шляпу, когда они проходят мимо; нужно отдать должное тем, кто, даже если они виновны, заходит в своей преданности так далеко, что подвергает себя смерти за свои убеждения.

Но что это за убеждения? Что такое Коммуна? Люди, сидящие в Ратуше, не опубликовали никакой программы, но они убивают и их убивают ради Коммуны. О, слова! слова! Какую власть они имеют над вами, героическими и самыми простыми людьми!

Вечером вышло воззвание. Везде, где это было вывешено, собиралась такая огромная толпа, что у меня не было возможности скопировать его; но примерно в таких выражениях оно звучало:

“ГРАЖДАНЕ, сегодня утром НАПАЛИ роялисты.

“Нетерпеливые, они НАПАЛИ раньше нашей сдержанности.

“Не имея возможности выставить против нас французские штыки, они выставили против нас императорскую гвардию и папских зуавов.

“Они обстреляли безобидную деревню Нейи.

“*Шуаны Шаретта, вандейцы Кателино, бретонцы Трошю, жандармы Валантена* бросились на нас.

“Есть убитые и раненые.

“Против этой атаки, возобновленной пруссаками, Париж должен восстать до единого человека.

“Благодаря поддержке Национальной гвардии победа будет за нами!”

Победа! Какая победа? О, горькая боль! Париж, проливающий кровь Франции, Франция, проливающая кровь Парижа! С какой бы стороны ни пришел триумф, не будет ли он проклят?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[33] 1 апреля под стенами форта Исси прозвучало несколько выстрелов, но только на следующий день, 2 апреля, в девять часов утра, боевые действия в Курбевуа начались всерьез атакой версальской армии. Федералы, считавшие себя хозяевами этого места, были остановлены непрерывным огнем полка жандармерии и массовой канонадой с Мон-Валерьяна. Сначала Национальная гвардия отступила, затем с большим мужеством отвоевывала каждый фут земли. По соседству царили крайнее запустение и нищета.

Революция вступила в новую фазу; начались военные действия, и вот-вот должно было быть доказано, что генералы-коммунисты были еще менее гениальны, чем генералы Национальной обороны, хотя следует признать, что последние не знали масштабов ресурсов, которыми располагали. Когда мы вспоминаем, какое небольшое преимущество этим генералам удалось извлечь из героизма парижского населения, которое во время второй осады показало, что оно знает, как сражаться и как умереть, удивительно, что многие люди зашли так далеко, что сожалеют о том, что акция 31 октября не увенчалась успехом, полагая, что, если бы Коммуна восторжествовала в то время, Париж был бы спасен. Сейчас все это кажется очень сомнительным, и мнения значительно разошлись, поскольку не такие люди, как Дюваль, Кюзере, Сесилия, Эд или Бержере, могли бы защитить Париж от науки прусских генералов.

Генерал Бержере.

XXVII.

Кого нам слушать? Кому верить? Потребовалось бы сто страниц, а то и больше, чтобы изложить все различные слухи, которые распространились сегодня, 4 апреля, на второй день ужасного противостояния. Давайте наскоро запишем наиболее настойчивые из этих утверждений; позже я наведу некоторый порядок в этой череде новостей.

Всю ночь в каждом квартале города били барабаны, призывая к оружию. Компании быстро собирались и направлялись к Вандомской площади или Порт-Майо, выкрикивая: “*Версаль!*” С пяти часов утра генерал Бержере занял ближний пункт Курбевуа. Эта позиция была покинута войсками Ассамблеи. Как это произошло? Разве федералы вчера не были разбиты?

(Одна вещь противоречит мнению генерала Бержере о его войсках: он едет на битву в карете.)

Он построил свои войска в колонны. Под его командованием не менее шестидесяти тысяч человек; пехоту поддерживают две батареи из семи орудий; следуют омнибусы, набитые провизией. Они идут к Мон-Валерьену; после взятия форта они пойдут маршем на Версаль через Рюэй и Нантер.^[34] После того, как они возьмут Мон-Валерьен! в успехе предприятия нет ни малейшего сомнения. “Нас заверили,” сказал мне федеральный генерал, - что форт откроет свои двери при первом же нашем появлении”. Но они не учли генерала Чоллетона,

который командует крепостью. Авангард федералов встречен грозным залпом пуль и гильз. Паника! Крики ярости! Обычный разгром при словах “Нас предали!”^[35] Армия Коммуны разделяется на две части: одна — численностью едва ли в три батальона — бежит в направлении Версаля, другая с похвальной поспешностью возвращает Париж. Следует ли обвинять парижских комбатантов в трусости за это бегство? Нет! Они были удивлены; никогда не ожидали такого приема со стороны Мон-Валерьяна; если бы их предупредили, они держались бы лучше. В конце концов, в этом деле было больше страха, чем вреда; огромная крепость могла уничтожить коммунистов, и она удовлетворилась их рассеянием. Но что стало с тремя батальонами, которые прошли Мон-Валерьян? Они храбро двинулись вперед.

Тем временем Медон и Кламар предприняли еще одно наступление на Версаль. Небольшое количество батальонов выступило ночью и сосредоточилось под прикрытием фортов Исси и Ванвеш. Им удалось установить батарею из нескольких орудий на лесистом возвышении, у подножия гласиса форта. Исси, и их орудия ведут огонь по батареям версальских войск в Медоне, которые яростно отвечают им. Это артиллерийская дуэль, как в то время — хорошее время, увы! — из пруссаков.

На данный момент информация достаточно ясна; даже вероятно, и можно прийти к некоторому представлению о соответствующих позициях воюющих сторон. Но ближе к двум часам дня все сообщения становятся путанными и противоречивыми.

Эстафетка, пришедшая из Порта Майо, крикнула группе, образовавшейся на месте Нового оперного театра: “Мы победили! Флуранс вступил в Версаль во главе сорока тысяч человек. Сотня депутатов захвачена. Тьер в плену.

В другом месте говорится, что во время утреннего разгрома у подножия горы Валерьян Флуранс исчез. И где он мог найти сорок тысяч человек, чтобы повести их на Версаль?

В то же время распространяется слух, что генерал Бержере был тяжело ранен снарядами. “Чистое преувеличение!” - отвечает кто-то. - Под командованием генерала было убито всего две лошади.

Вернее, перед ним, поскольку он едет на битву. Что кажется наиболее очевидным, так это то, что между Севром и Медоном идут ожесточенные бои. Я слышал, что 118-й линейный полк поднял приклады своих орудий в воздух и что парижане отобрали двенадцать митральез у версальских войск.

В Шатийоне тоже идут бои. Федералы добились большого преимущества. Тем не менее человек, отправившийся на разведку с той стороны, сообщает, что он видел, как три батальона вернулись с очень небольшим видом триумфатора, и что другие батальоны, составлявшие резерв, отказались идти.

Ливень противоречий, в котором новости по большей части не имеют иного источника, кроме мнения и желания человека, который их приносит. Только по результату мы можем оценить пройденное. В какой-то момент я отказываюсь от попыток получить информацию, считая это плохой работой, но вопреки себе снова начинаю задавать вопросы; желание знать даже сильнее, чем очень твердая уверенность в том, что я ничего не смогу узнать.

Я поворачиваюсь к Елисейским полям. Грохочет пушка; фургоны “скорой помощи” спускаются по аллее и останавливаются перед Промышленным дворцом; по дороге Панч, как обычно, заставляет публику покатываться со смеху. О, жалкие времена! Ужасная братоубийственная борьба! Пусть те, кто был ее причиной, будут прокляты навеки!

В то время как одни убивают, а другие умирают, члены Коммуны издают указы, а стены побелены официальными прокламациями.

“Господам Тьер, Фавру, Пикару, Дюфору, Симону и Потуану объявлен импичмент; их имущество будет конфисковано до тех пор, пока они не предадут себя общественному правосудию”.

Этот импичмент и наложение ареста вернут ли они мужей вдовам и отцов сиротам?

“Парижская коммуна принимает семьи граждан, которые пали или могут пасть в противостоянии преступной агрессии роялистов, направленной против Парижа и Французской республики”.

Бесконечно лучше, чем усыновлять сирот, было бы спасти отцов от смерти. О, эти абсурдные указы! Вы отделяете Церковь от государства; вы сокращаете бюджет общественного богослужения; вы конфискуете имущество духовенства. Самое время подумать о таких действиях! Что необходимо, без чего не обойтись, так это восстановить спокойствие, избежать массовых убийств и подавить ненависть. На это вы не указываете. Нет! нет! Того, что сейчас происходит, вы желали и продолжаете желать; вы воспользовались провокациями, которым подверглись, чтобы вызвать самый страшный конфликт, который зафиксирована в истории несчастной Франции; и вы будете упорствовать, и для того, чтобы возродить слабеющее мужество тех, кого вы посвятили неизбежному поражению и смерти, вы приводите в действие все лицемерие, в котором вы обвиняли своих врагов!

“Бержере и Флуранс объединили свои силы; они идут маршем на Версаль. Успех несомненен!”

Вы заставляете вывешивать это объявление на улицах — ложные новости, не так ли? Но людей можно привести к их гибели, только будучи обманутыми. Вы добавляете:

“Огонь версальской армии не нанес нам сколько-нибудь заметных потерь”.

Ах! Давайте спросим об этом женщин, которые ждут у ворот города возвращения ваших солдат и толпятся, рыдая, вокруг окровавленных носилок!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[34] Совместный план трех генералов Коммуны состоял, подобно знаменитому плану генерала Боума, в том, чтобы двигаться тремя различными дорогами: первая колонна под командованием Бержере, при поддержке Флуранса, шла через Рюэль; вторая, под командованием Дюваля, двинулась на Версаль через нижний Медон, Шавиль и Вирофле, прикрываемая огнем форта Исси и редута Мулино; и, наконец, третья, во главе с генералом Эдом, выехал на дорогу Кламар, защищенную фортом Ванвес.

[35] Хотя ни один форт не прикрывал огнем восемь батальонов Бержере, все же Бержере был настолько уверен, что артиллеристы Мон-Валерьяна поступят так, как поступила линия 18 марта, то есть откажутся стрелять, что смело продвинулся до моста Нейи и остановился у Рон-Пойнт-де-Бержер, когда сильная канонада с Мон-Валерьяна отделила часть колонны от ее основной массы.

XXVIII.

Каждый пролетающий час становится более зловещим, чем предыдущий. Они сражаются при Кламарте так же, как сражаются при Нейи, Медоне и Курбеуа. Повсюду свирепствуют митральезы, пушки и ружья; лживо провозглашаются победы коммуналистов. Правда об их мнимых победах скоро станет известна; и, к несчастью, победа будет такой же отвратительной, как и поражение.

Генерал Дюваль взят в плен и приговорен к смерти. “Если бы вы схватили меня, - спросил генерал Виноа, - разве вы не застрелили бы меня?”— Без колебаний, ” ответил Дюваль. И Виноа скомандовал: “Огонь!”

Но этот анекдот, хотя и широко распространенный, вероятно, является ложным. Едва ли главнокомандующий версальскими войсками согласился бы вести такой диалог с “повстанцем”.

Флуранс также убит. Где и как, пока точно неизвестно. Приводится несколько версий. Одни говорят о пулевом ранении в голову, или шею, или грудь; другие распространяют слух, что его череп был раскроен мечом.

О Флурансе думают и говорят люди самых противоположных мнений. Этот необычный человек не вызывает антипатии даже у тех, кто мог бы испытывать к нему величайшее отвращение. Когда-нибудь я попытаюсь объяснить пристрастность мнений в пользу этого молодого и романтического повстанца.

Дюваль застрелен, Флуранс убит, Бержере лежит в предсмертных муках; энтузиазм федералов вполне может остыть. Ни в малейшей степени! Батальоны, марширующие по бульварам, имеют такой же решительный вид, когда они поют и кричат “*Да здравствует Коммуна!*” Неужели они настолько одурачены своими вождями, что верят напыщенным прокламациям с их ежечасными сообщениями об отраженных атаках, взятых редутах, взятых в плен линейных солдатах? Это маловероятно. И, кроме того, стражники соответствующих кварталов должны видеть возвращение тех, кто был в бою, и чьи встревоженные жены ждут на ступеньках у дверей; должны узнать от них, что передовые отряды на самом деле были разгромлены и что на поле боя осталось много убитых и раненых, в то время как отчеты Коммуны объявляют лишь “незначительные потери”. Откуда берется этот пыл, который не могут остановить первый натиск и поражение? Подпитывается ли он сообщениями, правдивыми или ложными, о жестокостях версалья, которые распространяются сотнями? “Убийство” Дюваля, “покушение” Флуранса, расстрел заключенных, *надругательство надвивандьер*, все эти преступные выдумки — могут ли они быть выдумками, или гражданская война делает из нас таких варваров?—действительно, они по своей природе возбуждают энтузиазм ненависти, и люди идут на вероятное поражение с таким видом, с каким они шли бы к верной победе. Сбитые с пути истинного или нет, виновные или еще какие-то мотивы, которые ими движут, они храбры! И когда они проходят таким образом, они величественны. Да! несмотря на лохмотья, которые у большинства из них служат формой, несмотря на пьяную походку некоторых, в целом они великолепны! И разум самого хладнокровного сторонника порядка любой ценой тщетно борется с восхищением, которое вызывают эти люди, идущие навстречу своей смерти.

Следует также признать, что беспорядка в командовании гораздо меньше, чем можно было ожидать. Все батальоны знают, кому они должны подчиняться. Некоторые направляются в Ратушу, другие - на Вандомскую площадь, многие - в форты, некоторые - на передовые посты; марши и контрмарши совершаются без замешательства, и сражающиеся в целом хорошо

обеспечены боеприпасами и провизией. Как ни далек человек от уважения к вождям федералов, он вынужден признать, что есть нечто замечательное в этой быстрой организации целой армии посреди одного из самых полных политических потрясений. Кто же тогда руководит? Кто командует? Члены коммуны, как бы разобщены они ни были во мнениях, не кажутся способными, из-за своей многочисленности и прискорбной неопытности, единолично руководить военными делами. Нет ли среди них или на заднем плане кого-нибудь, кто знает, как думать, направлять и действовать? Это Бержере? Это Кюзере? Возможно, будущее разгадает эту тайну. Тем временем, несмотря на неудачи, с которыми федералам пришлось столкнуться в эти последние дни, весь Париж объединяется в единодушном удивлении по поводу чрезвычайной регулярности, с которой, по-видимому, работает административная система войны, и удивление это тем больше, что во время осады “законным” вождям, располагавшим гораздо более мощными средствами и имевшим в своем распоряжении дисциплинированные войска, не удалось добиться таких же поразительных результатов.

Но не лучше ли было бы, если бы такого порядка никогда не существовало? В тысячу раз лучше, чтобы приказ был менее точным, чем чтобы те, кем командовали, были приведены к смерти без славы? В течение последних нескольких дней Нейи, такой радостный в былые времена, с его оживленными магазинами, посещаемыми *ресторанами* и королевскими парками; Нейи, с версальскими батареями с одной стороны и парижскими орудиями с другой, под непрекращающимся дождем снарядов и *митральез* с Мон-Валерьяна; Нейи, с ее мостом, взятым и вновь взятым, с ее оставленными и вновь завоеванными баррикадами, был в течение последних нескольких дней подобен огромной пропасти, в которую падают федеральные батальоны, охваченные смертельным головокружением. , выпадают в осадок один за другим. Каждый дом - это крепость. Вчера *жандармы* продвинулись до Саблонвильского рынка; сегодня утром их оттеснили за пределы церкви. Над этой церковью ребенок, сын месье Лойлье, водрузил красный флаг под градом снарядов. “Из этого ребенка вырастет настоящий мужчина”, - сказал Кюзере, военный делегат. Ах, да! при условии, что к тому времени он не станет трупом. От окна к окну раздаются выстрелы. На дом совершенно нападение; происходят столкновения на лестнице; это ужасная борьба, в которой не дают пощады ни днем, ни ночью, в любое время суток. Ярость с обеих сторон ужасна. У мужчин, которые неделю назад были друзьями, есть только одно желание — убить друг друга. Житель Нейи, которому удалось сбежать, рассказал мне следующее: “Два врага, линейный солдат и федерал, столкнулись в купальне на авеню Нейи, немного выше улицы Гюисье. То преследуя, то отлетая друг от друга в штыковой схватке, они добрались до крыши дома и там, побросав оружие, сцепились в безумной схватке. На покатой крыше, черепица которой крошилась под ними, на высоте ста футов от земли, они боролись без пощады, без передышки, пока, наконец, солдат не почувствовал, что силы покидают его, и попытался вырваться из хватки своего противника. Затем федерал — человек, от которого я узнал это, находился у окна напротив и не упустил из виду ни одного их движения — федерал вытащил из кармана нож и приготовился ударить своего наполовину распростертого противника, который, чувствуя, что всякая надежда потеряна, бросился плашмя на крышу, схватил своего врага за ногу и резким движением увлек его за собой, они перекатились и упали на тротуар внизу. Ни один из них не был убит, но лицо солдата покраснело от крови и пыли, и федерал, упавший поперек своего противника, прикончил его, вонзив нож ему в грудь.

Такова эта позорная борьба! Такова эта дикая вражда! Неужели она не прекратится до тех пор, пока не прекратится пролитие крови? А пока Париж бульваров, элегантный и быстрорастущий Париж, отдыхает, прогуливается и улыбается. Несмотря на многочисленные отъезды, все еще остается достаточно пресыщенных денди и красавиц со

светлыми локонами и более легкой репутацией, чтобы вызвать румянец на щеках честного мужчины. Театры открыты; идет *“Папская пьеса”*. Вы знаете “Деньги папы римского”? Это подходящая монета для отвлечения мыслей от ужасов гражданской войны. Год назад папу римского поддерживали французские штыки, но его легкие монеты не прошли в Париже. Теперь папские зуавы убивают жителей Парижа, а мы берем светлое серебро и более легкую бумагу. Предмет достаточно тонкий. Забавным его делает не политическое значение, а *двусмысленность*, заключенная в нем. Вы понимаете, нужно немного посмеяться. Там умирают люди, и мы могли бы с таким же успехом немного посмеяться здесь. Тихий шепот в *бенуарах*, жевание засахаренных фиалок в ложах сцены — все к лучшему. Говорят, что у мадемуазель Ненуфар (названной так по антитезе) самые красивые глаза в мире. Держу пари, что этот красивый мужчина позади нее уже сравнил их с выстрелами из митрейля, видя разрушения, которые они совершают. Было бы невозможно быть более комплиментарным, более остроумным и по существу. Ах, взгляните вы, те, кто сражается в этот момент, кто сегодня своими пушками и шассепотами подвергает Париж ужасной мести, какими бы виноватыми ни были эти люди, я ставлю их выше, чем тех, кто хохочет, когда весь город в отчаянии, у кого даже не хватает скромности скрыть свою радость от наших невзгод и кто открыто развлекается с бесстыдными женщинами, в то время как матери оплакивают своих детей!

На бульварах все еще хуже; там порок проявляет себя и торжествует. Верно ли тогда то, что только что сказал мне молодой человек, бедный студент и ожесточенный философ: “Когда весь Париж будет разрушен, когда его дома, дворцы и монументы будут повержены и раздавлены, засыпят его проклятую землю и превратятся в одни огромные руины под небом, тогда из этой бесформенной массы поднимется, как из огромного склепа, призрак женщины, скелет, одетый в блестящее платье, с обнаженными плечами и шляпой на голове; и этот призрак, перебегающий от развалины к развалине, время от времени поворачивающий голову к небу”. посмотри, не следует ли за ней по пустоши какой—нибудь распутник - этот призрак - прокаженная душа Парижа!"

С приближением полуночи *кафе* закрываются. Делегаты Центрального комитета в бывшей префектуре имеют обыкновение посылать патрули национальной гвардии, чтобы поторопить закрытие всех общественных мест и не обращать внимания на это. Но эта мера предосторожности, как и многие другие, бесполезна. Есть потайные двери, которые ускользают от пристального внимания. Когда ставни подняты, свет просачивается сквозь щели в досках. Подойдите к ним поближе, прикиньте глазом к одной из этих освещенных щелей, прислушайтесь к грохоту пушек, ужасному свисту митральез, мушкетному треску, а затем загляните внутрь закрытых помещений. Люди разговаривают, едят и курят; официанты ходят туда-сюда. Есть и женщины. Мужчины веселые и глупые. Откупоривают бутылки с шампанским. “Ах! ах! это стрельба!” Любовники и любовницы здесь обычное дело. Скажу вам, эта оргия производит наиболее впечатляющий эффект посреди города, наполненного проклятиями, в нескольких шагах от поля битвы, где штыки наносят свои смертельные удары, а снаряды разбрызгивают кровь. А позже, после смеха, песен и выпивки, они садятся в открытый экипаж, если ночь погожая, и едут на Елисейские поля, и там забираются на козлы рядом с кучером, чтобы попытаться увидеть драку — если бы “эти люди” умели умирать так же хорошо, как они умеют смеяться, это было бы лучше для них.

Другие *добропорядочные* люди, более осмотрительные, прячутся на первых этажах некоторых домов и в некоторых клубах. Но их выдает блеск люстр, пробивающийся сквозь тяжелые шторы. Если вы пройдете вдоль стен, то услышите разговор игроков и радостный звон золотых монет.

Ах! трусость веселящихся! О, трижды простительный гнев голодающих!

XXIX.

В час ночи сегодня, 5 апреля, возвращаясь с одной из таких ночных экскурсий по Парижу, я шел по улице Мон Табор, чтобы выйти на бульвары, когда, переходя улицу Сент-Оноре, заметил небольшое количество национальных гвардейцев, выстроившихся вдоль тротуара. Происшествие было обычным, и я не обратил на него внимания. На улице Мон Табор не было видно ни души; все было погружено в тишину и уединение. Внезапно в нескольких шагах передо мной открылась дверь; оттуда вышел мужчина и поспешил прочь в направлении, противоположном направлению к церкви. Этот уход был похож на бегство. Я остановился и сосредоточился. Вскоре двое национальных гвардейцев выбежали из той же двери, побежали, крича на ходу, за беглецом, который лишь ненадолго оторвался от них, и, настигнув его, без труда снова зажали между собой, в то время как национальные гвардейцы, которых я видел на улице Сент-Оноре, прибежали на шум. Раздававшиеся восклицания и всевозможные оскорбления привели меня к выводу, что человек, которого они арестовали, был аббатом Дегерри, *кюре* церкви Мадлен. Его втащили в дом, захлопнули дверь, и все снова погрузилось в тишину.

В то утро я узнал, что монсеньор Дарбуа, архиепископ Парижский, был схвачен в тот же час и почти при тех же обстоятельствах.

**АББАТ ДЕГЕРРИ,
кюре церкви Мадлен.**

Упоминаются аресты нескольких других священнослужителей. Говорят, что *кюре* из Сен-Северена и *кюре* из Сен-Эсташа были взяты в плен; первый - в своем собственном доме, второй - в тот момент, когда он выходил из своей церкви. *Кюре* собора Парижской Богоматери также должен был быть арестован, но, вовремя предупрежденный, он смог укрыться в безопасности.

Монсеньора Дарбуа ведут в бывшую префектуру (почему в *бывшую* префектуру? Мне кажется, это работает так же хорошо, как и тогда, когда это была чисто префектура), подвергся там перекрестному допросу со стороны гражданина делегата Риго. Надо сказать, что в последние несколько дней о месяе Риго начали говорить. Очевидно, у него есть естественное призвание к той работе, которую он выбрал, потому что он арестовывает, и арестовывает, и все еще арестовывает. Он молод, холоден и циничен. Но его цинизм, как мы

увидим, не исключает его некоторой веселости. Итак, именно гражданин Риго допрашивал архиепископа Парижского. Я не отличаюсь чрезмерным любопытством, но мне бы очень хотелось знать, о чем циничный член Коммуны мог просить монсеньора Дарбуа. Совершив, по-видимому, всего одно преступление, а именно то, что он был священником, и не имея ни малейшего желания скрывать это, трудно понять, к чему может привести допрос. Воображение месье Риго, без сомнения, снабдило его достаточным материалом для интервью, и у него, вероятно, столько же способностей к роли мирового судьи, сколько и к роли полицейского. Но как бы то ни было, журналы Коммуны фиксируют этот фрагмент с плохо скрываемым восхищением.

Рауль Риго^[36]

**Монсеньор Дарбой,
архиепископ Парижский.**

“Дети мои”, — как сообщается, произнес в какой-то момент седовласый архиепископ Парижа.

- Гражданин, - прервал его гражданин Риго, которому еще не исполнилось тридцати, - вы находитесь не перед детьми, а перед магистратами.

Это было умно! И я могу представить энтузиазм, с которым месье Риго вдохновляет членов Коммуны. Но этот выдающийся гражданин не ограничился этим высокомерным замечанием. Мне сообщили (и у меня есть основания полагать, что это правда), что он добавил: “Более того, это слишком старая история. Ты пробовал это на себе все эти восемнадцать сотен лет.

Теперь каждый должен признать, что это столь же примечательно своим остроумием, сколь и элегантностью, и это именно то, чего можно было ожидать от любезного делегата, который на днях, в момент преувеличенного милосердия, разрешил аббату навестить заключенного в Консьержери и выдал ему *пропуск*, который гласил так: “Впустите предъявителя, который называет себя слугой носящего имя Божье”. О! какое изящное, обаятельное остроумие!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[36] Риго познакомился с Рошфором в 1869 году и вместе с ним работал над журналом под названием “*Марсельеза*” и публиковал статьи, из-за которых его не раз подвергали штрафам

и тюремному заключению. В сентябре 1870 года он был назначен правительством национальной обороны комиссаром полиции, но, приняв участие в восстании 31 октября, на следующий день был уволен с должности. Вскоре после этого он появился в качестве писателя в газете Бланки "Отечество в опасности"; но вскоре он занялся военным делом и был избран командиром батальона Национальной гвардии. Похоже, он был рожден доносчиком или полицейским шпионом, поскольку, как нам рассказывают, в школе он развлекался тем, что заполнял списки запрещенных лиц именами своих сокурсников. С такими очаровательными природными инстинктами нет ничего удивительного в том, что 18 марта правительство коммуны назначило его префектом полиции.

XXX.

Я начинаю чувствовать себя решительно неуютно. Этот новый декрет Коммуны серьезно угрожает свободе всех тех, кто по несчастью навлек на себя недоброжелательство своего консьержа или чьи отношения с ближайшим соседом носили не совсем дружеский характер. Давайте скопируем 1-ю статью этого свирепого указа.

“Все лица, обвиняемые в пособничестве Версальскому правительству, должны быть немедленно схвачены и заключены в тюрьму”.^[37]

Вредитель! они не мелочатся! Первый же ни на что не годный негодяй, которому, возможно, я отказался одолжить пять франков семь лет назад, может пойти к гражданину Риго и сказать ему, что я поддерживаю регулярную связь с Версалем, после чего меня немедленно посадят в тюрьму. Ибо, прошу заметить, нет необходимости доказывать соучастие с “предателями”. Этого доноса вполне достаточно, чтобы человека отправили созерцать голубое небо через решетку Консьержери.^[38] Кроме того, что означают слова “соучастие версальскому правительству”? Все зависит от того, как смотреть на эти вещи. Я не уверен, что я невиновен. Я отчетливо помню, как несколько раз кланялся приятному парню — я говорю “приятному парню”, надеясь, что эти строки не попадут в поле зрения кого—либо в префектуре полиции, - который в этот самый момент вполне способен, негодяй, уютно поужинать в версальском отеле “Резервуар” в компании одного или нескольких членов Национального собрания. Теперь вы можете понять, почему я начинаю чувствовать себя довольно неуютно. Я полностью убежден, что знакомство с человеком, который знаком с депутатом, представляет собой — в противном случае я недостойн жить под отеческим руководством Коммуны — самое решительное пособничество людям Версаля. Я действительно думаю, что было бы разумнее всего улизнуть из Парижа в мешке с углем, как это сделал на днях мой друг, или каким-нибудь другим приятным способом.^[39] Посмотрите, что может получиться из лука!

ПРИМЕЧАНИЯ:

^[37] ПОСТАНОВЛЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО.

“Парижская коммуна:

“Принимая во внимание, что правительство Версаля бессмысленно попрало права человечества и бросило вызов правам войны; что оно совершило такие ужасы, от совершения которых боялись даже захватчики нашей земли;

“Принимая во внимание, что на представителях Парижской коммуны лежит настоящая обязанность защищать жизни и честь двух миллионов жителей, которые вверили свои судьбы их попечению; и что им надлежит немедленно принять меры, соответствующие

серьезности ситуации;

“Принимая во внимание, что политики и магистраты города должны сочетать общее благо с уважением общественных свобод,

“Постановляет:

“Статья 1. Все лица, обвиняемые в пособничестве правительству Версаля, будут немедленно привлечены к ответственности и заключены в тюрьму.

“Статья. 2. В течение двадцати четырех часов будет созван "обвинительный суд присяжных" для рассмотрения предъявленных ему обвинений.

“Статья 3. Присяжные должны вынести приговор в течение сорока восьми часов.

“Статья. 4. Все обвиняемые, осужденные судом присяжных, будут удерживаться жителями Парижа в качестве заложников.

Статья 6. За каждой казнью военнопленного или члена регулярного правительства Парижской коммуны немедленно последует казнь тройного числа заложников, удерживаемых в силу статьи 4, которые будут выбраны по жребию.

“Статья 6. Все военнопленные будут вызваны к ”присяжным заседателям обвинения“, которые решат, будут ли они немедленно освобождены или останутся в качестве заложников”.

[38] тюрьма предварительного заключения.

[39] Следующий вариант еще более наивен: Человек берет обратный билет для поездок по окрестностям и иногда обнаруживает, что охранник настолько глуп, что позволяет ему пройти, полагая, что такой билет является достаточным доказательством его намерения вернуться в Париж.

Другие проходят в зал ожидания без билетов под предлогом разговора с кем-то там.

Г-н Бержера, поэт, проехал через барьер на телеге, груженной древесным углем.

Полковник Флоуренс.^[40]

XXXI.

Флуранс мертв: мы точно слышали это прошлой ночью. Национальная гвардия ранее вернула лошадь полковника из Бужива, но только несколько часов назад мы узнали какие-либо подробности. Была предпринята попытка взять его в плен в Рюэле. Жандарм крикнул ему сдаваться, он ответил пистолетным выстрелом; другой жандарм приблизился и ранил его в бок, третий проломил ему череп саблей. Некоторые люди не верят в пистолетный выстрел и говорят о покушении. Сколько существует подобных событий, истинность которых никогда не будет четко доказана! Одно несомненно: Флуранс мертв. Его тело было опознано в Версале кем-то из слуг Гарнье Фрера. Его мать отправилась этим утром за телом своего сына. Странно, что кто-то так болезненно переживает насильственную смерть этого человека. Он был замешан во всех революционных попытках последних нескольких лет и должен был бы быть особенно неприятным для всех мирных и любящих порядок граждан; но правда в том, что он был искренне пылким и восторженным духом. Он был глубоко верующим в принципы, которых придерживался. Какую бы религию он ни исповедовал, апостол внушает уважение, а мученику сострадание. Этот апостол, этот мученик был рожден в достатке; сын выдающегося ученого, он, можно сказать, был рожден для наследственного отличия. Он был еще совсем молод, когда всей душой отдался политике. На Крите шли боевые действия, и поэтому он уехал. Там он восстал против самого восстания, попал в тюрьму, сбежал, перехитрил жандармов, был отбит: его приключения звучат как легенда или

роман. Именно потому, что он был таким романтичным, он такой интересный. Он вернулся во Францию, полный благородных порывов. Он был расточителен в отношении своих денег так же, как и в отношении своей крови. В суровые холодные зимы он кормил и одевал бедняков Бельвиля, переходя с чердака на чердак с деньгами и утешением. Вы помните, что Виктор Гюго говорит о возвышенной Полин Ролан. По духу Флуранс была очень похожа на нее. Патриотка могла бы сыграть роль сестры милосердия. В другое время, энтузиаст в поисках социального Эльдорадо, он поставил бы себя на службу самому безнадежному делу; никогда еще никто не был столь неосмотрителен. Он был очень активным и критичным человеком: для него было невозможно оставаться спокойным. Когда он, казалось бы, не был занят, он агитировал что-то в тени. Его дружба с Рошфором была большой. Эти два беспокойных духа, один своим пером, другой своей физической активностью, напоминают нам друг друга. Оба впадали в крайности: Рошфор в своих литературных инвективах, Флуранс в своих головокружительных приключениях. Хотя они часто были союзниками, эти двое иногда выступали против. Разве вы никогда не видели, как два молодых художника в студии исполняют старый трюк: один произносит речь, в то время как другой, спрятав голову и туловище в складках плаща, вытягивает руки и совершает самые экстравагантные жесты? Рошфор и Флуранс разыграли этот политический фарс: первый говорил, второй жестикулировал; но в день похорон Виктора Нуара они пошли разными путями. В тот день Рошфор, надо отдать ему справедливость, спас огромное количество людей от страшной опасности. Флуранс, всегда один и тот же, хотел, чтобы тело доставили на Пер-Лашез; по дороге, должно быть, произошло столкновение; это было то, чего он желал, но потерпел поражение. Язык одержал верх, сто тысяч криков о мести наполнили воздух, но это были всего лишь крики, и никакого вреда причинено не было, за исключением нескольких могил на кладбище Нейи. Флуранс ждал лучшего случая, но отнюдь не пассивно. Он был человеком баррикад; казалось, он не думал, что брусчатка создана для того, чтобы по ней ходить, его заботило только то, чтобы ее складывали поперек улицы для защиты вооруженных патриотов. Хотя он всегда носил одежду джентльмена, он не был одним из тех людей в черных мундирах, которые подстрекают мужчин к бунту и держатся в стороне, пока идет бой; он помогал защищать баррикады, которые по его приказу были возведены. Где бы ни была возможность быть убитым, его непременно убивали; и посреди всего этого он никогда не терял ни своего безмятежного выражения, ни вежливости джентльмена, ни выражения крайней молодости, которое сияло в его глазах и, должно быть, было на его лице даже тогда, когда он пал под жестокими ударами жандармов. Теперь он мертв. Его судят сурово, он осужден, но его нельзя ненавидеть. Он был безумцем, но он был героем. Поведение Флуранса в Отель-де-Виль ночью 31 октября едва ли соответствует столь благоприятному представлению. Французы легко прощают и забывают — пусть это пройдет.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[40] Флуранс родился в 1838 году и был сыном известного ученого и физиолога с таким именем. Он блестяще закончил учебу и сменил своего отца на посту профессора Коллеж де Франс. Его вступительная лекция об истории человека произвела глубокое впечатление на научный мир. Однако он ушел в отставку с этого поста в 1864 году и обратил свое безраздельное внимание на политические вопросы того времени. Глубоко скомпрометированный некоторыми написанными им брошюрами, он уехал из Франции в Кандию, где поддержал народное дело против турок. По возвращении во Францию он был заключен в тюрьму на три месяца за политические преступления. Кандидатура Рошфора была горячо поддержана им самим. В 1870 году он восстал против правительства с большим отрядом бельвийских *предместий*. Он подвергся судебному преследованию и укрылся в Лондоне. После четвертого сентября его поставили во главе пяти батальонов Национальной

гвардии. Он снова был заключен в тюрьму за подстрекательство к октябрьскому восстанию, и только двадцать второго марта его выпустили на свободу. Второго апреля он отправился в Версаль во главе отряда повстанцев. На полпути его встретил конный патруль, и в последовавшей схватке он был убит.

XXXII.

Посреди стольких ужасных событий, которые интересуют всю массу людей, должен ли я упомянуть об инциденте, который разбил только одно сердце? Да, я думаю, что печальный эпизод не лишен важности, даже в такой обширной картине. Это были похороны ребенка. Маленький деревянный гроб, едва прикрытый черным покрывалом, был не больше, как говорит Теофиль Готье, “футляра для скрипки”. Скорбящих было немного. Женщина, несомненно, мать, в черном матерчатом платье и белом гофрированном чепце, держащая за руку мальчика, который еще не достиг возраста, когда можно горько плакать, а позади них небольшая кучка соседей и друзей. Маленькая процессия кралась по широкой улице, освещенной ярким солнечным светом.

Когда он добрался до церкви, они обнаружили, что дверь закрыта, и все же деньги за мессу были уплачены накануне вечером, а час церемонии назначен. Одна из женщин направилась к дверям ризницы, где ее встретил национальный гвардеец, который с избытком клятв сказал ей, что она не должна входить, что кюре, ризничий и все д-члены церкви заперты и что они больше не будут иметь ничего общего с патриотами. Тогда мать подошла и сказала: “Но кто похоронит мое бедное дитя, если кюре в тюрьме?” и тогда она начала горько плакать при мысли, что не будет вознесено молитв о благе маленького духа и что его гроб не будет орошен святой водой. Да, члены Коммуны, она плакала, и плакала дольше и горше позже, на кладбище, когда увидела, как они опускают тело ее ребенка в могилу, без молитвы или обращения к Божьей милости. Вы не должны насмехаться над ней, вы видите, что она была бедной, слабой женщиной с самыми узкими взглядами; но есть и другие матери, подобные ей, совершенно недостойные, конечно, рожать детей патриотов, которые не хотят, чтобы их близких хоронили, как собак; которые не могут понять, что молиться - преступление, а преклонять колени перед Богом - оскорбление человечества, и которые все еще достаточно слабы, чтобы пожелать увидеть крест, установленный на могилах тех, кого они любили и потеряли! Не крест девятнадцатого века — красный флаг! такой, какой сейчас украшает купол церкви Пантеона.^[41]

ПРИМЕЧАНИЯ:

[41] В начале апреля коммуна запретила богослужение в Пантеоне. Они отрезали рукояти креста и заменили его красным флагом во время артиллерийского салюта.

Полковник Асси.

XXXIII.

Общинное братство явно набирает обороты; оно претворяет в жизнь эту замечательную заповедь “Арестовывайте друг друга”. Говорят, мсье Делеклюза отправили в консьержери. Вчера был арестован Луллье, сегодня в сборе. Недостаточно было менять исполнительные комитеты — если мне будет позволено так выразиться — с не большими церемониями, чем меняют сапоги; коммуна ведет себя по отношению к тем членам, которые ей надоедают, абсолютно так, как если бы они были не более чем обычными архиепископами.

**Водружение Красного Флага на Пантеон.
(Дыра в куполе была образована прусским снарядом.)**

Что! Асси—Асси^[42] Крезо— который подписал перед всеми своими товарищами прокламации Центрального комитета не только в силу своих способностей, но и в соответствии с алфавитным порядком вещей — Асси больше не правит в Ратуше! — больше не издает декретов, не обсуждает их ни с Ф. Курне, ни с Г. Тридон. Почему это падение после стольких лет славы? Ходят слухи, что Асси счел благоразумным отложить в сторону несколько рулонов банкнот, найденных в ящиках стола покойного правительства. Что, это все? Как давно политики стали такими щепетильными? Члены Коммуны, какими же пунктуальными вы стали. Теперь, если бы гражданина Асси обвинили в том , что в 1843 году он был близко знаком с дамой , сын которой сейчас служит камердинером у М. Двоюродный брат Тьера, или если бы его видели в церкви, и было бы ясно доказано, что он был там с каким-либо иным намерением, кроме как деликатно обчищать карманы верующих, тогда я мог бы понять ваше возмущение. Но идея арестовать человека за то, что он присвоил добычу

предателей, слишком абсурдна; если вы будете продолжать действовать таким образом, люди подумают, что вы становитесь совестливым!

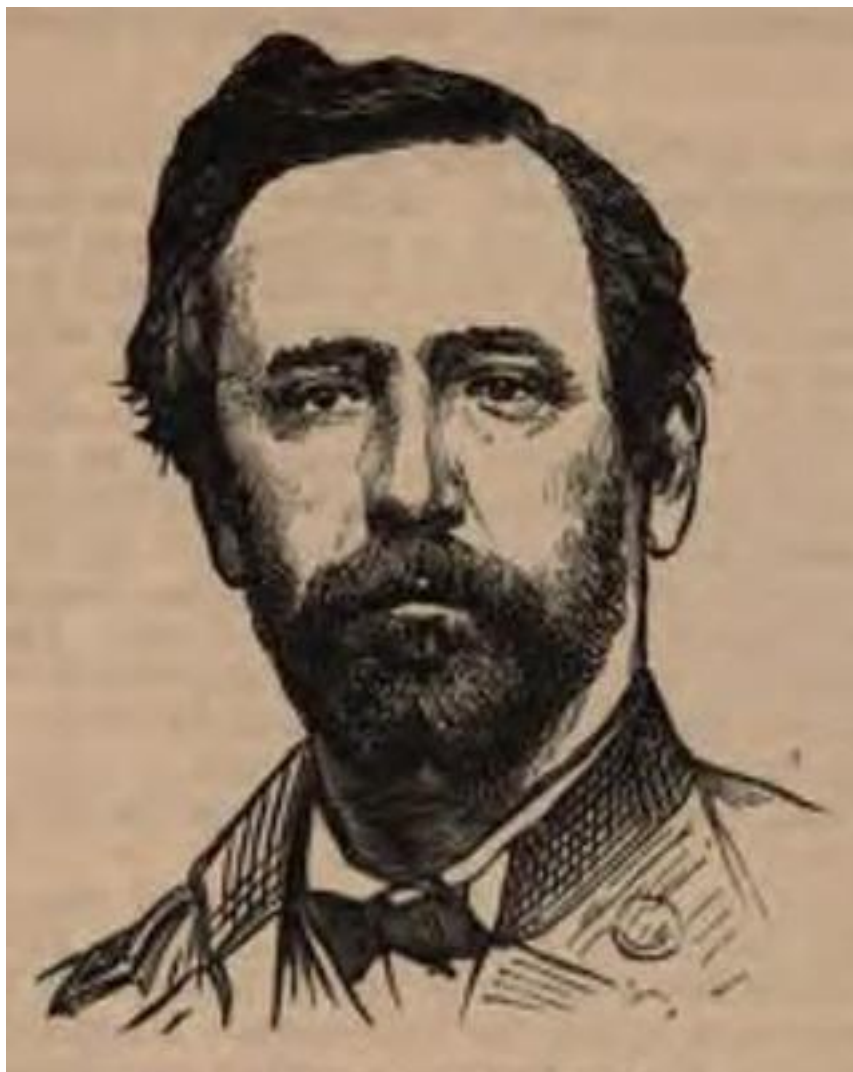
Что касается гражданина Луллье,^[43] который был одной из первых жертв "братства", то он заключен в тюрьму за то, что ему не удалось захватить Мон-Валерьен. Я с ужасом думаю, что, будь я на месте гражданина Луллье, мне наверняка пришлось бы понести такое же наказание, ибо, черт возьми, как мне удалось перенести эту неприступную крепость на стол совета в Ратуше, я не имею ни малейшего представления. Это так же плохо, как если бы вы были в Швейцарии и попросили первого встречного ребенка сходить за Монбланом; конечно, ребенок пошел бы поиграть в шарики со своими товарищами и вернулся бы без малейшего следа Монблана в руках, после чего вы бы отхлестали его изо всех сил. Однако, по-видимому, мсье Луллье возражал против того, чтобы его били плетьюми или, скорее, сажали в тюрьму, и, будучи столь же хитрым, сколь и доблестным, он сумел выскользнуть из места своего заключения без барабана или трубы. "Дорогой Рошфор, - пишет он редактору *Le Mot d'Ordre*, - вы знаете, жертвой каких гнусных махинаций я стал". Я полагаю, что мсье Рошфор знает, но я вынужден признаться, что не имею ни малейшего представления, если только мсье Луллье не подразумевает под "махинациями" приказ, который был отдан ему, принести Монту Валерьен в жилетном кармане. "Заключенный в тюрьму без мотива, - продолжает он, - по приказу Центрального комитета, я был брошен..." (О! вам не следовало бросать господина Луллье) "в префектуру полиции" (бывшую префектуру, если вам угодно) "и сажать в одиночную камеру в тот самый момент, когда Париж испытывал нехватку активных людей и военного опыта". О, тьфу! люди Коммуны, в вашем распоряжении был человек действия — кто же не знает благородных поступков гражданина Луллье? Человек с военным опытом — кто не знает, какой глубокий опыт приобрел господин Луллье в своих многочисленных кампаниях, — и все же вы сажаете его, или, вернее, бросаете в префектуру! Это плохо, очень плохо. "Префектура преобразована в государственную тюрьму, и поддерживается самая строгая дисциплина". Тогда получается, что Общественная тюрьма - это что угодно, только не рай для дураков. "Однако, несмотря ни на что, мне и моему секретарю удалось спокойно сбежать ..." — спокойствие благородных людей — "из камеры, где я находился под строгой охраной, миновать два двора и дюжину-другую солдат, чтобы передо мной открыли три двери, а часовые при моем появлении предъявили оружие ..." Какой чудесный побег: приключения барона Мюнхгаузена - ничто по сравнению с этим. Какую прекрасную главу мог бы написать об этом бедный старина Дюма! Дверь камеры открывается под самым носом тюремщика, которого, несомненно, накачали каким-то наркотиком, секрет которого г-н Луллье узнал во время своих путешествий по Ост-Индии; двенадцать охранников во дворах хватают одного за другим за горло, бросают на землю, связывают веревками и не дают поднять тревогу двенадцатью кляпами, засунутыми в их двенадцать ртов; три двери открываются тремя огромными фальшивыми ключами работы члена Коммуны, слесаря по профессии, который остался верен делу г-на Луллье. Луллье; и последнее, но не менее важное: часовые, пришедшие в экстаз при виде славного беглеца, предъявившего оружие. Какая сцена для мелодрамы! Однако, на мой взгляд, самая интересная фигура - секретарша. Я испытываю величайшее уважение к этому секретарю, который ни на минуту не помышлял о том, чтобы покинуть своего хозяина, и я вижу, как он, в то время как Луллье совершает свои чудеса, спокойно пишет посреди опасности твердой рукой правдивый отчет об этих бессмертных приключениях. "Теперь у меня есть, - продолжает бывший заключенный бывшей префектуры, - двести решительных людей, которые служат мне охраной, и три превосходных заряженных револьвера в моем кармане. Я по глупости слишком долго оставался без оружия и без друзей; теперь я полон решимости вышибить мозги первому, кто попытается меня арестовать!" Я слышал, как буржуа, прочитавший это, воскликнул, что он молит Небеса, чтобы каждый член Коммуны пришел

арестовать его по очереди. О! кровожадный буржуа! Затем Луллье заканчивает заявлением, что он презирует прятаться, но продолжает свободно и открыто демонстрировать себя на бульварах. Какая гордая, какая благородная натура! О, вы, марионетки, вы, фантоchini! И все же позвольте мне не быть несправедливым; я попытаюсь поверить в вас еще раз, несмотря на вооруженные реквизиции, несмотря на аресты, грабежи — ибо грабежи имели место, несмотря на ваши указы, — я попытаюсь поверить, что вы не только завладели Ратушей с целью устроить шоу "Панч и Джуди" и разыгрывать свои зловещие фарсы; я хочу верить, что у вас были и остаются благородные и откровенные намерения; что только ваша природная неопытность в сочетании с трудностями момента является причиной ваших ошибок. и ваши глупости; Я хочу верить, что среди вас есть, даже после последовательного увольнения стольких ваших членов, несколько благородных людей, которые сожалеют о причиненном зле, которые хотят исправить его и которые попытаются заставить нас забыть о преступлениях и потерях гражданской войны с помощью преимуществ, которые иногда приносит революция. Да, я, естественно, полон надежды и постараюсь поверить в это; но, честно говоря, на что вы можете надеяться, чтобы внушить доверие тем, кто не настроен, как я, в пользу новаторов, когда они видят, как вы арестовываете друг друга подобным образом, и знают, что среди вас есть такие генералы, как Бержере, такие честные граждане, как Асси, и такие сбежавшие сумасшедшие, как Луллье?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[42] Асси, который впервые стал публично известен как лидер забастовки в г. Шнайдер работает в Creuzot, был инженером. Он родился в 1840 году. Он стал членом Международного общества и был выбран в 1870 году для организации забастовки Creuzot. Находясь под угрозой ареста, он уехал в Париж, но пробыл там недолго, и 21 марта того же года, через несколько дней после его возвращения в Крезе, началась забастовка шахтеров. Асси был, наконец, арестован и предстал перед Исправительной трибуной Парижа как глава и основатель тайного общества, но он был оправдан по этому обвинению.

Во время осады Парижа Асси был назначен офицером в свободный партизанский корпус острова Франция. Впоследствии он был лейтенантом 192-го батальона Национальной гвардии. Войдя в состав Центрального комитета, он принял активное участие в происходивших событиях. Назначенный командиром 67-го батальона 17 марта, мы находим его утром 18-го в качестве управляющего Ратушей и полковника Национальной гвардии, организующего вместе с членами комитета средства серьезного сопротивления — отдающего приказы о строительстве баррикад - останавливающего перевозку боеприпасов и провизии из Парижа. Став членом Коммуны, он принимал активное участие в введении в действие декретов, которые привели, среди прочего, к сносу Вандомской колонны и дома М. Тьера. Он был арестован в апреле, и его сменил на посту управляющего Отель-де-Виль некто Пинди, который оставался на этом посту до тех пор, пока армия не вошла в Париж. Асси держали в заключении, *условно-досрочно*, в Отель-де-Виль, до 19 апреля, когда он был освобожден. После этого Асси руководил производством военного снаряжения. Он был единственным руководителем поставок, особенно в том, что касалось качества. Среди произведенных военных припасов были зажигательные снаряды, начиненные бензином, которые предназначались для забрасывания в Париж во время восстания. Несомненно, что эти машины разрушения могли быть изготовлены только на заводе, которым руководил Асси. Он был арестован 21 мая. Асси был одним из руководителей восстания; он отрицал, что подписывал указы о казни заложников или приказ о зачислении военнослужащих в Национальную гвардию. Асси был приговорен Версальским трибуналом 2 сентября к пожизненному заключению во французской крепости — легкое наказание за деяния этого важного повстанца.

Генерал Ключере.

XXXIV.

Бои все еще продолжаются, канонада почти не прекращается. Однако нанесенный урон невелик. Сегодня, 7 апреля, ситуация, похоже, примерно такая же, как и после того, как Бержере был отброшен назад, а Флуранс убит. Форты Ванвес и Исси обстреливают версальские батареи, которые, в свою очередь, извергают снаряды на Ванвес и Исси. Праздные зрители, наблюдающие с площади Трокадеро, видят, как вдалеке поднимаются длинные столбы белого дыма. Каждое утро гражданин Ключере,^[44] военный делегат, объявляет, что гарнизоны фортов победоносно отразили атаку жандармов. Совершенно очевидно, что если версальцы нападут, они будут отбиты, поскольку они вообще не продвинутся вперед; но нападут ли они, вот в чем вопрос? Я скорее склонен думать, что эти атаки и отпоры - всего лишь выдумки. Мне кажется очевидным, что генералы Национального собрания, которые сейчас заняты установкой батарей и сосредоточением своих сил, не предпримут серьезных попыток до тех пор, пока не будут уверены в победе. Тем временем они довольствуются тем, что завершают разрушение фортов, которые уже были так сильно повреждены пруссаками.

Между Курбевуа и Порт-Майо продолжаются бои. Территория потеряна и приобретена, такой-то дом, который только что занимали версальцы, теперь находится в руках федералов, и *наоборот*. Ни одна из сторон не одержала полной победы, но бои продолжаются. Что? неужели некому крикнуть: “Хватит! Хватит крови, хватит слез! Достаточно французов, убитых французами, республиканцев, убитых республиканцами”. Люди падают с обеих сторон с одним и тем же боевым кличем на устах. О, когда же прекратится все это ужасное недоразумение?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[44] Биография этого генерала Коммуны очень несовершенна, вплоть до того времени, когда он был избран от 1-го округа Парижа и вслед за этим назначен военным министром, или, выражаясь общинной фразеологией, делегатом Военного министерства. Похоже, он был одним из тех существ, у которых нет ни страны, ни семьи, но которые в качестве компенсации наделены множеством имен; мы не знаем, действительно ли Кюзере был его собственным именем и сколькими псевдонимами он пользовался.

Говорят, что раньше он был капитаном африканского егерского батальона, но был уволен из армии после того, как его обвинили в хищениях в связи с покупкой лошадей, и что вскоре после своего увольнения из французской армии он отправился в Соединенные Штаты, где служил в войне за независимость и дослужился до звания генерала. Затем у нас есть другая история о том, что после того, как нам доверили заботу о стаде ягнят, численность животных уменьшилась так быстро, что ничто, кроме существования поблизости большой стаи волков, не могло бы честно объяснить это; говорят, что это дело произошло в Черчилле, однако подобные туманные обвинения заслуживают лишь небольшого доверия.

Завершив свою карьеру пастуха, он стал защитником паствы папы Римского, завербовавшись в бригаду, против которой выступил Гарибальди. Следующее, что мы слышим о нем, - это то, что он присоединился к фенианцам и предпринял попытку завладеть Честерским замком, но попал под подозрение в предательстве и был рад сбежать во Францию, где, согласно сообщениям, он нашел убежище в религиозной общине.

“Когда дьявол был болен,
Дьявол был бы монахом;
Но когда дьявол был здоров,
Дьявольским монахом он был!

XXXV.

Тридцать человек с приглушенными барабанами, еще тридцать с трубами, задрапированными крепом, возглавляют длинную процессию; время от времени уныло гремят барабаны, а трубы издают протяжный печальный вой.

Далее следуют многочисленные подразделения всех батальонов, они медленно маршируют, держась за руки. У каждого на груди по маленькому букетику красных бессмертников. Имеет ли выбор цвета политическое значение или это символ кровавой смерти?

Затем появляется огромная погребальная повозка, задрапированная черным и запряженная четверкой вороных лошадей; гигантский покров из бархата с серебряными звездами. По углам развеваются четыре огромных красных флага.

Затем появляется еще одна машина такого же типа, еще одна и снова еще; в каждой из них по тридцать два трупа. За машинами маршируют члены Коммуны с непокрытыми головами и в красных шарфах. Увы! всегда этот кровавый цвет! Последними, между двумя рядами национальных гвардейцев, следует огромное множество мужчин, женщин и детей, все печальные и удрученные, многие в слезах.

Процессия движется по бульварам; она стартовала от больницы Божон и направляется к Пер-Лашез: когда она проходит, все головы обнажены. Один человек у окна остается закрытым; толпа освистывает его. Позор тому, кто не склонится перед теми, кто погиб за правое дело, независимо от того, достойное оно или нет! Глядя на эти трупы, не вспоминайте о зле, которое они причинили, когда были живы. Теперь они мертвы и стали священными. Но помните, о! помните, что именно преступления немногих объясняется гибель столь многих, и давайте поможем приблизить тот час, когда преступники, кем бы они ни были и к какой бы партии ни принадлежали, почувствуют на себе тяжесть неумолимого Возмездия человеческой судьбы.

XXXVI.

Мы больше не должны получать писем! Как и во время осады, если вы хотите узнать новости о своей матери или жене, у вас нет другой альтернативы, кроме как обратиться к сомнамбуле или гадалке. Это совсем не сложная операция; конечно, у вас есть лента или подобие прически, что-то, принадлежащее отсутствующему человеку. Этого достаточно, чтобы час за часом информировать вас о том, что она говорит, делает и думает. Возможно, вы предпочли бы обычный ход вещей и предпочли бы получить письмо, а не консультироваться с шарлатаном. Но если это так, я бы посоветовал вам не говорить об этом. Они обвинят вас в том, что вы, несомненно, реакционер, и у вас могут быть неприятности.

Вчера молодой человек прогуливался по Елисейским полям, к нему подошел Национальный гвардеец и попросил прикурить для его сигары. — “Мне действительно очень жаль, - сказал он, - но моя сигара погасла”. — “О! ваша сигара погасла, не так ли? О! значит, вы краснеете, оказывая услугу патриоту! Вот вы какой реакционер!” Вслед за этим на бедного молодого человека обрушился поток оскорблений, который быстро был окружен толпой нетерпеливых лиц: одна очаровательная молодая особа воскликнула: “Да ведь это переодетый сержант полиции!” — “Да, да, это жандарм!” - подхватили со всех сторон. “По—моему, он похож на Эрнеста Пикара”, — говорит один. - “Бросьте его в Сену”, - говорит другой. - “В Сену, в Сену, шпион!” - и несчастную жертву толкают, пихают и торопливо уводят. К этому времени собралась плотная толпа национальных гвардейцев, женщин и детей, которые кричали во весь голос, не имея ни малейшего представления о том, в чем дело: “Застрелите его! облейте его водой! повесьте его!” - Суеверные люди склонялись к повешению ради веревок. Что касается первоначальной причины переполоха, никто, казалось, ничего об этом не помнил. Я случайно услышал, как один мужчина сказал: “Похоже, они арестовали его как раз в тот момент, когда он поджигал машину скорой помощи во Дворце промышленности!” Что стало с молодым человеком, я не знаю; надеюсь, он не был ни повешен, ни застрелен, ни утоплен. В любом случае, пусть это послужит уроком для других - не ввязываться в опасные авантюры подобного рода; и каким бы ни было ваше беспокойство по поводу вашей семьи или дел, вам не мешало бы тщательно скрывать его под маской улыбки. Предположим, вы встречаете одного из своих друзей, который говорит вам: “Мой дорогой друг, как вы, должно быть, встревожены?” Вы должны ответить: “Встревожены! о, нисколько. Напротив, я никогда в жизни не чувствовала себя более свободной от забот”. — “О! Я думала, твоя тетя заболела, и

поскольку ты не получаешь никаких писем ...” — “Не получаю никаких писем!” вы продолжаете в том же тоне: “Кто тебе это сказал? Не получаю никаких писем! да ведь у меня их больше, чем я хочу! что за идея!” — “Тогда вам, должно быть, оказали странную услугу, - говорит ваш озадаченный собеседник, - потому что с тех пор, как гражданин Тейз^[45] завладел Почтовым отделением, сообщения прекращены”. — “Не верьте этому. Это слух, пущенный в ход реакционерами. Да ведь эти ужасные реакционеры заходят так далеко, что делают вид, будто Коммуна заключила в тюрьму священников, арестовала журналистов и прекратила выпуск газет!” — “Ну, вы можете говорить все, что вам заблагорассудится, но прокламация гражданина Тейза объявляет, что связь с департаментами не будет восстановлена в течение нескольких дней”. — “С его стороны нет ничего, кроме скромности; ему стоит только показаться на почте, и служба, выведенная из строя этими жалкими реакционерами, будет немедленно реорганизована”. — Насколько я понимаю, вы каждый день получаете новости о своей тете. “Конечно”. — “Что ж, я рад это слышать, потому что один из моих друзей, приехавший сегодня утром из Марселя, сказал мне, что ваша тетя умерла”. — “Умерла, боже мой! что вы имеете в виду? Теперь я думаю об этом, я не получил письма этим утром”. — “Вот видите!”

Однако вы не должны позволять своему горю увлечь вас, рискуя своей личной безопасностью, а отвечать с готовностью. “Я все это понимаю, удивительно, что я не получил письма сегодня утром; гражданин Тейз - добросердечный человек и не хотел делать меня несчастной”.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[45] Работающий охотник и один из самых активных и влиятельных членов Международного сообщества. Он был в числе обвиняемых, которых судили в июле 1870 года, и был приговорен к двум годам тюремного заключения. При формировании Центрального комитета он был назначен вице-президентом. Именно Тейз спас Главное почтовое отделение на улице Ж.-Ж. Руссо от полного уничтожения, объявленного другими членами Коммуны. О его судьбе мало что известно. Директор Главного почтового отделения на улице Ж.-Ж. Руссо, он, как говорят, спас это важное учреждение, обреченное Коммуной на разрушение. Тейз бежал из Парижа в Лондон 29 июля; он принимал активное участие в борьбе до последнего и был близок к Верморелю, когда был ранен на баррикаде замка О.

XXXVII.

Королева эпохи - пресса. Недавно свергнутая с престола и отчасти лишенная своего величества, но все еще королева. Напрасно пресса иногда унижала себя в глазах честных людей, опускаясь до аплодисментов и одобрения преступлений и эксцессов, напрасно журналисты делали все возможное, чтобы принизить ее; и все же величественное порождение человеческого разума, пресса, на самом деле не утратила ни своей силы, ни своего очарования. Неправильно понятый, неправильно примененный, он, возможно, причинил некоторый вред, но никто не может подвергнуть сомнению сигнальную услугу, которую он смог оказать, или благородство его миссии. Если иногда он был органом лжепророков, его голос также часто возвышался, чтобы наставлять и ободрять.

Когда прошлой ночью вы тайно, достойным поступка способом, захватили печатные станки *Journal des Débats*, *Paris Journal* и *Constitutionnel*, отдавали ли вы себе отчет в том, что делаете? Возможно, вы предполагали, что этот акт не будет иметь никакого другого результата, кроме насильственного подавления частного предприятия — что является одним

из видов грабежа - и доведения до состояния нищенства — что является преступлением - многочисленных частных лиц, журналистов, типографов, наборщиков и других, которые работают в журнале и живут на его средства. Вы делали и похуже этого. Вы остановили, насколько это было в ваших силах, поток человеческого прогресса. Вы подавили самое благородное в человеке. право — право выражать свое мнение миру; вы ничем не лучше карманника, который присваивает ваш носовой платок. Вы взяли нашу свободу мысли за горло и сказали: “Это на моем пути, я задушу это”. Почему вы поступили так? Затыкать рты тем, кто вам противоречит, - значит признать, что вы не очень уверены в своей правоте. Спрятать дневники - значит признаться в своем страхе перед ними; избегать света - значит возбудить наши подозрения относительно действий, которые вы совершаете в темноте. Мы закрываем окна, когда не хотим, чтобы нас увидели. Закрытые двери не внушают особого доверия. Ваши советы в Hôtel de Ville засекречены, как и судебные разбирательства по определенным судебным делам, детали которых могут нанести ущерб общественной морали. Я снова спрашиваю, откуда эта тайна? Какие странные проекты вы задумали? Обсуждаете ли вы между собой предложения такого характера, о которых ваша скромность отказывается сообщать миру? Этот страх перед оглаской, перед оппозицией вы вновь доказали ночными визитами ваших национальных гвардейцев в типографии, куда они врываются, как взломщики. Неужели мы будем вынуждены судить о ваших действиях и о кровавых инцидентах гражданской войны только по вашим собственным утверждениям и утверждениям ваших сообщников? Вы должны быть очень полны решимости действовать виновато и быть вынуждены лгать, поскольку вы прилагаете столько усилий, чтобы избавиться от тех, кто мог бы вынести вам приговор и кто мог бы уличить вас во лжи. Следовательно, поступив таким образом, вы не только совершили преступление, но и совершили большую ошибку. Никто не может безнаказанно вмешиваться в свободу прессы. Преследование прессы всегда влечет за собой свое собственное наказание. Оглянитесь назад на многие годы правления Императора, на несколько месяцев правления 4 сентября; из всех преступлений, совершенных первым, из всех ошибок, совершенных вторым, те преступления и просчеты, которые особенно ускорили конец, были направлены против свободы прессы. Наиболее действительной в оправдание в пользу восстания 18 марта, безусловно, подавление, несколько журналов по общей вине, с согласия М. Тьер. Как вы можете быть настолько опрометчивы, чтобы совершать те же ошибки, которые привели к уничтожению прежних правительств, а также настолько не заботиться о своей собственной чести, чтобы совершить то самое преступление, которое ставит вас на один уровень с вашими врагами?

Воистину, те, кто был готов судить вас терпеливо и беспристрастно, те, кто поначалу, возможно, в целом были благосклонны к вам, потому что им казалось, что вы олицетворяете некоторые законные устремления Парижа, даже те, кто, видя, что вы действуете как бездумные тираны, почувствуют, что совершенно невозможно больше закрывать глаза на ваши недостатки; те, кто хотел уважать вас ради свободы, будут вынуждены ради свободы презирать вас!

XXXVIII.

Этого не может быть. Я в это не поверю. Не может быть, чтобы Париж снова подвергся бомбардировке: и кем? Французами! Несмотря на опасность, которую, как мне сказали, можно было ожидать близ Нейи, я хотел увидеть собственными глазами, что происходит. Итак, сегодня утром, 8 апреля, я отправился на Елисейские поля.

Пока я не добрался до Последней точки, не было ничего необычного, только, возможно, вокруг было меньше людей. Омнибус не ходит дальше угла авеню Мариньи. Англичанка, которой кондуктор только что помог сойти, подошла ко мне и спросила дорогу; она хотела выйти на улицу Галиле, но не хотела идти пешком по широкому проспекту. Я указал ей на боковую улицу и продолжил свой путь. Немного выше шеренга национальных гвардейцев, стоявших примерно в десяти футах друг от друга, получила приказ не пускать пассажиров дальше. “Вы не можете пройти”. — “Но ...” - и я остановился, чтобы придумать какой-нибудь правдоподобный мотив, оправдывающий мое любопытство. Однако я был избавлен от хлопот. Хотя я произнес всего лишь нерешительное “но”, часовой, казалось, счел этого достаточным и ответил: “О, очень хорошо, ты можешь пройти”.

По мере моего продвижения улица казалась все более и более пустынной. Ставни во всех домах были закрыты. То тут, то там прохожие проскальзывали поближе к стенам домов, готовые укрыться в парадных дверях, которые по приказу были оставлены открытыми, как только услышат свист снаряда. Перед магазином вагоностроителя, надежно закрытым, были сложены груды винтовок; большинство национальных гвардейцев, растянувшись на тротуаре, крепко спали, в то время как некоторые прогуливались взад и вперед, покуривая трубки, а другие играли в плебейскую игру “бушон”.^[46] Мне сказали, что четверть часа назад на углу улицы Морни разорвался снаряд. Капитан сидел там на земле рядом со своей женой, которая только что принесла ему завтрак; беднягу буквально разрубило надвое, а женщину, опасно раненную, унесли в соседнюю аптеку. Мне сказали, что она все еще там, поэтому я повернул в том направлении. Перед дверью собралась небольшая группа людей. Мне удалось подобраться поближе, но я ничего не увидел, так как бедняжку отнесли в операционную. Они сказали мне, что она была ранена в шею осколком снаряда и что сейчас она находится под присмотром одного из хирургов “Скорой помощи для прессы”. Затем я продолжил свою прогулку по проспекту. Канонада, которая, казалось, прекратилась на какое-то короткое время, теперь возобновилась с большей интенсивностью, чем когда-либо. Клубы белого дыма поднимались в направлении ворот Майо, в то время как бомбы с Мон-Валерьяна разрывались над Триумфальной аркой. Справа и слева от меня стояли роты федералов. Чуть дальше батальон, полностью экипированный, с одеялами и кастрюлями, привязанными к ранцам, и буханками хлеба, насаженными на штыки, двинулся в направлении Порт-Майо. Рядом с капитаном, командовавшим первой ротой, маршировала женщина в странном костюме: юбка вивандьерки и куртка национальной гвардии, на голове фригийский колпак, в руке шассепо, а за поясом заткнут револьвер. С того расстояния, на котором я стоял, она выглядела одновременно молодой и хорошенькой. Я спросил нескольких федералов, кто она такая; один сказал мне, что она жена гражданина Эда,^[47] члена Коммуны, а другой, что она продавала газеты на авеню Терн, чей ребенок был убит осколком снаряда на улице Акаций прошлой ночью, и что она поклялась отомстить за него. Оказалось, что батальон направлялся на поддержку бойцов в Нейи, которые нуждались в помощи. Насколько я слышал, жандармы и сержанты де Виля с боями пробивались до улицы Юисье. Теперь я не сомневался, что версальские генералы использовали жандармов и городских сержантов, которые в большинстве своем были старыми и испытанными солдатами, но если они действительно были там, где воображение федералов упорно помещало их, то их должно было быть либо так же много, как песчинок на морском берегу, либо их лидеры, должно быть, нашли способ заставить их служить в нескольких местах одновременно. Последовав за батальоном, я оказался в нескольких ярдах от Триумфальной арки. Внезапно вдалеке слышится шипящий, свистящий звук, который быстро приближается к нам; он очень похож на шум взлетающей в небо ракеты. “Снаряд!” - крикнул сержант, и весь батальон до единого человека бросился на землю, гремя кастрюлями и штыками. Действительно, некоторая опасность была. Ужасный снаряд снижался по мере

приближения, а затем с ужасающим шумом упал недалеко от нас, перед последним домом по левой стороне проспекта. Я никогда раньше не видел, чтобы снаряд разрывался так близко от меня; хорошее представление о том, на что это похоже, можно получить по тем зловещего вида картинам, которые иногда висят на шеях некоторых слепых нищих и, как предполагается, изображают взрыв мины. Я думаю, что никто не пострадал, а причиненный вред, по-видимому, заключался в Широкой дыре в асфальте и разнесенной в щепки двери. Национальные гвардейцы поднялись с земли, и несколько из них принялись подбирать осколки снаряда. Однако не успели они пройти и нескольких ярдов, как раздался еще один тревожный крик, и снова мы слышали зловещий Свистящий звук; в одно мгновение мы все оказались ничком. Разорвался второй снаряд, но мы этого не видели; мы только увидели, как на крыше дома, который уже был поражен, внезапно открылось окно и разбитые стекла упали на землю. Снаряд, скорее всего, пробил крышу и разорвался на чердаке. Был ли кто-нибудь на верхних этажах? Однако мы снова были на ногах и обогнули Триумфальную арку вдвое. Мне удалось втереться в доверие к людям из арьергарда, и я надеялся, что смогу зайти с ними так далеко, как мне заблагорассудится. Как ни странно, и я признаюсь в этом с *наивнейшим* восторгом, я совсем не испытывал страха. Хотя разница в наклоне пушки на полдюйма могла стоить мне жизни, я все же чувствовал желание продолжать свой путь. Я начинаю думать, что быть храбрым нетрудно, когда человек от природы не трус! Под большой аркой собралось около сотни человек, которые, казалось, считали себя в безопасности и время от времени отваживались сделать несколько шагов вперед, чтобы осмотреть повреждения, нанесенные скульптурной группе Этекса тремя последовательными снарядами. Но на Авеню Великой Армии было видно только трех федералов, и я думаю, что я был единственным человеком в штатском, которому они позволили зайти так далеко. Я отчетливо различал небольшую баррикаду, возведенную перед воротами Майо по эту сторону крепостного вала. Бастион справа усердно обстреливал высоты Курбеуа; огромные столбы дыма, сопровождавшиеся ужасающими взрывами, свидетельствовали о рвении коммунистических артиллеристов. За крепостной стеной простиралась авеню де Нейи, пыльная и пустынная. К сожалению, солнце ослепило меня, и я не мог хорошо разглядеть, что происходит вдалеке. К этому времени отчетливо слышались выстрелы. Мне сказали, что они сражались в основном при Сент-Джеймсе и в парке Нейи. Я попытался выйти за ворота вместе с батальоном, но офицер заметил меня и резким тоном приказал мне вернуться. Однако я не должен жаловаться, что он оказал мне хорошую услугу; ибо, хотя пожар в Версале несколько утих, я не думаю, что это место могло еще долго оставаться пригодным для жизни, если судить по количеству осколков снарядов, усеявших дорогу; по многочисленным мусорам, которые уносили с их окровавленным грузом; по развалинам железнодорожной станции и состоянию соседних домов, фасады которых почти у всех представляли собой огромные черные дыры. На федералов, казалось, ничуть не произвело впечатления их критическое положение; звуки смеха доносились до меня изнутри каземата, из трубы которого валил дым, а бегавшие туда-сюда охранники весело насвистывали *Chant du Départ* видом полного удовлетворения.

Триумфальная арка, Восточная сторона (самая красивая), Не пострадала.

Поврежден с другой стороны. Во время прусской осады он был защищен от повреждений, хотя ни один снаряд его не достиг. Обнаружен до гражданской войны.

Мне удалось добраться до улицы Дебаркадер, которая находится недалеко от крепостных валов. Там живет мой знакомый. Я знал, что его нет, но думал, что привратник узнает меня и позволит занять место у одного из окон. По соседству, в угловом доме, я обнаружил, что снаряд попал в тамошнюю лавку виноторговца, который вполне мог бы обойтись без такого посетителя, но вел себя самым непослушным образом: разбил стекло, разбил столы и стойку, но никого не убил и не ранил. Привратник знал меня довольно хорошо и пригласил подняться наверх, в апартаменты моего друга, расположенные на третьем этаже. Из окон я не мог видеть бастиона, который был скрыт вокзалом; но слева, вдалеке, за Булонским лесом, где, как мне показалось, я различал войска, двигавшиеся между ветвями, но версалец это был или парижане, я не мог сказать, возвышался огромный Мон-Валерьен, залитый солнечным светом. Вспышки из пушки, которые при дневном свете имеют бледно-серебристый оттенок, быстро сменяли друг друга; взрывы были ужасающими, и форт был увенчан клубом дыма. Судя по всему, они вели огонь в направлении Леваллуа, а не по Порт-Майо. Федералы, похоже, не пытались отвечать. Повернувшись направо, я смог осмотреть почти всю длину авеню Нейи. Голый участок земли, составляющий военную зону, был совершенно безлюден; там упало несколько снарядов, которые, несомненно, были нацелены на Ворота Майо или бастион. Позиция, которую я занял у окна, была довольно опасной. Я находился сразу за бастионом. За пределами военной зоны большинство домов казались необитаемыми, но я отчетливо видел национальных гвардейцев перед рестораном "Жилетт", которые готовили свой суп на боковой дорожке. Я был слишком далеко, чтобы судить о масштабах вреда, причиненного канонадой, но мне сказали, что в этом квартале

обвалилось несколько крыш и обрушилось много стен. Все, что я мог видеть на рыночной площади, было пусто; но звуки ружейной пальбы и дым, который валил из домов по одну ее сторону, подсказали мне, что федералы были там в достаточном количестве. Чуть дальше я увидел торчащие из окон стволы винтовок, из которых вились маленькие струйки дыма; небольшие группы вооруженных людей время от времени торопливо переходили улицу и исчезали в домах напротив. Отчасти из-за расстояния, отчасти из-за слепящего солнца, а отчасти, возможно, из-за эмоций, которые я испытал, которые заставили меня желать и в то же время бояться увидеть, я мог различить мост, но смутно, с темной линией баррикады перед ним. Что меня больше всего удивило в сражении, за которым я усердно наблюдал, так это необычайно малое количество бойцов, которые были видны, когда внезапно — это было около двух часов дня — версальские батареи в Курбевуа, которые некоторое время молчали, начали яростную стрельбу. Ужасный визг митральез заглушал свист снарядов; всю ширину длинной аллеи заволочло чем-то вроде белого тумана. Бастион передо мной энергично ответил. Мне показалось, что внутренняя часть моего уха разрывается на части, как вдруг я услышал глухой тяжелый звук, какого раньше не слышал, и почувствовал, как дом задрожал подо мной. Громкие крики раздались со стороны национальных гвардейцев на крепостных валах. Мне показалось, что дождь пуль и снарядов разрушил подъемный мост у ворот Майо; но это было не так; вдалеке я увидел, что клубы дыма клубятся все ближе и ближе, и что грохот ружейной пальбы, который сильно усилился, раздавался совсем рядом. Я был уверен, что из Курбевуа идет наступление — что версальцы наступают. Снаряды пролетали над нашими головами в направлении Елисейских полей. Я начал различать, что беспорядочная масса людей марширует в дыму, в пыли, на солнце. Орудия на бастионе теперь гремели не переставая. К этому времени ошибки быть не могло, там были версальцы; я мог видеть красные мундиры солдат линии. Федералы расстреливали их из окон. Затем я увидел, как передовой отряд остановился, заколебался под ядрами, которые, казалось, дождем сыпались на них с площади Марш, и вскоре отступил. После чего большое количество федералов высыпало из домов и, прижимаясь к стенам, чтобы быть как можно дальше от снарядов, поспешило вслед за отступающим врагом. Но внезапно, когда они отошли слишком далеко, чтобы я мог что-либо четко различить, они, в свою очередь, остановились, а затем вернулись на свои позиции внутри домов. Затем огонь с "Версаля" заметно ослаб, но "бастионы" продолжали свою яростную атаку. Так я стал свидетелем одного из тех *перестрелок на шассе-круазе*, которые стали такими частыми с тех пор, как эта ужасная гражданская война развернулась в Нейи.

Конный егерь, исполняющий обязанности артиллериста-коммуниста, сопровождаемый тунеядцем.

Поскольку было бы крайне неосмотрительно следовать вдоль железнодорожной перерезки или возвращаться по авеню Великой армии, где все еще падали версальские снаряды, я прошел по улице Дебаркадер, а затем свернул на улицу Сен-Фердинанд и вскоре оказался на площади Терн, напротив церкви. Во всем этом квартале был самый мрачный вид. Расположенный недалеко от крепостных валов, он очень сильно открыт и сильно пострадал. Почти все лавки были закрыты; однако некоторые двери тех, где продавалось вино или провизия, стояли открытыми, в то время как на ставнях других было написано мелом: “Вход находится под воротами”. Я был поражен, увидев, что церковь открыта, что было редким зрелищем в наши дни. Возможно ли, что коммуна совершила непростительную неосторожность, не арестовав кюре Сен-Фердинанда, и что она достаточно слаба — пусть ей не придется сожалеть об этом! — чтобы позволить жителям Терна креститься, венчаться и хоронить их в соответствии с прискорбными обрядами католицизма, который, к счастью, вышел из употребления в других кварталах Парижа? Теперь я могу понять, почему снаряды так настойчиво падают в этом бедном округе: гнев богини Разума (неужели у нас скоро не будет богини Разума?) тяжким грузом лежит на этом квартале, позоре столицы, жители

которого все еще пытаются выглядеть так, как будто они верят в рай! Однако, несмотря ни на что, я вошел в церковь; там стояло на коленях очень много женщин и несколько мужчин тоже. Молитвы за усопших были произнесены над гробом женщины, которая, как мне сказали, была убита вчера пулей в грудь, когда переходила авеню Терн, чуть выше железнодорожного моста. Мяч, как странно! и все же я был уверен, что это так. Таким образом, совершенно очевидно, что Версаль был значительно ближе к Парижу, по крайней мере, с этой стороны, чем позволяют предположить официальные депеши.

Вернувшись на улицу, я направился в сторону площади Эйло. Мимо меня прошли двое национальных гвардейцев, неся носилки. — “О, можете посмотреть, если хотите”, - сказал один. Поэтому я отдернул клетчатую занавеску. На матрасе растянулась прилично одетая женщина с ребенком двух или трех лет, лежащим у нее на груди. Они оба выглядели очень бледными; одна рука женщины свисала; ее рукав был испачкан кровью; кисть унесли прочь.— Куда они были ранены? - Спросил я.— Ранены! они мертвы. Это жена и ребенок мастера по изготовлению велосипедов с авеню Ваграм; если вы пойдете и сообщите ему новость, вы окажете нам хорошую услугу.

Следовательно, это было совершенно верно, несомненно, неоспоримо. Версальские пули и снаряды не довольствовались убийством сражающихся и разрушением фортов и крепостных валов. Они также убивали женщин и детей, обычных прохожих; не только тех, кого неосторожное любопытство побудило пойти туда, где им нечего было делать, но и несчастных, которые были поневоле вынуждены выходить на соседние улицы с целью купить хлеба. Снаряды Национальной ассамблеи не только достигают зданий, расположенных близко к городским стенам, но и часто падают значительно дальше, сокрушая безобидные дома и разбивая скульптуры на общественных памятниках. Никто не может этого отрицать. Я видел это собственными глазами. Так или иначе, снаряды падают все ближе и ближе к центру. Вчера они упали на авеню Великой Армии; сегодня они пролетают над Триумфальной аркой и падают на площади Эйло и авеню Юрих. Кто знает, может быть, завтра они доберутся до площади Согласия, а на следующий день, возможно, один из них убьет меня на бульваре Монмартр? Париж подвергся бомбардировке! Берегите себя, господа члены Национального собрания! То, что сделали пруссаки и что вызвало такой шум негодования со стороны правительства 4 сентября, будет для вас позорной и неосмотрительной попыткой. Вы убиваете французов, которые с оружием в руках выступают против своих соотечественников, — увы! это ужасная необходимость в гражданской войне, но пощадите жизни и жилища тех, кто не ополчился против вас и кто, возможно, является вашими союзниками. Очень хорошо доказывать, что пушки не наделены даром разума и милосердия и что их нельзя заставить делать именно то, что тебе нравится; но что ты сделал с теми замечательными стрелками, которые во время осады постоянно разрушали батареи противника и прерывали его работу с такой необычайной точностью, и которые утверждали, что с расстояния семи тысяч метров они могут попасть в позолоченный шип прусского шлема? Почему они стали такими неуклюжими с тех пор, как поменялись местами со своими противниками? Шутки в сторону, одним словом, вы наносите себе величайший вред, будучи таким бесполезно жестоким; каждый снаряд, перелетающий через укрепления, - это не только преступление, но и большая ошибка. Помните, что в этом ужасном поединке, который продолжается, победа на самом деле останется не за той стороной, которая одержит победу над другой силой оружия (несомненно, за вашей), а за тем, кто своим поведением сумеет доказать нейтральному населению, которое наблюдает и судит, что право было на его стороне. Я не говорю, но какое ваше дело является лучшим; ибо, хотя нам, возможно, придется упрекнуть вас в неосмотрительном сопротивлении, ненужных нападках и умышленном упрямстве не видеть того, что было законным и благородным в пожеланиях

парижан, все же мы должны учитывать, что вы юридически представляете всю Францию. Поэтому я не говорю, какое ваше дело является лучшим; хотя, откровенно говоря, можете ли вы надеяться привлечь на свою сторону ту большую группу граждан, доверие которых вы поколебали, убивая невинных людей на улицах и разрушая их жилища? Если эта бомбардировка продолжится, если насилие усилится, как это кажется вероятным, вы станете одиозными, и тогда, будь вы сто раз правы, вы все равно будете неправы. Поэтому крайне важно, чтобы вы отдали приказ артиллеристам Курбевуа и Монт-Валерьяна умерить свое рвение, если вы не хотите, чтобы Париж — нейтральный Париж - проводил опасные сравнения между Ассамблеей, которая забрасывает нас своими снарядами, и Коммуной, которая выпускает свои декреты, и пришел к выводу, что декреты - менее опасные снаряды, чем пушечные ядра. Что касается законности происходящего, то нас это не очень волнует; мы видели так много правительств, более или менее законных, что мы несколько *пресыщены* в этом вопросе; и нескольких миллионов голосов едва ли хватит, чтобы привести нас в хорошее расположение духа. Конечно, Коммуна, такой, какой ее создали люди из Отель-де-Виль, не является блестящей перспективой. Оно арестовывает священников, останавливает газеты, хочет включить нас, вопреки нашему желанию, в Национальную гвардию; грабит нас — так нам говорят; постоянно лжет — это неоспоримо, и в целом само по себе ужасно надоедает; но какое это имеет значение? — человеческая природа полна слабостей и предпочитает скучать, чем подвергаться бомбардировкам.

Стрелок морской пехоты и уличный мальчишка.

Во время прусской осады важную роль сыграли моряки французского военно-морского флота, их храбрость, активность и изобретательность были высоко оценены парижанами. Некоторые из них перешли на сторону красных и укомплектовали канонерские лодки на Сене. Зная о престиже, которым пользуются отважные морские пехотинцы, генералы-коммунисты использовали военно-морскую одежду, найденную на складах морской пехоты, и нарядили в нее некоторых доблестных героев Бельвиля и Монмартра.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[46] Игра в питч-полпенни, в которой во Франции на землю кладут пробку (*bouchon*) с полпенни сверху.

[47] Генерал Эд был Алкивиадом, или, скорее, Сен-Жюстом, Коммуны. У него были лицо и манеры модного *тенорино*, роскошный вкус афинянина и жестокая непреклонность протезе Робеспьера. Он родился в Бонэ, в округе Кутанс. Его отец был торговцем с итальянского бульвара. На экзамене перед Военным советом в августе 1870 года Юд назвал себя стенографистом и студентом юридического факультета, хотя на самом деле он был клерком в бельевой лавке. Его первым заметным подвигом было убийство пожарного в Ла Виллет. За это преступление он предстал перед Первым Военным советом в Париже. Здесь он сообщил президенту в несколько непарламентских выражениях, что “предателями страны были не республиканцы, и что уничтожить имперское правительство означало уничтожить пруссаков”. Несмотря на красноречивые призывы своего адвоката, он был приговорен к смертной казни. События четвертого сентября помешали приведению этого приговора в исполнение, и он выжил, чтобы принять активное участие в волнениях тридцать первого октября. Его снова судили за это поведение и оправдали вместе с Верморелем, Рибальди, Лефрансе и другими. Имя Эда фигурирует в первых декретах Коммуны и в последнем из декретов Комитета общественного спасения. Второго апреля он был назначен военным делегатом и совместно с Кюзере организовал десять корпусов *Enfants Perdus* из Бельвиля. Он пообещал каждому из своих добровольцев выплату ренты в размере 300 франков и награды. Юд был атеистом самого яростного толка, и ему приписывают высказывания, которые заставляют содрогнуться.

XXXIX.

Где Бержере? Что они сделали с Бержере? Нам не хватает Бержере. Они не имеют права подавлять Бержере, который, согласно официальному документу, был “самим собой” в Нейи; Бержере, который ехал на битву в открытой карете; который немного развеселил нашу скуку. Они были совершенно свободны отобрать у него командование и передать его тому, кого они выберут; я вполне согласен с этим, но они не имели права забирать его и мешать ему развлекать нас. Увы! у нас не так часто бывает такая возможность!^[48]

Ходят слухи, что его забрали в Консьержери. Бедный Бержере! и почему с ним так обращаются? Потому что он разбил федералов, пытаясь привести их в Версаль?

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ КОРПУС — ШТАБ-КВАРТИРА ГЕНЕРАЛА БЕРЖЕРЕ

Граждане, если вы позволите мне высказать свое скромное мнение по этому поводу, я воспользуюсь случаем и намекну, что план гражданина Бержере, который, я признаю, оказался совершенно неудачным, был единственно возможным, способным превратить в триумфальную революцию эмут Монмартра, ныне Парижской коммуны.

Давайте, пожалуйста, посмотрим на это с логической точки зрения. Вам кажется возможным, что Париж может выстоять против всей остальной Франции? Нет, совершенно определенно, что нет. Сегодня, особенно после бедствий, постигших общественных повстанцев Марсея, Лиона и Тулузы, — бедствий, которые ваши лживые официальные отчеты тщетно пытались превратить в успехи; сегодня, я говорю, вы не можете питать никаких иллюзорных надежд на помощь из провинций. Через несколько дней вся страна будет выстроена перед вашими крепостными валами и вашими разрушенными крепостями, и тогда вы погибнете; да, погибнете, несмотря на весь ослепленный героизм тех, кого вы заманили на убой. Единственная надежда, которую вы могли разумно себе представить, заключалась в том, чтобы воспользоваться первым моментом неожиданности и беспорядка, которые победоносное восстание вызвало среди небольшого числа колеблющихся солдат, составлявших тогда всю французскую армию; захватить врасплох Версаль, слабо защищенный, и захватить, если это было возможно, Ассамблею и правительство. За вашим внезапным переворотом должна была последовать резкая атака, тогда была бы какая—то надежда - слабая, признаюсь, но все же надежда, и этот план Бержере, по самой причине его дерзости, не должен был бы быть осужден вами, которые добились успеха только благодаря насилию и дерзости и могут продолжать процветать только теми же средствами. Итак, что вы намерены делать? Оказать сопротивление всей Франции? Оказать

сопротивление вашим врагам внутри стен, помимо врагов снаружи, которых с каждым днем становится все больше и увереннее? Ваше поражение неминуемо, и с этого дня это только вопрос времени. Вы были решительно неправы, отодвинув Бержере, как говорят в Отель де Виль, “в тень”, — во—первых, потому, что он нас позабавил; а во-вторых, потому, что он предпринял единственное, что могло бы увенчаться успехом, - предприятие, достойное блестящего безумца.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[48] Генерал Бержере, член Центрального комитета, военный делегат и т. Д., был помощником книготорговца. Он вышел в 1869 году из типографии, чтобы поддерживать непримиримых кандидатов на предвыборных собраниях.

События развивались своим чередом, и 18 марта Виктор Бержере появился снова, блистательный в золотых кружевах и вышивке, счастливый оттого, что наконец обрел правительство, к которому не принадлежал Жюль Фавр.

Когда Бержере, который никогда не имел звания выше сержанта Национальной гвардии, был произведен в генералы, он считал себя солдатом. Друг этого картонного офицера сказал однажды: “Если бы Бержере прожил сто лет, он всегда клялся бы, что был генералом”.

8 апреля Виктор Бержере был арестован по приказу Исполнительной комиссии за отказ повиноваться Кюзере, тоже генералу, и своему начальнику, и он был заключен в тюрьму Мазас, где пробыл недолгое время, до того дня, когда Кюзере был заключен туда сам. На самом деле Кюзере зашел в ту самую камеру, которую только что покинул Бержере, и нашел записку с автографом, написанную на стене его предшественником и адресованную ему самому. В нем говорилось следующее: “

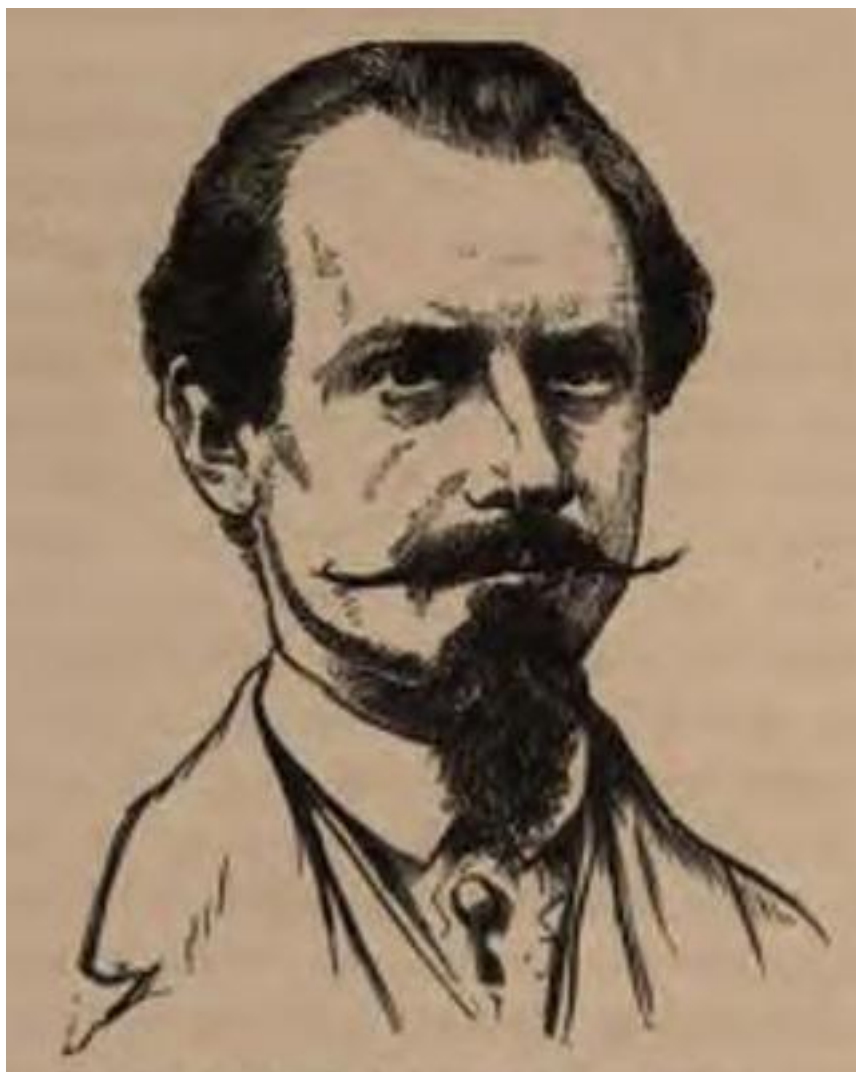
ГРАЖДАНИН КЛЮЗЕРЕ, —

— Вы заставили меня сидеть здесь взаперти, и вы сами будете здесь раньше, чем пройдет восемь дней.

“GÉNÉRAL BERGERET.”

Выйдя из тюрьмы Мазас, Бержере еще некоторое время содержался в заключении в великолепных апартаментах Отель-де-Виль, отделанных позолоченными панелями и атласом вишневого цвета. Его жене разрешили присоединиться к нему здесь, и он также получил разрешение держать при себе маленького терьера, которого он очень любил. Вскоре после этого он был восстановлен в должности, снова занял свое место в Общинном собрании и был прикомандирован к военной комиссии. Прекрасный дворец президента Корпуса Легислативов теперь был его резиденцией, и там он с удовольствием принимал друзей, которые знали его, когда он был бедняком. Его неизменный домашний костюм во дворце, как и в тюрьме, был красным с головы до ног: красная куртка, красные брюки и красная фригийская шапочка.

Однажды, вскоре после своего освобождения из тюрьмы, он сказал близкому другу: “Дела идут хорошо, но Коммуна нуждается в деньгах, я это знаю, и они неправы, что не доверяют мне. Я охотно одолжил бы им десять тысяч франков”. Должность генерала необычайно обогатила Жюля Бержере (его самого).

Генерал Домбровский.

XL.

Кто займет место Бержере? Домбровски.^[49] Кому пришла в голову идея сделать это? Кюзере. Сначала у нас был Центральный комитет, затем у нас была Коммуна, а теперь у нас есть Кюзере. Это выглядит так, как будто Кюзере проглотил Коммуну, которая ранее проглотила и лишь наполовину переварила Центральный комитет. Нам говорят, что Кюзере - великий человек, что Кюзере силен, что Кюзере спасет Париж. Кюзере издает указы и следит за их исполнением. Коммуна говорит: *“Мы желаем”*, но Кюзере говорит: *“Я желаю”*. Именно он разработал и обнародовал следующий указ:

“Принимая во внимание патриотические требования большого числа национальных гвардейцев, которые, хотя и являются женатыми мужчинами, желают иметь честь защищать свои муниципальные права даже ценой своей жизни ...”

Я хотел бы знать некоторых из тех национальных гвардейцев, которые придают так мало значения своей жизни! Покажите мне двоих, и я сам соглашусь быть третьим. Но я прерываю диктатора Кюзере.

В связи с этим в указ от пятого апреля вносятся изменения:“

Постановление от пятого апреля было принято коммуной, но Кюзере на это наплевать.

“С семнадцати до девятнадцати лет служба в маршевых ротах добровольна, но с девятнадцати до сорока она обязательна для национальных гвардейцев, женатых или неженатых.

“Я рекомендую всем добрым патриотам быть своей собственной полицией и следить за тем, чтобы этот указ выполнялся в их соответствующем квартале, и заставлять непокорных служить”.

Что касается последнего пункта указа Кюзере, то шутить по этому поводу невозможно, он слишком одиозен. Этот призыв в пользу пресс-банды, это пожелание, чтобы каждый человек стал шпионом за своим соседом (он говорит это так многословно), наполняет меня гневом и отвращением. Что?! Я могу проходить по улицам, занимаясь своими делами, и первый попавшийся федерал, любой человек с грязными руками, негодяй, вы можете быть уверены, потому что никто, кроме негодяя, не последовал бы рекомендациям Кюзере, беглый каторжник, может взять меня за шиворот и сказать: “Пойдем, меня убьют ради моей муниципальной независимости”. Или же я могу лежать ночью в постели и спокойно спать, на что, несомненно, имею на это полное право, и четверо или пятеро парней, охваченных патриотическим пылом, могут вломиться в мою дверь, если я не поспешу открыть ее по первому зову, как послушный раб, и, нравится мне это или нет, потащат меня в ночном колпаке и тапочках, возможно, в моей рубашке, если это так понравится храбрым *санкюлотам*, к ближайшему аванпосту. Клянусь вам, Кюзере, я бы этого не вынес, если бы в последние голодные дни осады не продал торговцу диковинками — вашему коллеге по коммуне — свой револьвер, который, как я наивно надеялся, защитит меня от пруссаков! Подумайте, револьвер с шестью пулями, если вам угодно, и который, увы! Я забыл разрядить!

Мы можем только надеяться, что даже в этот момент, когда революция вывела из тьмы на свет так много негодяев и трусов, подобно тому, как осадок поднимается вверх, когда взбалтывают вино, мы должны надеяться, что в Париже не найдется никого, кто взялся бы за низменную работу шпиона и сыщика; и что декрет г-на Кюзере останется мертвой буквой, как и многие другие декреты Коммуны. Я не поверю всему, что мне говорят; я не поверю, что прошлой ночью несколько человек, без каких-либо точных приказов, без какого-либо юридического статуса вообще, просто национальные гвардейцы, проникли в мирные семьи, разбудили жену и детей и увели мужа, как уводят взломщика или сбежавшего каторжника. Мне говорят, что это факт, что это происходило более пятидесяти раз на Монмартре, в Батиньоле и Бельвиле, но я не верю этому.^[50] Я предпочитаю верить, что эти рассказы - “выдумки Версаля”, чем допустить возможность такого позора.

Ну же, Кюзере, Военный делегат, как бы ему ни хотелось себя называть. Откуда он взялся, что он сделал и какие услуги оказал, чтобы дать ему право таким образом навязывать нам свои суверенные желания?

Он не француз и не американец; ради чести Франции я предпочитаю, чтобы он был американцем. Его история столь же коротка, сколь и бесславна. Когда-то он служил во французской армии и ушел, неизвестно почему; затем отправился воевать в Америку во время войны. Его враги утверждают, что он сражался за рабовладельческие штаты, его друзья - наоборот. Не совсем ясно, на чьей он был стороне — возможно, на обеих. О, Америка! ты забрала его у нас, почему ты не оставила его себе? Кюзере вернулся к нам со славой отрекшегося от своей страны. Революционеры немедленно приняли его с распростертыми объятиями. Подумать только, американец! Вам нравится Америка? Люди повсюду хотят создать Америку. У современных республик были грозные враги, с которыми приходилось бороться — Америка и революция 98-го. Мы печальные пародисты. Мы не можем быть свободны по-своему, но всегда вынуждены подражать тому, что было или что

есть. Но всегда ли то, что приспособлено к одному климату или стране, является наиболее подходящим для другого? Однако я вернусь к этой теме в другой раз. Америка, которой так хвалят и которой я восхищался бы настолько, насколько можно разумно пожелать, если бы люди не пытались переделать Францию по ее образу и подобию, нужно быть слепым, чтобы не видеть, какие у нее слабости и ограниченность среди многого поистине великого. Кто-то сказал мне однажды: “Американский разум можно сравнить со сложным ликером, состоящим из дрожжей англосаксонского пива, пены испанских вин и отбросов *petit-bleu* из Сюренна, доведенных до точки кипения аплодисментами и восхищением, которые дарят этим их залежам настоящий светлый эль, настоящий херес и подлинное Шато-Марго. Время от времени котел вскипает слишком сильно, и пузырящийся напиток разливается по старому свету, возвращая к чистому источнику, к истинному винтажу, их испорченные продукты. О! Бедные вина Франции! Скольким фальсификациям они подверглись!” Клевета и преувеличение, без сомнения; но я зол на Америку за то, что она отослала Кюзере обратно, как я зол на Коммуну за то, что она навязала его Парижу. У Коммуны, однако, есть замечательное оправдание: она, возможно, не нашла среди истинных французов ни одной преступницы с честолюбием, достаточным, чтобы руководить, согласно ее желаниям, разрушением Парижа Парижем и Франции Францией.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[49] Существует две версии более ранней истории Домбровского. Его поклонники говорили, что он возглавлял последнее польское восстание: партия порядка клеймит его как русского авантюриста, который сражался в Польше, но против поляков, и на Кавказе, в Италии и во Франции — где угодно; в общем, нужно было наносить удары и зарабатывать деньги. Он прибыл во Францию, как и многие другие рыцари-авантюристы, в свите Гарибальди, прибыл в Париж после осады, и сразу же после начала событий восемнадцатого марта был назначен Коммуной генералом и собрал вокруг себя в качестве персонала самых прославленных или наименее неблагородных из тех иностранных паразитов и бродяг, которые превратили Париж в грандиозный западно-богемный столпотворение. Эти солдаты удачи, большинству из которых “не повезло” дома, составляли костяк военной мощи коммуны.

Домбровский прославился бесстрашием даже среди этих людей безрассудной храбрости и полной приключений жизни. Он поддерживал строгую дисциплину, хотя и с не очень моральными целями. Всякий, кто осмеливался связать его имя со словом “поражение”, был расстрелян. Как и многие другие генералы-коммунисты, он принял самые строгие меры для сокрытия правды от своих солдат и таким образом предотвратил полную деморализацию до тех пор, пока версальские войска не оказались в центре Парижа. Его отношения с федеральными властями не носили неизменно дружелюбного характера.

[50] Бедный итальянский кузнец сказал мне, что у него схватили трех человек. Когда их арестовали, они взяли плиту возле укреплений Тернеса. “Но мы итальянцы!” - кричали они. Это не было оправданием, потому что федералы ответили: “Итальянцы! тем лучше; вы будете служить как гарибальдийцы!”

XLI.

Было недостаточно, чтобы люди были изрешечены пулями и разорваны на куски снарядами. Женщин, в свою очередь, тоже охватывает странный энтузиазм, и они тоже падают на поле битвы жертвами ужасного героизма. Что за необыкновенные существа эти, которые меняют иглу на игольчатый пистолет, метлу на штык, которые бросают своих детей, чтобы те могли

умереть рядом со своими мужьями или любовниками? Амазонки из толпы, великолепные и жалкие, что-то среднее между Пентесилеей и Терой де Мерикур. Там они считаются кантиньерами, среди тех, кто выходит на бой. Мужчины в ярости, женщины свирепы — ничто не может ужаснуть, ничто не может обескуражить их. В Нейи вивандьер ранена в голову; она на мгновение оборачивается, чтобы остановить кровотечение, затем возвращается на свой опасный пост. Другой, из 61-го батальона, хвастается тем, что убил троих *стражей порядка*^[51] и нескольких *жандармов*. На равнине Шатийон женщина присоединяется к группе национальных гвардейцев, занимает позицию среди них, заряжает ружье, стреляет, перезаряжает и стреляет снова, без малейшего перерыва. Она уходит последней, но даже после этого снова и снова оборачивается, чтобы выстрелить. *Кантиньерка* 68-го батальона была убита осколком снаряда, который разбил маленький бочонок со спиртным, который она несла, и осколки попали ей в живот. После боя 3 апреля в *мэрию* Вожирара было доставлено девять тел. Бедные женщины квартала толпятся там, болтая и стенаая, в поисках мужей, братьев и сыновей. Они вырывают друг у друга тусклый фонарь и подносят его поближе к бледным лицам мертвецов, среди которых находят тело молодой женщины, буквально изрешеченное выстрелами. Что означает дикая ярость, овладевающая этими фуриями? Осознают ли они преступления, которые совершают; понимают ли они причину, за которую умирают? Вчера в магазин на улице Монтрей вошла женщина с ружьем на плече и окровавленным штыком. “Не лучше ли тебе было бы остаться дома и помыться своих отпрысков?” - возмутилась соседка. После чего возникла яростная перепалка, мегера пришла в такую ярость, что набросилась на свою противницу и сильно укусила ее в горло, затем отступила на несколько шагов, схватила ружье и собиралась выстрелить, как вдруг побледнела, оружие выпало у нее из рук, и она замертво упала навзничь. В своей дикой страсти она разорвала кровеносный сосуд. Таковы женщины из народа в этот ужасный 1871 год. Здесь есть свои *кантиньеры*, как в 93-м году были *трикотезы*,^[52] но *кантиньеры* предпочтительнее, потому что ужасное в них отдает диким величием. Сражаясь против братьев и сородичей, они восстают, но против внешнего врага они были бы великолепны.

Даже дети не остаются пассивными в этом страшном конфликте. Дети! ты плачешь, но не улыбаешься; один из моих друзей только что видел бедного мальчика, которому подбили глаз кончиком гвоздя. Случилось это так. Это было в пятницу вечером на главной улице Нейи. Там собрались двести мальчиков — самому старшему едва исполнилось двенадцать лет; на плечах у них были палки, на концах которых были воткнуты ножи и гвозди. У них была перекличка войск, и их численность была названа по форме, и их вожди — ибо у них были вожди — отдали приказ построиться пополам, а затем выступить маршем в направлении Шарантона; маленький ребенок тащился впереди, дуя в дешевую трубу, купленную в магазине игрушек, и у них была *кантиньерка*, маленькая девочка лет шести. Вскоре они встретили другой отряд детей примерно такой же численности. Была ли встреча организована заранее? Было ли решено, что они должны дать бой? Я не могу вам этого сказать, но, во всяком случае, битва состоялась: одна сторона была за версальские войска, другая - за федералов. Такое сражение, что жителям квартала было очень трудно разнять сражающихся, и, согласно официальным донесениям коммуны, были убитые и раненые; Алексис Мерсье, двенадцатилетний мальчик, которого его товарищи произвели в капитаны, был убит ударом ножа в живот.

Ах! поверьте, эти женщины, опьяненные ненавистью, эти дети, играющие в убийство, являются симптомами ужасной болезни нашего времени. Пройдет несколько дней, и эта жажда резни охватит весь Париж.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[51] Гвардейцы Мира заменили сержантов де Виля. Они не носили шпаг, а носили фуражки с трехцветной лентой и кокардой; фактически это были полицейские Парижа. Жандармерия - это полиция страны.

[52] Трикотейсы (вязальщицы), женщины, посещавшие политические клубы — работали, пока слушали, — 1871 год развил идею 1793 года. У первой революции были свои Трикотажные изделия, у революции 1871 года - нефтяные!!!

XLII.

Можно ли еще надеяться на примирение? Увы! Я едва ли могу так думать. Кровавая битва закончится кроваво. Не только между Парижской коммуной и Версальским собранием лежит пропасть, которую могут заполнить только трупы. Сам Париж в этот момент — я имею в виду Париж, искренне желающий мира, — больше не понятен Франции; несколько дней разлуки вызвали странное разделение в умах людей; столица, кажется, больше не говорит на языке страны. Тимбукту находится не так далеко от Пекина, как Версаль от Парижа. Как можно надеяться при таких обстоятельствах, что недоразумение, единственная причина наших несчастий, может быть устранено? Как можно верить, что правительство господина Тьера прислушается к предложениям, выдвинутым там членами Республиканского союза прав Парижа,^[53] представителями парижской торговли и эмиссарами франкмасонов;^[54] когда главной целью всех этих предложений является окончательное установление Республики, а также падение и полное признание наших муниципальных свобод. Национальное собрание находится в той же точке, в какой оно находилось накануне 18 марта; оно игнорирует сейчас, как и тогда, законные желания населения, и, более того, оно не осознает тот факт, что победоносное восстание — несмотря на эксцессы, которые все осуждают, — естественно, повысило обоснованность наших справедливых заявлений. “Коммунисты” неправы, но Коммуна, настоящая Коммуна, права; это то, во что верит Париж, и, к несчастью, это то, чего Версаль не поймет; он хочет оставаться в том, что касается формы своего правления, слабо неизменной; он издает муниципальный закон, который будет признан недостаточным; и поскольку он упрямо упорствует в ошибках, которые были изжиты месяц назад и прогнали сейчас, они скоро будут рассматривать “примиренцев”, идеи которых прогрессируют изо дня в день, как истинных агентов восстания, и отправляйте их, чисто и незатейливо, заниматься своими делами.

Тем не менее, желание положить конец этой братоубийственной войне настолько велико, настолько пылко, настолько всеобще, что, будучи убеждены в бесполезности их усилий, мы восхищаемся и поощряем тех, кто с упорным мужеством берется за почти безнадежную задачу умиротворения. У настоящего Парижа сейчас только один флаг, и это не малиновая тряпка и не трехцветный штандарт, а белый флаг перемирия.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[53] Граждане, объединенные под названием Лиги Республиканского союза прав Парижа, приняли следующую программу, которая, как им казалось, выражала пожелания населения:
“Признание Республики.

“Признание права Парижа управлять самим собой, регулировать свою полицию, свои финансы, свою общественную благотворительность, свое государственное обучение и осуществление своей религиозной свободы советом, свободно избранным и всемогущим в пределах своей компетенции.

“Защита Парижа возложена исключительно на Национальную гвардию, сформированную

из всех граждан, годных к службе.

“Именно защите этой программы члены Лиги желают посвятить свои усилия, и они обращаются ко всем гражданам с призывом помочь им в работе, заявив о своей приверженности, чтобы члены Лиги, укрепленные и поддерживаемые таким образом, могли оказывать мощное посредническое влияние, стремясь добиться восстановления мира и обеспечить сохранение Республики.

“Париж, 6 апреля 1871 года”.

Здесь следуют подписи бывших депутатов, мэров, врачей, юристов, литераторов, торговцев и других.

[54] МАНИФЕСТ ФРАНКМАСОНОВ.

“В преддверии страшных событий, которые заставляют содрогаться и скорбеть всю Францию, при виде драгоценной крови, которая льется ручьями, франкмасоны, которые представляют чувства человечества и распространили их по всему миру, пришли еще раз провозгласить перед вами, правительством и членами Ассамблеи, и перед вами, членами Коммуны, эти великие принципы, которые являются их законом и которые должны быть законом каждого, у кого есть сердце мужчины.

“На флаге франкмасонов начертан благородный девиз — Свобода, Равенство, Братство, Союз. Масоны поддерживают мир между людьми и, во имя человечности, провозглашают неприкосновенность человеческой жизни. Масоны ненавидят все войны и не могут в достаточной мере выразить скорбь и ужас от гражданской войны. Их долг и их право - встать между вами и сказать:

“Во имя человечества, во имя братства, во имя обезумевшей страны прекратите это кровопролитие; мы просим вас, мы умоляем вас прислушаться к нашему призыву”.

XLIII.

Знаете ли вы, что такое аббатство Сен-Пьер, или, вернее, что это было? Заметьте, не Сен-Пьер, а Сенк-Пьер (Пять камней). Гаврош,^[55] который любит каламбуры и очень любит сленг, дал это прозвище ряду огромных камней, которые стояли перед тюрьмой Ла Рокет и на которых раньше устанавливали гильотину по утрам, когда должна была состояться смертная казнь. Палачом был аббат де Сен-Пьер, ибо Гаврош столь же логичен, сколь и изобретателен. Что ж! аббатства больше не существует, его начисто смели с фасада тюрьмы Рокет. Это великолепно! а что касается самой гильотины, вы знаете, что с ней сделали. О! у нас был единственный шанс спастись! Поверите ли вы, что этому печально известному, этому отвратительному правительству Версаля, когда оно заседало в Париже, пришла в голову идея создать новую и изысканно усовершенствованную гильотину, изготовленную анонимными плотниками? Все обстоит именно так, как я имею честь вам сообщить. Вы можете легко убедиться в этом факте, прочитав объявление о проведении “совместных учений”. Что такое “активный заместитель комитета”? Я признаю, что я в полном неведении по этому вопросу; но какое это имеет значение! В наше время, когда комитеты возникают как грибы, было бы абсурдно позволять себе более или менее удивляться комитету — и особенно подкомитету. Вот прокламация:—

“ГРАЖДАНЕ, получив информацию о том, что в данный момент строится гильотина...” Боже мой, да, пока вы крепко спали и видели сны, не опасаясь ничего, кроме того, что члены Коммуны отправят вас в тюрьму, изготавливалась гильотина. К счастью, подкомитет не спал. Нет, не они! “... гильотина, заказанная и оплаченная...”. Вы совершенно уверены, что за нее

заплатили, уважаемый подкомитет? Потому что у этого правительства, знаете ли, была такая привычка обманом лишать бедных людей их прав. “... покойным одиозным правительством; портативная и быстрая гильотина”. Ха! Что вы на это скажете? Разве от этого у тебя не стынет кровь в жилах? Быстрый, как вы понимаете; это значит, что гильотинирование двенадцати или полутора сотен патриотов за одно утро было бы забавой для аббата Сен-Пьера. И к тому же портативный! Что-то вроде карманной гильотины. Когда членам правительства приходилось совершать обход провинций, они несли свою гильотину с печатями своих должностных лиц, и если в Лионе, Марселе или любом другом крупном городе они встречали определенное количество негодяев — Щелк, щелк! В мгновение ока негодяев больше не осталось. О! как хитро! Но давайте продолжим чтение. “Подкомитет одиннадцатого округа...” О! значит, в каждом округе есть подкомитет, не так ли? “... имел в своем распоряжении эти печально известные инструменты монархического господства ...” Один для вас, месье Тьер! “... захвачен и проголосовал за их уничтожение навсегда”. Очень благие намерения, подкомитет, но вы не умеете писать по грамматике. “В результате они будут сожжены перед *мэрией* для очищения округа и сохранения новых свобод”. И соответственно, гильотина была сожжена 7 апреля, в десять часов утра, перед статуей Вольтера.

Церемония не обошлась без определенной странности. Посреди плотной толпы мужчин, женщин и детей, потрясавших кулаками над отвратительным инструментом, несколько национальных гвардейцев из 187-го батальона подбрасывали в огромное пламя обломки гильотины, которые потрескивали, покрывались волдырями и пылали, в то время как статуя старого философа, окутанная дымом, должно быть, с наслаждением вдыхала аромат благовоний. Когда не осталось ничего, кроме кучи тлеющего пепла, толпа закричала от радости; и что касается меня, то я полностью одобрил то, что только что было сделано, а также одобрение зрителей. Но, между нами говоря, не кажется ли вам, что многие из присутствовавших там людей часто стояли вокруг гильотины с совершенно иными намерениями, чем увидеть, как ее сожгут? И потом, если, превращая это орудие смерти в пепел, они хотели доказать, что прошло то время, когда люди предавали людей смерти, то мне кажется, что они не должны останавливаться на этом. Раз уж мы об этом заговорили, давайте сожжем и мушкеты, что вы на это скажете?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[55] Гаврош - уличный мальчишка Парижа, *гамин* увековеченный Виктором Гюго в “Отверженных”, мастер парижского *арго* (сленга).

XLIV.

Я только что был свидетелем ужасной сцены. Увы! какие душераздирающие зрелища предстают перед нашими глазами со всех сторон и будут еще до того, как все это закончится. Я сопровождал бедную старую женщину на кладбище на востоке Парижа. Ее сына, который поступил на службу в батальон федеральной гвардии, не было дома пять дней. Соседи сказали, что он, скорее всего, мертв, и один из них посоветовал ей “пойти и посмотреть на Восточную кладбище, они привезли туда кучу тел”. Представьте себе глубокую траншею и около тридцати гробов, поставленных бок о бок. Множество людей пришли туда, чтобы заявить о своих правах среди мертвых. Чтобы избежать скопления людей, национальные гвардейцы заставили людей идти по порядку, по двое или по трое в ряд, и таким образом они выстроились среди могил и крестов. Мы с бедной женщиной последовали за остальными. Время от времени я слышал взрыв рыданий; кого-то из мертвых

узнали. Мы идем медленно, шаг за шагом, как будто стоим у дверей театра. Наконец мы подходим к первому гробу. Бедная мать, с которой я пришла, очень слаба и очень печальна; это я поднимаю тонкую крышку гроба. Внутри него лежит седовласый труп, от плеч и ниже ничего, кроме кучи разорванной плоти, одежды и запекшейся крови. Мы продолжаем. Во втором гробу также находится тело старика; ран не видно; вероятно, он был убит пулей. Мы все еще продвигаемся вперед. Я заметил, что стариков гораздо больше, чем молодых. Раны часто ужасны. Иногда лицо полностью изуродовано. Когда я закрыл крышку последнего гроба, бедная мать вскрикнула от облегчения: ее сына там не было! Что касается меня, то я оцепенел от ужаса и пришел в себя только тогда, когда меня подтолкнули мужчины позади меня, которые, в свою очередь, хотели посмотреть. “Ну! когда он закончит?” - спросил один. “Я полагаю, он думает, что это все для него”.

Сжигание гильотины. Апрель

XLV.

Что абсолютно ошеломляет посреди всего этого, так это улыбающийся вид улиц и променадов. Постоянно растущая эмиграция ощущается только по уменьшению числа развратных женщин и распущенных мужчин; однако их остается достаточно, чтобы заполнить кафе и оживить бульвары. Можно почти сказать, что Париж находится в своем обычном состоянии.

Каждое утро с Елисейских полей, Лез-Терна и Вожирара видно, как семьи уходят в город, подальше от бомбардировок, как в то время, когда Жюль Фавр предавал анафеме варварство пруссаков. Некоторые проезжают на извозчиках, другие идут пешком, печально ступая, с наваленными на телегу постельными принадлежностями и домашней мебелью. Если вы спросите этих бедных людей, все они расскажут вам о снарядах, выпущенных с версальских батарей, разрушающих дома и убивающих женщин и детей. Какое это имеет значение? Париж занимается своими обычными делами и развлечениями. Коммуна подавляет журналы и сажает в тюрьму журналистов. Месье Ришарде из *"Националя"* вчера отправили в тюрьму за то единственное преступление, что он потребовал паспорт дикаря месье Риго; коммуна засовывает священников в камеры и изгоняет молодых девушек из монастырей, сажает в тюрьму месье О'Яна, одного из директоров семинарии Сен-Сюльпис; вручает ордер на арест месье Треска, который сбегает; пытается схватить месье Анри Вриньо, которому, однако, удастся добиться тюремного заключения. безопасное место; Коммуна заставляет вооруженных людей производить обыски в банковских домах, захватывает документы о праве собственности и деньги; добровольные слесари взламывают сейфы; когда слесари устают, солдаты Коммуны помогают им прикладами их мушкетов. Они делают еще хуже, эти коммунисты — они делают все, что сознание высшей власти может подсказать неопытным деспотам; каждый день они посылают на смерть честных отцов семейств, которые думают, что страдают за правое дело, в то время как они умирают только ради удовольствия месье Авриала и месье Биллиоре. Хорошо! а что делает Париж все это время? Париж читает газеты, бездельничает, бежит за последними новостями и восклицает: "Ах! ах! они посадили Амуру в тюрьму! Архиепископа Парижского перевели из консьержери в Мазас! У месье Денуя украдено несколько тысяч франков! Дьявол! Дьявол!" И тогда Париж снова начинает тот же цикл чтения газет, безделья и сплетен. Кажется, ничего не изменилось. Кажется, ничто не прерывалось. Даже провозглашение знаменитого Ключере, который угрожает всем нам действительной службой в маршевых полках, не смогло нарушить спокойствие и безразличие большей части парижан. Они смотрят на происходящее, как на представление, и проявляют к нему ровно столько интереса, сколько нужно для того, чтобы доставить им удовольствие. Этим вечером канонада усилилась; внимательно прислушавшись, мы можем различить звуки стрельбы из взвода; но Париж спокойно выпивает свой бокал пива в кафе "Мадрид" и свой "Мазагран" в кафе "Риш". Иногда ближе к полуночи, когда небо ясное, Пэрис выходит на Елисейские поля, чтобы посмотреть на все поближе, прогуливается под деревьями и, покурив сигару, восклицает: "Ах! вон летят снаряды". Затем неторопливо сравнивает грохот сегодняшнего сражения со вчерашним. Прогуливаясь таким образом по соседству с раковинами, Париж добровольно подвергает себя опасности; Париж равнодушен, и польза - его вторая натура. Потом приходит время ложиться спать, Пэрис просматривает вечерние газеты и, зевая, спрашивает: "Когда, черт возьми, все это закончится?" Примирением? Или, может быть, пруссаками? А потом Париж засыпает и встает на следующее утро таким же свежим и бодрым, как если бы Наполеон Третий все еще был императором милостью Божьей и волей французской нации.

XLVI.

Публикация в *версальском* "Официальном журнале" по праву вызвала раздражение большей части французской прессы. Это и есть тот самый абзац. "Ложные новости самого гнусного рода были распространены в Париже, где не разрешается появляться ни одному независимому журналу". Из этих нескольких строк можно заключить, что в глазах версальского правительства все парижские газеты, редакторы которых не покинули своих постов, полностью подчинились Коммуне и думают и говорят только то, что Коммуна разрешает им думать и говорить. Это вопиющая клевета. Нет, слава богу! Парижская пресса не отказалась от своей независимости, и если не принимать во внимание (что вполне оправданно) груды жалких листков, которые не успевают появиться, как умирают, и несколько других, редактируемых членами Коммуны, то, напротив, следовало бы признать, что с 18 марта подавляющее большинство журналов демонстрируют доказательства гордой и мужественной независимости. Каждый день, не позволяя запугать себя ни угрозами насильственного подавления, ни угрозами ареста, они бесстрашно высказывали членам Коммуны свое мнение, не скрывая и не околичностничая. Французская пресса, несомненно, совершила много проступков за последние несколько лет и не совсем безответственна к бедам, обрушившимся на несчастную страну; но возмещение этих проступков совершается в этот час опасности, и бесстрашие, которое она проявила перед этими людьми из Ратуши, благородно искупает прошлое. Она провозгласила себя судьей; осуждает то, что заслуживает осуждения, сопротивляется насилию, стремится просвещать массы. Иногда также — и это, возможно, является его величайшим преступлением в глазах версальского правительства — оно позволяет себе полностью не одобрять действия Национального собрания; некоторые журналы заходят так далеко, что намекают, что правительство не совсем невиновно в нынешних бедствиях. Но что это доказывает? Что пресса является слугой Собрания не больше, чем рабыней Коммуны; одним словом, что она свободна.

И что же это за ложные новости, на которые жалуется версальский *официальный* журнал и от которых он, по-видимому, предостерегает нас? Считает ли оно вероятным, что мы должны быть настолько глупы, чтобы поверить победным крикам, которые каждое утро появляются на листовках Коммуны? Неужели это предполагает, что мы смотрим на депутатов как на расу антропофагов, которые каждый день обедают у коммунистов и федералов за *таблоидами* Отеля "Резервуар"? Вовсе нет. Мы легко разгадываем правду из хитросплетения преувеличений, придуманных сотрудниками Отель де Виль; и именно такой справедливой оценкой вещей мы обязаны тем публикациям, которые *Официальный* журнал так бесцеремонно осуждает.

Но, вероятно, Версальская ассамблея боится не только фальшивых новостей. Возможно, не было бы сожаления в том, что мы игнорируем реальное положение вещей, и я держу пари, что, будь у нее власть, она охотно подавила бы плохо информированные журналы — хотя они ни в малейшей степени не являются коммунистическими в мире, — которые позволяют себе утверждать, что в течение шести дней снаряды Версаля падали на Терн, Елисейские поля и авеню Ваграм, и уже стоили столько слез и кровопролития, как прусские снаряды страшной памяти.

XLVII.

Среда, 12 апреля.—Еще один день прошел так же, как был вчера, как будет завтра. Версальцы атакуют форты Ванв и Исси и отбиты. Идут бои в Нейи, Банье, Аньере. В городе

производятся реквизиции и аресты. Отряд национальных гвардейцев прибывает к Северному железнодорожному вокзалу. Они спрашивают директора, но директора нет. Неловкая ситуация. Национальная гвардия не может проделать весь этот путь просто так. Решив кого-нибудь арестовать, они уводят мсье Феликса Матиаса, начальника работ, и мсье Кутена, старшего инспектора. Час спустя другие национальные гвардейцы заключают мсье Люсьена Дюбуа, генерального инспектора рынков, в тюрьму бывшей префектуры полиции. То тут, то там нескольких журналистов арестовывают без причины, чтобы послужить примером; некоторых священников отправляют в Мазас, среди прочих мсье Лартига, *кюре* из *Сен-Ле*. Вчера на закрытых дверях церкви на Монмартре была вывешена следующая табличка:

Поскольку священники - бандиты, а церкви служат убежищем, где они морально убивают массы, заставляя *Францию съезжиться в лапах печально известных Бонапартов, Фавров и Троша*, делегаты каменотесов бывшей префектуры полиции отдают приказ о закрытии церкви Сен-Пьер (на этот раз не Сен-Пьер) и издают указы о тюремном заключении ее священников и *братьев Невежд*. Подписано Ле Мусо”.

Сегодня настала очередь церкви Нотр-Дам-де-Лоретт. В святом месте собралось значительное количество верующих. Прибывает национальная гвардия во главе с мужчинами в штатском. При Империи таких мужчин называли шпионами. Женщин, застигнутых за молитвой, выгоняют, тех, кто недостаточно быстро подчиняется, побоями. Покончив с этим, стражники удаляются. Неизвестно, зачем они туда пришли. Но в чем мы уверены, так это в том, что завтра они снова начнут в этой же церкви или в другой. Дни похожи друг на друга, как дети проклятой семьи. Какая ужасная катастрофа нарушит это постыдное однообразие?

XLVIII.

Эх! Что? Это невозможно! У вас что, мозги разбросаны? Я говорю фигурально, ожидая того времени, когда они разбросаются всерьез. Должно быть, какой-то жалкий шут сформулировал, напечатал и вывесил на плакате этот бессовестный указ. Но нет, он в обычной форме, обычным шрифтом. Это уже чересчур, господа члены Коммуны; это переходит все границы смешного; на этот раз вы чересчур рассчитываете на соучастие части населения и на терпение других. Вот постановление:

Колонна на Вандомской площади.

Воздвигнут первым Наполеоном в память о его немецкой кампании 1805 года. Имитация колонны Траяна в Риме, немного выше. Это стоило 1 500 000 франков!

“ПАРИЖСКАЯ КОММУНА,

“Принимая во внимание, что Императорская колонна на Вандомской площади является памятником варварства, символом грубой силы, ложной славы, поощрением воинского духа, отрицанием международных прав, постоянным оскорблением, наносимым завоевателями побежденным, постоянным заговором против одного из великих принципов Французской Республики, а именно: братства,

“Постановляет:

“Единственная статья.— Вандомская колонна подлежит сносу”.

Теперь я должен сказать вам прямо, что вы абсурдны, презренны и отвратительны! Этот жалкий фарс превосходит все, что можно было себе представить, и все, что писали о вас версальские газеты, должно быть, было правдой; ибо то, что вы сейчас делаете, хуже всего, что они когда-либо осмеливались себе представить. Недостаточно было насиловать церкви, подавлять свободы — свободу письма, свободу слова, свободу свободного обращения, свободу рисковать своей жизнью или нет. Недостаточно было того, что безрассудно проливалась кровь, что женщины становились вдовами, а дети сиротами, торговля прекращалась, а коммерция разорялась; недостаточно было того, что достоинство

поражения — единственная оставшаяся слава — было поглощено позорным бедствием гражданской войны; одним словом, недостаточно было разрушить настоящее, поставить под угрозу будущее; теперь вы хотите стереть прошлое! Похоронное озорство! Вандомская колонна - это Франция, и трофеем ее былого величия, — увы, в настоящее время находящимся в тени, — является не памятник, а летопись победоносной расы, которая прошла по миру, завоевывая на своем пути, повсюду водружая триколор. Разрушая Вандомскую колонну, не воображайте, что вы просто низвергаете бронзовую колонну, увенчанную статуей императора; вы извлекаете из земли останки своих предков, чтобы потрясти их бесплотные кости и сказать им: “Вы были неправы, будучи храбрыми, гордыми и великими; вы были неправы, завоевывая города, выигрывая сражения; вы были неправы, поражая вселенную видением прославленной Франции. Это развеивает по ветру прах героев! Это говорит тем престарелым солдатам, которых раньше видели на улицах (где они сейчас? Почему мы их больше не встречаем? Вы убили их, или их слава отказывается соприкасаться с вашим позором?) Это значит сказать искалеченным солдатам-инвалидам: “Вы всего лишь болваны и разбойники. Итак, вы потеряли ногу, а вы руку! Тем хуже для вас, праздных негодяев. Посмотрите на этих негодяев, покалеченных ради чести своей страны!” Это все равно что отобрать у них кресты, которые они завоевали, и передать их в руки бесстыдных уличных мальчишек, которые будут кричать: “Герой! герой!”, когда они кричат: “Вор! вор!” Несомненно, есть более чистое и менее дорогостоящее величие, чем то, которое является результатом войны и завоеваний. Вы вольны мечтать о славе своей страны, отличной от древней славы; но героическое прошлое не разрушайте, не подавляйте его, особенно сейчас, когда вам нечем заменить его, кроме позора настоящего. И все же нет! Завершите свою работу, продолжайте идти тем же путем. Разрушение Вандомской колонны - это только начало, будьте логичны и продолжайте; Я предлагаю несколько указов:

“Парижская коммуна, считая, что церковь Нотр-Дам-де-Пари является памятником суеверий, символом божественной тирании, утверждением фанатизма, отрицанием прав человека, постоянным оскорблением, наносимым верующими атеистам, постоянным заговором против одного из великих принципов Коммуны, а именно удобства ее членов, “Постановляет:

“Церковь Нотр-Дам должна быть снесена”.

Что вы скажете на мое предложение? Разве оно не соответствует вашему самому заветному желанию? Но вы можете делать все лучше и лучше: поверьте мне, вам следует иметь смелость отстаивать свое мнение.

Парижская коммуна, считая, что музей Лувра содержит огромное количество картин, статуй и других предметов искусства, которые благодаря изображаемому на них сюжетам вечно напоминают людям о деяниях богов, королей и священников; что эти деяния, обозначенные лестной кистью или резцом, часто изображаются таким образом, чтобы уменьшить ненависть, которую священники, короли и боги должны внушать всем добропорядочным гражданам; более того, восхищение, вызываемое произведениями человеческого гения, является постоянным посягательством на один из великих принципов Коммуны, а именно, его глупость,

“Постановляет:

“Единственная вещь.— Музей Лувр должен быть сожжен дотла”.

Не пытайтесь ответить, что, несмотря на воспоминания о религии и деспотизме, связанные с этими памятниками, вы оставили бы Нотр-Дам и музей Лувр нетронутыми из-за их художественной значимости. Остерегайтесь намеков на то, что вы уважали бы Вандомскую колонну, если бы она обладала какими-то достоинствами как произведение искусства. Вы!

уважаете шедевры человеческого искусства! Почему? С каких пор и по какому праву? Нет, как бы мало вы ни были известны до того, как стали мастерами, вы все же были достаточно известны для нас, чтобы утверждать, что один из вас, которого я назову: мсье Лефрансе, хотел в 1848 году поджечь *Салон Карре*; есть еще один из вас, которого я также назову: мсье Жюль Вальес, — утверждает, что Гомер был старым дураком. Это правда, что мсье Жюль Вальес является министром общественного просвещения. Если вы до сих пор щадили Собор Парижской Богоматери и Музей Лувр, то только потому, что не осмеливались прикоснуться к ним, что является доказательством не уважения, а трусости.

Ах! наконец-то наши глаза открылись! Мы больше не ослеплены химерическими надеждами, которые мы питали на мгновение, на получение через вас общественных свобод. Вы приняли это мнение лишь для того, чтобы ввести нас в заблуждение, подобно тому, как вор надевает домашнюю одежду, чтобы проникнуть в комнату своего хозяина и наложить лапу на его деньги. Теперь мы видим вас такими, какие вы есть. Мы надеялись, что вы революционеры, возможно, слишком пылкие, слишком отважные, но в целом движимые благородными намерениями: вы не что иное, как повстанцы, целью которых является грабеж, которым способствуют беспорядки и тьма. Если среди вас и было несколько человек с благими намерениями, они в ужасе разбежались. Подсчитайте свое количество, вас всего лишь горстка. Если среди вас еще остались те, кто не утратил способности различать справедливость и несправедливость, они смотрят в сторону двери и убежали бы, если бы осмелились. И все же эта горстка разъяренных дураков все еще правит Парижем. Некоторым из нас было приказано умереть, и они ушли! Как долго это будет продолжаться? Разве мы не сложили оружие? Разве мы не можем собраться, как это было месяц назад возле Банка, и сами вершить правосудие, не дожидаясь армии из Версаля? Ах, мы должны признать, что депутаты Сены и мэры Парижа, введенные в заблуждение, как и мы, допустили ошибку, встав на сторону повстанцев. Они хотели предотвратить уличные бои. Разве борьба, свидетелями которой мы являемся, не намного ужаснее того, что мы избежали? Один день борьбы, и все закончилось бы. Да, мы были неправы, сложив оружие; но кто бы мог поверить — эксцессы первых нескольких дней казались скорее печальными последствиями народного буйства, чем преднамеренными преступлениями, — кто бы мог поверить, что вожди восстания лгали с такой наглостью, которая сейчас слишком очевидна, и что вскоре Коммуна первой лишит нас свобод, защищать и развивать которые было ее долгом? “Сельские жители” были правы тогда — они, которые были так глубоко неправы, отказываясь прислушаться к справедливым молитвам народа, жаждущего свободы, они были правы, когда предостерегали нас от невежества и порочности этих людей. Ах, если бы Национальное собрание только пожелало этого, еще было бы время спасти Париж. Если бы оно действительно хотело установить определенную Республику и уступить столице Франции право свободного и полного избрания независимого муниципалитета, с каким рвением мы не должны были бы сплотиться вокруг законного правительства! Как скоро Городской отель был бы избавлен от презренных людей, которые обосновались там. Если бы Национальное собрание только могло понять нас! Если бы оно только согласилось вернуть Парижу свободу, а Франции спокойствие посредством почетных уступок!

XLIX.

Делегаты Лиги Республиканского союза правых Парижа вернулись из Версаля сегодня, 14 апреля, и опубликовали следующие отчеты:

“ГРАЖДАНЕ, Нижеподписавшиеся, выбранные вами для представления вашей программы правительству Версаля и для предложения добрых услуг Лиги для содействия заключению перемирия, имеют честь представить вам отчет о своей миссии.

Делегаты ознакомили господина Тьера с программой Лиги, он ответил, что как глава единственного законного правительства, существующего во Франции, он не обязан обсуждать основы международного договора, но, несмотря на это, он вполне готов вести переговоры с теми лицами, которых он считает представляющими республиканские принципы, и ознакомить их с намерениями главы исполнительной власти.

“Именно в соответствии с этими наблюдениями, которые, по сути, отражают истинный характер нашей миссии, месье Тьер сделал следующие заявления по различным пунктам нашей программы.

“Уважая признание Республики, месье Тьер отвечает за ее существование до тех пор, пока он остается у власти. В его руки было передано республиканское государство, и он ставит свою честь на его сохранение”.

Да! это как раз то, что не удовлетворит Париж — Париж, тоскующий по миру и свободе. Все мы безоговорочно верим в честь Тьера. Нас заверили, что слова “Французская республика” будут стоять во главе плакатов белого правительства до тех пор, пока оно остается у власти. Но когда Тьер отстраняется от власти — Национальные собрания иногда бывают капризными, — что гарантирует нам, что мы не станем жертвами монархической или даже имперской реставрации? Призраки могут появляться во французской истории так же, как и в романах Энн Рэдклифф. Пытаться считать избранных членов парламента, заседающих в Версале, искренними республиканцами - это усилие, выходящее за рамки нашей доверчивости. Вы видите, что сам Тьер не осмеливается высказать свои мысли о том, что могло бы произойти, если бы он отказался от власти. Таким образом, мы оказываемся, как и прежде, в переходном состоянии, и это переходное состояние - как раз то, что нас ужасает. Мы обращаемся к Собранию и спрашиваем его: “Мы республиканцы; вы республиканец?” И Собрание притворяется глухим, а депутаты довольствуются тем, что напевают себе под нос королевскую мелодию “Белой кокарды”, а другие - имперскую мелодию “Участия в Сирии”. Это нас не совсем удовлетворяет. Это правда, что Тьер говорит, что он будет поддерживать форму правления, установленную в Париже, так долго, как только сможет; но он обещает только за себя, и из всего этого ясно следует, что мы не продержимся долго в Республике, поскольку ее окончательное установление фактически зависит от большинства в Собрании, в то время как Собрание является роялистским, с легкой примесью империализма здесь и там. Но давайте продолжим чтение отчетов.

“Уважая муниципальное право Парижа, господин Тьер заявляет, что Париж будет пользоваться своим избирательным правом на тех же условиях, что и другие города, в соответствии с общим законом, который будет установлен Собранием представителей всей Франции. Париж будет иметь общее право, не меньше и не больше”.

Это опять-таки мало удовлетворяет. В чем будет заключаться это общее право? Чего будет стоить закон, установленный представителями всей Франции? Мы еще раз полностью доверяем Тьеру. Но имеем ли мы право ожидать закона, соответствующего нашим желаниям, от собрания людей, придерживающихся мнений, радикально противоположных нашим, по пункту, который на самом деле является наиболее важным в этом вопросе, — по форме правления?

“Что касается защиты Парижа, которая теперь возложена исключительно на Национальную гвардию, месье Тьер заявляет, что он немедленно приступит к организации Национальной гвардии, но это не может полностью исключать армию”.

По моему личному мнению, президент здесь совершенно прав; но с точки зрения, занять которую было миссией делегатов Республиканского союза, не является ли это третье заявление столь же уклончивым, как и предыдущее?

“Учитывая действительную ситуацию и средства прекращения кровопролития, господин Тьер заявляет, что, не признавая воюющими сторонами лиц, участвующих в борьбе против Национального собрания, он не может и не будет рассматривать вопрос о перемирии; но он заявляет, что если Национальная гвардия Парижа не предпримет враждебных действий, войска Версаля также не предпримут их до момента, пока не определенного, когда исполнительная власть примет решение о действиях и начнет войну”.

О, слова! слова! Мы прекрасно понимаем, что Тьер имеет право так говорить и что не все комбатанты являются воюющими сторонами. Но что?! Так ли справедливо и законно так подробно обсуждать этот вопрос, когда на карту поставлены жизни стольких людей; и неужели небольшая грамматическая уступка настолько серьезна, что, прежде чем пойти на нее, человек должен подвергнуть себя всем ужасным чувствам раскаяния, которые испытывает самый законный победитель при виде поля битвы?

Господин Тьер добавляет: “Те, кто откажется от борьбы, то есть вернутся в свои дома и откажутся от враждебного отношения, будут в безопасности от всякого преследования”.

Вполне ли Тьер уверен, что Ассамблея не покинет его в тот момент, когда он вступит на этот путь милосердия и всепрощения?

- Только месье Тьер, за исключением убийц генерала Леконта и генерала Клемана Тома, которые, если их схватят, предстанут перед судом за это преступление.

И здесь он, несомненно, прав. Должно быть, мы действительно были слепы в тот день, когда это двойное преступление не открыло нам глаза на истинные характеры людей, которые если и не совершали его или не способствовали его совершению, то, по крайней мере, не пытались найти преступников!

“Господин Тьер, признавая невозможность для значительной части населения, ныне лишенной работы, жить без положенного жалованья, будет продолжать распределять это жалованье еще несколько недель. “Таково, граждане, есть и т.д. и т.п.”

Этот отчет подписан А. Дессонназом, А. Адамом и Донваллетом. Увы! мы предвидели, каким будет результат благородной попытки, предпринятой делегатами Республиканского союза. И этот результат доказывает, что не только Национальная гвардия находится в состоянии войны с регулярными войсками, но и что Национальное собрание Версаля оказывает упорное сопротивление наиболее разумной части населения Парижа. И все же Ассамблея представляет Францию и говорит и действует только так, как ей поручено говорить и действовать. Правда в том, что Париж республиканский, а Франция не республиканская; существует разделение между столицей и страной. Нынешняя судорога, вызванная группой безумцев, имеет свой источник в этом расхождении чувств. И что же произойдет? Согнет ли Париж, вновь побежденный всеобщим избирательным правом, свою шею и примет ли ярмо провинциалов и деревенщин? Право этих людей неоспоримо; но будет ли оно, по причине численного превосходства, иметь приоритет над нашим правом, столь же неоспоримым, как и их? Это темные вопросы, которые держат умы людей в напряжении и которые, несмотря на наше желание привлечь Национальное собрание на нашу сторону, большая часть членов которого не могла присоединиться к нам, не предав их доверия, заставляют нас терпеть

невыносимую тиранию людей из Ратуши, даже в то время как их зловещие измышления внушают нам отвращение.

L.

В это время стены наполняются весельем. Париж улиц и трущоб — Париж, гаврош и негодай, покатывается со смеху перед карикатурами, которые изобретательные продавцы приклеивают булавками к ставням и дверям домов. Кто создал эти дикие картины, ярко раскрашенные и заурядные, редко забавные и часто возмутительно грубые? Они подписаны неизвестными именами — несомненно, псевдонимами; их авторы, среди которых, как ни печально думать, должны быть талантливые художники, подобны женщинам, высокородным и развратным, участвующим в отвратительных оргиях с масками на лицах.

Эти мерзкие картинки с их гнусной клеветой сохраняют актуальность и даже разжигают презрение и ненависть в невежественных умах. Смех часто далеко не невинен. Но прохожие мало задумываются об этом и довольно забавляются, когда видят голову Жюль Фавра, изображенную редиской, или эмблему месье Пикара в виде тыквы. Куда весь этот нездоровый хлам будет разбросан через несколько дней? Улетучится и рассеется. Эксцентричные любители будут рвать на себе волосы из-за невозможности заполучить для своих коллекций этих легкомысленных свидетелей смутных времен. Я сделаю несколько заметок, чтобы, насколько смогу, уменьшить их отчаяние.

Зеленая земля и красное небо — В черном гробу полуобнаженная женщина во фригийском колпаке на голове изо всех сил пытается поднять крышку. Жюль Фавр, худощавый, маленький, с огромной головой, с толстой и выпяченной нижней губой, с волосами, растрепанными, как ива в бурю, одетый во фрак, с гвоздем в одной руке и молотком в другой, упершись коленом в крышку гроба, пытается прибить ее, несмотря на вполне естественные протесты полуобнаженной женщины. Вдалеке к ним бежит месье Тьер, с большим широким лицом и в очках, тоже вооруженный молотком. Ниже написано: “Если бы кто-то прислушался к этим проклятым Республикам, они бы никогда не умерли”. Подпись: Фостен. Тот же автор — та же женщина. Но на этот раз она лежит в кровати, увешанной красными флагами вместо занавесок. Возможно, ее плечи немного обнажены для республики, но она должна быть привлекательной для своих хороших друзей -федералов. В изголовье кровати портрет Рошфора; кажется, Рошфор - любимец этой дамы. На его месте я убедил бы ее одеться немного пристойнее. Трое чернокожих мужчин в разбойничьих шляпах, волоча ноги и искажая лица, приближаются к кровати, распевая, как разбойники во “Фра Дьяволо”: “Ад... ванс ... ад ... ванс ... с помощью ... пру ... денс ...!” Первый, месье Тьер, несет тяжелую дубинку и потайной фонарь; Жюль Фавр, второй, размахивает ножом, а третий ничего не несет, но носит павлинье перо на шляпе и.... Я никогда не видел месье Пикара, но мне сказали, что это он.

Снова молодая Республика, с обнаженными плечами и лицом *миниатюрной дамы* с улицы Боссюэ. Она приходит просить месье Тьера, сапожника и владельца кулинарной лавки, который “находит места для безработных претенденток и меняет их старые сапоги на новые по самым разумным ценам”, починить ее туфли. “Подожди немного! подожди немного! - говорит сапожник самому себе. - Я устрою так, что она перестанет ходить”.

Вот зеленая обезьяна, взгромоздившаяся на предельно высокую микроскопическую трибуну. На конце своего хвоста она носит корону; на голове у нее фригийский колпак. Это, конечно, господин Тьер. “Господа, - говорит он, - уверяю вас, что я республиканец и что я

преклоняюсь перед подлой толпой”. Но внизу написано: “Мы ошцуплем галльского петуха!” Автором этого также является месье Фостен. Я хочу здесь особо упрекнуть вас в дополнение к тому, что я уже сказал об этих предосудительных глупостях. Мне не нравится манера, в которой автор обходит месье Тьера; он совершенно забывает о старом и хорошо известном сходстве главы исполнительной власти с месье Прюдоммом, или, что то же самое, с изобретателем Прюдома, Анри Монье. Однажды актер Хиль Перес встретил Анри Монье на бульваре Монмартр. “Ну что, старина!” воскликнул он. - Ты вернулся? Когда мы с тобой снова приступим к нашим розыгрышам? Анри Монье выглядел глубоко изумленным; это был месье Тьер!

Следующее письмо подписано “Пилотель”. “Пилотель, свирепый комиссар”! Тот, кто арестовал месье Шоди и кто прикарманил восемьсот пятнадцать франков, найденных в ящиках стола месье Шоди. Ах! Пилотель, если бы в результате какого-нибудь несчастного случая ты погиб за баррикадой, ты бы воскликнул, как Нерон: “Qualis artifex pereo!” Но оставим автора критиковать произведение. Гаврош, не Гаврош *Отверженных*, а бельвийский мальчишка, жуящий табак, как деготь, пьяный, как федерал, в фиолетовой блузе, зеленых брюках, руки в карманах, кепка сдвинута на затылок; приземистый, вспыльчивый и грубый. Дерзко мотнув головой, он ворчит: “Мне не нужен ни один из ваших королей!” Этот грубый набросок нагладен и не лишен достоинств.

Ужас из ужасов! “Ревизионный совет парижских амазонок”, так называется следующий проект. О, если храбрые амазонки подобны этим грозным чудовищам, то было бы вполне достаточно поставить их в первую шеренгу, и я уверен, что ни один линейный солдат, ни страж порядка, ни *жандарм* ни на мгновение не заколебался бы при виде этого, но все без исключения бросились бы врассыпную в агонизирующем ужасе, забыв в панике даже повернуть в воздухе приклады своих мушкетов. Одна из этих амазонок — но как моя симпатия к любителям коллекционирования привела меня к описанию этих уродливых и нескромных созданий?— одна из них.... но нет, я предпочитаю предоставить вашему воображению те гималайские массы плоти и пирамиды костей — эти Пентесилеи Парижской коммуны, которые передо мной.

Ах! Вот старый холерик, “отец Дюшен”, охваченный необузданной страстью, с короткими ногами, обнаженными руками и румяным лицом, увенчанным огромной красной шапочкой. В одной руке он держит миниатюрного месье Тьера и душит его, как воробья. Здесь рисунок не только мерзкий, но и глупый.

На этот раз у нас обнаженная натура, и представлена не Республика, а Франция. Если Республика может позволить себе обнажить плечи, Франция может вообще обойтись без драпировок. У нее есть голубь, которого она прижимает к груди. На одной стороне портрет месье Рошфора. Еще раз! Почему этот некрасивый журналист - настоящий ловелас? Наконец, за чердачным окном видны два кота (мсье Жюль Фавр и Мсье Тьер) с когтями, готовыми к прыжку. “Бедная голубка!” - скромная надпись под рисунком.^[56]

Далее мы находим “Святое семейство” Мурильо. Жюль Фавр в роли Жозефа ведет осла за поводья, а кормилица, которая держит на руках графа Парижского вместо младенца Иисуса, сидит между двумя корзинами, пытаясь выглядеть одновременно как месье Тьер и Святая Дева. Этюд называется “Бегство.... в Версаль”. О! тьфу! тьфу! Господа карикатуристы, неужели вы не можете быть смешными, не вторгаясь в священную землю?

Мы могли бы сослаться еще на десятки других. Некоторые датируются днем, когда Париж сбросил Империю, и настолько печально известны, что в силу естественной реакции чувств внушают своего рода уважение к тем, кого они пытаются заставить презирать; другие, те,

которые видели все во время осады, менее мерзки из-за патриотического гнева, который их породил и оправдал; но, тем не менее, они настолько отвратительны, насколько это вообще возможно. Но любители коллекций, которые пренебрегли покупкой форзацев один за другим по мере их появления, должны быть довольны вышесказанным.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[56] Как силу поощрения добродетели и подавления порока, карикатуру нельзя оценивать слишком высоко, хотя ею часто злоупотребляют. Сомнительно, что оказывает большее влияние, стихотворение или картина. В Англии, возможно, картина обладает большей силой; во Франции - песня. И все же “позвольте мне писать баллады, и вы сможете управлять народом” - это английская аксиома, которая была хорошо известна еще до того, как картины стали такими обильными или популярными, а изысканные карикатуры на мистера Панча даже не снились. В Париже, где художественное образование высоко развито, мимолетные рисунки, похоже, за немногими исключениями, вылились в гнусные оскорбления и неприличные метафоры, самые дикие инвективы были исчерпаны на тривиальных материях - отсюда и провал.

Защитники искусства Коммуны, за немногими исключениями, похоже, были самого скромного склада, вдохновленные мелодраматическим вкусом наших *Seven Dials* или *the New Out*, воплощая себя в плохо нарисованных героических женщинах, символах Республики, одетых в белое, в коронах с росписью или фригийских шапочках и размахивающих красными флагами. Это работы начинающих юных художников или необразованных мужчин. Я имею в виду искусство, благоприятствующее Коммуне, а не то, что является ее ровесником, или огромную массу живописных работ, неприятно порожденных галльской яростью во время франко-прусской войны, включая такие рисунки, как ужасная аллегория Баярда “Седан, 1870”, большая работа, изображающая Наполеона III. нарисованный в коляске на четвереньках, над легионами своих умирающих солдат, в присутствии победоносного врага и теней своих предков, и хорошо известный сюжет, столь популярный в фотографии, “Позорный столб”, Наполеон между королем Вильгельмом и Бисмарком, также установленный посреди массы мертвых и умирающих людей. Бумажные позорные столбы всегда были очень популярны в Париже, и во времена Коммуны головы Тропмана и Тьера были выставлены в деревянных тисках с надписями *Pantin* и *Neuilly* под ними. И снова, на другой гравюре, озаглавленной “Бесславный”, мы видим Тьера, Фавра и Мак-Магона на небесном верхнем этаже, привязанными к кольям, созерцающими мертвую мать и ее ребенка, убитых в их счастливом доме, раны очень кровоточат и заметны, единственной оставшейся реликвией является ребенок очень нежных лет в перевернутой колыбели; под ними надпись “Их работы”. Общинное искусство, по-видимому, также было очень суровым к домовладельцам, которые изображены с вытянутыми лицами и в поношенной одежде, просящими милостыню на улице или летящими с пустыми сумками и тощими животами от очень желтого солнца, с надписью “Коммуна, 1871”. В то время как для контраста толстый рабочий с заплаткой на блузе нежится в лучах того же золотого солнца.

В качестве образца лучшего вида французского искусства мы приводим два сравнения Берталя из “*Грело*”, смелого журнала, начатого во времена Коммуны; он существовал беспрепятственно и продолжается до сих пор. Мы приводим здесь фактическое сравнение с очерком под названием “Пэрис и его игрушки”.

“Какие разрушения причинил несчастный, избалованный и невоспитанный ребенок, которого зовут Пэрис, особенно в последнее время!

Франс, его рослая няня, напрасно поддавалась страсти, ребенок не прислушивался к голосу разума. Он сломал Трошю руки, разорвал Гамбетту, чтобы посмотреть, что там внутри. Он задул фонарь Рошфора; что касается самого Бержера, то он растоптал его ногами.

“Он перевернул всех своих кукол, усыпал землю *обломками* своих фантазий, и он все еще не удовлетворен: ‘Чего ты хочешь, несчастный ребенок?’ — ‘Я хочу луну!’ Старуха, созвавшая Собрание, была права, отказавшись от этого требования: “Луна, ты, маленькая негодница, и что бы ты с ней сделал, если бы она была у тебя?” — ‘Я бы разорвала ее на куски, как делала все остальное’.

Далее будет сказано “**Париж съедает по генералу в день**” (глава LXXVIII). В начале июня 1871 года в том же журнале “Международная многоножка” появилась статья “Джон Буль и Бланш Альбион”. Королева Англии, одетая в белое, держащая в руках макет Вестминстерского дворца и различных доков, сопротивляется приближению бесконечной сороконожки, на которую она наступает, тщетно пытаясь помешать движению огненного кольца и крови, приближающегося, чтобы запачкать и поджечь ее прекрасное одеяние; рядом с ней стоит Джон Буль в странном смешанном костюме, наполовину моряка, с брюками и гетрами грузчика угля. Он несет Акт Хабеас Корпус подмышкой, но стоит ошеломленный и парализованный, художнику, похоже, никогда не приходило в голову, что этот “месье Джон Буль, эсквайр” был хорошо приспособлен его жукодавилками для уничтожения паразитов. Возможно, нет необходимости добавлять, что змееподобная форма выходит из норы в далекой Пруссии, бродит по многим странам, вызывая большой ужас, и что М. Тьер завершает французскую секцию в восхитительном стиле.

Маленький Пэрис и его игрушки. Медсестра. Mais! Sacré mille noms d'un moutard! чего ты хочешь дальше? —МАЛЕНЬКИЙ ПАРИЖ: у меня будет луна!

LI.

Что месье Курбе может делать среди этих людей? Он художник, а не политик. Несколько пьянящих речей, произнесенных в кафе "Отефейль", не могут превратить его прошлое в

революционное, а отказ в заказе по той простой причине, что для человека более пикантно иметь петлицу без украшений, чем с красной ленточкой в ней, когда хорошо известно, что он презирает все, чем восхищаются все остальные, - всего лишь жалкое право на славу. До вашего последнего, Наполеон Гайяр!^[57] За ваши кисти, Гюстав Курбе! И если мы говорим это, то не только из опасения, что скудных огоньков месье Курбе недостаточно и они могут втянуть Коммуну в новые безумства (хотя, увы, мы едва ли знаем наверняка! если есть какая-то глупость, которую Коммуна не совершила,) — но это, прежде всего, потому, что мы боимся одиозности и насмешек, которые лживый политик может навлечь на художника. Да! каким бы ни был наш ужас перед обнаженными женщинами и неприглядными произведениями, которыми месье Курбе^[58] почтил выставки живописи, мы с восторгом вспоминаем несколько картин, удивительно верных природе, с солнечным светом и летним бризом, играющим в листве, с освежающим журчанием ручьев по гальке и скалам, по которым тесно вьются растения; и, помимо этих пейзажей, кое—где попадаются хорошие картины, выполненные если не рукой художника — ибо слово "художник" в наших глазах имеет более высокий смысл, - то, по крайней мере, рукой мужчины. обладающий некоторой властью, и нам ненавистно, что этот художник находится в Ратуше в тот момент, когда в лесах и полях пробуждается весна, и когда ему гораздо лучше было бы отправиться в леса Медона или Фонтенбло, чтобы изучить покачивание ветвей и эксцентричные изгибы огромного ствола дуба, чем отвечать месье Лефрансе — иконоборцу пока только теоретически — и месье Жюлю Вальесу, который читал Гомера в переводе мадам Дасье или никогда не читал Гомера в переводе мадам Дасье. это вообще не так. То, что человек должен пробовать понемногу все, даже политику, когда он ни на что другое не способен, если не простительно, то, во всяком случае, понятно; но когда человек может делать отличные сапоги, как Наполеон Гайяр, или хорошие картины, как Гюстав Курбе, мы не можем допустить, чтобы он намеренно подвергал себя насмешкам и, возможно, вечному проклятию. На это месье Курбе ответил бы: "Я представляю художников; я отстаиваю права и притязания современного искусства. Должна произойти великая революция как в живописи, так и в политике; мы также должны создать федерацию, говорю я вам; мы обезглавим этих аристократов, Тицианов и Поля Веронезе; мы учредим вместо присяжных революционный трибунал, который осудит на мгновенную смерть любого человека, который беспокоится об идеале — того короля, которого мы свергли с трона; и в этом трибунале я буду одновременно истцом, адвокатом и судьей. Да! братья мои художники, сплотитесь вокруг меня, и мы умрем за Коммуну искусства. Что же касается тех, кто не придерживается моего мнения, то мне на них наплевать". По этому последнему выражению друзья месье Гюстава Курбе поймут, что мы не лишены некоторого опыта общения в его стиле. Курбе, мой учитель, вы не понимаете, о чем говорите, и все настоящие художники отправят вас к старине Гарри, к вам и вашей федерации. Знаете ли вы, к чему привело бы художественное объединение в том виде, в каком вы его понимаете? В служении ребяческим амбициям одного человека — его главы, ибо вождь будет, не так ли, месье Курбе? — и ребяческой злобе кучки малевателей без имени и таланта. Художник по-нашему мы утверждаем, что независимо от того, какой художник, даже если бы он написал работы, превосходящие в своем роде "*Бой серф*" Курбе и "*Женщина в перроке*", который пришел и сказал: "Давайте объединимся в федерацию", мы бы ответили ему прямо: "Оставьте нас в покое, господа из федерации, мы мечтатели и труженики; когда мы выставаемся или публикуемся и счастливы встретить человека, который купит или напечатает несколько тысяч экземпляров наших работ, не доводя себя до нищенства, мы счастливы". . Когда это сделано, мы не слишком беспокоимся о нашей работе; снисхождение нескольких друзей и негодование нескольких дураков - это все, о чем мы просим или на что надеемся. Мы объединяемся? Почему? С кем? Если наша работа плоха, сделает ли ее хорошей связь с каким-либо обществом в мире? Выиграют ли что-

нибудь работы других людей от их связи с нашими? Разойдемся по домам, *господа художники*, закроем наши двери, скажем нашим слугам — если они у нас есть, — что мы ни для кого не дома, и, обрезав наш лучший карандаш или взяв в руки наше лучшее перо, будем трудиться в одиночестве, не расслабляясь, думая только о том, чтобы сделать все, что в наших силах, не имея более высокого судьи, чем наша собственная художественная совесть; и когда работа будет завершена, давайте сердечно пожмем руки тем из наших товарищей, которые любят нас; давайте поможем им, и пусть они приведут нам помощь. к нам, но свободно, без обязательств, без подписок, без обществ и без уставов. Мы не имеем ничего общего с этими масонствами, абсурдными, когда их вводят в сферу интеллекта, и в которых двести или триста человек собираются вместе, чтобы сделать то, чего какой-нибудь новичок, какой бы неизвестной ни была его многообещающая слава, добился бы одним ударом перед лицом всех ассоциаций в мире”. Вот что я бы наивно ответил месье Курбе, если бы ему взбрело в голову предложить мне какой-либо совет или подписать какой-либо договор.

Современный “Эрострат” Курбе. В процессе демонтажа. Июнь 1871 года.

Художники справились даже лучше, чем следовало бы; они вообще ничего не ответили, поскольку нельзя назвать "Общее собрание всех художников-оформителей" под председательством мсье Гюстава Курбе, состоявшееся 13 апреля 1871 года в большом амфитеатре Медицинской школы настоящим собранием французских художников. Мы знаем нескольких знаменитых художников, но никого из них там не видели. Граждане Потье и Буле были назначены секретарями. Мы поздравляем их; ибо это высокое отличие, возможно, поможет укрепить их репутацию, которой очень не хватало какой-либо основы. Но, возможно, там были какие-то скульпторы? Мы увидели несколько длинных бород, которые были нам совершенно неизвестны, и их обладатели, возможно, были скульпторами. Ведь Париж - город скульпторов. Но если художников не хватало, то ораторов хватало. Вы когда-нибудь замечали, что нет более неумолимых ораторов, чем те, кому нечего сказать? И эти перебивания, шум, обращения, скорее цветные, чем вежливые! Такого ошеломляющего шума никто никогда не слышал: —

“Больше никаких присяжных!”

“Да! да! присяжные! присяжные!”

“Долой реакционера!”

“Долой Кабанеля!”

“А женщины? Будут ли женщины в составе присяжных?”

“Ни женщины, ни немощные”.

И все это время мсье Гюстав Курбе, председатель, отчаянно звонит в свой колокольчик, призывая к порядку, и время от времени произносит какие-нибудь выразительные восклицания. И каков результат всего этого? Абсолютно ничего! Нет! стоп! Было предложено несколько законов - и каждый из них чрезвычайно позабавил себя. “Ну что ж! тем лучше”, - сказал один. “Все смеялись, и никому не было причинено вреда”.

Мы просим у вас прощения! Мсье Курбе был причинен большой вред.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[57] Гайяр-старший (своего рода Оджер), сапожник из Бельвиля и оратор-демократ. 8 апреля назначен председателем Комиссии по строительству баррикад.

[58] О Курбе как художнике судили очень по-разному. Он был главой ультрареалистической школы и, следовательно, естественным объектом презрения и оскорблений со стороны поклонников “законного искусства”. Но его последующее использование вверенной ему политической власти навлекло на него гнев огромного большинства французской публики, которую его художественные проступки едва затронули. Шестнадцатого апреля он был избран членом Коммуны от 6-го округа Парижа и сразу же назначен директором школы изящных искусств. До этого времени его жизнь была чисто профессиональной и, следовательно, представляла незначительный интерес для широкой публики. Он родился в Орнате, департамент Ду, в 1819 году и получил свои основные наставления от аббата Гуссе, впоследствии архиепископа Реймса. Сначала он занялся изучением математики, параллельно рисуя и, по-видимому, стремясь объединить оба занятия. Впоследствии он некоторое время читал для коллегии адвокатов и, в конце концов, сделав искусство своей единственной профессией, всей душой отдался движению ренессанса в качестве апостола нового стиля. Особенности его манер вскоре принесли ему дурную славу, и вокруг него образовалась школа подражателей. Его гордость вошла в поговорку. В 1870 году ему предложили крест Почетного легиона, но он отказался от него, высокомерно заявив, что не потерпит никаких отличий, которыми награждают торговцев и министров. Роль, которую он сыграл в разрушении Вандомской колонны, знакома всем читателям английской прессы.

Через три недели после падения коммуны федеральный чиновник донес на него и обнаружил в доме друга, прячущегося в шкафу, а в сентябре версальский трибунал приговорил его к шести месяцам тюремного заключения и штрафа в 600 франков — незначительному наказанию, которое удивило всех.

LII.

Запрещено пересекать Вандомскую площадь, и, естественно, ходить по ней пешком тоже запрещено. Последние несколько дней я бродил каждый день после полудня, пытаюсь миновать часовых на Рю де ла Пэ, надеясь, что какой-нибудь счастливый случай позволит мне уклониться от военного приказа; все, что я получал в награду за свои старания, - это четко сформулированное *“Проходит по-крупному!”*, и я оставался отрезанным от них.

Сегодня, когда я ждал благоприятной возможности, *миниатюрная дама*, которая приподняла юбки, чтобы показать чулки, такие же красные, как флаг Отель—де-Вилль, - *“долгой женщину-коммунистку!”* — подошла к часовому и обратилась к нему со своей самой любезной улыбкой. И ох уж эти федералы! Чиновник забыл о своих обязанностях и сразу же завел с дамой разговор такого интимного характера, что я ради благоразумия счел себя обязанным слегка свернуть налево и через минуту проскользнул в запретное Место.

Место? — нет, правильнее было бы назвать это лагерем. Тут и там виднеется скопище маленьких палаток, которые были бы белыми, если бы их вымыли, и завалены соломой. Под палатками лежат национальные гвардейцы; их не видно, но отчетливо слышно, потому что они храпят. Вы помните старую абсурдную логику, которую часто повторяют на уроках философии? Можно было бы применить это так: хорошо спит тот, у кого чистая совесть; федералы спят хорошо; следовательно, у федералов чистая совесть. Охранники ходят взад и вперед с трубками во рту. Если бы я сказал, что эти достопочтенные коммунисты своими непринужденными манерами, джентльменской осанкой и высокомерной беседой показывают, что они принадлежат к сливкам парижского общества, вы, возможно, были бы достаточно дерзки, чтобы не поверить ни единому слову из того, что я сказал. Поэтому я думаю, что во всех отношениях предпочтительнее утверждать прямо противоположное. Есть группа таких, кто тратит свои деньги на обычную игру в *бушон*. *“Солдатское жалованье и игра в пробку”* - такое название могли бы дать те, кто будет писать историю Национальной гвардии с начала осады до настоящего времени. И если бы к пробке они добавили бутылку, они могли бы гордиться тем, что нашли идеальную бутылку. Вот как это происходит. Жена голодна, и дети голодны, но отец хочет пить, и он получает плату. Что он делает? Его мучает жажда, и он должен выпить; человек должен подумать о себе в этом мире. Когда он утолит жажду, что останется? Несколько су, пустая бутылка и пробка. Очень хорошо. Он разыгрывает свое последнее су в знаменитой игре, а вечером, возвращаясь домой, несет своей семье — что? — пустую бутылку!

На площади были возведены две баррикады, одна поперек улицы Мира, а другая перед улицей Кастильоне. *“Две грозные баррикады”*, - пишут газеты, которые можно прочесть следующим образом: *“Груда булыжников справа и груда булыжников слева”*. Я шепчу себе, что два небольших полевых орудия, одно на месте Нового оперного театра, а другое на улице Риволи, вскоре взяли бы верх над этими двумя баррикадами, несмотря на пушки, которые тут и там выставляют напоказ свои длинные блестящие стволы.

У федералов определенно есть вкус к галантности. Около двадцати женщин — я говорю, молодых, но не хорошеньких — продают кофе Национальной гвардии и добавляют к сдаче несколько заискивающих улыбок, призванных привлечь внимание.

Что касается Колонны, то она, по-видимому, нисколько не напугана декретом Коммуны, грозящим ей скорым падением. Там он стоит, как огромное бронзовое "Я", и император - точка на нем. Четыре орла все еще там, по четырем углам пьедестала, с их венками из бессмертников, а два красных флага, развевающихся на вершине, кажутся лишь немного неуместными. Колонна подобна древней чести Франции, которую не могут поколебать ни декреты, ни штыки и которая среди угроз и смуты держится с невозмутимым и благородным достоинством.

LIII.

Кто бы мог подумать? Они голосуют. Когда я говорю "они голосуют", я имею в виду "они могли бы проголосовать", поскольку что касается участия в выборах, Париж, похоже, мало беспокоится об этом. Коммуна тоже выглядит несколько смущенной. Вы помните песню Виктора Гюго о морских авантюристах:

“En partant du golfe d’Otrante
Nous étions trente,
Mais en arrivant à Cadix
Nous n’étions que dix.”^[59]

Джентльмены из Hôtel de Ville могли бы спеть эту песню с несколькими небольшими вариациями. Отправной точкой для них был не залив Отранто, а холмы Монмартра; хотя, чтобы компенсировать это, их было восемьдесят человек. По прибытии в С ... нет, я имею в виду указ Вандомской колонны, их было несколько больше десяти, но не так много. Какие очаровательные строфы в подражание Виктору Гюго могли бы написать Теодор де Банвиль и Альбер Глатиньи о последовательных дезертирствах членов Коммуны. Первыми ушли *мэры* Парижа, до смерти перепуганные тем, что были отправлены голосами своих сограждан в собрание, которое, по-видимому, вовсе не соответствовало их идеалу муниципального совета. И по этому поводу месье Демаре, месье Тирар и их *соратники*, возможно, позволят мне задать несущественный вопрос. Какое право имели они убеждать своих избирателей и Друзей Порядка голосовать за Парижскую коммуну, если они были полны решимости снять с себя всякую ответственность, когда им были отданы голоса? Разве их присутствие в Отель-де-Виль не вселило бы, как мы надеялись, мощный дух умеренности даже посреди эксцессов, которые уже тогда можно было предсказать? Когда они сделали все возможное, чтобы убедить людей проголосовать, имеют ли они право считать себя неподходящими? Одним словом, почему они предложили нам избрать Парижскую коммуну, если Коммуна была плохим делом? а если это было хорошее дело, почему они отказались принять в нем участие? Какова бы ни была причина, как только они были избраны, они подали в отставку. Затем колеблющиеся и робкие исчезли один за другим, не имея смелости продолжать абсурд до конца. Добавьте ко всему этому аресты, произведенные в самом сердце Ратуши Собранием самого отеля, и вы получите представление о масштабах дилеммы. Еще несколько дней, и Коммуне придет конец из-за нехватки коммунистов, и тогда мы закричим:

“Поспешите на выборы, граждане Парижа!” А в белых официальных листовках будет объявлено о дополнительных выборах в воскресенье, 16 апреля.

Но здесь возникает трудность: выборы могут быть, но не тень избирателя. Кандидатов достаточно, более чем достаточно, даже в обрез; Итоговые списки, где вписаны имена выборщиков; урны для голосования - нет, на этот раз урны для голосования - для получения списков; все это можно найти, но мы тщетно ищем избирателей, чтобы опустить списки в урны для голосования, избрать кандидатов. Места проведения голосования можно сравнить с пустыней Сахара, если смотреть в тот момент, когда на всем протяжении горизонта не видно ни одного каравана, настолько полным является безлюдье везде, где ожидалось, что нетерпеливая толпа избирателей поспешит на голосование. Неужели мы так далеки от того дня, когда Парижская коммуна, несмотря на многочисленные прогулы, была сформирована — благодаря напряженным усилиям немногих оставшихся у нас выборщиков? Увы! В то время у нас еще оставались какие-то иллюзии, как и сейчас.... Вы когда-нибудь были на втором представлении произведения, когда первое провалилось? В первый день была давка, на второй день остался только клак. Как видите, люди сочли овсянку достойным блюдом. Тем не менее, хотя это место наполнено только тишиной и уединением, клака продолжает выполнять свой долг, ибо получает свою плату. По той же причине можно видеть, как несколько батальонов маршируют на выборы, все вместе, в ногу, точно так же, как они маршировали бы на битву при Порт-Майо; и когда они возвращаются, они кричат: “О! граждане, как люди голосуют! Никогда не было такого энтузиазма!” Но за кулисами, — я имею в виду в Отель де Виль, — авторы и актеры шепчут друг другу: “Нет никаких сомнений, это провал!”

ПРИМЕЧАНИЯ:

[59]

При выходе из залива Отранто

Нас там было тридцать человек,

Но по прибытии в Кадис

Их было не более десяти.

ЛИВ.

А что стало с Биржей? Что сейчас говорят и делают брокеры и джобберы? Я задаю себе этот вопрос впервые, поскольку в обычных обстоятельствах Биржа - это то, что из всех подлунных вещей занимает меня меньше всего. Я один из тех чрезмерно глупых людей, которые до сих пор так и не смогли понять, как все эти люди в черных халатах могут тратить три смертных часа в день на то, чтобы приходить и уходить под колоннадой “храма Плута”. Я прекрасно знаю, что биржевые маклеры и джобберы существуют; но если бы меня спросили, чем эти биржевые маклеры и джобберы занимаются, я не смог бы ответить ни слова. У всех нас есть свое особое невежество. Я, правда, слышал о *Corbeille*,^[60] но я по своему простому невежеству гениально вообразил, что эта знаменитая корзина была сделана из лозы и набита душистыми листьями и цветами, которые джентльмены Биржи с истинной галантностью своей нации составили в символические букеты, чтобы преподнести своим подругам. Однако мне показали, насколько сильно я был обманут другом, который более или менее просветил меня относительно того, что на самом деле делается на Бирже в обычное время и что они делают там сейчас.

Я должен начать с признания того, что, используя только что избитую метафору “храма Плуто”, я мало что понимал в том, о чем говорил.

Биржа - это не храм; если бы это было так, то это обязательно была бы церковь или что-то подобное, и, следовательно, она давно была бы закрыта нашим всемилостивейшим сувереном, Парижской коммуной.

Итак, биржа открыта; но что в этом хорошего? вы скажете, что все те, кто обитает здесь сейчас, могли бы с таким же успехом проникнуть внутрь через закрытые двери и противоположные перила; призракам и другим сверхъестественным существам никогда не составит труда проникнуть через замочные скважины и проскользнуть между прутьями решетки. ‘Бедные фантомы! Из-за слабости нашего правительства, которое не позаботилось наложить печати на двери Биржи, они обязаны входить и выходить как самые обычные люди; и парижанин, который за долгое время общения с Гофманом и Эдгаром По не научился отличать живых от мертвых, мог бы принять этих призраков денежного рынка за простых *мещан*. Слава богу! Я не такой человек, чтобы позволять обманывать себя благовидными видимостями в подобных вопросах, и я сразу понял, с кем имею дело.

На парадной лестнице их было четверо или пятеро, призраки, худые, как вампиры, которые три месяца не пили кровь; они шли молча, крадущейся, вороватой поступью, свойственной призракам, которые скользят среди тисовых деревьев на церковных дворах. Время от времени один из них доставал из своего призрачного жилетного кармана подобие записной книжки и тенью карандаша делал видимые пометки. Другие собирались группами, и можно было отчетливо слышать хруст костей под их темными пальто. Они говорили тем особенным голосом, который понятен только *собратьям* мага Элифаса Леви, и они вспоминали друг другу котировки прежних дней, триумф австрийских фондов, государственные акции по 70 (*quantum mutata ab illa*), облигации города Парижа 1860-1869 годов и мимолетный апофеоз акций Suez. Они сказали со вздохом: “Вы помните о премиях? В прежние времена публиковались отчеты, в прежние времена в конце месяца были решающие дни, и огромные бумажники были так плотно заполнены, что чуть не лопались; но теперь мы блуждаем среди руин нашего ушедшего великолепия, как тень Диомеда блуждала среди руин его дома в Помпеях. Мы из тех, кто был; воображаемые котировки акций, которые исчезли, подобны тщетным эпитафиям на могилах, и мы, отчаявшиеся призраки, мы умерли бы во второй раз от горя, если бы нам не позволили предстать друг перед другом в этом заброшенном дворце, здесь, чтобы поразмышлять о нашей прошлой финансовой славе!” Так говорили призраки денежного рынка, а затем добавляли: “О! Коммуна, Коммуна, верните нам наши оседлые дни?” Время от времени мимо них проходит призрак, который все еще сохраняет свой надменный вид и в котором мы узнаем утратившее силу достоинство. Во времена Наполеона Третьего и пруссаков это был биржевой маклер; он проходил мимо с кучей документов под мышкой, — как отец Гамлета, восстав из могилы, все еще носил шлем и шпагу. Он входит в здание, направляется к *Корбейю*, выкрикивает один или два раза, ему отвечает только эхо в тишине, а затем возвращается, приветствуемый при проходе своим товарищем-призраком. И подумать только, что небольшой бомбардировки, за которой последовала успешная атака, семи или восьми домов, подожженных версальскими снарядами, семисот или восьмисот расстрелянных федералов, нескольких женщин, разорванных на куски, и нескольких убитых детей было бы достаточно, чтобы вернуть этим унылым призракам жизнь и радость. Но, увы! надежда для них отложена; в последнем циркуляре господина Тьера объявляется, что крупные военные действия начнутся не раньше, чем через несколько дней. Им придется ждать еще дольше. Люди, пересекающие Биржевую площадь, с каким-то религиозным ужасом отходят в сторону от некрополя, где покоятся три процента и акции *Credit Foncier*; и

если бы церкви не были закрыты, не одна милосердная душа, возможно, поставила бы свечу, чтобы упокоить беспокойные души этих отчаявшихся дельцов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[60] Круглое пространство в большом зале Биржи, огороженное перилами, в котором биржевые маклеры стоят, принимая ставки. Его прозвали корзинкой (*corbeille*).

LV.

Игра сыграна, Коммуна *завершена*. В первом округе зарегистрировано 21260 выборщиков, всего было 9 избирателей! Месье Везинье получил 2 голоса, и месье Везинье был избран. Месье Лакор — еще более умный — вообще не имеет голосов, и, торжествуя единодушие своих избирателей, месье Лакор в будущем будет председательствовать в Парижской коммуне. Очень логичное решение. Всем серьезным умам должно быть очевидно, что законодатели Ратуши обнародовали *in petto* закон, который они не сочли нужным обнародовать, но который, тем не менее, существует, и который, скорее всего, будет сформулирован примерно в следующих выражениях: “Пункт 1. Выборы не будут считаться состоявшимися, если число проголосовавших превысит тысячную часть от числа зарегистрированных избирателей.—Пункт 2. Каждый кандидат, набравший менее пятнадцати голосов, будет избран; если у него будет шестнадцать, его избрание станет предметом обсуждения”. Опрос похож на игру под названием “Тот, кто проигрывает, выигрывает, а тот, кто выигрывает, проигрывает!”, и возможные преимущества такой схемы видны сразу. Теперь давайте немного поразмыслим сообща. Кем Франция была на волосок от разрушения? Наполеоном Третьим. Сколько голосов получил Наполеон Третий? Семь миллионов и более. Кем Париж был передан в руки пруссаков? Диктаторами 4 сентября. Сколько голосов получили за себя диктаторы 4 сентября в городе Париже? Более трехсот тысяч. Следовательно, кандидаты, набравшие наибольшее количество голосов, являются мошенниками и дураками. Парижская коммуна не может допустить существования подобных злоупотреблений; Коммуна поддерживает всеобщее избирательное право — главную основу республиканских институтов, — но переворачивает его с ног на голову. У Мишона было всего половина голосов, — значит, Мишон наш хозяин!

Ах! вы не только заставляете нас дрожать и плакать, вы заставляете нас смеяться. Что это за жалкая пародия на всеобщее избирательное право? Что это за фарс, когда волю народа представляют полдюжины выборщиков? Неизвестный индивид, обязанный своим триумфом доброте своего консьержа и водоноса, становится членом Коммуны. Мной будет управлять Везинье, а Брион и Виард будут поддерживать меня. Разве вы не видите, что те немногие люди, у которых еще осталась хоть капля здравого смысла, которые все еще поддерживают вас, отказались выдвигать себя в качестве кандидатов, и что даже среди тех, кто был достаточно безумен, чтобы объявить себя правомочными, есть такие, кто оспаривает законность выборов? Нет, вы ничего этого не видите, или, скорее, вам выгодно быть слепым. Что для вас право и справедливость? Давайте царствовать, давайте управлять, давайте провозглашать, давайте торжествовать. В этом заключено все. Рогард нравится нам, поэтому у нас будет Рогард. Если люди не хотят иметь Рогарда, тем хуже для людей. Прекрасно! восхитительно! Но почему бы вам не высказать свое мнение откровенно? В римских государствах было несколько честных разбойников (*par pari refertur*), которые, возможно, были ничем не лучше вас, но, по крайней мере, они не претендовали на что-либо иное, кроме беззакония, и без лицемерия следовали своему призванию разбойников. Когда

в результате различных приключений банда поредела, они не расклеивали на стенах листовок, приглашающих людей избрать новых разбойников на вакантные места; они просто выбирали среди бродяг и им подобных личностей тех, кто, по их мнению, был наиболее способен нанести удар стилетом или отобрать у путника его ценности, и банда, должным образом усиленная, занималась своими обычными делами. Дьявол! *Господа*, нужно говорить, что есть что, и называть вещи своими именами. Давайте назовем кошку кошкой, а Пилотеля вором. Время иллюзий прошло; вам не нужно так тщательно надевать свои маски; мы видели ваши лица. У нас был карнавал Коммуны, а теперь наступила Пепельная среда. Вы хитро замаскировались, *господа*; вы извлекли из старых шкафов и закоулков истории старые революционные тряпки людей 98-го года; и, нацепив на них некоторые украшения по современной моде — жилеты а-ля Коммуна и шляпы а-ля Федерация, — вы нарядились в них и затем приняли позы. Люди, правда, заметили, что одежды, сшитые для великанов, были слишком широки для вас, пигмеев; они висели на ваших фигурах, как свернутые воздушные шары; но вы, каким бы хитрым вы ни были, вы сказали: “Мы были опустошены преследованиями”. И когда в самом начале на вашей старой маскировке были замечены пятна крови, “Не обращайтесь внимания,” сказали вы, — это всего лишь красный флаг, который торчит у нас в карманах”. И так получилось, что некоторые вам поверили. Мы сами, несмотря на все наши подозрения, позволили поймать себя на взмахе ваших широких рукавов от Скарамуша, которые были слишком длинны для ваших рук. Затем вы говорили о таких прекрасных вещах: свободе, раскрепощении рабочих, объединении рабочего класса, что мы слушали и думали, что увидим вас за вашей работой, прежде чем окончательно осудить. И теперь мы увидели вас за вашим заданием, и, зная, как вы работаете, мы не дадим вам больше никакой работы. Долой вашу маску, говорю вам! Ну же, фальшивый Дантон, стань снова Риго, и пусть^[61] лицо Серье выглянет из-под этой маски Сен-Жюста, которая на нем надета. Ты, Наполеон Гайяр, хоть ты и сапожник, но ты даже не Симон. Брось Робеспьера, Рогар! Долой атрибуты, позаимствованные из мрачных, великих дней! Будьте подлыми, мелкими и смешными — будьте самими собой; нам всем будет гораздо спокойнее, когда вы станете презренными, а мы снова будем презирать вас.

Парис сказал тебе вчера именно то, что я говорю тебе сейчас. Это почти всеобщее воздержание избирателей по сравнению с рвением прежних времен является всего лишь признанием ошибки, к которой привел ваш маскарад. И что это доказывает, как не решимость больше не участвовать в вашем карнавале? Говорю вам, теперь мы ясно видим, что сатурналии подходят к концу. Тщетно оркестр пушек и митральез под управлением дирижера Ключере продолжает безумно играть и приглашает нас на праздник. Мы больше не будем танцевать, и этому конец!

Но для Пэрис будет фатально, если, сказав это, она останется довольной. Презрения недостаточно, должно быть еще и отвращение, и должны быть приняты реальные меры против тех, кого мы ненавидим. Недостаточно пренебрегать опросом, человек воздерживается, когда сомневается, но теперь, когда мы больше не сомневаемся, пришло время действовать. Пока совершается противоправная работа, те, кто стоит в стороне, скрестив руки на груди, становятся соучастниками. Подумайте, что уже более двух недель не прекращается стрельба; что Нейи и Аньер превратились в кладбища; что мужья падают, жены плачут, дети страдают. Подумайте, что вчера, 18 апреля, часовня Лонгчемпса стала приютом — дополнительным мертвецким домиком — для машин скорой помощи Прессы, так много было погибших в тот день. Подумайте о жестоких декретах, принятых в отношении заложников и непокорных, тех, кто избегал федератов; о реквизициях и грабежах; о переполненных тюрьмах и пустых мастерских, о возможных массовых убийствах и несомненном мародерстве. Подумайте о нашей собственной запятнанной чести, и давайте

поднимемся и сделаем все, чтобы те, кто оставался в Париже в эти скорбные часы, не стояли рядом с ней только для того, чтобы увидеть, как она падает и умирает.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[61] Серилье, член Интернационала, поручил Лондону от имени Центрального комитета занять наличные деньги для ежедневного содержания Национальной гвардии в размере тридцати су.

LVI.

Париж! на этот раз я призываю тебя оставаться равнодушным. Вам многое пришлось вынести в эти последние дни; вам было сказано, что вы больше не должны преклонять колени в своих церквях, и вы там не преклонили колен; что газеты, которые вам понравились, больше не следует читать, а вы их не читали. Вы продолжали улыбаться — правда, одними кончиками губ — и прогуливаться по бульварам. Но теперь приближается то, что действительно заставит вас содрогнуться! Знаете, что я только что прочитал в *"Независимой Бельгии"*? Ах, бедный Париж, дни твоей славы миновали, твоя древняя слава разрушена, старый детский стишок будет издеваться над тобой: *"Ты нирез плюс в лесу, твои любовники без купюр"*.^[62] Вот что произошло: ты смещен с трона моды. Мир, обеспокоенный формой шляпки, которую вы будете носить в этот скорбный год, и видя, что вы заняты своими внутренними раздорами, с тревогой обратился за помощью к Лондону, и отныне Лондон диктует свои условия всем модисткам вселенной. Город запустения, мне жаль тебя! Вы больше не будете навязывать свои суверенные законы, касающиеся *одежды для моей жены*^[63] и перчаток из собачьей кожи. Ваши ботинки и воротнички рубашек больше не достанутся благодаря своей репутации скромно одетым жителям Сандвичевых островов. И, глубочайшее из унижений, это твоя старая соперница, это твоя высокая и угловатая сестра, это черный Лондонский сити, который берет твой сверкающий меч и превращает его в деревянную полицейскую дубинку! Вам суждено увидеть в своих стенах — если у вас еще останутся какие-нибудь стены - ваших собственных жен и дочерей, которые топчут свои изящные ножки туфлями из английской кожи, прячут головы под шляпками в форме гриба, окружают себя кринолинами и воланами и носят пурпурный цвет, эту отвратительную смесь красного и синего, которая всегда наполняла вашу душу ужасом. Затем, чтобы усилить сходство ваших парижанок с лондонками или кокни (ибо вам пора выучить модный английский язык), ваши стоматологи продадут им новые наборы зубов, называемые островковыми наборами, которые можно надевать поверх естественных передних зубов и которые будут выступать примерно на треть дюйма за верхнюю губу. И им будут предложены корсеты, цель которых - максимально удлинить талию и обтянуть самые красивые формы — факт, поскольку в отчетах говорится, что в Лондоне они зашнуровывают, в то время как здесь мы почти отказались от корсета. Ну, мой Парис, ты дрожишь? О! когда же настанут эти ужасные дни! когда вы видите, что утратили не только свою гордость, но и тщеславие; когда вы убеждены, что Коммуна сделала вас не только отвратительным, но и смешным; ах! затем, когда вы наденете шляпки, которые изобрели не вы, как глубоко вы пожалеете о том, что не взбунтовались в тот день, когда некоторые из лучших ваших граждан были *тайно* посажены в камеры тюрьмы Мазас!^[64]

ПРИМЕЧАНИЯ:

[62] Припев детской песенки:

“Не ходи больше в лес, ибо все лавры срезаны”.

[63] Длинные плавающие концы шейных лент.

[64] Английский парижского драматурга демонстрирует все типичные особенности, отмеченные выше. У нас есть наш идеал, если не типичный француз, возможно, чуть менее правдивый — взятый у беженцев и экскурсантов, у коротко стриженных, грязных обитателей Лестер-сквер; наши туристические костюмы, тяжелые ботинки пешеходов, “широкие рукава” и выцветшая мода, израсходованная в путешествиях, - все это списывается на островные особенности.

LVII.

Я только что услышал или прочитал трогательную историю; и вот она такая, какой я ее помню. В предместье Сент-Антуан живет община женщин, у которых находят приют престарелые бедняки; тех, кто стал немощным или впал в беспомощное ребячество, будь то мужчины или женщины, принимают там без вопросов и платы. Там их поселяют, кормят и одевают, и за них смиренно молятся.

Прошлым вечером сон только начинал царить в маленькой общине. Старики были отправлены на покой, каждая Младшая сестра выполнила свой долг и спала, когда у дверей дома раздался ружейный выстрел. Вы можете себе представить, как они вздрогнули и ужаснулись. Младшие сестры бедняков не привыкли к такому шуму в ушах, и в доме поднялся такой шум, какого дом никогда не знал, когда они поспешно поднялись, а старики устали друг на друга со своих белых кроватей в длинных спальнях. Когда дверь дома распахнулась, группа мужчин с угрожающим видом вошла внутрь, размахивая ружьями и шпагами, производя ужасный шум. Одна из них была старшей, у нее была огромная борода и ужасный голос. Все младшие Сестры собрались дрожащей толпой вокруг настоятельницы.

“Закройте двери, ” крикнул капитан, “и если одна из этих женщин попытается сбежать — раз, два, три, огонь! Затем Добрая Мать — так Младшие Сестры называют свою настоятельницу — сделала шаг вперед и спросила: “Чего вы желаете, господа?”

“Граждане, *святое!*”

Добрая Мать перекрестилась и повторила: “Чего вы желаете, братья мои?”

Федеральный визит к Младшим сестрам бедняков.

“ Это я сделаю, ” храбро ответил капитан. “ Дайте мне вашу руку. И теперь, если кто-то захочет причинить тебе вред, ему придется сначала разобраться со мной.

Через несколько минут Национальная гвардия ушла, Младшие сестры и старые няньки снова обрели покой, и в доме стало так тихо и мирно, как будто это и не было отвратительным прибежищем заговорщиков.

Но если бы я был Парижской коммуной, разве я не застрелил бы этого капитана?

LVIII.

Жители Ратуши сказали себе: “Все наши прекрасные дела и разговоры ни к чему не приводят, делегат Ключере и комендант Домбровский напрасно шлют нам самые обнадеживающие депеши, нам никогда не удастся убедить население Парижа, что наша борьба против версальской армии - это длинная череда решающих побед; что бы мы ни предпринимали, они закончат тем, что обнаружат, что федеральные батальоны странным образом отступили перед митральезами с железными накладками позавчера в Аньере, и это было бы ужасно”. трудно заставить их поверить, что эта деревня, столь знаменитая жареной рыбой и парижскими кокни, все еще находится в наших руках, если только нам не удастся убедить их, что, хотя мы эвакуировали Аньер, мы все еще энергично удерживаем там свои позиции. Дело в том, что дела принимают для нас довольно скверный оборот. Как нам преодолеть неудобство быть побежденными? Что нам делать, чтобы разрушить дурное впечатление, произведенное нашими сомнительными победами?” И вслед за этим члены Коммуны погрузились в размышления. “Parbleu!” воскликнули они после недолгого раздумья — избранные Парижа способны за одну секунду сделать больше, чем все депутаты Национального собрания за три года. — Пусть будут подготовлены декреты, прокламации и плакаты. Какими средствами нам удалось убедить парижских ослов? Почему, с помощью декретов, прокламаций, плакатов. Тогда наберитесь смелости, давайте упорствовать. На! предатели захватили замок Бекон и захватили Аньер. Что важно! быстро, восемьдесят ручек и восемьдесят чернилниц. За работу, литераторы; художники и сапожники, за работу! Франкель, который венгр; Наполеон Гайяр, который сапожник; Домбровски, который поляк; и Биллиорай, который пишет “омлет” с буквой “х”, возможно, сделают из этого довольно беспорядок. Но, слава богу! Среди нас есть Феликс Пайет, великий драматург; Пьер Дени, который написал такие плохие стихи, что должен писать хорошую прозу; и, наконец, Верморель, автор “Двух дам”, маленькой книжки, иллюстрированной фотографиями, для использования в школах, и “Отчаянной”, романа, который причинил Гюставу Флоберу немало кошмаров. Работать, товарищи, работать! Нас давно спрашивают, что мы понимаем под словами “Коммуна”. Скажите им, если знаете. Напишите это, провозгласите, и мы разместим это на плакатах. Даже если вы не знаете, все равно скажите им: великое искусство хорошего повара состоит в приготовлении зайца в горшочке без какого-либо вида зайчатины. И вот почему сегодня утром на стенах появился огромный плакат со следующими словами, написанными огромными буквами: “Декларация французскому народу”.

Двадцать дней назад пространная прокламация, претендовавшая на выражение и определение тенденций революции восемнадцатого марта, возможно, возымела бы некоторый эффект. Сегодня мы пробудились от многих иллюзий, и самые прекрасные фразы в мире не преодолеют нашего упрямого безразличия. Давайте, однако, прочтем и отметим.

Верморель,^[65] Представитель общественной безопасности.

“В болезненном и ужасном конфликте, который еще раз навлекает на Париж ужасы осады и бомбардировки, из-за которого льется французская кровь, из-за которого гибнут наши братья, наши жены, наши дети, раздавленные выстрелами и снарядами, крайне важно, чтобы общественное мнение не разделялось, чтобы национальная совесть не была обеспокоена”.

Совершенно верно! Я полностью согласен с вами; несомненно, очень важно, чтобы общественное мнение не разделялось. Но давайте посмотрим, какие средства вы собираетесь предпринять, чтобы добиться столь желаемого результата.

“Париж и вся нация должны знать, какова природа, причина и цель совершающейся сейчас революции”.

Несомненно; но если бы это было необходимо сегодня, разве это было бы менее полезно в самый первый день революции; мы не понимаем, почему вы заставили нас ждать этого так долго.

“Ответственность за траур, страдания и несчастья, жертвами которых мы являемся, должна лечь на тех, кто, предав Францию и передав Париж иностранцам, со слепым упрямством продолжает разрушение столицы, чтобы похоронить под руинами Республики и Свободы двойное доказательство своей измены и своего преступления”.

Привет! что за фраза! Эти ясные и точные выражения, которые проливают столько света на мрачность ситуации, принадлежат тебе, Феликс Пай? В Коммуне сказали “*Пять люксов!*” Или это были твои, Пьер Дени? Или твои, Верморель? Я особенно восхищаюсь двойным доказательством, погребенным под руинами Республики. Удачная метафора!

“Долг Коммуны - утвердить и определить стремления и взгляды населения Парижа; точно определить характер движения 18 марта, неправильно понятого и очерненного людьми, заседающими в Версале”.

Ах, да, это долг Коммуны, но, ради бога, не заставляйте нас ждать, вы же видите, мы умираем от нетерпения.

“Париж снова трудится и страдает за всю Францию, и своими боями и жертвами подготавливает путь к интеллектуальному, моральному, административному и экономическому возрождению, славе и процветанию”.

Это настолько верно, что с тех пор, как в Париже существовала коммуна, мастерские закрыты, фабрики простаивают, и Франция, ради которой столица жертвует собой, теряет что-то около пятидесяти миллионов в день. Мне кажется, таковы факты, и я не вижу, что версальские предатели могут сказать в ответ.

- Чего требует Париж? - спросил я.

Ах! да, о чем она просит? Воистину, нам не следовало бы сожалеть, узнав это. Или, скорее, о чем вы просите; ибо точно так же, как Луи ле Гран имел право сказать: “Государство, я и есть Государство”, вы можете сказать: “Париж, мы и есть Париж”.

“Париж требует признания и консолидации Республики, единственной формы правления, совместимой с правами народа, и регулярного и свободного развития общества”.

На этот раз вы правы. Париж требует Республики и, должно быть, действительно страстно стремится к ней, поскольку ни ваши эксцессы, ни ваши безумства не смогли переубедить его.

“Это требует абсолютной целостности Коммуны, распространяющейся на все населенные пункты Франции, гарантирующей каждому неприкосновенность его прав, а каждому французу - свободное осуществление своих способностей как человека, гражданина и работника. Права коммуны не должны иметь других ограничений, кроме равных прав всех других коммун, придерживающихся договора, объединения, которое обеспечило бы единство Франции”.

Это немного непонятно. Я понимаю примерно следующее. Вы бы сделали Францию федерацией коммун, но что означают слова “соблюдение договора”? Тогда вы допускаете, что некоторые коммуны могут отказаться от своего присоединения. В таком случае, каково было бы положение этих повстанцев? Вы бы оставили их на свободе? Или вы бы заставили их подчиняться соглашениям большинства? Считаете ли вы, что было бы достаточно, в случае, например, отказа такого города, как Пезена, присоединиться, чтобы ассоциация была неполной? То есть, чтобы единства Франции не существовало? Вы очень уверены насчет Пезенаса? Кто вам сказал, что у Пезенаса может не быть собственного представления о независимости, и что в настоящее время мы можем не услышать, что он избрал герцога, который собирает армию и чеканит монеты. Герцог Пезенас! звучит заманчиво. Помните также, что многие другие населенные пункты могли бы последовать примеру Пезенаса, и, возможно, для того, чтобы застраховать всю Коммуну, было бы разумно спросить их, хотят ли

они этого. Итак, что вы понимаете под “населенными пунктами”? Марсель - это населенный пункт; изолированная ферма посреди поля - тоже населенный пункт. Таким образом, Франция была бы разделена на бесконечное количество коммун. Согласятся ли они между собой, эти бесчисленные маленькие государства? Предположим, они согласны на контракт, не исключено, что мелкое соперничество приведет к ссорам или даже к дракам; иск из-за партийной перегородки может привести к гражданской войне. Как бы вы образумили непокорные населенные пункты? ибо даже предположив, что Коммуны имеют право подчинять себе Коммуну, недовольный всегда может сбежать от вас, заявив, что он больше не придерживается общественного договора. Так что, если бы это отделение было вызвано не только тщеславием одной или нескольких маленьких деревушек, но и гордостью одного или нескольких крупных городов, Франция в одночасье оказалась бы лишенной своих самых важных городов. Господа, эта часть вашей программы, безусловно, оставляет желать лучшего, и я рекомендую вам улучшить ее, если только вы действительно не предпочитаете полностью отказаться от нее.

Неотъемлемыми правами коммуны являются “голосование по общинному бюджету, взимание и распределение налогов, руководство местными службами, организация магистратуры, полиции и образования, а также управление имуществом, принадлежащим Коммуне”.

Этот абзац хитрый. На первый взгляд это не кажется таковым, но присмотритесь к нему повнимательнее, и вы увидите, что в его создании проявился самый макиавеллистический дух. Умение состоит в том, чтобы поставить рядом с правами, которые бесспорно принадлежат Общине, другие права, которые ей ни в малейшей степени не принадлежат, и, по-видимому, не придавать одному из них большего значения, чем другому, так что читатель, увлеченный очевидной законностью многих ваших притязаний, может сказать себе: “На самом деле все это очень справедливо”. Давайте, если вам угодно, распутаем этот моток красной камвольной ткани, так искусно запутанный. Голосование за общинный бюджет, поступления и расходы, взимание и распределение налогов, управление общинной собственностью - это права, которые, безусловно, принадлежат Общине; если бы она их не получила, ее бы не существовало. И почему они принадлежат к ней? Потому что только она могла знать, что для нее хорошо в этих вопросах, и могла прийти к такому решению по ним, какое считала нужным, не нанося ущерба всей стране. Но это не то же самое, что касается мер, касающихся магистратуры, полиции и образования. Хорошо, предположим, что в один прекрасный день Коммуна скажет: “Магистраты? Мне не нужны никакие судьи; эти дворяне в черных мантиях мне ни к чему; пусть другие кормят этих бездельников, которые отправляют храбрых воров и честных убийц на каторги; я люблю убийц и почитаю воров, и более того, я предпочитаю, чтобы виновных судили судьи Республики”. Теперь, если бы Коммуна сказала это или что-то в этом роде, что бы вы могли ответить в ответ? Абсолютно ничего, ибо, согласно вашей системе, каждый населенный пункт Франции имеет право организовывать свою магистратуру так, как ему заблагорассудится. Что касается полиции и образования, то было бы легко выдвинуть аналогичные гипотезы и таким образом продемонстрировать абсурдность ваших общественных притязаний. Если бы Коммуна сказала: “В будущем никто не должен быть арестован, и под страхом смерти запрещается заучивать наизусть басню о волке и лисе”. Что бы вы могли на это сказать? Ничего, если только вы не признаете, что только что ошиблись, предположив, что целостность Коммуны не должна иметь никаких других ограничений, кроме права равной независимости всех других Коммун. Существует еще один предел, и это общие интересы страны, которые не могут позволить одной ее части вредить остальным дурным примером или каким-либо другим способом; только центральная власть может решать те вопросы, в которых единственная абсурдная мера, в которой,

вероятно, могут быть повинны несколько “населенных пунктов”, может поставить под угрозу честь или интересы Франции; магистратура, полиция и образование, очевидно, являются вопросами такого рода.

Следует всегда понимать, что другие права Коммуны соответствуют декларации, сделанной французскому народу:

“Выбор путем выборов или соревнования; с ответственностью и постоянным правом контроля над магистратами и коммунальными служащими любого класса“;

“Абсолютная гарантия свободы личности, свободы совести и свободы труда“;

”Постоянное участие граждан в общественных делах посредством свободного выражения своего мнения и свободной защиты своих интересов: гарантии на этот счет должны быть предоставлены Коммуной, единственной властью, на которую возложены надзор и защита полного и справедливого осуществления прав на собрания и гласность“;

”Организация обороны города и национальной гвардии, которая сама избирает своих офицеров и одна обеспечивает поддержание порядка в городе“.

Что касается подтверждения этих прав, мы можем повторить то, что сказали выше, а именно, что некоторые из них действительно принадлежат Общине, но большая их часть - нет.

“Париж больше ничего не желает в плане местных гарантий, при условии, пусть это будет понятно, нахождения в великой центральной администрации ...”

“... В великой центральной администрации, назначенной федеративной коммуной, реализации и практического применения тех же принципов”.

Другими словами, Париж охотно согласится придерживаться того же мнения, что и другие, если весь мир будет придерживаться того же мнения, что и он сам.

“Но, благодаря своей независимости и пользуясь своей свободой действий, Париж оставляет за собой право проводить, по своему усмотрению, административные и экономические реформы, которых требует население; создавать надлежащие институты для развития и распространения обучения, производства, торговли и кредита; универсализировать власть и собственность ...”

Фух! Универсализировать собственность! Позвольте спросить, что это значит? Коммунизм здесь представляет собой исключительное сходство с коммунизмом!

“... В соответствии с потребностями момента, желанием заинтересованных лиц и уроками, извлеченными опытом:

“Наши враги обманывают себя или страну, когда обвиняют Париж в желании навязать свою волю или свое превосходство остальной нации и претендовать на диктатуру, которая была бы явным преступлением против независимости и суверенитета других коммун:

“Они обманывают самих себя или они обманывают страну, когда обвиняют Париж в желании разрушения единства Франции, созданного Революцией, под одобрительные возгласы наших отцов, спешащих на Праздник Федерации со всех концов древней Франции: “Политическое единство, навязанное нам до настоящего времени империей, монархией и парламентаризмом, есть не что иное, как деспотическая централизация, будь то разумная, произвольная или обременительная.

“Политическое единство, которого требует Париж, — это добровольное объединение всех местных инициатив, спонтанное и свободное сотрудничество индивидуальных энергий с одной общей целью - благосостоянием и безопасностью всех.

“Общественная революция, начатая народной акцией 18 марта, открывает новую эру экспериментальной, позитивной и научной политики”.

Не кажется ли вам, что в последних абзацах тон заявления несколько изменился? Казалось бы, Феликс Пят устал и передал ручку Пьеру Дени или Делеклюзу. — После коммунизма наступает социализм.

“Коммунальная революция - это конец старого правительственного и клерикального мира, милитаризма, официализма (этот новый редактор, похоже, любит употреблять слова, оканчивающиеся на ”изм”), эксплуатации, принуждения, монополий и привилегий, которым пролетариат обязан своим рабством, а страна - своими бедами и катаклизмами”.

Конечно, ничто в мире не доставило бы мне большего удовольствия; но если бы я был совершенно уверен, что у гражданина Риге нет улучшенного бинокля, позволяющего ему наблюдать за мной с расстояния нескольких миль, не покидая своего кабинета или кресла, если бы я был совершенно уверен, что гражданин Риге не может прочесть через мое плечо то, что я пишу в этот момент, я, возможно, осмелился бы намекнуть, что революция 18 марта представляется мне в настоящий момент апофеозом большинства преступлений, которые она якобы предотвратила.

“Пусть же наша великая и любимая страна, обманутая ложью и клеветой, успокоится!”

Что ж, для того, чтобы ее успокоить, нужно сделать только одно — убраться восвояси!

“Борьба, ведущаяся между Парижем и Версалем, относится к числу тех, которые никогда не могут быть прекращены путем лживых компромиссов. В этом вопросе не может быть никаких сомнений. (О, нет! в этом нет никаких сомнений.) Победа, к которой с неукротимой энергией стремится Национальная гвардия, останется за принципами и справедливостью.

Мы просим об этом Францию”.

В чем необходимость, если у вас есть неукротимая энергия Национальной гвардии?”.

“Убежден, что вооруженный Париж обладает таким же спокойствием, как и храбростью...”

Вы увидите, что убедить Францию поверить в это очень трудно.

“... Что он поддерживает порядок с равной энергией и энтузиазмом ...”

Порядок? Без сомнения, тот, что царил в Варшаве; порядок, который царил на следующий день после 2 декабря.

“... Что он жертвует собой с таким же благоразумием, как и героизмом ...”

Да; суждение человека, который выбрасывается из окна четвертого этажа, чтобы доказать, что его голова тверже брусчатки.

“... Что она вооружена только преданностью во славу и свободу всех — пусть Франция положит конец этому кровавому конфликту!”

Она положит этому конец, не бойся, но не в том смысле, в каком ты это понимаешь.

“Франция должна разоружить Версаль...”

До настоящего времени она, безусловно, поступала с точностью до наоборот.

“... проявлениями ее непреодолимой воли. Поскольку она будет участвовать в наших завоеваниях, пусть она примет участие в наших усилиях, пусть она будет нашим союзником в этом конфликте, который может закончиться только триумфом Общественной идеи или разрушением Парижа”.

Разорение Парижа! Я полагаю, это всего лишь образное выражение.

“Что касается нас, граждан Парижа, то наша миссия - совершить современную революцию, самую грандиозную и плодотворную из всех, которые освещали историю.

“Наш долг - бороться и побеждать!

“ПАРИЖСКАЯ КОММУНА”.

Таково это длинное, выразительное, но часто туманное заявление. Однако в нем нет недостатка в определенном красноречии; и, хотя оно часто искажено вопиющими преувеличениями, оно содержит здесь и там некоторые справедливые идеи или, по крайней мере, такие, которые соответствуют взглядам подавляющего большинства. Уничтожит ли это негативный эффект, произведенный последовательными поражениями федералов при Нейи и при Аньере? Вызовет ли это какие-либо добрые чувства по отношению к Коммуне в умах тех, кто с каждым днем все дальше и дальше отдаляется от людей Коммуны? Нет; уже слишком поздно. Если бы это воззвание было вывешено на плакатах пятнадцатью или двадцатью днями раньше, некоторые его части могли бы быть одобрены, а остальное обсуждено. Сегодня мы проходим мимо этого с улыбкой. За последние три дня произошло много событий. Действия Парижской коммуны больше не позволяют нам принимать ее заявления всерьез, и мы считаем ее членов слишком безумными — если не хуже, — чтобы верить, что по какой-либо случайности они могут быть разумными. Эти люди закончили тем, что сделали отвратительным все хорошее, что изначально было в их идее.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[65] Он родился в 1841 году в департаменте Рона. Его образование было завершено очень рано. В возрасте двадцати лет он сотрудничал с двумя оппозиционными журналами, *"Молодая Франция"* и *"Молодая женщина"*. Эти статьи вскоре были изъяты, а их молодой автор был заключен в тюрьму на три месяца. В 1864 году он стал одним из сотрудников *Presse*, откуда в 1866 году перешел в *Liberté*. Два года спустя он основал *"Французский курьер"*; но из-за множества наложенных на него штрафов и тюремного заключения его основателя *"Новый журнал"* очень скоро прекратил свое существование. После года заключения в Сент-Пелажи Верморель был занят в *"Реформе"*, которая продолжала выходить до падения Империи. Во время осады он служил рядовым в Национальной гвардии. Он стал членом Комитета правосудия при коммуне и был одним из тех, кто после ее падения не дезертировал и не опозорил ее. Сообщается, что он взобрался на баррикаду, вооруженный только тростью, с криком: “Я пришел сюда умирать, а не сражаться”. Его мать получила разрешение перевезти его останки в Венецию.

ЛИКС.

У нас есть военный трибунал; председательствует на нем гражданин Россель, начальник главного штаба армии. Он только что приговорил к смертной казни коменданта Жирода, который отказался выступить против “врага”. Исполнительный комитет, однако, помиловал коменданта Жирода. Давайте немного разберемся в этом вопросе. Если Исполнительный комитет тратит время на то, чтобы отменить то, что сделал военный трибунал, я не совсем

понимаю, зачем исполнительная власть вообще учредила военный трибунал. Если бы я был членом последнего, я бы разозлился. “Что! Я бы сказал, они сажают меня в зале, где проходят заседания военного трибунала, они назначают охрану для моего присутствия, и мой президент имеет право сказать: ‘Охрана, уведите заключенного’. Одним словом, они превращают меня в нечто, напоминающее судью настолько, насколько пародия может походить на пародируемое произведение, и когда я, член военного трибунала, желаю воспользоваться предоставленными мне правами и приказываю расстрелять коменданта Жироду, они встают на пути правосудия и спасают жизнь тому, кого я осудил. Это абсурд! Мне нравился этот комендант, и я желал, чтобы он умер от моих рук”.

Не берите в голову, трибунал, отнеситесь к этому хладнокровно; вы скоро отомстите. В настоящее время по меньшей мере шестьдесят три священнослужителя находятся в тюрьмах Мазаса, Консьержери и Ла Санте. Хотя они не совсем солдаты, они будут отправлены к вам на суд, и вы сможете делать с ними все, что вам заблагорассудится, нисколько не опасаясь, что исполнительная комиссия наложит свое вето. Непокорные также дадут тебе работу, и ты сможешь поупражняться с ними в свое удовольствие. Что касается коменданта Жиродо, то, как ты понимаешь, это другой случай. Он друг гражданина Делеклюза. У членов Коммуны не так много друзей, чтобы они могли позволить себе подавить кого-либо из них. Но не расстраивайтесь: дюжина священников стоит майора Национальной гвардии.

ЛК.

Именно потому, что мужчины, которых Коммуна отправляет на фронт, сражаются и умирают так славно, мы испытываем раздражение по отношению к ее членам. Проклятие им за то, что они таким образом растрачивают моральные богатства Парижа! Они в замешательстве из-за того, что нанимают на столь плохую службу первоклассные силы, которые успешное восстание оставляет в их распоряжении. Я расскажу вам, что произошло вчера, 22 апреля, на бульваре Бино; и тогда, я думаю, вы согласитесь со мной, что Франция, которая так много потеряла, все еще сохраняет часть того яркого, бесстрашного мужества, которое было присуще ей. старая гордость.

Трубач, всего лишь семнадцатилетний юноша, маршировал во главе своего отряда, которому было приказано овладеть баррикадой, которую, как предполагалось, оставили версальские войска. Когда я говорю “он маршировал”, я делаю в высшей степени неверное утверждение, потому что он делал сальто и совершал летящие прыжки по дороге, намного опережая своих товарищей, пока его продвижение не было остановлено баррикадой; это он приветствовал насмешливым жестом, а затем одним-двумя прыжками оказался на другой стороне. Произошла какая-то ошибка, баррикада не была оставлена. Наш молодой трубач был немедленно окружен довольно большим количеством линейных войск, которые спрятались среди мешков с землей и груд камней в надежде застать врасплох отряд, который продвигался к ним. На бедного мальчика было направлено несколько винтовок, и сержант сказал: “Если ты пошевелишь ногой, если издашь хоть звук, ты умрешь!” В ответ парень вскочил на самую высокую часть баррикады и закричал во всю силу своего молодого голоса: “Не подходите! Они здесь!” Затем он упал навзничь, пронзенный четырьмя пулями, но его товарищи были спасены!

LXI.

Другая, более печальная сцена произошла на авеню Терн. По ней проходила похоронная процессия. Гроб, который несли двое мужчин, был очень маленьким, гроб маленького ребенка. Отец, рабочий в блузе, шел позади с небольшой группой других скорбящих. Печальное зрелище, но катастрофа была ужасной. Внезапно снаряд с горы Валерьен упал на крошечный гроб и, разорвавшись, разбросал останки мертвого ребенка по живому отцу. Труп был полностью уничтожен вместе с окружавшими его атрибутами. Массовое убийство мертвых! Поистине, эти пушки - замечательное, изысканное изобретение!

LXII.

Наконец-то несчастные жители Нейи могут покинуть свои подвалы. В течение трех недель они ежечасно ожидали, что крыши их домов обрушатся и раздавят их; и с большим трудом им удавалось в более спокойные моменты дня добыть достаточно, чтобы не умереть с голоду. В течение трех недель они переносили все ужасы, все опасности сражений и бомбардировок. Многие мертвы — все они думали, что наверняка умрут. Рассказываются ужасные подробности. Чуть дальше ресторана Жиле, где раньше располагался офис омнибуса, жила пожилая пара, мужчина и жена. В начале гражданской войны в их бедном жилище один за другим разорвались два снаряда, уничтожив все до последнего предмета мебели. Совершенно обездоленные, они укрылись в подвале, где после нескольких часов ужасного ожидания старик умер. Ему было семьдесят, и испуг убил его; его жена была моложе и сильнее и выжила. В редкие промежутки между стрельбами она выходила на улицу и говорила своим соседям через решетки подвала— “Мой муж мертв. Его нужно похоронить; что мне делать?” О том, чтобы отнести его на кладбище, конечно, не могло быть и речи; не нашлось бы никого, кто мог бы исполнить эту скорбную обязанность. Кроме того, носильщики, вероятно, встретили бы по пути снаряд или пулю, и тогда должны были бы найтись другие, чтобы нести их. Однажды старуха отважилась дойти до ворот Майо и закричала так громко, как только могла: “Мой муж мертв в подвале; придите и заберите его, и пропустите нас обоих через ворота!” Часовой в шутку (будем надеяться, что ничего страшного) прицелился в нее из своей винтовки, и она убежала обратно в свой подвал. Ночью она спала рядом с трупом, и когда утренний свет просочился в ее мрачное убежище и осветил лежащее там тело, она зарыдала от горя и ужаса. Ее муж был мертв четыре дня, когда началось гниение, и она, не в силах больше этого выносить, выбежала с криком к соседям: “Вы должны похоронить его, или я выйду на середину улицы и буду ждать там смерти!” — Они сжалились над ней, спустились в подвал, вырыли там яму и положили в нее труп. В течение трех недель она оставалась там, отдыхая на свежеспаханной земле. Сегодня, когда они пришли за ней, она упала в обморок от ужаса: могила была вырыта слишком неглубоко, и одна из ног трупа была открыта взору.

**Женское любопытство в Порт-Майо.
“Prenez Garde, Mam’zelle”**

Этим утром, 25 апреля, в девять часов по Елисейским полям двинулась плотная толпа: пешеходы всех возрастов и сословий, а также транспортные средства всех видов. Вот-вот должно было начаться перемирие, заключенное членами *Республиканского союза прав Парижа*, и пострадавшим в Нейи должна была быть доставлена помощь. Однако некоторые меры предосторожности были необходимы, так как ни стрельба, ни канонада еще не прекратились, и каждую минуту можно было ожидать, что какой-нибудь снаряд упадет среди наступающей толпы. На Авеню Великой Армии снаряд попал в дом и поджег его. Постепенно грохот артиллерии затих, а затем и вовсе стих; толпа поспешила к крепостному валу.

Ворота Майо и часовня Святого Фердинанда.

Часовня была возведена Луи Филиппом в память о герцоге Орлеанском, убитом на месте 18 июля 1842 года.

Ворота Майо уже некоторое время полностью разрушены, несмотря на то, что коммуна утверждает обратное; подъемный мост сорван со своего места, разрушенные стены и бастионы обрушились в ров. Железнодорожная станция представляет собой бесформенную массу почерневших кирпичей, битого камня, стекла и металлических изделий; просека, по которой раньше проходили поезда, наполовину завалена руинами. Так жить невозможно. Представьте себе безнадежную неразбериху, возникающую здесь среди этого множества встревоженных существ, среди этих сотен телег и фургончиков, столпившихся в одном и том же месте. Каждый пробивается вперед, толкая своего соседа, крича и вопя; национальные гвардейцы тщетно пытаются поддерживать порядок. Чтобы усугубить трудности, нужно пройти через какую-то форму о пропусках. Мне удастся уцепиться за тележку, которая как раз проезжает по мосту; после тысячи остановок и изрядного количества толчков и сдавливаний мне удалось выбраться наружу в лохмотьях. Моему взору предстает безлюдная сцена. Перед нами открытое пространство, называемое военной зоной, пыльная пустыня, где сохранилось всего одно здание - часовня Лонгчемпса; оно было переоборудовано в пункт скорой помощи, и над ним развевается белый флаг с красным крестом. Действительно, раненые там должны подвергаться немалой опасности от снарядов, поскольку они находятся прямо на их пути. Слева находится Булонский лес, или, скорее, то, что раньше было лесом, потому что с того места, где я стою, видно лишь несколько деревьев, остальное - бесплодная пустошь. Я спешу дальше, к тому же на меня сильно давят сзади. Наконец-то мы в Нейи. Запустение пугает, реальность превосходит все, что я мог себе представить. Почти все крыши домов проломлены, из разбитых окон торчат стропила; некоторые стены тоже

обрушились, а те, что остались стоять, испещрены почерневшими дырами. Именно туда попали ужасные снаряды, ломая, перемалывая мебель, картины, стекла и даже людей. На каждом шагу у нас под ногами хрустит битое стекло; во всех окнах нет ни одного целого стекла. То тут, то там попадаются дома, которые пулям, казалось, доставляло удовольствие разносить на атомы и от которых в нашу сторону летят густые облака красной и белой пыли. Ну, парижане, что вы на это скажете? Не кажется ли вам, что гражданин Кюзере, хотя и американец, является превосходным патриотом, и “Принимая во внимание, что Нейи находится в руинах, и что этот счастливый результат был достигнут главным образом благодаря славному сопротивлению, организованному делегатом гражданином Кюзере, постановляю: Разрушитель Нейи, гражданин Кюзере, заслужил благодарность Франции и Республики”.

Жители Нейи въезжают в Париж во время перемирия 18 апреля.

Стрельба прекратилась с девяти утра до пяти часов пополудни, когда были реквизированы парижские кэбы, мебельные фургоны, фургоны скорой помощи, ленточные тележки и всевозможные транспортные средства для перевозки печальных останков и ветхого домашнего имущества пригородных бомбардиров. Они вошли через Тернские ворота, ибо ворота Порт-Майо лежали в руинах и были непроходимы. Многие отправились во Дворец промышленности на Елисейских полях, где заседала комиссия по распределению свободных квартир в Париже. По этому случаю было совершено несколько ограблений, и огнеупоры сбежали: говорят даже, что жестокосердные домовладельцы хотели помешать отъезду своих жильцов — цель, в которой владельцы не очень преуспели. Бедная женщина, взгромоздившаяся на верхушку своих реликвий, спасенная из подвала, в котором она прожила в ужасе четырнадцать дней, оплакивает потерю мужа и бесформенную массу руин и хлама, которые она когда-то называла своим счастливым домом; в то время как ее мальчики приносят зелень из пригородных садов, а сосед средних лет крадет со своим ручным попугаем, птица все это время забавляется искусной имитацией рычания митральезы и шипения снарядов, заканчивающихся ужасающими и часто повторяющимися взрывами.

Из всех домов, или, скорее, из того, что когда-то было домами, выходят обитатели с разной мебелью, столами, матрасами, коробками. Они выходят как бы из своих могил. Родственники встречаются и обнимаются, испытав почти всю горечь смерти. Тысячи бегут взад и вперед; тележки забиты до отказа, все, что не уничтожено, должно быть унесено. Большой фургон,

набитый детьми-сиротами, движется к шлагбауму; рядом с водителем сидит сестра милосердия. Самые нетерпеливые из беженцев уже прошли через Ворота Майо; кто окажет им там гостеприимство? Об этом, похоже, никто не думает. Возбуждение, вызванное всем этим движением, почти радостно под яркими лучами солнца. Но время поджигает, через несколько минут короткое перемирие истечет. Отставшие спешат с тяжелыми грузами. У ворот толчея и неразбериха больше, чем утром. Тяжело груженные телеги движутся медленно и с трудом; содержимое некоторых из них вылито на шоссе. Снова крики, давка и толкотня, пока наконец не проезжают ворота и толпа эмигрантов не расходится по разным улицам и проспектам в самое сердце Парижа. Счастливое освобождение от рабства, но какая унылая земля обетованная!

Затем канонада и ружейный огонь с обеих сторон возобновляются. Разрушайте, убивайте, эта ужасная ссора может закончиться только уничтожением одной из двух вовлеченных сторон. Продолжайте убивать друг друга, если вам так хочется, сражающиеся, соотечественники. Некоторые несчастные женщины и дети, по крайней мере, будут спать в безопасности этой ночью, несмотря на вас!

Федеральный офицер. Простите, месье, но мы не можем позволить гражданским оставаться здесь.

Monsieur. Я жду, когда Валерьян раскроется перед нами.

Да, мои добрые друзья и бездельники, печальная сцена не была бы полной без вашего присутствия, чтобы развеять ее печаль. Если уважение к вашей личности уберегло вас от опасности, это, по крайней мере, придает пикантности этому месту, местности, которая через несколько коротких минут снова станет опасной. В пять часов перемирие закончилось, но, несмотря на все это, Национальной гвардии было очень трудно расчищать площадку,

пока не возникла реальная опасность, вызванная волнением, которое заставило зрителей пройти гораздо дальше по авеню Великой армии.

Mdlle, et Ses Cousines.

5.30. Великие пушки Валерьяна, Почему вы не начинаете? Знаете ли вы, что орудия, заряженные яркими глазами, направлены против вас?

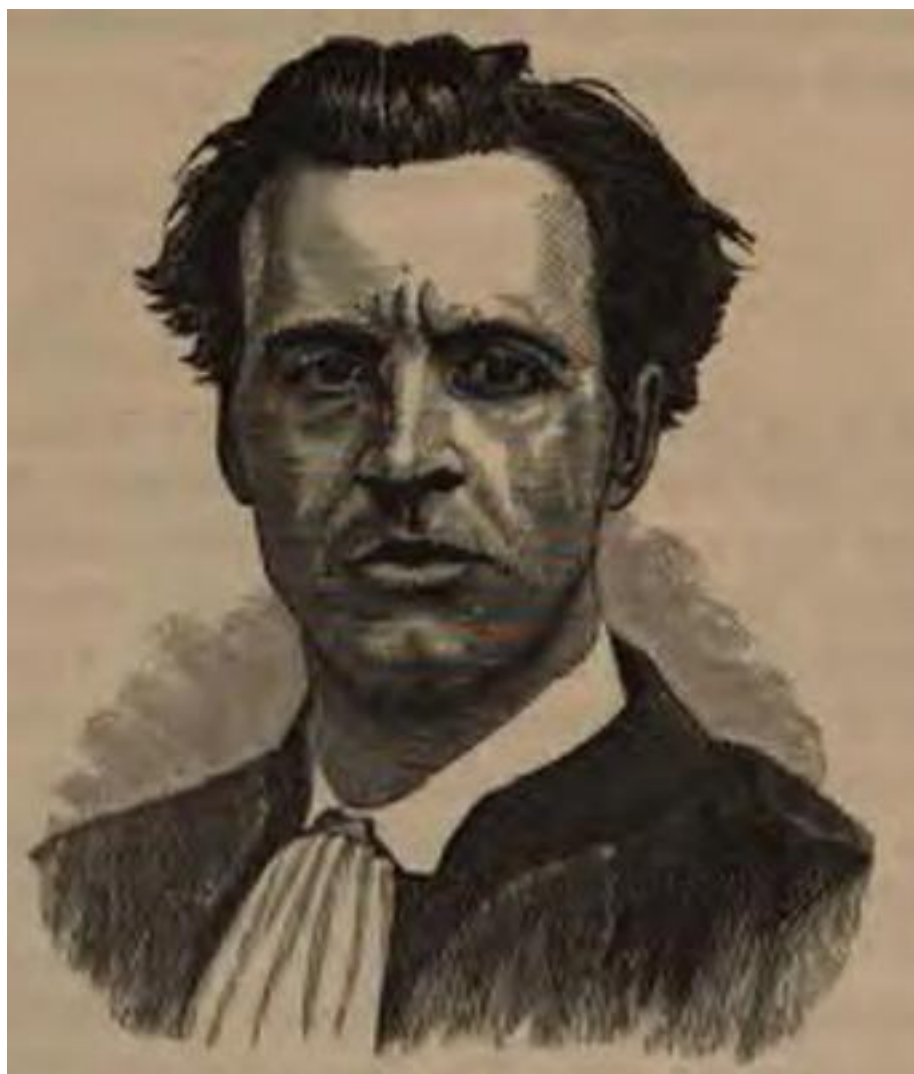
LXIII.

Я почти решил не продолжать эти заметки. Усталый и измученный, я два дня оставался дома, ничего не желая видеть, ничего не слыша, пытаюсь погрузиться в свои книги и восстановить утраченную нить прерванных занятий, но все без толку.

Сейчас десять утра, и я снова выхожу на улицу в поисках новостей. Сколько всего могло произойти за два дня! Недалеко от отеля Hôtel de Ville на углах улиц, отходящих от улицы Риволи, собираются возбужденные группы. Кажется, они чего—то ждут - чего они ждут? Смутные слухи, в основном мирного и примиряющего характера, переходят от группы к группе, где явно преобладают женщины.

“Если *они* нам помогут, мы спасены!” - говорит работница, держащая за руку маленького мальчика в форме национальной гвардии.— “Кто?” Я спрашиваю. — “Ах! Месье, это масоны, которые встали на сторону Коммуны; они собираются пересечь Париж на наших глазах.

Коммуна должна быть права, если масоны так думают”. — “Вот они идут!” - говорит маленький мальчик, изо всех сил таща свою мать за собой.

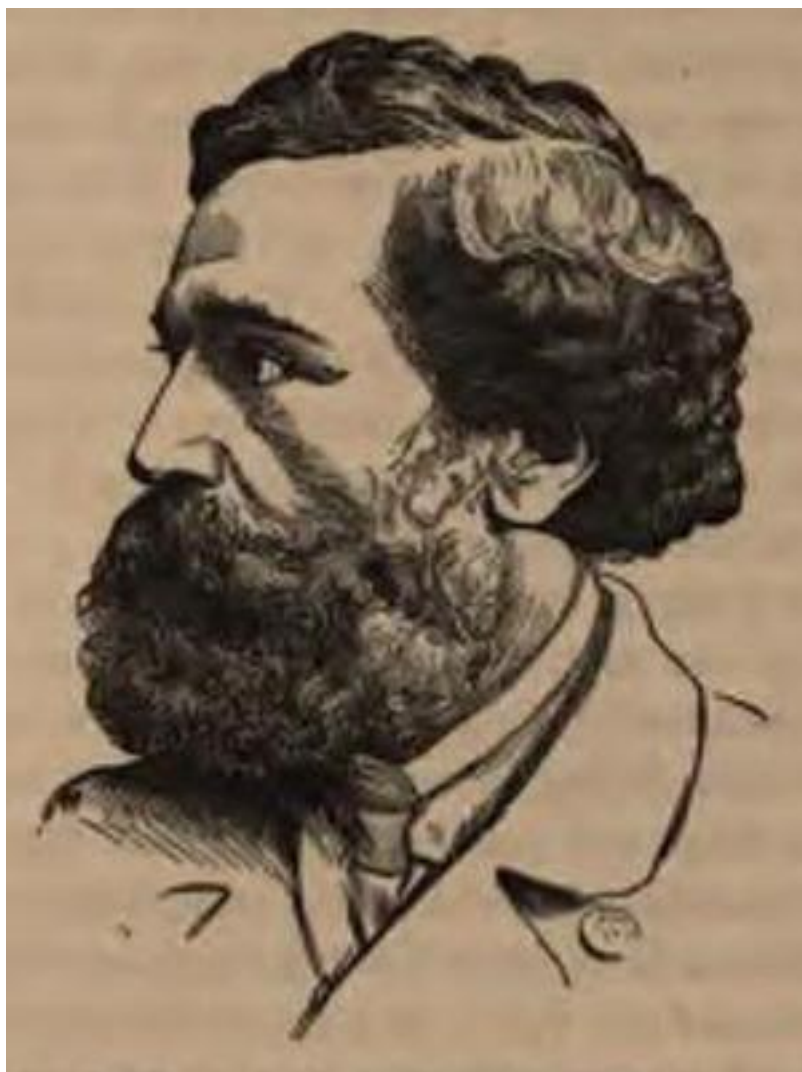

Протот^[66], Представитель правосудия.

Машины отъезжают в сторону, освобождая место, толпа прижимается к краю тротуара. Бьют барабаны, военный оркестр исполняет “Марсельезу”. Первыми идут пять штаб-офицеров, а затем шесть членов Коммуны в красных шарфах с золотой бахромой. Мне кажется, я узнаю среди них граждан Делеклюза и Протота. “Они идут в Ратушу!” - восторженно кричит мальчик-мясник, держа на голове большую корзину с мясом, которую он поддерживает одной рукой, а другой делает дикие знаки двум товарищам на другой стороне дороги. “Я видел их сегодня утром на площади Карусель”, - продолжает он тем же тоном. “Это было прекрасно, уверяю вас! А потом за ними приехал этот батальон, с музыкой и всем прочим. Сейчас они будут приветствовать Республику; идемте, я говорю. Вдвое быстрее!” Итак, мальчик-мясник, женщина с ребенком, я и все остальные зеваки поворачиваемся и следуем за восемью или десятью тысячами членов парижского масонства, которые толпятся на улице Риволи. Впереди и в тылу процессии я замечаю большое количество безоружных мужчин, одетых в свободные зуавские брюки из темно-синей ткани, белые гетры, белые ленты и синие куртки. Их головы в основном непокрыты. Мне сказали, что это коммунистические снайперы. Прямо перед нами развешивается большой белый баннер с надписью, которую я не могу разобрать из-за расстояния. Однако мальчик-мясник разобрался и сообщает нам, что там написано “Любите друг друга”. Счастливые, вводящие в заблуждение масоны! “Терпеть

друг друга” едва ли осуществимо! Тем временем мы продолжаем следовать по пятам за процессией. Слышно много криков и шума, то тут, то там раздается слабое “*Да здравствует Коммуна!*” Но главные крики: “Долой убийц! Смерть убийцам! Долой Версаль!” Масон снимает шляпу и кричит: “*Да здравствует мир!* Мы будем стремиться к миру!”

Я все еще в печальном замешательстве и не могу сообразить, к чему все это. Однако, терпение, я узнаю все в Отель де Виль. Вот мы и пришли. Национальная гвардия удерживает позицию, и вся процессия направляется к Дворцу Почета. Увлекаемая толпой, я оказываюсь у входа и вижу, что происходит внутри. Вся коммуна собралась на балконе, наверху парадной лестницы, перед статуей Республики, которая, как и коммунисты, носит красный шарф. Повсюду развеваются огромные красные флаги. Люди, несущие знамена общества, стоят на каждой ступеньке; на каждой золотыми буквами начертаны лозунги мира и братства. Патриархальный масон в своем воротничке и значках прибыл в карете; ему помогают выйти со знаками величайшего уважения. Двор к этому времени заполнен до отказа, раздаются восторженные крики “*Да здравствует французская мануфактура! Да здравствует Всемирная Республика!*” передается из уст в уста. Гражданин Феликс Пай, член коммуны, который находится на балконе, выходит вперед, чтобы сказать слово. Я поздравляю себя с тем, что наконец-то услышу, что все это значит. Но я разочарован. Давление невыносимо. Мне приходится энергично защищать свою шляпу, трость, сумочку и портсигар, и, кроме того, я почти задыхаюсь. Я почти отчаиваюсь уловить хоть одно слово, но наконец мне удастся расслышать несколько разрозненных фраз: “Всеобщая национальность.... свобода, равенство и братство... манифесты сердца...” (что это?) “знамя человечества.... крепостные валы....” Если бы я только мог подойти немного ближе — только слова “смертоносные пули.... братоубийственные пули.... всеобщий мир....” доходят до меня. Неужели для того, чтобы услышать подобную чушь, масоны пришли в Отель де Виль? Я полагаю, что да, потому что еще немного в том же духе, и все это потонет в оглушительном реве “*Да здравствует коммуна!*” и “*Да здравствует Республика!*”. Я потерял всякую надежду когда-либо понять.

Félix Pyat. ^[67]

“Они пришли тянуть жребий , чтобы узнать, кто пойдет и убьет М. Тьер! ” кричит рыжеволосый парень. — “Идиот, ” возражает его товарищ, “ у них нет оружия!” — “Слушайте, и вы услышите”, - говорит первый, и это отличный совет, если бы я только мог последовать ему. Толкание становится невыносимым, когда внезапно лысая голова несчастного гражданина совершает роковой прыжок — я наконец могу дышать — и до меня довольно отчетливо доносятся следующие слова: “Коммуна решила, что мы выберем пятерых членов, которые будут иметь честь сопровождать вас, и мы должны тянуть жребий...” — “Вот! разве я не был прав?” восклицает он о морковных волосах. “ Я знал, что они будут тянуть жребий!” Однако умело нанесенный удар вскоре заглушает его восторг, и мы слышим, что жребий брошен и что выбраны пять участников, которые помогут “этому славному, этому победоносному деянию”. Кажется, в этом больше рифмы, чем разума. “Поступок, о котором будут говорить в будущей истории Франции и человечества”. Тут неудержимый вырывается снова: “Теперь я уверен, что они собираются убить м. Тьера!” После чего его раздраженный противник хватая его за шиворот, наносит несколько метких ударов головой о бордюрный камень, а затем, проталкиваясь сквозь толпу, уносит его с собой. Что касается меня, то мое любопытство неудовлетворено, я смирился — да будет исполнена воля Коммуны — и я сдаюсь. Еще одна безнадежная мистификация от гражданина Бесле, который сожалеет, что не был выбран для участия в этом “героическом поступке”. Он также ссылается на жеребьевку, и я начинаю, в конце концов, представлять беднягу М. Тьер, должно быть, стоит за всем этим, но он продолжает: “Граждане, что я могу сказать после красноречивой речи

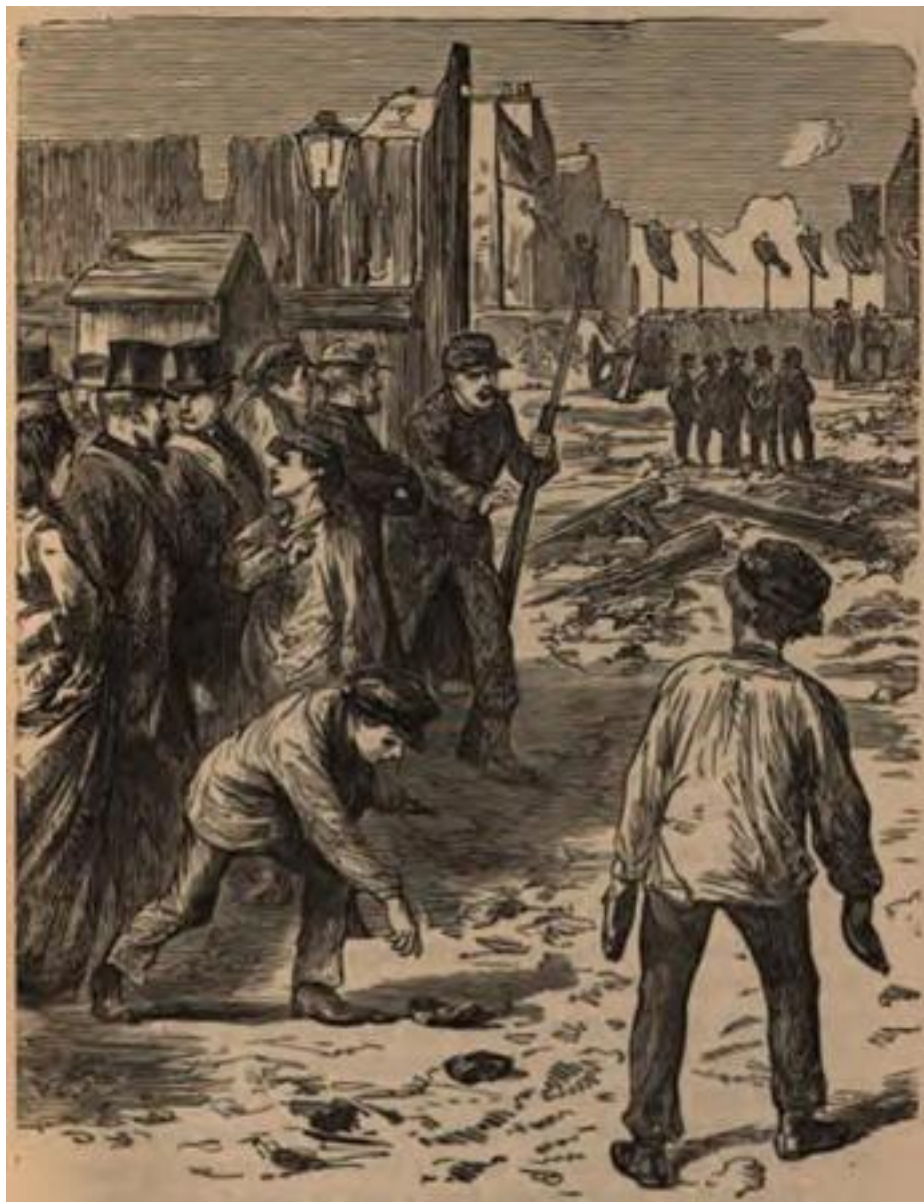
Феликса Пая? Вы собираетесь проявить интерес к акту братства ...” (тогда, несомненно, предполагается нечто ужасное) “водрузив свое знамя на стенах нашего города и объединив наши ряды против наших врагов в Версале”. Внезапный свет озаряет меня. Тем временем гражданин Бесли обнимает ближайшего масона, в то время как другой просит чести первым водрузить на крепостной стене свое знамя “Персеверанс”, которое было развернуто в 1790 году. Здесь оркестр играет “Марсельезу”, ужасно фальшивя; масонам вручается красный флаг с соответствующей речью; затем гражданин Терефок забирает флаг обратно с другой речью и заканчивает тем, что размахивает им высоко и ревет: “А теперь, граждане, больше никаких слов; к действию!”

Ясно, что масоны должны водрузить свое знамя на стены Парижа бок о бок со штандартом Коммуны; и кто настолько слеп, чтобы вообразить, что снаряды и пули, без разбора смертоносные, братоубийственные и детоубийственные, как они доказывают, проникнуты достаточным тактом, чтобы держаться подальше от знамен масонов и ранить в своем полете только тех, кто принадлежит Коммуне? Поскольку версальские снаряды преследуют только одну цель - пробить как парижан, так и их штандарты, то, как национальное следствие, если будут пробиты и парижане, и штандарты, также наиболее вероятно, что масонские знамена не останутся невредимыми в таком опасном районе. И если да, то каков будет результат? По словам гражданина Терефока, “масоны Парижа призовут к себе на помощь самую страшную месть; масоны всех провинций Франции последуют их примеру; повсюду братья будут брататься с войсками, которые маршируют на помощь Парижу. С другой стороны, если версальские артиллеристы будут целиться не в масонов, а только в Национальную гвардию (*sic!*), то масоны присоединятся к батальонам в полевых условиях и ободрят своим примером доблестных солдат, защитников города”. Все это довольно сложно — что из этого может получиться? В сопровождении все увеличивающейся толпы мы добираемся до площади Бастилии. У подножия колонны раздается несколько речей, но совокупное воздействие шума, пыли и усталости притупило мои чувства, и я ничего не слышу; однако, кажется, что все повторяется снова и снова, потому что те же возгласы толпы приветствуют те же жесты ораторов.

Мы снова едем по бульварам; население с восторгом приветствует длинную процессию с развевающимися знаменами и сверкающими вывесками. Добравшись до площади Согласия, я задерживаюсь. Тут и там стоят группы. Я хожу от одного к другому, пытаюсь понять, что эти политики под открытым небом думают обо всем этом масонском параде. Вскоре беглецы спешат обратно с Елисейских полей, крича и жестикулируя. “Ужас! Мерзость! Они ничего не уважают! Месты!” Я слышал, что брат-масон был убит снарядом напротив улицы Колизе; что белый флаг изрешечен дробью; что версальские винтовки вычислили, убили и ранили нескольких масонов.

За очень короткое время ужасная новость, которая по мере распространения увеличивалась и преувеличивалась, наполнила ужасом каждый квартал Парижа. Я вернулся домой в самом растерянном состоянии духа, от которого не мог очнуться до прихода ближе к вечеру друга, масона и, следовательно, хорошо информированного. Похоже, именно это и имело место.

“В тот момент, когда процессия прибыла на Елисейские поля, она разделилась на несколько групп, каждая из которых выбрала отдельный проспект или улицу. Один следовал по предместью Сент-Оноре и авеню Фридланд до Триумфальной арки, пока не достиг ворот Майо; второй направлялся к Порт-де-Терн по авеню Терн; третий - к Порт-Дофин по авеню Юрих. Ни один масон не был ранен по пути, хотя время от времени на их пути падали снаряды. ВВ. . . каждой ложе маршировали во главе, демонстрируя свои масонские знамена.

Масоны на крепостном валу. Геймены собирают ракушки.

“Как только на бастионе справа от Ворот Майо был замечен белый флаг, версальские батареи прекратили огонь. Затем масоны смогли миновать крепостные валы и направиться к Нейи. Там их довольно холодно принял полковник, командовавший отрядом. Офицеры, включая высшее командование, были яростно возмущены действиями Парижа. Но сами солдаты, казалось, совершенно устали от войны.

“После некоторых переговоров участники манифестации получили разрешение направить определенное количество делегатов в Версаль, чтобы предпринять вторую попытку примирения с правительством”.

Будет ли это новое усилие более успешным, чем предыдущее? Получит ли общество масонов то, чего не смог добиться Республиканский союз? Я бы очень хотел в это поверить, но не могу. Упорство Версальской ассамблеи превратилось в абсолютную глухоту, хотя мы должны признать, что способ, которым масоны пытались добиться примирения, был довольно

странным, что-то вроде приставления ножа к горлу месье Тьера и выкрика: “Мир или ваша жизнь!”

ПРИМЕЧАНИЯ:

[66] Мемуары, см. [Приложение 6](#).

[67] Феликс Пят родился в 1810 году во Вьерзоне. Он приехал в Париж с целью изучения права, но вскоре отказался от своего намерения выбрать более приятную профессию журналиста. Он сотрудничал с *Figaro*, *Charivari*, *Revue de Paris* и *National*. В 1848 году он был назначен генеральным комиссаром, а впоследствии заместителем департамента Шер. Подписав призыв Ледрю-Роллена к оружию, он был вынужден после июньских событий укрыться в Англии. Воспользовавшись амнистией от пятнадцатого августа 1869 года, он вернулся во Францию, но стал настолько неприятен правительству своими яростными оскорблениями Империи, что его снова выслали. Революция четвертого сентября позволила ему вернуться во Францию. Он начал немедленную и яростную атаку на новое правительство, которую продолжал до тех пор, пока его журнал *Le Combat* не был закрыт. Излишне говорить, что он был одним из главных действующих лиц восстаний тридцать первого октября и двадцать второго января. Он был избран депутатом, но вскоре ушел в отставку, чтобы связать себя с делом Коммуны. Он редактировал газеты “*Месть*” и “*Коммуна*” и добился указа о запрете почти всех конкурирующих или антагонистических изданий. После падения Коммуны он бежал, никто не знает куда.

LXIV.

Нет! нет! Месье Феликс Пай, вы должны остаться, пожалуйста. Ты был частью этого, ты есть частью этого, и ты будешь частью этого. Хорошо, что вы перебрали все времена глагола, я не удивлен, что такой умный человек, как вы, обнаружив, что дела принимают плохой оборот, счел нужным подать в отставку. Когда горит дом, человек выпрыгивает из окна. Но ваша сообразительность обернулась такой большой потерей, что ваши любезные сообщники ждут на улице, чтобы снова швырнуть вас обратно в гущу пламени. Совершенно напрасно вы написали следующее письмо, в своем роде шедевральное, президенту

“ГРАЖДАНИН ПРЕЗИДЕНТ, если бы меня не задержали в Военном министерстве в день выборов, я проголосовал бы вместе с меньшинством Коммуны. Я думаю, что большинство на этот раз не правы”.

“На этот раз” вежливо.

“Я сомневаюсь, что она когда-нибудь исправит свою ошибку”.

Если бы Коммуна повторяла свои шаги после каждой допущенной ошибки, она продвигалась бы медленно.

“Я думаю, что избранные не имеют права заменять выборщиков. Я думаю, что представители не имеют права занимать место суверенной власти. Я думаю, что Коммуна не может создать ни одного из своих собственных членов, ни назначать их, ни отменять; и, следовательно, она не может сама по себе предоставить то, что требуется для легализации их назначений”.

О! Месье Феликс Пия, законность странным образом вышла из моды, и для Версаля хорошо, что это так.

“Я также думаю, видя, что война изменила население”

Да, война изменила население, если не в том смысле, в каком вы это понимаете, то, по крайней мере, в том смысле, что огромное количество разумных людей сошло с ума, и что многие — ах! сколько?— сейчас мертвы.

“Я думаю, что справедливее было изменить закон, чем нарушать его. Голосование дало начало Коммуне, и, завершая себя без него, Коммуна совершает самоубийство. Я не буду соучастником этой вины”.

Мы это понимаем; вполне достаточно быть соучастником преступления.

“Я настолько убежден в этой истине, что, если Коммуна будет упорствовать в том, что я называю узурпацией выборной власти, я не смогу примирить уважение к привычке большинства с уважением к моей собственной совести; поэтому я буду вынужден, к большому моему сожалению, подать в отставку Коммуне до победы.

“Salut et Fraternité.

“FÉLIX PYAT.”

“Перед победой” изысканно комичен! Но, увлеченный желанием продемонстрировать остроумие, в котором он мастер, мсье Феликс Пиа не замечает, что его ирония несколько прозрачна, что “перед победой”, очевидно, означало “перед поражением”, и что, следовательно, не принимая во внимание веские доводы, приведенные в его письме президенту Коммуны, мы вспомним только, что крысы разбегаются, когда судно вот-вот затонет. Но на этот раз крысы должны оставаться на дне трюма. Коллеги по туру, месье Пай, не позволят вам быть единственным, кто откажется от почестей, поскольку вы были с ними в борьбе. Не осмеливаясь летать сами, они заставят вас остаться. Вермореель схватит вас за шиворот в тот момент, когда вы собираетесь открыть дверь и сбежать; а месье Пьер Дени,^[68] который раньше был не только сапожником, но и поэтом, пробормочет вам на ухо эти стихи Виктора Гюго^[69], которые, с некоторыми незначительными изменениями, в точности подойдут к вашему случаю:

“Maintenant il se dit: ‘L’empire est chancelant;

La victoire est peu sûre.’

Il cherche à s’en aller, furtif et reculant.

Reste dans la mesure!”

“Tu dis: ‘Le plafond croule; ils vont, si l’on me voit,

Empêcher que je sorte.’

N’osant rester ni fuir, tu regardes le toit,

Tu regardes la porte.

“Tu mets timidement la main sur le verrou;

Reste en leurs rangs funèbres!

Reste! La loi qu’ils ont enfouie en un trou

Est là dans les ténèbres.

“Reste! Elle est là, le flanc percé de leurs couteaux,

Gisante, et sur sa bière

Ils ont mis une dalle. Un pan de ton manteau

Est pris sous cette pierre.

“Tu ne t’en iras pas! Quoi! quitter leur maison!

Et fuir leur destinée!
Quoi! tu voudrais trahir jusqu'à la trahison
Elle-même indignée!

“Quoi! n’as-tu pas tenu l’échelle à ces fripons
En pleine connivence?
Le sac de ces voleurs ne fut-il pas, réponds,
Cousu par toi d’avance?”

“Les mensonges, la haine au dard froid et visqueux,
Habitent ce repaire;
Tu t’en vas! De quel droit, étant plus renard qu’eux
Et plus qu’elle vipère?”

И месье Феликс Пай останется, несмотря на тысячу и одну вескую причину, которую он нашел бы для того, чтобы совершить короткое турне по Бельгии. При необходимости его коллеги попытаются убедить: “Ты хороший, ты великий, ты чистый; что бы с нами стало без тебя?” — и они будут держаться за него до конца, как трусы, которые в разгар опасности цепляются за своих товарищей, крича: “Мы умрем вместе!” - и судорожно обнимают их, чтобы помешать им сбежать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[68] Писатель в *"Мстителе"*.

[69] Перевод см. в [Приложении 7](#).

LXV.

Анонимный автор, который, как говорят, не кто иной, как гражданин Делеклюз, только что опубликовал следующее:

“Коммуна гарантировала себе получение суммы в 600 000 франков в день — восемнадцать миллионов в месяц”.

Жил-был давным-давно французский фальсификатор по имени Колле, прославившийся размахом и важностью своего мошенничества и обладавший, как говорили, очень большим состоянием. Когда его спрашивали на эту тему, он обычно отвечал: “Я обеспечил себе получение ста франков в день — трех тысяч франков в месяц”.

Однако между Колле и Коммуной существует разница: во-первых, Колле питал особую симпатию к духовенству, различные одежды которого он часто надевал, а Коммуна терпеть не может *кюре* и, во-вторых, в то время как Колле, обеспечив себе получение трех тысяч франков в месяц, делал все, что было в его силах, Коммуна мирится с жалкими восемнадцатью миллионами, когда она могла бы обеспечить себе гораздо больше. Поразительно и, могу добавить, мало соответствует его достоинству, что он довольствуется столь умеренным пособием. Вы проявляете слишком много скромности; ради такой малости не стоит одерживать победу. Восемнадцать миллионов — сущий пустяк! Вашу деликатность можно было бы лучше понять, если бы вы были более щепетильны в выборе средств. Слава Богу! вы не ошибаетесь на этот счет. Приходите! пожалуйста, побольше энергии. “Но! ” вздыхает Коммуна. - мне кажется, я сделал все, что мог. Благодаря Журду,^[70] который

отодвигает Закон в тень, и Дереру,^[71] сапожнику—Финансисту и Сапожничихе из Басни Лафонтена, я ежедневно прикармливаю валовую стоимость продажи табака, что само по себе довольно приятная спекуляция, поскольку мне не приходилось оплачивать ни стоимость сырья, ни стоимость изготовления. Помимо этого, благодаря тому, что я называю "регулярным доходом от государственных ведомств", у меня есть большое количество небольших поступлений, которые обходятся мне недорого и приносят мне хорошую прибыль. Теперь, например, есть почта. Я тщательно слежу за тем, чтобы не отправлять ни одно из писем, которые мне доверяют, но мне удастся обеспечить оплату почтовых расходов по договоренности с моими сотрудниками. Я думаю, это свидетельствует об уме и такте. Наконец, в дополнение к этому я прошу железнодорожные компании быть настолько любезными, чтобы положить в мои карманы сумму в два миллиона франков: Северная железнодорожная компания предоставит мне триста девяносто три тысячи франков; Западная - двести семьдесят пять тысяч франков; Восточная - триста пятьдесят четыре тысячи франков; Лионская железнодорожная компания - шестьсот девяносто две тысячи франков; Орлеанская железная дорога - триста семьдесят шесть тысяч франков. Именно финансовый уполномоченный, месье Журд, у которого больше всего мозгов во всей группе, спланировал это гениальное соглашение. И, по правде говоря, я считаю, что сделал все, что было в моих силах, и вы неправы, пытаетесь унижить меня, проводя сравнения между мной и Колле, в котором было что-то хорошее, но который ни в коей мере не был равен мне."Моя дорогая, добрая коммуна, я не отрицаю, что у вас самые благие намерения; Я одобряю спекуляцию табаком и средства, полученные из казны государственной службы, в которую вы включаете, я полагаю, прибыль, полученную от ваших ночных визитов в общественные учреждения и другие казнохранилища, а также ваши плодотворные хождения по церквям. Что касается налога, взимаемого с железных дорог, то он вызывает у меня восхищение, приближающееся к энтузиазму. Но, ради всего святого, не позволяйте себе останавливаться на достигнутом. Ничего не достигнуто, пока что-то еще предстоит сделать. Вы тратите время на подсчет нынешних источников ваших доходов, в то время как остается так много возможностей их увеличить. Неужели в Париже нет банкиров, биржевых маклеров, нотариусов? Пошлите нескольких из этих ваших честных патриотов в дома реакционеров. Сто тысяч франков от одного, двести тысяч франков от другого; это всегда стоит того, чтобы взять. Из маленьких ручьев вытекают большие реки. На вашем месте я бы тоже не пренебрегал кассами лавочников или денежными сундуками богачей. Они принадлежат к *буржуазии*, эти люди, а *буржуа* - ваши враги. Обложи их налогом, *morbleu!* Обложи их всеми средствами. Разве тебе не нужно заботиться обо всех своих друзьях и друзьях твоих друзей? Вас подводят фальшивые ключи? Но их легко изготовить, и среди вас наверняка найдутся один или два слесаря, готовых вам помочь. Возьмем, к примеру, Пилотеля: это нормальный человек! В секретере месье Шоди было всего восемьсот франков, и он присвоил эти восемьсот франков. Таким образом, вы видите, как создаются великие дома и хорошие правительства. А когда денег больше нет, вы должны завладеть товарами и мебелью ваших сограждан. Без сомнения, среди вас найдутся получатели краденого. Вчера мне сказали, что вы отправили картины Титъена и Поля Веронеза из Лувра в Лондон, чтобы иметь возможность заработать на них деньги. Превосходнейшая мера, которую я хорошо могу объяснить себе, потому что понимаю, что месье Курбе, должно быть, очень хочет избавиться от этих двух художников, к которым он испытывает столь законную и глубокую ненависть. Но, увы! это было всего лишь ложное сообщение. Вы ограничились выставлением на продажу материалов, из которых изготовлена колонна на Вандомской площади; разделив их на четыре партии, две партии камня и цемента и две партии металла. Всего две партии? Почему? вы ничего не знаете о том, как извлечь максимум пользы из своего товара. В этой колонке есть кое-что получше камня и металла. В ней есть то, что некоторые глупцы в

прежние времена называли славой Франции. Какое прелестное зрелище — когда продажа с аукциона заканчивается — видеть, как покупатели уносят под мышками — один - кусочек Ваграма; другой - кусочек Йены; а некоторые, которые думали купить фунт или два бронзы, приобрели Первого консула в Арколе или императора в Аустерлице. Очень жаль, что вы не раздули ценность и важность вашей продажи перед участниками торгов. Тогда ваши предположения оправдались бы лучше. Вы плохо управлялись, моя дорогая Коммуна; вы не знали, как воспользоваться своим положением. Исправляйте свои ошибки, взимайте налоги, присваивайте, конфискуйте! Все может быть вашим, ничем не пренебрегайте и не бойтесь сопротивления; все вас боятся. Здесь! У меня в кармане есть пять франков, вы их возьмете?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[70] Журд занимал должность министра финансов в правительстве коммуны. Он хорошо образован и, как говорят, является одним из самых интеллектуально выдающихся федеральных чиновников. Он студент-медик, и, как говорят, ему двадцать семь лет. См.

Приложение 8.

[71] Рабочий сапожник и член Международного общества, которое он представлял на конгрессе в Бале. Он занимал должность в газете "", после четвертого сентября стал комиссаром полиции и участвовал на стороне народа во вспышке восстания тридцать первого октября. Правительство генерала Трошю лишило его должности, и власти коммуны назначили его одним из делегатов от правосудия.

LXVI.

Социальная революция могла закончиться лишь одной великой катастрофой, непосредственными последствиями которой были бы —

“Превращение земли в бесплодную пустошь“:

“Надевание смиренной рубашки на общество“:

И, если бы такое положение вещей могло продлиться несколько недель, —

“Гибель трех или четырех миллионов людей от ужасного голода“.

“Когда правительство останется без ресурсов, когда страна останется без продукции и без торговли:

“Когда умирающий от голода Париж, блокированный департаментами, больше не будет выплачивать свои долги и производить платежи, больше не будет экспортировать и импортировать:

“Когда рабочие, деморализованные политикой, которой учат в клубах, и закрытием мастерских, найдут средства к существованию, независимо от того, как:

“Когда государство присваивает себе серебро и украшения граждан с целью отправки их на монетный двор:

“Когда обыски, производимые в частных домах, будут запрещены“. единственное средство сбора налогов:

“Когда голодные банды расползутся по стране, совершая грабежи и опустошения:

“Когда крестьянин, вооруженный заряженным ружьем, вынужден пренебрегать выращиванием своего урожая, чтобы защитить его:

“Когда будет украден первый сноп, разрушен первый дом, осквернена первая церковь, зажжен первый факел, изнасилована первая женщина:

“Когда прольется первая кровь:

“Когда упадет первая голова:

“Когда мерзость и запустение распространятся по всей Франции —
"О! тогда вы поймете, что мы подразумеваем под социальной революцией:
“Толпа с оружием в руках, обезумевшая от мести и ярости“:
“Солдаты, пики, пустые дома, ножи и ломы“:
"Город, тихий и угнетенный; полиция в наших домах, мнения подозреваются, слова записываются, слезы наблюдаются, вздохи подсчитываются, тишина соблюдается; шпионаж и доносы:
“Неумолимые реквизиции, принудительные и прогрессивные займы, бумажные деньги, обесценившиеся:
“Гражданская война и враг на границах:
Безжалостные проконсулы, верховный комитет с каменными сердцами“ —
“Это было бы плодом того, что они называют демократической и социальной революцией”.

Кто написал эту замечательную страницу?—Прудон.

О всемилостивое Провидение! Сжался над Францией, ибо она дошла до этого.

LXVII.

Воздушный шар! Воздушный шар! Быстрее! Воздушный шар! Нельзя терять ни минуты. Жители Брив-ла-Гайарда и горцы Савойи жаждут новостей; давайте осыпем их манной небесной. Пишите! Pierre Denis! Заправляйтесь, подражатели Годару! И пусть четыре ветра небесных разнесут наши “Декларации” по четырем кварталам Франции! Ах! ах! Версальцы — банда предателей, вот они кто! — не рассчитывали на это. Они набирают солдат, простаки; они бомбардируют наши форты и наши дома, идиоты! Но мы издаем декреты и распространяем наши прокламации по всей стране с помощью неограниченного числа революционных воздухоплателей. Пусть их ведет ветер, который дует с гор! Как обрадуются честные труженики, хорошие фермеры, усердные работники департаментов, когда получат, упав с неба, страницы, на которых начертаны права и обязанности человека наших дней! Они не будут колебаться ни единого мгновения. Они оставят свои поля, свои дома, свои мастерские и закричат: “Мушкет! мушкет!”, не думая о том, что они оставляют после себя женщин без мужей, а детей без отцов! Они полетят к нам, счастливые победить или умереть во славу гражданина Делеклюза и гражданина Вермореля! Какой пыл! Какой патриотизм! Они уже в пути; они идут, они идут! Те, у кого не было огнестрельного оружия, схватили свои кирки или части сломанных плугов! Ура! Вперед! Марш! К оружию, граждане, к оружию! Да здравствует Франция, пришедшая на помощь Парижу!

Все напрасно. Говорю вам, жители Брив-ла-Гайарда и горцы Савойи ни разу не подумали о том, чтобы взяться за оружие. Они никогда не были более спокойны и не проявляли большей решимости оставаться в мире и тишине, чем сейчас. Когда они видят один из ваших воздушных шаров — всегда предполагая, что он преследует какую-либо иную цель, кроме как поместить раскаявшихся коммунистов в безопасные, укромные уголки, минуя ряды версальских войск, — когда они видят один из ваших воздушных шаров, они просто восклицают: “Привет! Вот воздушный шарик! Откуда в мире он может взяться?” Если с неба падают какие-то печатные листки, крестьянин подбирает их, говоря: “Я дам их почитать моему сыну, когда он вернется из школы”. Наступает вечер, сын излагает их, а отец слушает. Сын не может понять; отец засыпает. “Ах! эти парижане!” - восклицает мать. Можно ли удивляться? Эти люди рождены, чтобы жить и умереть, не зная всего того, что достойно восхищения в мужчинах из Отель-де-Виль. Они достаточно глупы, чтобы цепляться за свою

собственную жизнь и жизнь тех, кто рядом с ними. Они не воюют между собой; они бедные невежественные создания, и вы никогда не заставите их поверить, что после того, как они заплатили налоги, поработали, накормили своих жен и детей, у них все еще остается одна обязанность, более святая, более настоятельная, чем все остальные, — прийти в Порт-Майо, чтобы получить пулю или осколок снаряда в свой череп.

Но, тем не менее, от этих воздушных шаров можно было бы найти какое-то применение. Выберите кого-нибудь, лучше всего сделанного, самого большого по размеру, лучше всего оснащенного; посадите гражданина Феликса Пая — который, вы можете быть уверены, сядет не последним — и гражданина Делеклюза тоже, и мы не должны опускать гражданина Кюзере, ни кого-либо из граждан, которые в настоящий момент составляют счастье Парижа и спокойствие Франции! Теперь надуйте этот замечательный воздушный шар, который должен унести все ваши надежды, легчайшими газами. Тогда дуйте, ветры, устрашающе, яростно и унесите его от нас! Воздушные шары иногда бывают капризными. Вы читали историю Ганса Пфаля? Боже мой! если бы только ветер мог унести их прочь, к Луне или даже намного дальше.

LXVIII.

Перечитывая предыдущие страницы, я сам удивляюсь странным противоречиям, с которыми сталкиваюсь. В течение первых нескольких дней я был почти благосклонен к Коммуне; я ждал, я надеялся. Сегодня все совсем по-другому. Когда вечером я записываю то, что видел и думал днем, я позволяю себе сурово обвинять людей, которые раньше вызывали у меня некоторую симпатию. Что произошло? Изменилось ли мое мнение? Я так не думаю. Кроме того, у меня на самом деле только одно мнение. Я получаю впечатления, описывая эти впечатления без утайки, без предубеждения. Если эти случайные листки когда-нибудь будут собраны в книгу, они, по крайней мере, будут обладать редким достоинством полной искренности. Значит ли это, что моя природа изменилась? никоим образом. Если месяц назад я был снисходителен, то только потому, что не знал тех, о ком говорил, и что я от природы полон надежд и доброжелателен; если сейчас я проявляю суровость, то это потому, что — как и весь Париж — я научился узнавать их лучше.

LXIX.

Коммуна, естественно, породила бесконечное количество журналов. Попробуйте, если хотите, сосчитать листья в лесу, песчинки на морском берегу, звезды на небе, но даже в самых смелых мечтах не пытайтесь перечислить газеты, которые увидели свет после знаменитого дня 18 марта. У Феликса Пая есть журнал "*Le Vengeur*"; у Вермореля есть журнал "*Критика людей*"; у Делеклюза есть журнал "*Le Reveil*"; ни один член Коммуны не позволяет себе роскошь листка, в котором он ежедневно сообщает своим коллегам все зло, которое он о них думает. Следует признать, что эти джентльмены крайне плохого мнения друг о друге. Я бросаю вызов даже *голуа* из Версаля — да, самому *голуа* — относиться к Феликсу Пая так, как относится к нему Верморель, и если вспомнить, с другой стороны, что Феликс Пай говорит о Вермореле, то *голуа* покажутся на редкость добродушными. Наполеон давным-давно предостерег нас “стирать грязное белье дома”, но нельзя ожидать, что хорошие патриоты воспользуются советами тирана. Таким образом, колонки газет Коммуны посвящены ежедневному и взаимному разрыванию членов Коммуны на части. Но где будут эти

эфемерные листы через шесть месяцев, через один месяц или, возможно, через неделю? Ветер, который уносит листья розы и лавра, будет не менее жесток и для политических листьев. Давайте тогда, ради потомства, предложим образец того, что есть — или, как мы вскоре скажем, что было, — коммуналистской прессы наших дней. Редактируются ли они Марто, или Дюшеном, или Пасхалем Груссе, или любым другим эмулятором "Поля-Луи Курьера", все эти достойные журналы во многом похожи, и одного примера будет достаточно для всего.

Vermesch (père Duchesne).^[72]

Прежде всего, и обычно крупным шрифтом, публикуются ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ, новости из Порта Майо, где сражаются друзья Коммуны, и новости из Версаля, где заседают враги страны. Обычно они выполняются примерно в таком стиле:—

“Все больше и больше подтверждается, что Версальское собрание окружено и взято в плен войсками, вернувшимися из Германии. Генералы империи недавно провозгласили Наполеона Третьим императором. После жестокой ссоры из-за двух национальных гвардейцев, которых маршал Мак-Магон застрелил, но не приготовил для своих солдат, месть Тьер послал маршалу вызов через двух его секунданта. Этими секундантами были не кто иные, как граф де Шамбор и граф Парижский. Маршал Мак-Магон выбрал бывшего императора и Поля де Кассаньяка. Дуэль произошла на улице Водохранилищ, посреди огромной толпы. Маршал был убит и поэтому вынужден был отказаться от командования

войсками. Но Ассамблея не приняла его отставку.

“Мы можем утверждать, что рота 132-го батальона сегодня утром окружила пятнадцать тысяч жандармов и сержантов в парке Нейи. Видя, что всякое сопротивление бесполезно, сторонники г-на Тьера безоговорочно сдались. Среди них были семнадцать членов Национального собрания, которые, не удовлетворившись приказом об убийстве наших братьев, пожелали также присутствовать при резне.

“Заслуживающий доверия человек сообщил нам следующий факт: *Кантиньерка* 44-го батальона (из квартала Батиньоль) наливала стакан бренди артиллеристу форта Ванв, как вдруг артиллериста разорвало надвое версальским снарядом; храбрая *кантиньерка* выпила содержимое стакана, только что налитого для мертвеца, который лежал в кусках у ее ног, и заняла его место у орудий. Она так храбро исполнила свою новую роль артиллериста, что через десять минут на медонской батарее не осталось ни одного неповрежденного орудия. Что касается тех, кто обслуживал там орудия, то все они были отброшены на расстояние нескольких миль, и среди них, как говорили, были опознаны — однако мы сообщаем эту новость с большой сдержанностью — месье Оливье, бывший министр бывшего императора, и граф фон Бисмарк, пожелавший лично убедиться в действительной дальнбойности орудий, которые он одолжил своим добрым друзьям в Версале”.

ПАСХАЛЬ ГРУССЕ, ДЕЛЕГАТ ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ.^[73]

После ПОСЛЕДНИХ НОВОСТЕЙ следуют сводки дня, *bulletin du jour*, как его теперь называют, и именно в этом редактор, член Коммуны, раскрывает свой талант. Мы надеемся, что

следующий пример не совсем достоин пера месье Феликса Пая или подписи месье Вермореля:

“Париж, 29 апреля 1871 года.

- Они подстерегают нас, эти тигры, жаждущие крови.

“Они там, эти вандалы, которые поклялись, что во всем Париже не будет пощажён ни один человек, не останется ни единого камня на камне.

“Но мы ещё не в их власти. Нет, и никогда не будем.

Национальная гвардия начеку; победоносные и величественные, их солдатские груди сделаны не из плоти и крови, а из бронзы, от которой отскакивают пули, когда они бесстрашно стоят перед врагом.

“Ах, так эти плаксивые Жюли Фавры, эти жирные пикардийцы, эти голодные Жюли Ферри говорили между собой: “Мы возьмём Париж, мы разнесём его в клочья, и после победы его земля будет разделена между женами *сержантов де Вилль!*” “Они начинают понимать все безумие своего плана. Да ведь это Париж возьмёт Версаль, который заберёт всех этих стариков с затуманенными глазами, которые, поскольку не могут спокойно смотреть в лицо господину Тьеру, воображают, что это солнце.

“Напрасно они поят кровью и вином своих обманутых солдат; приближается момент, когда эти люди больше не согласятся идти против города, который сражается за них. Уже вчера в форте Ванв можно было различить шум сражения; линия обороны вступила в схватку с *жандармами* из зуавов Валентина и Шаретта. Мужайтесь, парижане! Ещё несколько дней, и вы восторжествуете над всем позором, который осмеливается остановить шествие победоносной коммуны!

“Но недостаточно победить внешних врагов, мы должны избавиться и от врагов, которые внутри.

“Больше никакой жалости! больше никаких колебаний! Правосудие народа устало от формальностей и вызывает к мести. Смерть шпионам! Смерть *реакционерам*! Смерть священникам! Почему коммуна кормит эту шайку злоумышленников в ваших тюрьмах, в то время как деньги, которые они нам ежедневно платят, были бы так полезны женщинам и детям тех, кто борется за дело Парижа? Нас уверяют, что вчера один из заключённых съел на ужин половину цыплёнка; скольких добрых патриотов можно было бы спасти от страданий с помощью суммы, взятой из сундуков Республики для этой оргии! Больше нет времени колебаться; версальцы расстреливают и калечат пленных; мы должны отомстить! Мы должны показать им такой пример, что, увидев издали головы своих гнусных сообщников, версальских предателей, торчащие на наших крепостных валах, сбитые с толку великодушием Коммуны, они, наконец, сложат оружие и сдадутся в плен.

“Что касается непокорных Парижа, мы не можем найти слов, чтобы выразить то изумление, которое мы испытываем по поводу проявленной по отношению к ним слабости.

“Что? мы допускаем, что в Париже все ещё должны быть трусы? Я думал, они все в Версале. Мы все ещё позволяем оставаться среди нас мужчинам, которые не разделяют нашего мнения? Такое положение вещей длилось слишком долго. Пусть они возьмут свои мушкеты или умрут. Пристрелите их, тех, кто отказывается идти вперёд. У них есть жены и дети, они говорят, что они отцы семейств; действительно, прекрасная причина! Коммуна превыше всего! И, кроме того, не должно быть жалости к женам *реакционеров* и детям шпионов!”

В ежедневных бюллетенях иногда излагаются в более мягких выражениях; но мы выбрали довольно средний образец между вялыми и самыми жестокими.

Затем следует солидная, серьёзная статья, как правило, написанная пером, облечённым всеми необходимыми полномочиями, человеком, у которого больше всего мозгов в данной

области. Тема варьируется в зависимости от обстоятельств; но главный смысл статьи в целом состоит в том, чтобы показать, что Париж никогда не был таким богатым, таким свободным и таким счастливым, как при правительстве Коммуны; и это истина, которую, безусловно, нетрудно доказать. Разве возможность жить, не работая, не является лучшим доказательством того, что люди состоятельны? Что ж! посмотрите на национальных гвардейцев: они целый месяц не прикасались к инструменту, и у них такой запас денег, что они вынуждены отдавать часть из них владельцам винных магазинов в обмен на неограниченное количество литров и запечатанных бутылок. Тогда кто мог бы сказать, что мы несвободны? Журналы, которые позволяли себе утверждать обратное, были предусмотрительно закрыты. Кроме того, разве это не свобода - сбросить с себя позорное ярмо людей, продавших Францию; не подвергаться больше гнету снобов, *реакционеров* и предателей? А что касается самого совершенного счастья, то само собой разумеется, что, поскольку мы оба свободны и богаты, мы должны испытывать неоспоримое наслаждение от него. Наконец, после официальных донесений, отредактированных в знакомом вам стиле, и после отчетов о последних сражениях следуют разные новости, *различные факты*; и именно здесь изобретательность авторов проявляется с наибольшей выгодой.

“Вчера вечером, около десяти часов, внимание прохожих на улице Сен-Дени привлекли крики, которые, казалось, доносились из четырехэтажного дома, расположенного на углу улицы Сент-Аполлин. Крики, очевидно, были криками отчаяния. Несколько человек отправились в ближайшее караульное помещение, чтобы сообщить об этом факте, и четверо национальных гвардейцев в сопровождении своего капрала вошли в дом. Ориентируясь на крики, они добрались до четвертого этажа и взломали дверь. Затем охранникам и людям, которые последовали за ними в их поисках, предстало ужасное зрелище. Трое маленьких детей лежали, растянувшись, на полу комнаты, беспорядок в которой свидетельствовал о недавней драке. Бедняжки были совсем без одежды, и на их телах виднелись следы ударов; у одной из них был порез на лбу. Национальные гвардейцы допрашивали детей с почти материнской добротой. Они не ели в течение четырех дней и в результате этого длительного поста находились в таком состоянии морального и физического унижения, что от них нельзя было получить никакой точной информации. Затем капрал обратился к соседям и вскоре узнал часть ужасной правды.

“В этой комнате жила бедная работница, молодая и хорошенькая. Однажды, возвращаясь со своей работой в мастерскую, она заметила, что за ней следует хорошо одетый мужчина, физиономия которого свидетельствовала о самых низменных страстях. Он заговорил с ней и сначала испытал отвращение; но, подобно искусителю Фаусту, предлагавшему Маргарите драгоценности, он соблазнил ее блестящими обещаниями, и бедная девушка, которой не всегда удавалось найти работу, послушалась низменного соблазнителя. Не вините ее слишком строго, скорее пожалейте ее и поберегите все свое негодование для негодяя, который ее предал.

“После трех лет, которые были для несчастной женщины сплошными муками и раскаянием, и в течение которых у нее не было другого утешения, кроме улыбок детей, само существование которых было преступлением, она наконец примирилась со своей жизнью, когда отец ее детей бросил ее.

Это дезертирство совпало со славной революцией 18 марта; и бедная работница, в сердце которой еще оставалось место для патриотизма, нашла некоторое утешение в мысли, что этот день, такой несчастный для нее, по крайней мере, принес счастье Франции.

Прошло две недели, бедная покинутая мать потеряла всякую надежду когда—либо снова увидеть отца своих троих детей, когда однажды вечером — это было в прошлую пятницу - мужчина, закутанный в черный плащ, вошел в дом и осведомился у *консьержки* — большой патриотки и командира 114-го батальона — дома ли мадемуазель О....? Получив

утвердительный ответ от героического защитника Прав и свобод Парижа, мужчина поднялся по лестнице в комнату бедной работницы. Это был он — соблазнитель; *консьерж* узнал его. Что происходило между убийцей и его жертвами? Возможно, это станет известно — никогда! Но несомненно, что час спустя он вышел, все еще закутанный в свою черную мантию.

“На следующий день и в последующие дни *консьерж* был очень удивлен, не увидев свою квартирантку с четвертого этажа, которая имела обыкновение останавливаться и разговаривать с ним по пути за своим кофе с молоком. Но глубокое чувство долга командира 114-го батальона так сильно занимало его мысли, что он почти не обратил внимания на этот инцидент. Не обращал он внимания и на вздохи и рыдания, доносившиеся с верхних этажей. Вряд ли его можно винить за эту небрежность; он изучал свой *вейд-меум*.

“На четвертый день, однако, крики были настолько яростными, что начали внушать прохожим тревогу, и мы рассказали, как четверых мужчин во главе с их начальником разыскивали, чтобы выяснить причину.

“Мы уже рассказали о том, что видели и слышали, но объяснений соседей было недостаточно, чтобы прояснить самую темную сторону тайны, и, возможно, правда никогда бы не стала известна, если бы *капорал*, продемонстрировавший редким доказательством интеллекта, насколько он достоин того звания, которым его удостоили товарищи, не был вдохновлен идеей приподнять полог кровати.

“Ужас! На кровати лежал распростертый труп несчастной матери с кинжалом, вонзенным ей в сердце, а в ее зажатой руке был найден листок бумаги, на котором жертва, прежде чем испустить последний вздох, начертала следующие строки:

“Я умираю, убитая тем, кто предал меня; он убил бы также троих моих детей, если бы шум в соседней комнате не заставил его обратиться в бегство. Он прибыл из Версаля с явной целью совершить это четверное преступление и, таким образом, уничтожить все следы своего прошлого злодейства. Его зовут Жюль Ферри. Вы, читающие это, отомстите мне!”

ПРИМЕЧАНИЯ:

[72] Вермеш, родившийся в Лилле в 1846 году, хотя и не был официальным членом Коммуны, был одним из ее самых могущественных защитников. Он был основателем и главным редактором “*Отца Дюшен*”, плохой имитации журнала, издававшегося под тем же названием Эбером во времена первой революции. Эта статья, одна из наиболее характерных для Коммуны, была наполнена тривиальностями в самом отвратительном вкусе и на сленге, которые невозможно передать по-английски. Первый номер журнала Вермеша был опубликован 6 марта, но был запрещен генералом Виноем; однако он появился вновь восемнадцатого числа того же месяца и имел такой потрясающий успех, что даже сам его редактор был поражен. Опьяненные результатом, писатели становились все более и более злобными, и, не довольствуясь написанием самых гнусных личных оскорблений, Вермеш взял на себя роль общественного информатора. Например, он осудил месье Гюстава Шоди, писателя из *Сикля*, в “*Пер Дюшен*” от 12 апреля, и вследствие этого журналист был арестован на следующий день. Журнал стал не только средством всевозможных личных оскорблений и мести, но и выполнял обязанности инквизитора для Общественного правительства, для которого он принес ужасный урожай жертв. В *Официальном журнале* содержался ряд указов, проекты которых впервые появились в “*Пер Дюшен*”.

Среди прочих действий Вермеш организовал то, что он назвал батальоном поклонников *отца Дюшен*, и, учитывая происхождение этого корпуса, можно легко представить характер сброда, который заполнял его ряды. Детей такого отца можно было найти только среди самых отбросов парижского населения; они были подходящими орудиями для позорной работы, которая должна была быть совершена впоследствии.

[73] Пасхаль Груссе готовил себя к политике, изучая медицину; от анатомии голов он перешел к препарированию идей. Став журналистом, он писал научные статьи в *Figaro*, вносил свой вклад в *Standard* и был одним из редакторов *Марсельезы*, когда принцу Пьеру Бонапарту был отправлен вызов, который привел к смерти Виктора Нуара и знаменитому судебному процессу в Туре. Сразу после революции восемнадцатого марта он основал "*Новую республику*", эфемерное издание, просуществовавшее всего неделю. Второго апреля он основал *Аффранчи*, или журнал свободных людей, как он его называл, и Везинье присоединился к нему в руководстве им. Популярность Груссе привела к тому, что в апреле он был избран членом коммуны, и вскоре правительство назначило его министром иностранных дел. Он разослал циркуляры представителям различных наций в Париже, чтобы добиться признания Коммуны; он также разослал прокламации по крупным городам Франции, призывая к оружию. Но его средства связи с другими правительствами, да и с его собственными посланниками, были очень ограничены.

Он был одним из тех, кто нашел убежище в мэрии одиннадцатого округа и кто, хорошо зная, что борьба действительно окончена, сказал глупым героям, которые их защищали: "Все хорошо. Версальская толпа обращена, и вы скоро присоединитесь к своим братьям на Елисейских полях". Многие из них той ночью вошли в долину смертной тени! Третьего июня бывший министр иностранных дел был арестован на улице Кондорсе, переодетый женщиной, и отправлен маршем в Версаль.

LXX.

"Исси взят! Исси не взят! Меги^[74] выдал его! Юдес все еще держит его".

С сегодняшнего утра я не слышал ничего, кроме противоречивых новостей. Находится ли форт Исси в руках версальских войск — да или нет? Надеюсь получить более подробную информацию, приблизившись к месту конфликта, я отправился в Порт д'Исси, но вернулся, так ничего и не узнав.

В том направлении было совсем немного людей; несколько национальных гвардейцев, укрывшихся в каземате, и несколько женщин, ожидавших возвращения своих сыновей и мужей, - вот и все, что я увидел. Канонада была ужасающей; менее чем за четверть часа я услышал, как над моей головой просвистели пять снарядов.

Около двенадцати часов подъемный мост был опущен, и я увидел отряд примерно из шестидесяти солдат, запыленных, усталых и удрученных, приближавшихся ко мне. Это были некоторые из "мстителей Республики".

"Откуда вы родом?" Я спросил их.

"Из окопов. Нас было четыреста человек, и мы - все, что осталось.

Но когда я спросил их, был ли взят форт Исси, они ничего не ответили.

Вслед за солдатами шли четверо мужчин, неся носилки, на которых лежало распростертое мертвое тело; и именно с этой печальной процессией я вернулся в Париж. Время от времени мужчины сбрасывали свою ношу на землю и заходили в винную лавку выпить. Я воспользовался одним из таких моментов, когда труп лежал брошенный, чтобы приподнять накиннутый на него плащ. Это было тело молодого человека, почти юноши; его рана была скрыта, но воротник рубашки окрасился кровью в алый цвет. Когда мужчины вернулись в третий раз, их походка была такой нетвердой, что они с трудом поднимали носилки бедного

мальчика, а затем, пошатываясь, ушли. На повороте улицы труп упал, и я подбежал, когда его поднимали с земли; один из пьяных мужчин заливался слезами и причитал: “Мой бедный брат!”

ПРИМЕЧАНИЯ:

[74] Меги, знаменитый губернатор форта Исси, был замешан в последнем предполагаемом заговоре против жизни Наполеона III. После того как он застрелил одного из полицейских агентов, которым было поручено его арестовать, его судили и приговорили к смертной казни. Однако четвертого сентября он был освобожден из тюрьмы и назначен командовать батальоном Национальной гвардии, с которым он выступил против ратуши тридцать первого октября и двадцатого января. Восемнадцатого марта он был назначен членом Коммуны, а двадцать третьего мая 1871 года поджег Счетную палату и дворец Почетного легиона.

LXXI.

Мы больше не увидим Кюзере! С Кюзере покончено, Кюзере в тюрьме!^[75] Что он сделал? Он в немилости из-за Форт-Исси? Это едва ли было бы справедливо, учитывая, что если форт был эвакуирован вчера, то сегодня утром он был вновь занят; кстати, я не могу удовлетворительно объяснить себе, почему версальцы должны были оставить эту позицию, которую они, по-видимому, считали важной. Если Кюзере вежливо попросили составить компанию монсеньору Дарбою не из-за форта Исси, то почему? Я помню, что вчера и позавчера слышал что-то о письме генерала Фабриса, в котором этот любезный пруссак, как сообщается, умолял генерала Кюзере вступить перед коммуной за заключенных священников. Возможно ли, что представитель Общины, рискуя прослыть иезуитом, мог выдвинуть требуемое требование? Что ж, мсье Кюзере, этого было вполне достаточно, чтобы вас посадили в тюрьму и вдобавок расстреляли. Однако вы ни за кого не заступались по той простой причине, что генерал Фабрис думал о том, чтобы написать вам, не больше, чем о том, чтобы вернуть Эльзас и Лотарингию. Поэтому мы должны искать мотив этого внезапного затмения где-то в другом месте. Некоторые говорят, что произошла ссора с Домбровским, что последний счел нужным подписать перемирие без разрешения Кюзере — перемирие, что за идея! Есть ли у Домбровски какие-либо угрызения совести по поводу резни? — что Кюзере пришел в сильную ярость; но в конце концов его соперник взял верх. Видите ли, если один из них американец, а другой поляк, Коммуне, должно быть, приходится нелегко из-за этих двоих!

Нет, ни эвакуация форта Исси — вопреки тому, что пишет *Официальный журнал* — монсеньором Дарбой, ни ссора с Домбровским не являются настоящими причинами падения Кюзере. Судьбой Кюзере было пасть; Кюзере пал, потому что ему не нравились золотые кружева и вышивка — “вот в чем вопрос”, все остальное - предлоги.

Итак, благородный делегат вообразил, что однажды утром он сможет спокойно издать воззвание, приказывающее всем офицерам, находящимся в его подчинении, сорвать золотые и серебряные ленты, которые пышно украшают их рукава и фуражки!^[76] Он думал, что его подчиненные откажутся от эполет и прочих военных безделушек. Да этот человек, должно быть, сошел с ума! Что бы сказали Кора или Арментина, если бы увидели, как их герои-военные входят в Café de Suède или Café de Madrid, лишенные всех своих блестящих придатков, которые делали их так удивительно похожими на генерала-обезьяну на ярмарке в Нейи, в старые добрые времена, когда существовали такие вещи, как ярмарки, и до того, как Нейи превратился в руины? Спросите любого солдата, федерального или иного, откажется

ли он от своего жалованья, или от своего звенящего меча, или даже от своего звания; он, возможно, и согласится, но попросите его сорвать с себя вышиванку, и он ответит: никогда! Как вы можете представить себе разумного человека, согласного не выглядеть шарлатаном?

Еще одно из этих абсурдных предписаний во многом понизило репутацию Кюзере в глазах общественности. Однажды ему взбрело в голову запретить своим офицерам скакать галопом по улицам и бульварам под жалким предлогом того, что быстрые перестроения этих всадников привели к нескольким несчастным случаям. Ну, а если бы и были, неужели вы думаете, что доблестный кавалерийский капитан лишит себя удовольствия покружиться на виду у своей возлюбленной по той жалкой причине, что он может случайно расстроить старую женщину или двух-трех детей? Гражданин Кюзере не знает, о чем говорит! Несомненно, что если этот доблестный генерал испытывает такой ужас перед несчастными случаями, ему следовало бы начать с прекращения стрельбы в Курбеуа, что гораздо опаснее, чем скачка лошади галопом по бульвару Монмартр. Как вы можете себе представить, офицеры продолжали скакать галопом и надевать свои наряды под самым носом у генерала, в то время как он стоически расхаживал в штатском. Однако, хотя они и не подчинялись ему, они были недовольны им за отданные им приказы. Оппозиция вынашивалась и была готова вырваться наружу при первой же возможности, которой оказалась эвакуация форта Исси. Кюзере пал жертвой своего пристрастия к простоте, но он несет с собой сожаления всех неправильно использованных извозчицких лошадей, которым из-за отсутствия чистокровных лошадей приходится заменять галантный персонал, и которые, бедняги, были только рады не скакать галопом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[75] Генерал Кюзере какое-то время был выдающейся личностью у коммунистов, и его военные таланты превозносились до небес, но внезапно его отправили в тюрьму, и Россель сменил его на посту командующего армией. Причина его заключения неясна. Некоторые говорят, что было обнаружено, что он состоял в переписке с правительством Тьера, другие - что его подозревали в стремлении к диктатуре. Во время неразберихи, возникшей при первом вступлении версальских войск в Париж, когда архиепископ Парижский и другие так называемые “заложники” были варварски убиты, когда Лувр, Пале-Рояль и Отель-де-Вилль были объаты пламенем, Кюзере сбежал из тюрьмы, и о нем больше ничего не было слышно, пока не поступило сообщение, что его тело было найдено погребенным под обломками последней баррикады. Был ли отчет верен?

[76] “ВОЕННЫЙ МИНИСТР НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ.

“ГРАЖДАНЕ, я с болью замечая, что, забыв о нашем скромном происхождении, вами начала овладевать нелепая мания отделки, вышивки и завязок на плечах.

“За работу! Вы впервые совершили революцию с помощью лейбористов и для них.

“Давайте не забывать о нашем происхождении и, прежде всего, не будем стыдиться его, мы были рабочими! Рабочими останемся!

“Во имя добродетели против порока, долга против злоупотреблений, жесткой экономии против коррупции мы одержали победу; давайте не забывать об этом факте.

“Давайте будем, прежде всего, людьми чести и долга; тогда мы основаем суровую Республику, единственную, у которой есть или может быть причина для своего существования.

“Я взываю к здравому смыслу моих сограждан: давайте больше не будем носить бирки и кружева, не будем больше блеснуть, не будем больше безделушки, которая так дешево стоит в магазинах, но так дорога для нашей ответственности.

“В будущем любой, кто не сможет доказать свое право носить знаки отличия своего

номинального звания или добавит к обычной форме Национальной гвардии бирки, кружева или другие напрасные отличия, будет подлежать наказанию.

“Я пользуюсь этим случаем, чтобы напомнить каждому из вас о необходимости абсолютного повиновения властям, ибо, повинувшись тем, кого вы избрали, вы повинуетесь только самим себе.

“Военный делегат”,

“Париж, 7 апреля 1871 г.,

(Подпись) “Э. КЛЮЗЕРЕ”.

LXXII.

Предположим, что переодетый мужчина приходит на бал в опере в состоянии алкогольного опьянения, мечется туда-сюда, жестикулируя, оскорбляя женщин, насмехаясь над мужчинами, выключает газ, затем поджигает некоторые шторы, пока не поднимется такой шум и крик, что его выставят вон. После чего наша маска сбегает к ближайшему костюмеру, сменит свой клоунский наряд на панталоны и возвращается в оперу, чтобы возобновить свои старые трюки, говоря: “Я сменил платье, меня никто не узнает”. Но он ошибается, нет никаких сомнений в его способе ведения бизнеса.

Толпа окружает его и кричит: “Мы узнали тебя, *beau masque!*” и если у него хватило неосторожности запереть двери, они выбрасывают его из окна.

Мы узнаем вас, Исполнительная комиссия;^[77] напрасно вы рядитесь в окровавленные лохмотья Комитета общественного спасения, вы по-прежнему остаетесь самим собой, вы по-прежнему Феликс Пье, вы по-прежнему Ранвье, вы никогда не переставали быть Жерарденом; вы надеетесь, что под этим мрачным костюмом вам будут повиноваться с большей готовностью, но вы ошибаетесь. Прикажи нам идти сражаться, и мы не сдвинемся с места; преследуй нас, и мы вряд ли убежим; посади нас в тюрьму, и мы будем только смеяться. Ты наводишь Ужас не больше, чем актер Хиль-Перес - Тальма; удары, которые ты получаешь, сбили твой фальшивый нос; напрасно ты издаешь указы, грабишь, сажаешь в тюрьму; ты слишком гротескен, чтобы быть ужасным. Даже если бы вы довели пародию до конца и сочли нужным соорудить гильотину и наточить нож, мы бы даже тогда отказались смотреть на вас серьезно, и если бы мы увидели, как одна за другой пятьсот голов падают в корзину, мы все равно продолжали бы думать, что ваш топор был деревянным, а гильотина картонной!

DUPONT, DELEGATE OF TRADE AND COMMERCE.

Дюпон, представитель министерства торговли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[77] Событие 30 апреля сильно разочаровало руководителей восстания, которые издали указ о создании Комитета общественной безопасности и привели к исчезновению Кюзере. “Из-за неспособности и небрежности Военного делегата, - заявили они, - который едва не лишился владения фортом Исси, Исполнительная комиссия сочла своим долгом предложить арест гражданина Кюзере, что и было немедленно санкционировано коммуной”.

LXXIII.

В Парижском *официальном журнале* говорится: “Члены Коммуны не подлежат никакому иному суду, кроме своего собственного” (суда Коммуны). Ах! в самом деле, люди из Ратуши, вы воображаете это, не так ли? Вы забыли, что существуют такие трибуналы, как военный трибунал и присяжные?

LXXIV.

Мсье Росселю действительно очень не повезло! Что такое Мсье Россель?^[78] Да ведь временный преемник гражданина Кюзере. Было неплохой идеей вставить слово

временный. Коммуна доверила ему ведение военных дел, которые он принял, но со снисходительным видом. Этот “Коммуне” выглядит для меня аристократом. Во всяком случае, ему не повезло. Едва он взял на себя защиту Парижа, как редут Мулен-Саке был захвачен версальцами врасплох. Этот несчастный случай не был рассчитан на то, чтобы повысить мужество федералов. Все это дело держалось в тайне, насколько это было возможно, но привратник дома, где я живу, который был там, рассказал мне странные вещи.

“ Поверите ли, месье, я только что закончил партию в карты с капитаном и собирался немного поспать, потому что было около одиннадцати часов, когда мне показалось, что я слышу что-то похожее на шум марширующих войск. Я огляделся, чтобы посмотреть, не услышал ли это кто-нибудь, кроме меня, но мужчины уже спали, а вокруг палаток торчал круговой ряд сапог. Капитан сказал: ‘Осмелюсь предположить, что это патруль с улицы Вильжюиф’. — ‘О да, - сказал я, ‘ с баррикады”, - и я заснул, не думая об опасности. На самом деле, казалось, бояться было нечего, поскольку из Мулен-Саке открывается вид на всю равнину, простирающуюся от Витри до Шуази-ле-Руа и от Вильжюифа до Сены. Человек не мог подойти к редуту незамеченным часовым. Поэтому я проспал несколько минут, когда меня разбудил следующий диалог: ‘Стой! кто там идет?’ — ‘Патруль’. — ‘Капрал, вперед!’ — О! - сказал я себе. - Это наши товарищи пришли навестить нас; до утра будет выпито несколько коктейлей, и я встал, чтобы пойти и поприветствовать их. Капитан тоже был на ногах. ‘ Пароль! ’ крикнул он. Начальник патруля вышел вперед и ответил— ‘Месть!’ Помню, в тот момент я удивился, почему он говорил так громко, произнося пароль, как вдруг я увидел, как трое мужчин бросились вперед, схватили нашего капитана и повалили его на землю. В то же время двести или триста человек, одетых как национальные гвардейцы, ворвались в лагерь, бросились со штыками на спящих артиллеристов, а затем дали несколько залпов по палаткам, где спали наши бедные товарищи. То, что я сначала принял за Национальную гвардию, было всего лишь переодетыми дьяволами из *sergents-de-ville*! Итак, вы видите, поскольку это был каждый сам за себя и большая дорога для всех, я просто бросился ничком и позволил себе упасть в окопы. Я не боялся, что шум моего падения будет услышан во время беспорядков. Мне удалось довольно хорошо спрятаться в яме, которую я там нашел и которая, несомненно, была проделана снарядами. Я ничего не мог видеть, но слышал все, что происходило. Щелк! щелк! щелк! раздались выстрелы, похожие на щелканье кнута, на которые ответили самые жалобные крики раненых. Я слышал также скрежет колес и убедился, что они забирают наши ружья, грабители! Когда все стихло, кроме стонов умирающих, я выполз из своего укрытия. Вы не поверите, месье, я был единственным, кто мог стоять на ногах; версальцы забрали всех, кто не убежал или не был ранен; я видел, как они, вороватые разбойники, удирали в сторону Витри со всей скоростью, на какую были способны их ноги!”

“Вы понятия не имеете, лейтенант, - сказал я портье, — как ”версальцы“ узнали пароль?” - “Нет, только капитан, который достаточно честный парень, но, пожалуй, слишком любит бутылку, отправился вечером на Орлеанскую дорогу, где много винных лавок ...” — “И вы думаете, он напился и сообщил пароль какому-нибудь шпиону?” — “Я бы не поклялся, что он этого не делал; но в чем я уверен больше, так это в том, что нас предали!”

Увы! да, несчастные, вас предали, но не так, как вы думаете. Вас обманывают эти безумцы и преступники, которые заняты публикацией декретов в Ратуше, в то время как вы десятками умираете в Исси, Ванве, Монруж, Нейи и Мулен-Саке; они предают вас, когда говорят о роялистах и империалистах; они обманывают вас, когда говорят, что победа неизбежна и что даже поражение было бы славным. Я говорю вам, что победа невозможна, и что ваше

поражение будет лишено чести; ибо когда вы падали, крича: “Да здравствует Коммуна!” “Да здравствует Республика!” Коммуну зовут Феликс Пье, а Республику - Верморель.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[78] Полковник Россель был одним из самых способных членов правительства коммуны. Он родился в 1844 году и был сыном коменданта Луи Росселя, офицера, получившего высокую репутацию во время китайской войны. Молодой Луи Россель получил хорошее военное образование в Пританее Ла Флеш, а затем в Политехнической школе, в последнем учебном заведении он получил высокие оценки. Он служил капитаном инженерных войск в армии Меца и был одним из офицеров, подписавших протест против капитуляции Базена. Ему удалось ускользнуть от бдительности пруссаков, и он появился в Туре, чтобы предложить свои услуги Правительству национальной обороны. Гамбетта, тогдашний военный министр, присвоил Росселю звание полковника так называемой вспомогательной армии. После подписания предварительных мирных соглашений новое правительство отказалось утвердить повышение, предоставленное Гамбеттой, но предложило Росселю звание майора. Это серьезно оскорбило бывшего полковника бывшего диктатора, который вскоре после десятого марта предоставил свой меч в распоряжение Коммуны. Сначала он был назначен начальником штаба генерала Кюзере, которого впоследствии заменил на посту военного делегата. 16 апреля он стал председателем коммунистического военного трибунала; он действовал с большой энергией во всех военных делах до 10 мая, когда коммуна отдала приказ о его аресте.

Chapelle Expiatoire.

LXXV.

Проклятие человеку, выдумавшему этот указ; проклятие ассамблее, утвердившей его; и проклята рука, которая первой коснется камня на этой могиле! О, поверьте мне, я не принадлежу к числу тех, кто сожалеет о временах королевских прерогатив и кто верит, что все было бы хорошо в самой мирной стране в мире, если бы Людовик XVII только унаследовал трон после своего отца, Людовика XVI. Автор революции 1798 года знал, на что шел, умножая такие ужасные катастрофы. Имя этого автора было Непогрешимой Необходимостью. На самом деле я вполне готов признать, что ленивый муж Марии-Антуанетты не обладал ни одним из тех качеств, которые делают короля великим, и я даже добавлю, если вы того пожелаете, что сам факт того, что вы король, является преступлением, достойным тысячи смертей. Что касается самой Марии—Антуанетты - “австрийки”, как *назвал бы ее отец Дюшен*, — я допускаю, что в истории она не столь любезна, какой предстает в романах Александры Дюма, и что ее близкое родство с королевой Каролиной-Марией, чьи маленькие ужины в Неаполе в компании леди Гамильтон хорошо известны, дает некоторое оправдание клевете, объектом которой она была. Достаточно ли я сказал, чтобы не стать получателем, в случае реставрации династии Бурбонов, самой скромной пенсии, которая когда-либо выдавалась из королевской казны? Что ж, несмотря на то, что я сказал, и несмотря на то, что я думаю, я повторяю: “Не прикасайтесь к этой могиле!” Подобно Вандомской колонне, которая является символом героической и ужасной эпохи в истории, часовня Искупления^[79] является памятью о старом монархическом правлении, эпохе, которая не была лишена ни печали, ни чести для Франции. Разве вы не можете быть республиканцем, не подавляя историю, которая была роялистской? Последние останки монархии покоятся с миром под этим мрачным памятником; пусть его уважают, как мы уважаем прах тех, кто уважал его; а вы, разрушители образов, осквернители былой славы, не боитесь ли вы, исполняя свой указ, произвести эффект, диаметрально противоположный тому, которого вы желаете? Преследуя королей даже в месте их последнего упокоения, вы не боитесь вызвать жалость, возможно, сожаление, у тех, чья совесть все еще колеблется? В интересах Республики, говорю я, берегите себя! Память о мертвых восходит из открытых могил!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[79] Эта часовня была возведена Людовиком XVIII на том месте, где во время революции 1793 года были безвестно захоронены останки Людовика XVI и его королевы.

LXXVI.

Радуйтесь, бедные домохозяйки, которым в дни бедности приходилось относить на гору Мон-де-Пьете^[80] выцветшие остатки вашего свадебного платья или воскресного халата вашего мужа; радуйтесь, ремесленники, которым после целого дня тяжелого труда ваша постель показалась такой жесткой с тех пор, как ваш последний матрас был доставлен на улицу Бланманто, чтобы застелить вашу последнюю пару простыней. Коммуна постановила, что “все предметы, заложенные в Монт-де-Пьете, на сумму, не превышающую двадцати франков, должны быть безвозмездно возвращены всем лицам, которые докажут свое законное право на указанные предметы”. Благодаря этому великодушному указу теперь вы можете надеяться, что вещи, которые вы заложили, будут возвращены вам в течение трехсот-четырехсот дней!

Сосчитайте по пальцам; количество статей, на которые распространяется действие указа, составляет не менее 1 200 000. Поскольку есть только три офиса, в которые могут обратиться заявители, и, учитывая формы, которые необходимо соблюдать, я не думаю, что ежедневно можно возвращать более трех тысяч предметов; Коммуна говорит о четырех тысячах, но коммуна не знает, о чем говорит. Однако, даже если мы подсчитаем четыре тысячи в день, все это займет десять или двенадцать месяцев.

В это время мужчинам и женщинам, которых бедность задолго до этого наставила на путь к Мон-де-Пьете, приходилось рано вставать, пренебрегать повседневной работой, которой они живут, и идти и стоять в ожидании своей очереди в офисе, замерзая зимой, запекаясь летом, радуясь возможности немного отдохнуть на одной из деревянных скамеек в большом пустом зале; а когда они пробыли там долгое, утомительное время, увидеть, как их число, определяемое по жребию, откладывается на следующий день или послезавтра, или, возможно, на неделю или месяц позже.

Тем не менее, мы не должны винить Коммуну за печальное разочарование от этой долгой задержки, сократить ее было бы невозможно. Одна вещь, которая менее невозможна, - это возместить администрации Мон-де-Пьете эту безвозмездную реституцию. Гражданин Журд, уполномоченный по финансам, говорит: "Я буду давать 100 000 франков в неделю". Не останавливаясь на том, откуда этот способный политический экономист собирается получать свои еженедельные 100 000 франков, я ограничусь замечанием, что эта сумма никоим образом не покроет убытки Мон-де-Пьете и что Коммуна будет раздавать милостыню только из кошельков других людей. Однако, если благодаря этому указу несколькими беднякам будет предоставлена возможность получить обратно те товары и движимое имущество, от которых они были обязаны избавиться в трудную минуту, особых причин для жалоб не будет. Мон-де-Пьете обычно ведет очень хороший бизнес, и в Париже всегда найдется достаточно нищих, чтобы на них разбогатеть. Кроме того, Коммуна обязана бедным раненым, изуродованным, умирающим парням, которых привезли из Нейи и Исси, по крайней мере, матрасом, на котором они могли бы умереть с некоторым комфортом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[80] Государственные ломбардные учреждения. Все операции с ломбардами осуществляются правительством.

LXXVII.

Они поместили их в тюрьму Сен-Лазар. Кого? Монахинь монастыря Пикпюс. Они поместили их туда, потому что они были арестованы. Но почему их арестовали? Это то, что сам месье Риге не смог внятно объяснить. Некоторые монахини старые. Они долго жили в уединении и только сменили камеры; будучи пленниками Небес, они стали пленниками гражданина Мутонна. И в таком жалком месте, бедные безобидные души! Виктор Гюго сказал, говоря об этой ужасной тюрьме: "Сен-Лазар! мы должны разрушить это здание". Да, позже, когда у нас будет время; сейчас мы должны снести Вандомскую колонну и часовню Искупления. А пока эти бедные дамы очень опечалены. Один из моих друзей пошел навестить их; у них нет ни молитвенников, ни распятия; у них забрали даже амулеты, которые они носили на шее. Вам, граждане Коммуны, это кажется ерундой. Вы люди передовых взглядов. Распятие для вас так же важно, как рыба яблоко; и, возможно, вы правы. Вы изучили этот вопрос и вечером, глядя на звезды, говорите: "Бога нет". Но вы должны понимать, что с этими бедными монахинями дело совсем в другом. Они не читали философских трактатов; они все еще верят, что

Всемогущий сотворил мир за шесть дней и что Сын умер на кресте ради мира. Когда они были свободны, или, скорее, когда они находились в тюрьме по своему собственному выбору, они молились утром, они молились в полдень, они молились ночью и прерывали это самое пагубное занятие только для того, чтобы научить бедных маленьких девочек, что хорошо быть добродетельными, честными и благодарными, и что Небеса вознаграждают тех, кто поступает правильно. Это было их занятием, бедные простые души, и за это вы отправили их в Сен-Лазар. Вам следовало выбрать другую тюрьму, поскольку их присутствие, должно быть, неприятно обычным обитательницам этого места женского пола. Но ни там, ни где-либо еще они не жалуются; они только просят молитвенник и деревянное распятие. Пойдемте, гражданин делегат бывшей префектуры, на одну маленькую уступку, и, если это не поставит под угрозу будущее Республики, поставьте им крест. Крест - это всего лишь два куска дерева, наложенных один на другой. Я обещаю вам, что в лесу будет достаточно дров в тот день, когда честные люди решат потренировать свои мускулы на ваших спинах, вы, задиристые надсмотрщики за рабами!

LXXVIII.

После Бержере пришел Кюзере; после Кюзере - Россель. Но Россель только что подал в отставку. Моя идея состоит в том, что мы должны вернуть Кюзере, что мы можем получить Бержере и так далее, если только мы не предпочтем броситься в распростертые объятия генерала Лулле. Выбор другого генерала для обороны Парижа, однако, не мое дело; и Коммуна, султан без фаворита, может бросить свой носовой платок, если ему заблагорассудится, нежному Делеклюзу, как некоторые говорят, у него есть намерение — у меня нет ни малейших возражений. Почему бы Делеклюзу^[81] не быть превосходным генералом? Он журналист, а какой журналист не знает о военных делах больше, чем Наполеон I или сам фон Мольтке? Тем временем мы носим траур по нашему третьему Военному делегату, и мы больше не увидим Росселя на его темном гнедом коне, скачущего галопом между Вандомской площадью и фортом Монруж. Он только что написал следующее письмо членам коммуны:

Quelle Gourmande! Париж за столом.

Официант, еще два или три тушеных генерала. — У нас они закончились. — Очень хорошо, тогда дюжину полковников в соусе из каперсов. — Дюжину? — Да: напрямую!!

“ГРАЖДАНЕ, ЧЛЕНЫ КОММУНЫ, получив от вас поручение Военного министерства, я чувствую, что больше не способен нести ответственность за командование, в котором все совещаются и никто не подчиняется.

“Когда возникла необходимость организовать артиллерию, Центральный комитет артиллерии совещался, но ничего не было сделано. После месячной революции это служение продолжается только благодаря энергии очень небольшого числа добровольцев.

“При моем назначении в министерство я хотел продолжить поиски оружия, реквизицию лошадей и преследование непокорных граждан; я попросил помощи у Коммуны.

“Коммуна обсуждала, но не принимала никаких решений.

“Позже пришел Центральный комитет и предложил свои услуги Военному министерству; я принял их самым решительным образом и передал его членам все имевшиеся у меня документы, касающиеся его организации. С тех пор Центральный комитет совещался и ничего не предпринял. В течение этого времени враг умножил свои отважные атаки на форт Исси; если бы в моем распоряжении были хотя бы самые маленькие военные силы, я бы наказал их за это.

“Гарнизон, которым плохо командовали, обратился в бегство; офицеры посовещались и отослали из форта капитана Дюмона, энергичного человека, которому было приказано командовать ими. Все еще раздумывая, они эвакуировали форт, после того как по глупости заговорили о том, чтобы взорвать его, — для них это было так же трудно, как и защищать его.

“Даже этого было недостаточно. Вчера, когда все должны были быть на работе или сражаться, вожди обсуждали другую систему организации, отличную от той, которую я принял, чтобы восполнить недостаток предусмотрительности и авторитета. Результатами их

совета стали проект "Когда нам нужны мужчины" и декларация принципов, когда нам нужны действия.

“Мое возмущение вернуло их к другим мыслям, и они пообещали мне на сегодняшний день самые большие силы, которые они только могли собрать, — организованные силы численностью не более 12 000 человек. С ними я отправился в поход на врага. Эти люди должны были собраться в одиннадцать часов: сейчас час дня, и они не готовы, а обещанные 12 000 человек сократились примерно до 7000, что совсем не одно и то же.

“Таким образом, полная бесполезность артиллерийского комитета препятствовала организации артиллерии; нерешительность Центрального комитета остановила все мероприятия; мелкие дискуссии офицеров парализуют сосредоточение войск.

“Я не из тех, кто возражает против применения насилия. Вчера, пока вожди совещались, во дворе их ждала компания мужчин с заряженными ружьями. Но я не хотел брать на себя инициативу принятия столь энергичных мер или навлекать на себя позор таких казней, которые были бы необходимы, чтобы вырвать послушание и победу из такого хаоса. Даже если бы я был защищен публичностью своих действий, мне не нужно было отказываться от своего положения.

“Но у Коммуны не хватило мужества противостоять публичности. Дважды я желал дать некоторые необходимые объяснения, и дважды, вопреки моему желанию, оно настаивало на тайном совете.

“Мой предшественник был неправ, оставаясь в столь абсурдном положении.

“Просвещенный его примером и знающий, что сила революционера заключается только в ясности его позиции, у меня есть только две альтернативы: либо разорвать цепи, которые препятствуют моим действиям, либо уйти в отставку.

“Я не разорву цепи, потому что эти цепи — вы и ваша слабость, - я не трону суверенитет народа.

“Я ухожу в отставку и имею честь просить о келье в Мазасе.

“РОССЕЛЬ”.^[82]

Делеклюз, военный делегат. ^[83]

Совершенно определенно мне не нравится Парижская коммуна в том виде, в каком ее понимают жители Отель-де-Виль. Обманутый сначала моими собственными иллюзорными надеждами, я теперь уверен, что нам нечего ожидать от этого, кроме безумия за безумием, преступления за преступлением. Я ненавижу это из-за запрещенных газет, из-за заключенных журналистов, из-за священников, запертых в Мазасе, как убийцы, из-за монахинь, запертых в Сен-Лазаре, как куртизанки; Я ненавижу это, потому что это подстрекает к преступлению гражданской войны тех, кто был бы готов сражаться против пруссаков, но кто не хочет сражаться против французов; я ненавижу это из-за отцов семейств, отправленных в бой и на смерть; из-за наших разрушенных крепостных валов, из-за наших разобранных фортов, каждый камень которых, когда он падает, ранит или разрушает; из-за того, что они были убиты. об овдовевших женщинах и осиротевших детях, которым они никогда не смогут дать пенсию, несмотря на свои указы; я не могу простить им ни ограбления банков, ни денег, вымогаемых у железнодорожных компаний, ни ссудных паев, проданных меняле в Льеже; Я ненавижу это из-за шпионки Клеменс и сумасшедшего Алликса. Мне жаль думать, что два или три умных человека оказались замешаны в этом и должны разделить его падение. Я ненавижу его особенно из-за справедливых принципов, которые он когда-то олицетворял, и замечательных и плодотворных идей муниципальной независимости, которые он не смог честно реализовать и которые из-за эксцессов, совершенных от их имени, возможно, навсегда потеряют все шансы на победу. И все же, как ни велик мой ужас перед этой пародией на правительство, которому мы были вынуждены

подчиняться почти два месяца, я не мог избавиться от чувства отвращения, прочитав письмо гражданина Росселя. Это письмо написано заглавными буквами, твердо, кратко, окончательно, оно полностью отличается от напыщенных, невразумительных документов, к которым привыкла Коммуна; и, кроме того, оно проливает свет на несколько деталей, которым я рад, потому что это позволяет мне надеяться, что правлению наших тиранов близится конец. Я рад слышать, что коммуна, если и располагает артиллерией, испытывает нехватку артиллеристов. Мне приятно узнать, что они могут располагать только семью тысячами бойцов. Я опасался, что это позволит убить еще очень многих; а что касается того, что гражданин Россель говорит о комитетах и офицерах, которые обдумывают, но не действуют, то это самая приятная новость, поскольку она убеждает меня, что Коммуна не в силах долго продолжать войну, которая может привести лишь к гибели Парижа; и все же я крайне не одобряю письмо гражданина Росселя, потому что это с его стороны акт предательства, и не дело друзей и слуг Коммуны раскрывать ее недостатки и демонстрировать ее слабости. Кто вынудил Росселя, начальника штаба, занять место своего генерала, опозоренного и заключенного в тюрьму? Разве он не согласился добровольно на должность, трудности которой он уже осознал? Он сам говорит, что его предшественник был неправ, оставаясь в столь абсурдном положении, и почему он добровольно поставил себя туда, где обвинял другого в том, что тот остался? Если новый делегат надеялся с помощью собственного ума изменить позицию, он не должен, поскольку позиция остается прежней, обвинять кого-либо, кроме своей собственной неспособности. Короче говоря, вывод, к которому мы приходим, состоит в том, что он принял власть только для того, чтобы иметь возможность эффектно сбросить ее, подобно Катону, который ходил в публичные театры только для того, чтобы в спешке покинуть это место в тот момент, когда публика вызывала актеров перед занавесом. Не имея возможности или, возможно, желания спасти Коммуну, мсье Россель пожелал спасти себя за ее счет. В этом есть что-то неджентльменское. Не воображайте, однако, ни на минуту, что я верю в то, что М. Россель был куплен М. Тьер. Все эти нелепые истории о денежных суммах, которые были предложены членам Коммуны, являются всего лишь абсурдными выдумками.^[84] Как ты думаешь, что они говорят о Кюзере? Что у него была привычка завтракать в кафе д'Орсе, а после играть в домино. Сообщается, что однажды его противник сказал ему: "Если ты передашь форт Монруж Версалю, я дам тебе два миллиона". Какими же дураками должны быть люди, чтобы верить в подобную нелепость! Россель не продавал себя по той очень веской причине, что никому и в голову не приходило его покупать. Это была его собственная идея - сделать то, что он сделал. Ради удовольствия быть наглым и демонстрировать свою смелость, он низвергнул с пьедестала то, что обожал, следовательно, самый преступный из членов Коммуны, некогда мошенник, а теперь воришка, волен сказать господину Росселю, который, как мне сказали, человек умный и честный: "Вы хуже меня, потому что вы предали нас!"

ПРИМЕЧАНИЯ:

[81] ПЭРИС ЗА ОБЕДОМ. — людоедка, джентльмен! Изголодавшееся создание, прекрасно питающееся; ее лицо покраснелось от вина, глаза блестели, руки дрожали. Мадам Лютеция все еще рослая женщина, с царственным видом, несмотря на красные пятна на ее тунике; правда, она несколько лишилась украшений, поскольку ей пришлось заложить большую часть своих драгоценностей, но после окончания оргии она снова станет такой, какой была раньше.

На данный момент она полностью поглощена своими гастрономическими изысками. Она уже съела бержере с горошком, Люлье с анчоусным соусом, ассорти с картофелем, Кюзере с помидорами, Россель с каперсами, не говоря уже о большом количестве мелкого жаркого, и она еще не успокоилась. *Метрдотель* Делеклюз прислуживает ей с некоторым трепетом,

с болезненной улыбкой на лице. Что, если бы после такого угощения генералов и полковников людоедка сожрала официанта?—*Фактическое сравнение дизайна из “Грело”, 17 мая 1871 г..*

[82] Он был убежден в безнадежности какой-либо дальнейшей борьбы после взятия форта Исси; подал в отставку и спрятался, чтобы избежать мести своих бывших коллег. Предполагалось, что он находится в Англии или Швейцарии, тогда как на самом деле он бежал не дальше бульвара Сен-Жермен. Он был арестован полицией девятого июня под видом служащего Северной железной дороги. Сначала его допросили в Малом Люксембурге, а затем в наручниках доставили в Версаль, где через три дня после этого он предстал перед военным трибуналом и был приговорен к военной деградации и смертной казни.

[83] Дикая жизнь Делеклюза началась в Дре в 1809 году. Изгнанный из дома из-за своего плохого поведения, он приехал в Париж и получил работу в адвокатской конторе, откуда, как говорят, очень скоро был уволен за ограбление. В 1834 году он подвергся первому из своего длинного списка тюремных заключений за участие в апрельской революции, а в следующем году, будучи скомпрометированным в заговоре против безопасности государства, он укрылся в Бельгии, где получил должность редактора *Courrier de Charleroi*. В 1840 году он вернулся в Париж, где основал журнал под названием "*Революция демократическая и социальная*", который принес ему пятнадцать месяцев тюремного заключения и двадцать тысяч франков штрафа. После длительного периода свободы, длившегося почти восемь лет, Высокий суд приговорил его к высылке, но приговор был вынесен в его отсутствие, поскольку он ускользнул в Англию, где оставался до 1853 года. По возвращении во Францию в том же году он был немедленно заключен в тюрьму в Мазасе, затем переведен на Бель-Иль, а затем последовательно в тюрьмы Кортэ, Аяччо, Тулона, Бреста и, наконец, в Кайенну. Это пребывание продолжалось до 1868 года, когда амнистия позволила ему вернуться во Францию, где он поспешил выпустить еще один новый журнал, *Le Reveil*, за что, конечно, очень быстро получил штрафы и тюремные заключения, по три в течение двенадцати месяцев.

В феврале 1871 года он был избран депутатом большим количеством голосов; позже, когда Собрание отправилось в Бордо, он некоторое время заседал там, а затем подал в отставку, чтобы участвовать в жизни Коммуны.

Коммуна назначила его делегатом в Военном министерстве после мнимого бегства Росселя, и на заседании 20 апреля, на котором обсуждался проект сожжения Парижа, Делеклюз закончил свою речь словами— “Если нам суждено умереть, мы дадим Свободе пищу, достойную ее”.

[84] “Только что был раскрыт заговор между Бурже из “Интернационала”, Биллиоре, членом коммуны, и Серизье, капитаном 101-го батальона повстанческой национальной гвардии. За определенную сумму денег они должны были передать порт-Исси в руки генерала версальской армии Валентина. Переход Росселя к военному министерству сорвал весь проект.

“Ночью 17 мая другая попытка того же рода потерпела неудачу. Коммунисты Бурже, Биллиоре, Мортье, Серизье и художник Пилотель, предатели своего собственного вероломного дела, должны были открыть ворота солдатам Версаля через час после полуночи на Пойнт-дю-Жур; солдаты должны были быть переодеты в Национальную гвардию. Но в назначенный час Серизье испугался и удовлетворился деньгами, которые он получил в уплату за свое предательство (двадцать пять тысяч франков), и больше ничего не

предпринимал. Когда версальские войска появились у ворот, им пришлось отступить под шквальным огнем митральез”. *Guerre des Communeux.*]

LXXIX.

Очевидец этой сцены рассказал мне следующее. В маленькой комнате отеля Hôtel de Ville за обеденным столом сидели пять человек. Трапеза была самой скромной и состояла из супа, одного мясного блюда, одного вида овощей, сыра и бутылки обычного вина каждому. Можно было бы подумать, что находишься в ресторане по два франка с человека, если бы за время осады приправы не заплесневели; кроме того, в самом запахе яств было что-то торжественное и официальное, отбивающее аппетит. Однако наши пятеро персонажей проглотили свою еду так быстро, как только смогли. Во главе стола сидел гражданин Журд. На вид Журду около двадцати восьми; у него изящный математический склад ума, каштановые вьющиеся волосы и землистый цвет лица, что-то вроде Анри Гейне из финансовой сферы. Высокий и худощавый, с красным шарфом, повязанным вокруг талии, он напоминает нам одного из участников старого съезда 89-го года. Некоторое время они сидели молча, как будто наблюдали друг за другом. Покончив с первым блюдом, Журд взял ложку, осмотрел ее и сказал: “Серебро! правда, в Ратуше есть серебро, я пошлю за ним завтра!” Один из других гостей сказал: “Извините меня, я должен ответить за это и не откажусь от этого”. — “О, нет, вы ответите, - ответил Журд, - я пришлю вам заказ из Поместья”,^[85] а затем, как будто размышляя вслух, продолжает выражать свое удовлетворение по поводу неожиданной суммы в триста тысяч франков, так сказать, на обеденном столе. Зарплата за целый день! К концу недели он сможет накопить четыре миллиона; он старается быть экономным, но война забирает все. “Вы должны, по крайней мере, уведомить меня за три дня о выплате сумм, превышающих сто тысяч франков”, - говорит он, пожимая плечами и обращаясь в первую очередь к Бесле. Затем он говорит о своих надеждах сократить прусский долг до конца года, если коммуна проживет так долго; затрагивает темы, связанные с налогами, патентами и пошлинами, “иначе банкноты стоимостью в сто франков утром будут стоить всего двадцать су вечером; денег мало, они покидают город. Я не вижу здесь много меди, но если вы оставите меня в покое, я обещаю добиться успеха”. Все это было сказано тоном самой искренней убежденности. Когда обед закончился, он поспешно поклонился и умчался, не обратив никакого внимания на то, что ему сказали. Время от времени на улицах раздавались крики, заставлявшие членов Коммуны вздрагивать, когда они сидели за своими темными занавесками. “Как ты думаешь, они могут войти?” - спросил кто-то Йоханнеса, на что он ответил: “Что за дикая идея! Делеклюз знает, что это невозможно, а Домбровски, холодный, невозмутимый человек, только смеется, когда люди упоминают об этом; не так ли, Риго?” Вслед за этим обращенный к нему персонаж, который еще не произнес ни слова, склоняет голову в знак согласия. Он выглядит молодо, несмотря на свою густую черную бороду; глаза у него слабые, выражение лица хитрое и неприятное, и выглядит он так, словно у него иногда бывают часы грубой веселости. Затем опускалась портьера или закрывалась дверь, и человек, подслушавший предыдущее, больше ничего не слышал и не видел.

Фонтейн, директор по общественным доменам и регистрации^[86]

ПРИМЕЧАНИЯ:

[85] Коммуна захватила Монетный двор и поручила гражданину Камелину, бронзовщику, изготовить золотых и серебряных монет на сумму 1 500 000 франков. Из этой суммы только 76 000 франков были спасены версальскими войсками при их вступлении. Различные изделия из золота и серебра, найденные в отеле де Монне, имели общий вес 1186 фунтов и состояли из предметов, взятых из церквей, религиозных домов и правительственных учреждений, императорской посуды и подарков городу Парижу. Все эти объекты были отправлены в хранилище Домена, где они, возможно, будут опознаны их владельцами.

[86] 18 марта Фонтейн был назначен директором по общественным доменам и регистрации. Его имя фигурирует в истории революций, эмигрантов и восстаний Парижа 1848 года. Он был профессиональным повстанцем.

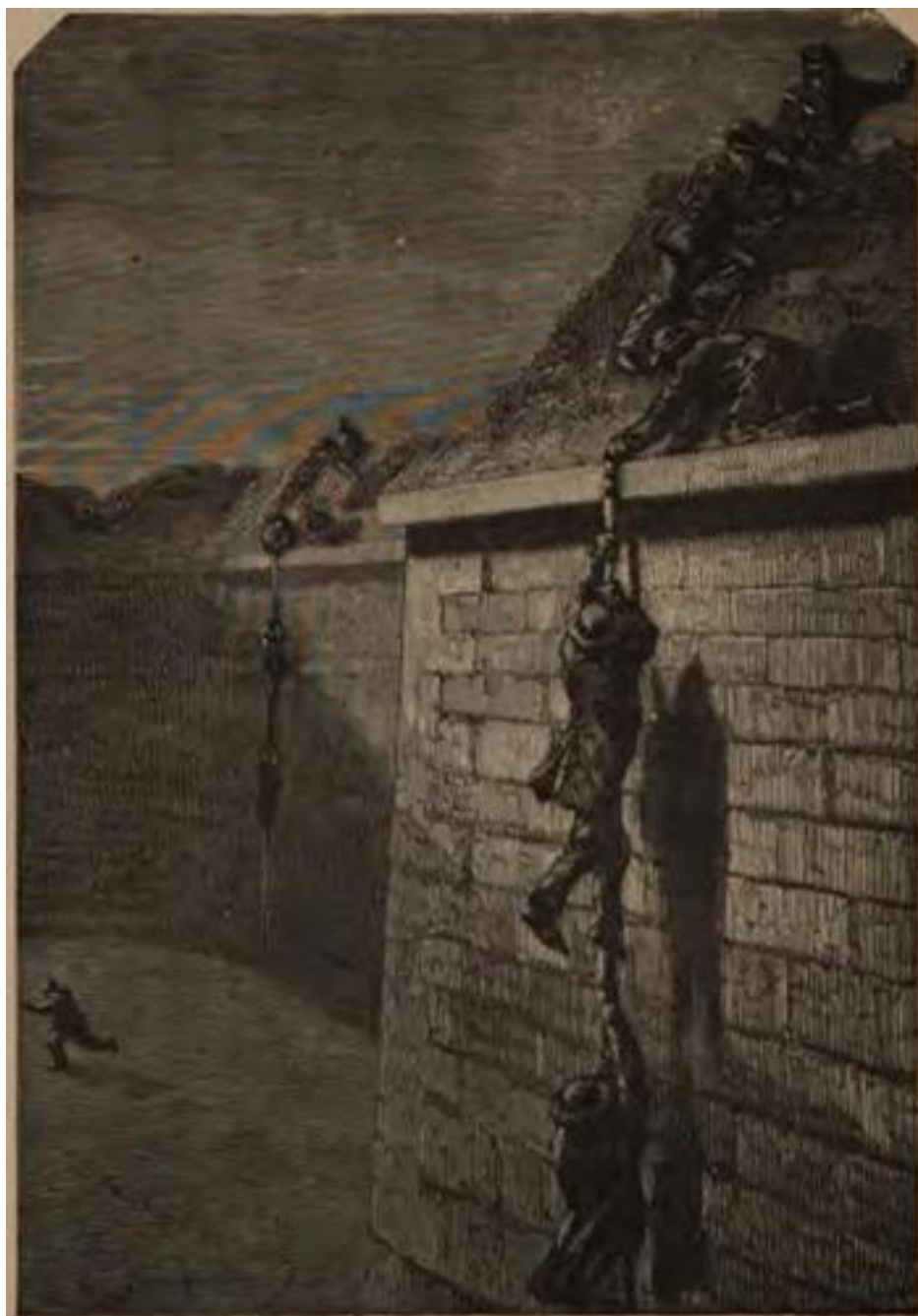
LXXX.

Я начинаю сожалеть Кюзере. Он был нетерпелив, особенно в речи. Он говорил: “Каждый человек - национальная гвардия!” Но с Кюзере, как и со своей совестью, можно было примириться. Вам нужно было только ответить на указы военного делегата восторженным

“Что ж, я в восторге, на самом деле я как раз собирался просить вас отправить меня в Порт-Майо”; сделав это, вы были вольны заниматься своими делами, не опасаясь приставаний. Что же касается отъезда из Парижа, то, несмотря на закон, по которому каждый мужчина моложе сорока лет должен был оставаться в городе, ничего не было проще. Вам оставалось только отправиться на Северный вокзал и передать свой запрос гражданину, сидящему за столом за перегородкой в паспортном столе.^[87] Когда он спросил вас, сколько вам лет, вам нужно было только ответить “Семьдесят восемь”, проводя рукой по своим соболиным локонам, когда вы говорили— “Только это? Мне показалось, что вы выглядите старше”, - отвечал любезный человек, одновременно вкладывая вам в руку бумагу, на которой был написан какой-то кабалистический знак. Однажды мне взбрело в голову поехать и провести два часа в Буживале, и на моем пропуске было написано странное слово “Carnivolus”. Получив этот таинственный документ, я смог приобрести билет первого класса и вскочить в следующий отправляющийся поезд. Я был свободен, и ничто не могло помешать мне отправиться, если бы таково было мое желание, провозгласить Коммуну на Монблане или в Монако.

Как изменились времена! Комитет общественного спасения и Центральный комитет теперь объединяются, чтобы сделать жизнь бедных *réfractaires*^[88] бременем для них. Я не говорю о разоружении, в котором нет ничего особенно неприятного, поскольку безоружный человек явно может питать надежду, что его не пошлют на битву. Но есть и другие вещи, и я действительно не возражаю против того, чтобы несколько дней побыть немного старше восьмидесяти. Визиты по месту жительства стали очень частыми. Четверо национальных гвардейцев входят в дом первого попавшегося гражданина и вежливо или как-то иначе объясняют ему, что его строгий долг - отправиться в окопы под Ванвом и убить как можно больше французов. Если гражданин сопротивляется, его уводят и говорят, что за его сопротивление он будет удостоен чести быть поставленным во главе своего батальона при первом же столкновении. Эти визиты часто заканчиваются насилием. Мне сказали, что на улице Удино молодой человек получил жестокий удар штыком за то, что воспротивился приказу капрала; и поскольку подобные случаи нередки, нельзя сказать, что *рефрактеры* жили в мире и комфорте. Они подвержены постоянному террору, кислый вид их *консьержа* внушает им опасения, что он может быть одним из членов Коммуны. Что касается отхода ко сну, то об этом не следует думать; именно в ночные часы Коммунальные агенты особенно активны. Эта необходимость сменить место жительства привела к тому, что у некоторых Амелий, Розалин и других дам, похожих по описанию, на карточках карандашом были написаны слова “Гостеприимство для *рефрактеров*”. Мужчины, которые отказываются воспользоваться такими возможностями, вынуждены ходить из отеля в отель, называя вымышленные имена, с подозрением относясь к официантам и просыпаясь при малейшем звуке, думая, что это топот ног, поднимающихся по лестнице, или грохот мушкетов на площадке. Позавчера несколько *рефрактеров*, набравшись храбрости отчаяния, направились к воротам Сент-Уэн — “Вы нас выпустите?” - спросили они командира, который ответил категорически отрицательно; после чего отряд, насчитывавший триста человек, напал на капитана и его людей, которых они обезоружили, и через пять минут они свободно бежали по полям.

Другие прибегают к более мягким средствам подкупа: обращаются в винные лавки Бельвиля, где ведут себя любезно во всех отношениях и вскоре преуспевают в дружеской беседе с некоторыми из наименее свирепых местных федералов.

Мошенники , сбежавшие из Парижа

“ Во вторник вы дежурите у ворот ла Шапель?— Почему же, да.— “Чтобы вы могли очень легко выпустить товарища, который хочет съездить с визитом в Сен-Дени?” — “Об этом не может быть и речи; другие помешали бы мне или донесли на меня капитану”. — “Вы думаете, с капитаном ничего нельзя сделать?” — “О! нет, он убежденный патриот, он такой!” — “Как это утомительно; и мне особенно хотелось поехать в Сен-Дени во вторник вечером. Я бы с радостью отдал двадцать франков из собственного кармана ради небольшой прогулки за пределами укреплений”.— “Есть только один способ”. — “И как же это?” — “Тебя не очень волнует, что можно выйти через дверь, не так ли?” — “Ну, нет; чего я хочу, так это выбраться наружу”. — “О! тогда послушай меня; приходи в Ла-Шапель рано вечером во вторник и пройдишь взад и вперед по крепостному валу. Я постараюсь быть на дежурстве в восемь часов и присматривать за тобой. Когда я увижу тебя, я постараюсь не говорить *“Да здравствует”*.”— “Это достаточно просто; и что потом?”— “Ну, тогда я обвяжу тебя толстой веревкой, которая, конечно, будет у тебя с собой!” — “Дьявол!” — “И я брошу тебя в

траншею”. — “Клянусь Юпитером! Это будет прыжок”. — “О! Я сделаю это очень осторожно, не причинив тебе вреда. Я позволю тебе тихо соскользнуть по стене”. — “Хм!” — “Когда ты достигнешь земли внизу, в одно мгновение ты сможешь подняться и уйти в темноту. Ты согласен? Да или нет? — “Я, конечно, предпочел бы уехать из города в карете, запряженной шестеркой, но, тем не менее, я согласен”.

В целом, этот план работает превосходно. Говорят, что федеральные власти Бельвиля и Монмартра получают неплохой доход от такого рода бизнеса. Иногда, однако, план удается лишь наполовину, и либо веревка обрывается, либо Федерал считает, что ему может с успехом удастся согласовать свои интересы со своим долгом, послав мяч вслед сбежавшему рефрактеру.

Маскировка тоже в порядке вещей. Поэту, чьи стихи с энтузиазмом принимались в "Комеди Франсез" во время осады, удалось сбежать благодаря чиновнику Северной железной дороги, который одолжил ему свое пальто и кепку. Другой поэт - они изобретательная раса — задумал план большей смелости. Однажды на бульваре он подозвал фиакр, предварительно позаботившись выбрать кучера почтенного возраста: “*Cocher*, поезжай на улицу Монторгей, в лучший ресторан, какой только сможешь найти”. По дороге поэт рассуждал про себя так: “У этого кучера в кармане, как и у всех них, Общественный паспорт, который позволяет ему выезжать и приезжать в Париж, когда ему заблагорассудится; вспомните четвертый акт моей последней мелодрамы, и я спасен”.

Такси остановилось перед приличным рестораном неподалеку от ресторана Филиппа. Молодой человек вошел, попросил отдельную комнату и велел официанту прислать кучера, так как ему нужно ему что-то сказать, и нанять мальчика подержать лошадь. Кучер вошел в комнату, где был накрыт готовый завтрак.

- А теперь, кучер, я задержу вас на весь день, так что не откажитесь выпить со мной стаканчик, чтобы подкрепить силы.

Через час после того, как поэт и кучер позавтракали как старые друзья, шесть пустых бутылок свидетельствовали о том, что ни тот, ни другой вряд ли умрут от жажды. Поэт внутренне ворчал про себя, думая о трех бутылках "Кло-Вужо", одной "Леовиля", двух "Мулен-о-Вэн", которые были выпиты, а этот парень еще не напился. Затем он решил прибегнуть к более надежным средствам и подозвал официанта, чтобы тот принес шампанское. “Бесполезно, молодой человек”, — засмеялся кучер, который, по крайней мере, был знаком, если не был пьян. “Шампанское ничего не изменит; если вы рассчитывали на это, чтобы получить мой паспорт, вы не учли вашего хозяина!” - “Черт возьми, я это сделал!” - воскликнул бедный молодой человек, в ужасе видя, что его план проваливается, и думая о том, какой огромный счет ему придется оплатить ни за что. “Другие уже пробовали, но я наполовину проснулся”, - сказал кучер и добавил, опустошая последнюю бутылку в свой стакан: “Дайте мне две монеты по десять франков, и я провожу вас”. “Как я могу быть достаточно благодарен?” — воскликнул поэт, хотя на самом деле он чувствовал себя несколько униженным, обнаружив, что грандиозная сцена в его четвертом акте не удалась. - “Позовите официанта и оплатите счет”. Был вызван официант, и счет оплачен со вздохом. “Теперь дай мне свой пиджак”. — “Мой пиджак?” — “Да, эта бархатная штука у тебя на спине”. Поэт сделал, как ему было велено. “Теперь ваш жилет и брюки.— Мои брюки! О, ненасытный кучер!” — “Поторопись, а не то я отведу тебя в ближайшее караульное помещение для проклятого рефрактера, каковым ты и являешься”. Одежда была немедленно отдана. “Очень хорошо; теперь возьми мою, переоденься в нее, и пошли”. В то время как молодой человек с решительным отвращением надевал одежду кучера, последнему удалось втиснуть свою тяжеловесную

фигуру в одежду поэта. Покончив с этим, они вышли. “Забирайся на козлы”. — “На козлы?” — “Да, идиот, - сказал кучер, становясь все более и более фамильярным. “ Я собираюсь сесть в кэб, а теперь вези меня, куда тебе заблагорассудится”. План увенчался полным успехом. У ворот Шатийон переодетый поэт предъявил свой паспорт, и национальный гвардеец, заглянувший в окно кареты, воскликнул: “О, он может проехать; он может быть моим дедушкой”. Кэб перевалил через подъемный мост, и именно таким образом М..., —ах! Я как раз собирался выпустить кота из мешка — именно таким образом наш молодой поэт нарушил закон коммуны и ухитрился в тот же вечер отобедать в версальском отеле “Резервуар” с депутатом от правой партии по левую руку от него и депутатом от левой партии по правую руку от него.

Должен ли я уйти? Почему бы и нет? Особенно ли мне хочется, чтобы однажды утром меня заперли в какой-нибудь казарме или вопреки моей воле отправили на передовые посты? Мое положение *рефрактера* ощутимо усугубляется тем фактом, что я нахожусь в довольно опасном районе. Последние несколько дней я был несколько удивлен испытующими взглядами, которые всегда бросают на меня соседи, когда мы встречаемся на улице. Я сказал своему слуге попытаться выяснить, кто этот человек. Великие небеса! этот мой хмурый сосед — Жерарден, Жерарден из Коммуны! Добавьте к этому тот опасный факт, что наш *консьерж* является лейтенантом федерального батальона, и у вас будут все основания считать меня самым неудачливым из *réfractaires*. Впрочем, какое это имеет значение? Я решаю остаться; я останусь и увижу конец, даже если ужасный Пай и сладкий Верморель будут жить со мной под одной крышей, даже если моим *консьержем* будет сам месье Делеклюз!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[87] Указ, предусматривавший обязательную службу в маршевых ротах Национальной гвардии и учреждение военных трибуналов, посеял ужас среди населения, и тысячи людей ежедневно стекались к префектуре полиции. Иногда очередь простиралась от площади Дофин до Пон-Неф. Но вскоре после этого в ход пошли всевозможные уловки, чтобы отвлечься от исследований Коммуны, которые день ото дня становились все более энергичными и решительными после опубликования следующего декрета, шедевра слишком знаменитого Рауля Риго:

“БЫВШАЯ ПРЕФЕКТУРА ПОЛИЦИИ.

“Выдача паспортов.

“Принимая во внимание, что гражданские власти не могут способствовать неисполнению декретов Коммуны, не нарушая своих обязанностей, и что крайне необходимо предотвращать любые контакты с теми, кто ведет эту жестокую войну против нас,

“Член Комитета общественной безопасности, представитель префектуры полиции,

“Постановляет:-

“Статья 1. Паспорта могут быть выданы только при предъявлении удовлетворительных документов.

Статья. 2. Лицам в возрасте от семнадцати до тридцати пяти лет паспорта выдаваться не будут, поскольку они подпадают под действие военного законодательства.

“Статья 3. Паспорт не будет выдаваться ни одному сотруднику старой полиции или тому, кто связан с Версалем.

“Статья. 4. Любые лица, которые придут в соответствии со статьями 2 или 3 и подадут заявление на получение паспортов, будут немедленно отправлены в департамент бывшей префектуры полиции.

(Подпись) “РАУЛЬ РИГО,
Член Комитета общественной безопасности“.]

[88] Те, кто отказывается вступать в Коммуну.

LXXXI.

Великолепные новости! Я снова видел Лулле. Мы потеряли Кюзере, потеряли Росселя; Делеклюза недостаточно, и, если бы не Домбровски и Сесилия с его именем, похожим на имя примадонны, труппе Коммуны, к сожалению, не хватало бы звезд. К счастью! Лулле вернулся к нам. Что с ним стало? он писал всего семь или восемь писем в день Рошфору и Марото, насколько я могу выяснить. Как ему удавалось проявлять такую неукротимую активность, какую проявлял он сам и двести его друзей, которые в своих красных гарибальди и синих матросских брюках составляли ему самый живописный эскорт, какой только можно себе представить? Замышлял ли он какие-то гигантские предприятия, диктатуру, о которой мечтал Кюзере, а Россель презирал, собирался ли он принять ее на благо Республики? Понятия не имею, но чем бы он ни занимался, я снова видел его в клубе при церкви Сен-Жак.

General La Cécilia. [89]

Ha! ha! Никчемные лицемеры и инквизиторы, которые на протяжении последних полутора тысяч лет давили, унижали и мучили бедных; вы думали, что наша очередь никогда не придет, вы, монахи, священники и архиепископы! Благодаря Коммуне вы теперь проповедуете в тюрьмах Республики; вы можете исповедаться, если хотите, в пауках ваших темниц и отдать святой виатикум крысам, которые играют у вас под ногами! Вы больше не можете причинять никакого вреда патриотам. Больше никаких церквей, никаких монастырей! Те, у кого нет домов на Елисейских полях, поселятся в ваших монастырях; в ваших церквях будут проводиться честные собрания, которые дадут людям их права; что касается их обязанностей, то это изобретение реакционеров. Больше никаких ваших проповедей или речей: в честь Боссюэ - Наполеон Гайяр!

Церковь Святого Эсташа. Использовалась как Красный клуб. Частично разрушена пожаром.

Войдя вчера в церковь Святого Евстафия, я был приятно удивлен, обнаружив, что купель полна табака вместо святой воды, а вдалеке я увидел алтарь, уставленный бутылками и стаканами. Кто-то сообщил мне, что это был прилавок. В одной из боковых часовен статуя Пресвятой Девы была облачена в форму вивандьерки с трубкой во рту. Однако я был особенно очарован дружелюбными лицами людей, которых я увидел собравшимися там. Пол, которому мы обязаны *трикотеусами*, был явно в большинстве. Было восхитительно не видеть ни одной из этих элегантных платьев и легкомысленных манер, которые так долго позорили лучшую половину человечества. Слава богу! мой взгляд с восторгом упал на героические лохмотья тех дам, которые оказывают нам честь, подметая для нас наши улицы. Многие из этих женщин-патриоток гордились тем, что в центре их лиц красовался румяный нос, который по цвету соперничал с Общественным флагом на Ратуше. О, великолепный красный нос, выдающийся признак республиканства! Что касается мужчин, то они, казалось, были выбраны из первых рядов новой аристократии. Было приятно отметить военную элегантность, с которой их фуражки были слегка сдвинуты на одно ухо; их лица, от природы безобразные, были озарены радостью свободы, и, конечно, густой дым, исходивший из их трубок, должен был быть более приятным подношением, чем слабые пары

ладана, которые обычно поднимались из позолоченных курильниц. “Брак, граждане, - величайшая ошибка древнего человечества. Быть женатым - значит быть рабом. Будете ли вы рабами?” “Нет, нет!” - закричала вся женская часть аудитории, а оратор, высокая худощавая женщина с носом, похожим на ястребиный клюв, и желтушным цветом лица, польщенная такими всеобщими аплодисментами, продолжала: “Следовательно, брак больше не может быть терпим в свободном городе. Это должно рассматриваться как преступление и пресекаться самыми суровыми мерами. Никто не имеет права продавать свою свободу и тем самым подавать дурной пример своим согражданам. Супружеское положение - это вечное преступление против морали. Не говорите мне, что брак можно терпеть, если вы подаете на развод. Развод - это всего лишь средство, и, если мне будет позволено употребить это слово, орлеанистское средство!” (Взрыв аплодисментов.) “Поэтому я предлагаю этой ассамблее, чтобы она добилась от Парижской коммуны изменения декрета, который гарантирует пенсии законным или незаконным соратникам Национальной гвардии, убитым при защите наших муниципальных прав. Никаких полумер. Мы, незаконнорожденные компаньоны, больше не потерпим, чтобы законные жены узурпировали права, которыми они больше не обладают и которых у них вообще никогда не должно было быть. Пусть указ будет изменен. Все для свободных женщин, ничего для рабынь!”

Интерьер церкви Святого Евстафия—коммунистический клуб.

Оратор спускается с кафедры под самые оживленные поздравления. Кто-то, стоящий рядом со мной, сказал мне, что оратор - месячная медсестра, которая в юности была сомнамбулой. Но теперь толпа расступается, уступая место оратору-мужчине, который поднимается по винтовой лестнице, проводит рукой по волосам и бросает пронзительный взгляд на толпу внизу. Это гражданин Лулье.

У этого молодого человека действительно очень приятная физиономия; у него умный лоб, приятные глаза. Глядя на сочувствующее лицо мсье Лулье, с сожалением вспоминаешь о его эксцентричности. Но из-за чего весь этот шум? Что он сказал? что он сделал? Я слышал только слова “Домбровский” и “Сесилия”. Все вскакивают на ноги, раздраженные,

кричащие. В оратора собираются швырнуть несколько стульев. Его окружают, кричат. “Долой Луллье! Да здравствует Домбровский!” Шум усиливается. Гражданин Луллье кажется совершенно спокойным посреди всего этого, но отказывается покидать кафедру; он тщетно пытается заговорить и объяснить. Две женщины, две любезные ведьмочки, набрасываются на него; несколько мужчин тоже подбегают; его подхватывают и уносят, сопротивляясь изо всех сил и крича до последнего. Люди вскакивают на стулья, Луллье исчез, и я его больше не слышу; что они с ним сделали!

Что вы думаете обо всем этом, господа католики! Вы все еще сожалеете о священниках и певчих, которые некоторое время назад проповедовали и распевали в парижских церквях? Где тот человек, который при одном виде этой новой паствы, такой терпимой, такой интеллигентной, с такой благодарностью слушает эти благородные уроки политики и морали; где тот человек, который мог бы больше закрывать глаза на замечательное влияние нынешней революции? Неисчислимы блага, которыми осыпает нас Парижская коммуна! Когда я выхожу из церкви, маленький бродяга подходит к купели и, взяв щепотку табака, — “Во имя...!” - говорит он, затем набивает трубку; “Во имя...!” - продолжая бить люцифера, добавляет: “Во имя...!” — “Черт бы побрал этого богохульствующего негодяя!” - говорю я, давая ему хорошую затрещину по ушам. Написав эти строки, я почувствовал желание стереть их; поразмыслив, я позволил им остаться — они принадлежат истории!

ПРИМЕЧАНИЯ:

[89] Политический беженец, покинувший свою страну в 1869 году и переехавший в Пруссию, где преподавал математику в Ульмском университете, а затем поступил на службу к Гарибальди.

LXXXII.

Этим утром я прогулялся самым невинным образом, не совершив ни одного преступления, о котором мне было известно. Стояла прекрасная погода, и улицы выглядели веселыми, как это обычно бывает, когда очень светло, даже когда сердца людей очень опечалены. Я прошел по улице Сент-Оноре, Пале-Роялю и, наконец, по улице Ришелье. Прошу прощения за эти подробности, но я особенно тщательно указываю дорогу, по которой я шел, поскольку хочу, чтобы жители этих мест засвидетельствовали, что я не украл, проходя мимо, ни четверти буханки хлеба и не присвоил ни малейшего украшения. Когда я уже собирался свернуть на бульвары, один из четырех национальных гвардейцев, дежуривших, не знаю зачем, на углу улицы, крикнул: “Вы не можете пройти!” “Ладно, - подумал я про себя. - полагаю, здесь нет ничего нового, только Коммуна не хочет, чтобы люди проходили мимо; конечно, право на ее стороне”. После этого я начал возвращаться по своим следам. “Вы не можете пройти”, - кричит другой часовой, когда я уже перехожу на другую сторону улицы.

Это странно, Коммуна не собирается ограничивать мою прогулку меланхолическим хождением взад-вперед между двумя противоположными тротуарами. Ко мне подошел сержант; я узнал в нем испанца, который во время осады служил в моей роте. “Почему вы не в форме?” - спросил он меня с грубостью, которая, как мне показалось, была несколько смягчена воспоминанием о множестве сигар, которые я ему подарил в те ночи, когда мы стояли на страже во время осады. Я мгновенно понял, чего они от меня хотят, и без колебаний ответил: “Потому что не моя очередь быть начеку”, — “Нет, конечно, нет, так никогда не бывает. Ты все это долгое время расслаблялся, в то время как других убивали”. Было очевидно, что этот испанец не взял сигар, которые я ему дал, и теперь мстил за себя.—

Что вам от меня нужно? - спросил я. Я сказал: “Давайте покончим с этим”. Вместо ответа он сделал знак двум федералам, стоявшим рядом, которые немедленно встали по бокам от меня и закричали: “Марш!” Я был совершенно согласен, хотя эта прогулка шла не совсем в том направлении, в котором я намеревался. По дороге я услышал, как какая-то женщина сказала: “Бедный молодой человек, они схватили его с поличным”. Меня провели в церковь Нотр-Дам-де-Лоретт и провели в ризницу, где уже собралось около пятидесяти рефрактеров.

За большим столом, на котором стояли небольшой регистрационный журнал, чернильница, заткнутая в большую пробку, и два гусиных пера, сидели трое молодых людей, почти мальчишек, в военной форме. Вы могли бы представить себе, что это Минос, Эак и Радамант в том возрасте, когда они играли в “лягушку-прыгунью”. “Твое имя?” - спросил Радамант, обращаясь ко мне. Я, недолго думая, назвал им имя, которое никогда не было моим. Внезапно кто-то позади меня расхохотался; я обернулся и узнал старого друга, которого не заметил среди других пленников. “Ваша профессия?” - спросил Минос.— Боксер-профессионал, - ответил я, подбоченясь и принимая как можно более свирепый вид, чтобы сохранить образ, который я на мгновение принял. На остальные вопросы, которые были адресованы мне, я ответил таким же удовлетворительным образом. Когда все закончилось, Минос сказал мне: “Этого достаточно; теперь иди, сядь и жди, пока тебя позовут”.— “Простите меня, мой юный друг, но я не пойду и не сяду, и не стану больше ждать ни минуты”.— “Вы смеетесь над нами? Мы ведем самое серьезное дело, на карту поставлены наши жизни. Иди и сядь”. — “Я уже имел честь заметить, мой дорогой Радамантус, что я не собирался садиться. Будь так любезен, позволь мне немедленно удалиться”.— “Ты просишь меня сделать это?” — “Да! ты!” Я закричал страшным голосом. Трое судей посмотрели на меня в большом недоумении и начали перешептываться между собой. Призовой боец, клянусь джинго! Я подумал, что настал момент нанести решающий удар, поэтому вытащил из кармана маленькую зеленую карточку, которую хотел, чтобы они изучили. Минос, Эак и Радамант немедленно встали, почтительнейшим образом поклонились мне и крикнули двум национальным гвардейцам, стоявшим у двери: “Пропустите гражданина”. — “Кстати, - сказал я, указывая на своего друга, ” этот джентльмен со мной”. — “Пропустите обоих граждан”, - хором прокричали парни. — “Это великолепно”, - воскликнул мой друг, как только мы оказались далеко за дверью.— “Как вам это удалось?” — “У меня есть пропуск из Центрального комитета”.— “На ваше собственное имя?” — “Нет, я купил его у вдовы федерального чиновника, которая была в очень хороших отношениях с гражданином Феликсом Пиатом”. — “Ну, это прямо как роман.” — “Да, но роман, который позволяет мне довольно безопасно жить посреди этой странной реальности. В любом случае, я думаю, нам лучше поискать другое жилье.

Дом М. Тьера, дворец Сен-Жорж.

LXXXIII.

В десять часов вечера я шел по улице Нотр-Дам-де-Лоретт. В наше время улицы в этот час совершенно пусты. Посмотрев вперед, я увидел, что площадь Сен-Жорж освещена длинными языками пламени, что ветер дует туда-сюда. Я поспешил дальше и вскоре стоял перед М. Дом Тьера.^[90] У открытых ворот стоял часовой; национальные гвардейцы разожгли во дворе большой костер; не то чтобы ночь была холодной, они, казалось, разожгли его просто для удовольствия сжечь мебель и картины, оставленные коммунальными возчиками. Они уже начали сносить правую сторону дома; кирка была прислонена к расшатанному камню; крыша провалилась, и из одного из окон торчало стропило. Огонь поднимался все выше и выше; не лучше ли было бы, чтобы пламя добралось до дома и поглотило его за час или два, чем видеть, как его постепенно сносят, камень за камнем, в течение многих последующих дней? Во дворе я заметил несколько грузовиков, набитых книгами и бельем. Национальный гвардеец поднял небольшую картину, которая лежала у ворот; я наклонился вперед и увидел, что это было изображение сатира, играющего на флейте. Каким печальным и жестоким все это казалось! Мужчины, бездельничавшие вокруг, выглядели демоническими в красном свете костра. Я отвернулся, думая не о политическом деятеле, а о доме, где он работал, где он думал, о книгах, которые больше не стояли на полках, о любимом кресле, сгоревшем в том самом очаге, у которого он так долго сидел; я подумал обо всех немых свидетелях долгой жизни, разрушенной, рассеянной, потерянной, о родственниках и друзьях, чьи следы исчезли из комнат, пустых сегодня, а завтра превратившихся в руины; я подумал обо всем этом и обо всех связях, которые будут

разорваны в результате рассеяния, и я задрожал при мысли, что это произойдет. когда-нибудь - в наше время все кажется возможным — люди могут взломать двери моего скромного жилища, разбить мебель, которую я полюбил, уничтожить мои книги, которые так долго были спутниками моих занятий, сорвать картины со стен и сжечь стихи, которые я люблю, ради тех хлопот, которые они мне доставили, — одним словом, убить все, что делает мою жизнь приятной, более жестоко, чем если бы четверо федералов увели меня и застрелили на углу улицы. Но я не политик. Я не принадлежу ни к какой партии — кому придет в голову причинить мне вред? Я совершенно безобиден, с моей метафорой влюбленного. Ах, как я эгоистичен! Я думал о своем собственном доме, когда стоял перед руинами на площади Сен-Жорж. Признаюсь, меня особенно тронули несчастья этого дома, потому что они пробудили во мне страх перед моим собственным несчастьем, самым невероятным и, правда, самым ничтожным по сравнению с этим.

Дом М. Тьера во время сноса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[90] Следует отметить, что уничтожение М. Появление дома Тьера совпало с первым успехом версальской армии; именно дух ненависти и безумного разрушительства продиктовал следующий декрет, изданный Комитетом общественной безопасности 10 мая:—

“Статья 1. Имущество Тьера (ему даже отказали в звании гражданина) конфисковано по приказу администрации общественных владений.

“Статья. 2. Дом Тьера, расположенный на площади Сен-Жорж, подлежит сносу”.

“На следующий день Национальное собрание, в присутствии активиста М. Тьер заявил, что осужденный, чей дом был снесен, продемонстрировал доказательства патриотизма и политических способностей, которые вселяли полную уверенность в будущем. 12-го числа того же месяца в Версале были начаты работы по строительству железнодорожной станции, достаточной для удовлетворения всех потребностей важной армии, начало которых было положено М. Тьер; 19 апреля была открыта конференция с участием Западной железнодорожной компании, планы были утверждены 22 числа того же месяца, а предварительные работы были начаты 12 мая. Когда они будут закончены, они будут состоять из тридцати пяти параллельных линий рельсов длиной более мили. Но главный пункт плана состоит в том, что с помощью ответвлений на Понтуаэ и Шеврез эта огромная станция может быть напрямую сообщена со всеми железнодорожными линиями Франции. Достаточно легко сделать следующий вывод, а именно, что, если когда-либо снова возникнет такая необходимость, Париж перестанет быть центральным центром всех коммерческих движений, и, таким образом, можно будет избежать паралича дел всей страны на случай, если парижское население снова будет охвачено манией баррикад. Одно время опасались, что коллекции М. Тьер погиб во время пожара в Тюильри; но г-н Курбе сообщает, что 12 мая он спросил, что ему следует делать с различными вещами, взятыми в доме г-на Курбе. Тьера, и если они должны были быть отправлены в Лувр или выставлены на публичную продажу, то он был затем назначен членом комиссии по рассмотрению этого дела. Относительно его поведения во время сноса дома М. Тьер, по его словам, прибыл слишком поздно, чтобы провести инвентаризацию; мебель и вещи были уже упакованы *сотрудниками* Гард Мебле; “Я сделал несколько замечаний по этому поводу, и, проходя по пустым квартирам, я заметил две маленькие фигурки, которые я упаковал в бумагу, думая, что это могут быть личные *сувениры*, и что когда-нибудь я верну их владельцу. Все остальные вещи были уже уничтожены или пропали.

LXXXIV.

Анекдот: парижане во всем; но с такими вещами они развлекаются!

Рауль Риго, человек, который арестовывает, завтракал с Гастоном Дакостой, человеком, который разрушает. Эти два друга достойны друг друга. Риго заключил в тюрьму архиепископа Парижа, но Дакоста приписывает себе заслугу в том, что он расшатал первый камень в доме М. Тьера. Но, тем не менее, Риго уничтожил бы, если бы Дакосты не было рядом, чтобы сделать это; и если бы Риго не арестовал, Дакоста арестовал бы за него.

За едой они разговаривали. Риго перечислил список людей, которых он отправил в Консьержери и Мазасу, и с ужасом подумал, что скоро ему некого будет арестовывать. Внезапно он остановил вилку, не донеся ее до рта, и его лицо приняло самое скорбное выражение. “В чем дело?” — встревоженно воскликнул Дакоста. — “Ах! - сказал Риго, и слезы заглушили его слова. - ”Папы нет в Париже“. - “Ну, и какое это имеет значение, если твоего отца здесь нет?” “Увы! — воскликнул Риго, раздражаясь рыданиями. - Я мог бы арестовать его!”^[91]

ПРИМЕЧАНИЯ:

^[91] Однако незаконность его поведения была вызвана жалобой, поданной Артуром Арнольдом в комитет в связи с произвольным арестом ряда лиц. Курне был назначен в

префектуру вместо Риго, но полицейский-любитель и осведомитель не отказывался от работы; он находил величайшее удовольствие, как он сам выражался, в том, чтобы шпионить за официальными шпионами. Этот человек был хорошо известным завсегдатаем низкопробных кафе Латинского квартала, и на его лице были такие следы распутной жизни, что, хотя ему было всего двадцать восемь лет, он выглядел ближе к сорока.

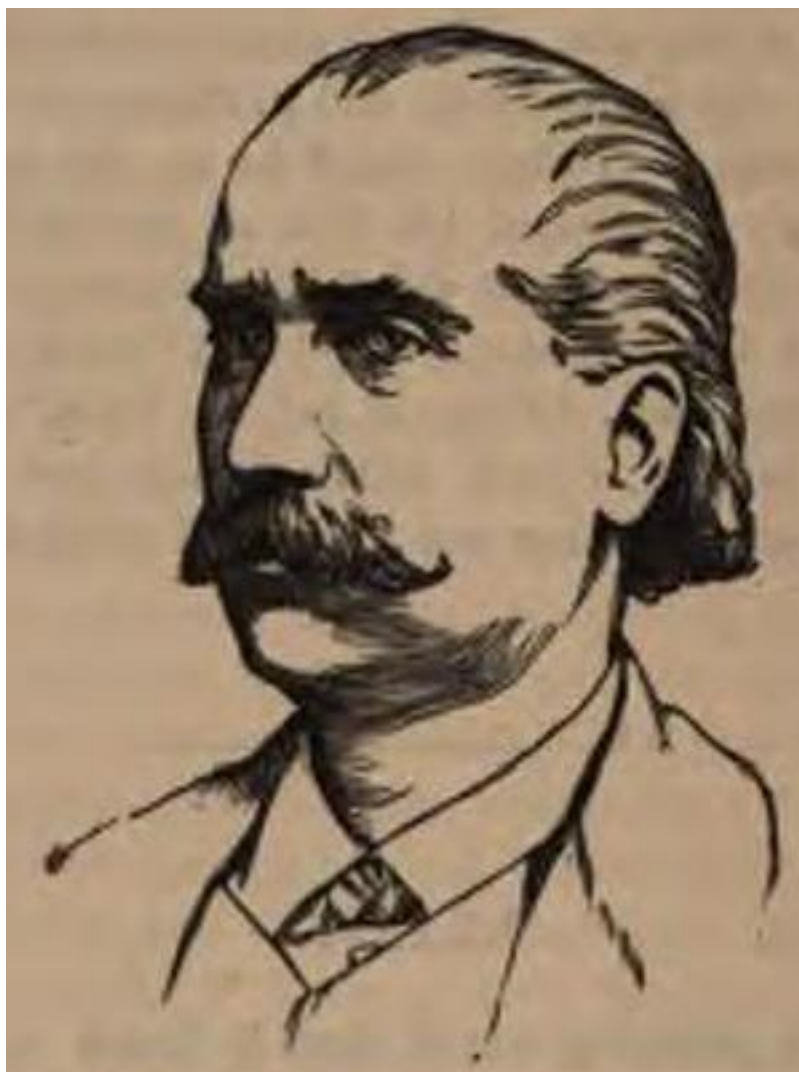
DOUGHERT, MEMBER OF COMMITTEE OF GENERAL SAFETY.

Курне, член Комитета общей безопасности.

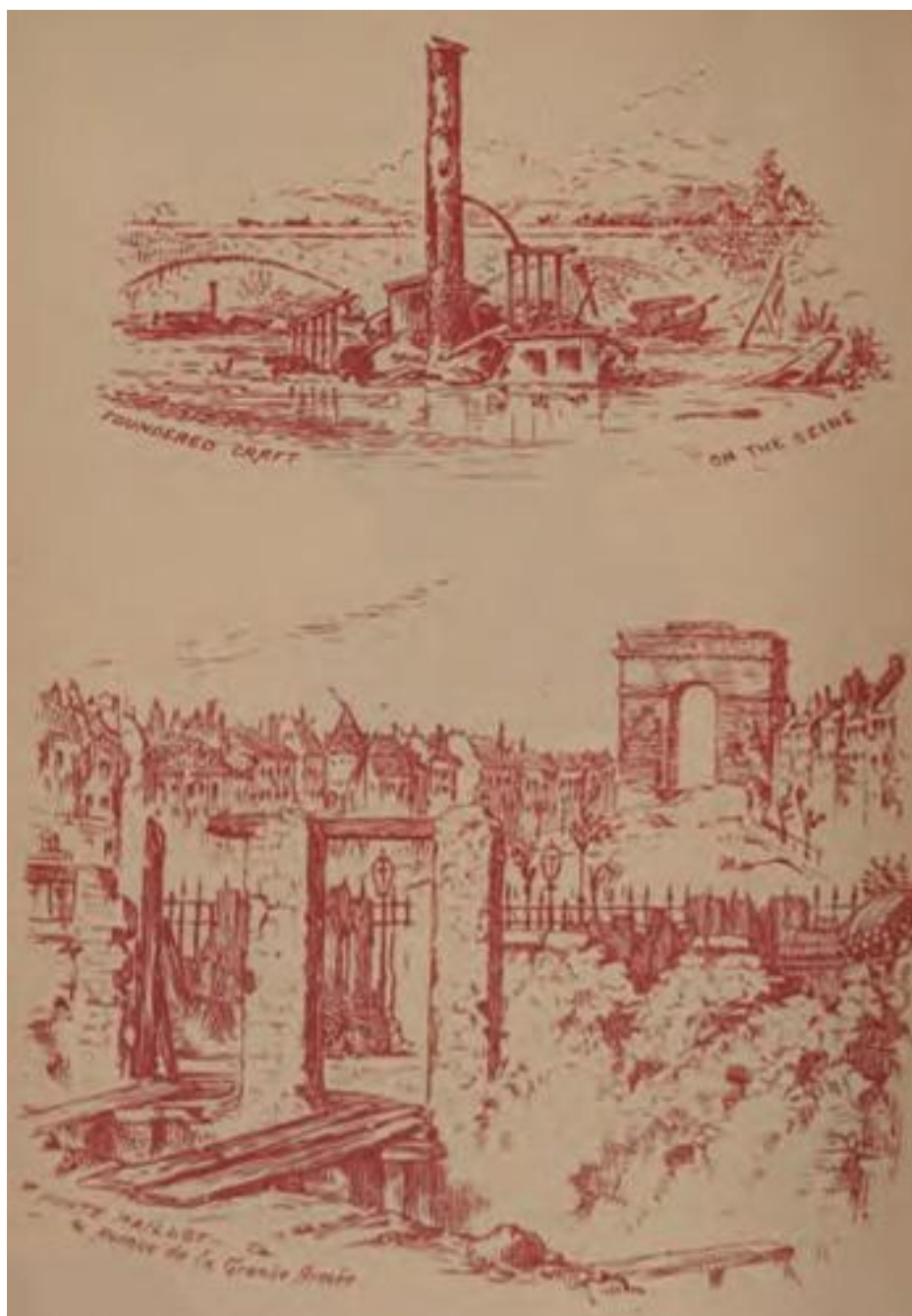
LXXXV.

Ужасный треск, который раздается в море, когда судно разбивается о скалы, не является более верным признаком опасности для перепуганного экипажа, чем напрасные усилия, противоречия и волнение в Отель-де-Виль, предвестники катастрофы для жителей Коммуны. Слушайте! судно вот-вот развалится на части. Все отдают приказы, но никто им не подчиняется. Один человек вызывающе смотрит на другого; этот человек осуждает это, и Риго всерьез подумывает арестовать их обоих. Есть большинство, которое не едино, и меньшинство, которое не может договориться между собой. Двадцать один участник уходит на пенсию, у них все хорошо.^[92] Я рад найти в списке имена немногих, в кого Париж все еще верит и кого, благодаря этой запоздалой отставке, он не научится презирать. Например, Артура Арнольда. Но зачем им брать на себя труд искать предлог? Почему они не сказали просто: “Мы оставили их, потому что находим, что они полны зла; сначала мы были ослеплены, как и вы, но теперь мы, в свою очередь, ясно видим; доброе дело проиграно безумцами или хуже того, и мы отказались от него, потому что, если бы мы задержались еще на мгновение, теперь, когда мы больше не ослеплены, мы совершили бы преступное деяние”. Такие слова, как эти, открыли бы глаза стольким несчастным существам, которые идут на смерть и думают, что им лучше умереть! Что же касается тех, кто остается, то они, должно быть, чувствуют, что власть ускользает от них. Они не арестовали и не задерживали Росселя; казалось бы, они не осмеливались прикоснуться к нему, потому что он был прав, думая о том, что говорил, хотя он был очень неправ, говоря это так, как говорил. Пока коммуна колеблется, военные планы версальцев осуществляются. Ванв взят, Монруж в руинах, пробиты бреши на Пойнт-дю-Жур, у Порт-Майо, у Сент-Уана; коммунистам теперь остается только выбирать между бегством и ужасами ужасной смертельной схватки! Пусть они улетят далеко-далеко, за пределы досягаемости мести, презираемые, забытые, если это

возможно! Мне сказали, что Центральный комитет пытается сейчас заменить собой Коммуну, которая была избрана по его желанию.^[93] Один рожден от другого, они умрут вместе.

Артур Арнольд, комиссар иностранных дел.^[94]

Затонувшее судно на Сене.

Porte Maillot et Avenue de la Grande Armée

ПРИМЕЧАНИЯ:

[92] Только что в коммунальной прессе появился важный документ — манифест меньшинства коммуны, в котором двадцать один депутат заявляет о своем отказе принимать какое-либо дальнейшее участие в работе органа, который они обвиняют в том, что он передал свои полномочия в руки Комитета общественной безопасности и таким образом аннулировал себя. Настоящую декларацию подписали: Артур Арнольд, Авриаль, Андрие, Арнольд, Клеманс, Виктор Клеман, Курбе, Франкель, Эжен Жерарден, Журд, Лефрансе, Лонге, Малон, Остин, Пинди, Серье, Тридон, Тейш, Варлен, Верморель, Жюль Вальес.

Добавим к этим двадцати одному сепаратисту двадцать одного члена, ушедшего в отставку: - Адам, Барре, Бреле, Бесле, Де Бутейер, Шерон, Демарест, Ферри, Фруно, Гупиль, Луазо-Пинсон, Леруа, Лефевр, Мелин, Мюрат, Мармоттан, Наст, Улисс Парент, Робине, Рейн,

Тирард;

Трое, кто не сидел: Бриосне, Менотти Гарибальди, Рогард;

Двое погибших: Дюваль, Флуранс;

Один захвачен в плен: Бланки;

Один спасся: Шарль Жерарден;

Пятеро заключенных: Алликс, Паниль дит Бланше, Брюнель, Эмиль Клеман, Кюзере;—

Из 101 члена, избранного в коммуну 26 марта и 16 апреля, сейчас осталось только сорок семь: -Амуру, Ант. Arnaud, Assy, Babick, Billioray, Clément, Champy, Chardon, Chalain, Demay, Dupont, Decamp, Dereure, Durant, Delescluze, Eudes, Henry Fortuné, Ferré, Gambon, Geresme, Paschal Grousset, Johannard, Ledroit, Langevin, Lonclas, Mortier, Léo Meiller, Martelet, J. Miot, Oudet, Protot, Paget, Pilotel, Félix Pyat, Philippe, Parisel, Pottier, Régère, Raoul Rigault, Sicard, Triquet, Urbain, Vaillant, Verdure, Vésmier, Viart.

[93] “РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ.

“Центральный комитет.

“Народу Парижа! Национальной гвардии!

“Слухи о разногласиях между большинством Коммуны и Центральным комитетом распространяются нашими общими врагами с упорством, которое раз и навсегда должно быть подавлено общественным договором.

“Центральный комитет, назначенный для управления военными делами Комитетом общественной безопасности, вступит в должность с этого дня.

“Этот Комитет, который поддержал стандарт Коммунальной революции, не претерпел никаких изменений и никакого ухудшения. Сегодня она такая же, какой была вчера, законный защитник Коммуны, основа ее власти, в то же время она является решительным врагом гражданской войны; часовой, поставленный народом для защиты прав, которые он завоевал,

“Итак, от имени Коммуны и Центрального комитета, которые подписывают этот пакт доброй воли, пусть эти грубые подозрения и клевета будут сметены. Пусть сердца бьются, пусть руки будут готовы нанести удар во имя благого дела, и пусть мы восторжествуем во имя союза и братства.

“Да здравствует Республика!

“Да здравствует Коммуна!

“Да здравствует Общинная федерация!

“Комиссия коммуны, БЕРЖЕРЕ, ШАМПИ, ЖЕРЕСМА, ЛЕДРУА, ЛОНГЛА, УРБЕНА.

“Центральный комитет”.

“Париж, 18 мая 1871 года”.

[94] Арнольд - мужчина около сорока семи лет, небольшого роста, живой и умный. Он писал во многих демократических журналах Парижа и провинций, и его литературные таланты были недюжинными. Будучи связан с журналом Рошфора "*Марсельеза*", он был послан последним бросить вызов Пьеру Бонапарту и был свидетелем на судебном процессе, последовавшем за убийством Виктора Нуара.

Хотя он, естественно, был вовлечен своими связями в движение восемнадцатого марта, он всегда громко протестовал против произвола Коммуны, и удивительно, что его коллеги не выдвинули против него обвинений. В частности, он выступал против предложений о запрете газет. “Для меня удивительно, - сказал он на полном заседании комитета, - что люди все еще говорят об аресте других за выражение своего мнения”.

Он голосовал против организации Комитета общественной безопасности на том

основании:—

“Что такое учреждение было бы прямо противоположно политическим взглядам избирательного органа, представителем которого является Коммуна”.

Он наиболее энергично протестовал против тайного заключения —

“В тайном заключении есть что-то аморальное; это моральная пытка, заменяющая физическую.

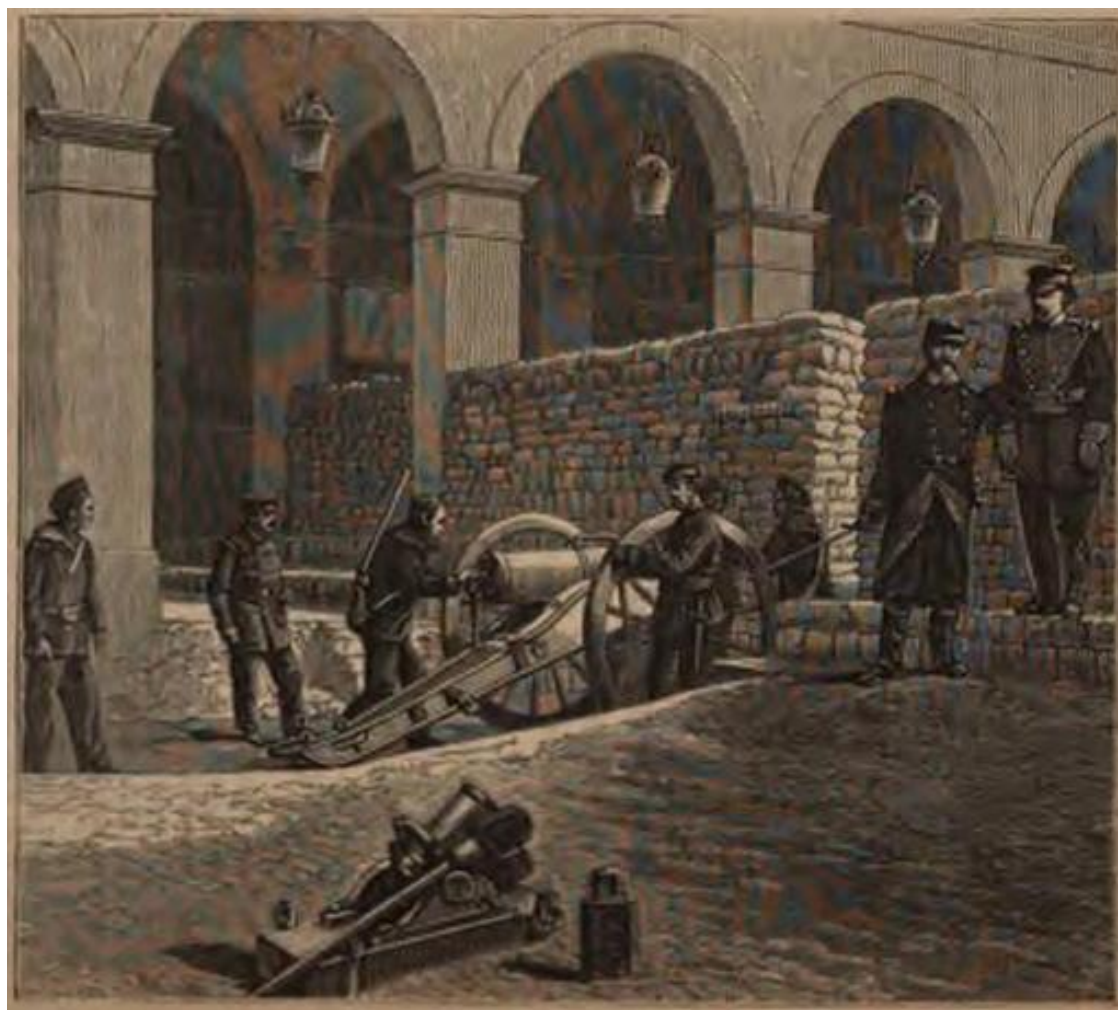
“Я не могу понять людей, которые всю свою жизнь боролись с ошибками деспотизма, впадая в те же ошибки, когда приходят к власти. Из двух вещей одна: либо тайное заключение - необходимая и благая вещь, либо оно отвратительно. Если это было хорошо, было неправильно противодействовать этому, а если это было одиозно и аморально, мы не должны продолжать это”.

Что же, черт возьми, ему тогда оставалось делать в Коммуне?

“Que diable allait-il faire dans cette galère?”

LXXXVI.

Было пять часов пополудни. День был великолепный, и солнце ослепительно освещало Цезаря, все еще стоявшего на великолепном пьедестале своих побед. За баррикадами на улице Мира и улице Кастильоне толпа стояла плотной массой до самого Тюильри с одной стороны и Нового Оперного театра с другой. Там, должно быть, было от двадцати до двадцати пяти тысяч человек. Незнакомые люди обращались друг к другу "Гражданин", я слышал, как кто-то говорил об эксцентричном англичанине, который заплатил три тысячи франков за удовольствие последним взобраться на вершину колонны. Почти все обвиняли его в том, что он не раздал деньги людям. Другие говорили, что гражданину Журду не удастся покрыть свои расходы; Абади^[95] инженер запросил тридцать две тысячи франков, чтобы снести великий трофей, и что камень и штукатурка, в конце концов, были покрыты бронзой не более чем на дюйм или два, что он был не так уж много метров высотой и, в конце концов, из него не получится большого количества изделий стоимостью в два су. Эти су, казалось, чрезвычайно занимали умы общественности, но основными темами разговоров были опасения относительно возможных последствий падения.

Баррикада на улице Кастильоне, со стороны Вандомской площади.

Это мероприятие проходило медленно. Широкая площадка была едва усеяна зрителями, всего не более трехсот человек, привилегированными существами с билетами или носящими масонские значки; или офицерами штаба. Бержере у одного из окон невозмутимо курил сигарету; по четырем углам Площади собрались военные оркестры; из открытых окон Министерства юстиции до нас доносился женский смех. Лошади конных часовых нетерпеливо фыркали; штыки блестели на солнце; дети устало разевали рты, сидя на бордюрном камне. Час церемонии миновал; веревка оборвалась. Вокруг сложенного хвороста, на который должна была упасть колонна, развевались огромные фашины из флагов любимого цвета.

Толпе, похоже, не нравилось, что ее держат в напряжении, и она выражала свое нетерпение размеренным топотом и криками “Музыка!”

В половине шестого у баррикады на улице Кастильоне произошло внезапное движение и суeta. Появились члены Коммуны со своими неизменными красными шарфами.^[96] Затем наступила глубокая тишина. В то же мгновение заскрипела лебедка; веревки, свисавшие с вершины колонны, натянулись; зияющая дыра в каменной кладке внизу постепенно закрылась; статуя наклонилась вперед в лучах заходящего солнца, а затем, внезапно описав в воздухе гигантский взмах, упала среди плит с глухим, тяжелым стуком, подняв в воздух вихрь ослепительной пыли.

Затем оркестры заиграли "Марсельезу", и крики "Да здравствует коммуна" вторили со всех сторон ужасу или безразличию толпы. Однако через удивительно короткое время все снова стихло, настолько тихо, что я отчетливо слышал лай собаки, испуганно пробежавшей через это Место.

Осмелюсь предположить, что члены Коммуны, руководившие свершением этого позорного деяния, воскликнули в гордости своих несчастных сердец: "Цезарь, те, кого ты приветствуешь, будут жить!"

Всем, конечно, хотелось отведать руин, поскольку приезжие в Париж охотно покупали ломтики осадного хлеба в рамке и глазури, и все устремились к месту событий; но национальные гвардейцы перешли дорогу, выставив штыки перед баррикадой, и никому не позволили пройти. Так что толпа быстро разошлась по своим местам. "Он пал!" - говорили некоторые тем, кому не посчастливилось увидеть это зрелище. "Голова статуи оторвалась — никто не погиб". Мальчики закричали: "О, все равно это было веселое зрелище!" Но большая часть людей молчала, когда они тащились прочь.

Затем наступила ночь, и на следующий день в нашем повседневном путешествии, казалось, не хватало ни одного наземного знака и указательного столба. Пока мы не потеряем знакомый предмет, мы вряд ли осознаем его существование.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[95] Абади договорился снести Вандомскую колонну за 32 000 или 38 000 франков, лишившись 600 франков за каждый день задержки после четвертого мая. Это уменьшило сумму, подлежащую выплате ему, на 6000 франков.

[96] Что касается Курбе и уничтожения Колонны, он отвергает обвинение на том основании, что за этот декрет проголосовали до его вступления в Коммуну и по просьбе, которую он подал при правительстве 4 мая, о переносе колонны на эспланаду инвалидов. Он утверждает, что официальная газета изменила его собственные слова в Коммуне, и он утверждает, что предложил правительству восстановить колонну за свой счет, если будет доказано, что он был причиной ее разрушения.

LXXXVII.

Шестнадцатого числа я получил проспект через своего консьержа. Должен был состояться концерт с речами — что-то вроде народного праздника в Тюильри. Цены на заведения варьировались от десяти су до пяти франков. Пять франков - Маршалский зал; десять су - сад, который должен был быть освещен венецианскими лампами среди апельсиновых деревьев; все это должно было оживиться фейерверком с батареей Курбевуа.

У меня хватило такта не надевать белые перчатки и отправиться во дворец.

Это не было похоже на сказку; на самом деле, это было самое удручающее зрелище. Толпа воров и бродяг, мусорщиков и старьевщиков с четырьмя или пятью золотыми нашивками на рукавах и фуражках (знаки отличия офицеров Национальной гвардии) спешила вниз по парадной лестнице, жуя "империалес", сплевывая и повторяя старые шутки 93-го года. Что касается женщин — они были, к сожалению, не на своем месте. Они жеманничали и важничали, а некоторые из них даже отбивали такт своими веерами, когда пела мадемуазель Кайо, чтобы выглядеть так, будто они что-то смыслят в музыке.

Дворец Тюильри, со стороны Сада.

Последний концерт, проведенный коммуной в Тюильри, состоялся в воскресенье, 21 марта, когда Отей и Пасси уже несколько часов находились во власти армии. Два дня спустя старый дворец был объят пламенем. Гражданин Феликс Пайат выступал за сохранение Тюильри в “Мстителе”, предлагая превратить его в “убежище” для жертв труда и мучеников Республики. “Эта резиденция, - писал он, - должна быть отдана людям, которые уже завладели ею”.

Концерт проходил в зале Маршо: для исполнителей была сооружена площадка. Бархатные шторы с золотыми пчелами все еще закрывали окна. С галереи наверху я мог видеть все, что происходило. Оттуда открывается императорский балкон; я пошел туда и с некоторым волнением облокотился на балюстраду. Внизу расстилались освещенные сады, а вдали, в конце Елисейских полей, почти теряясь в пурпурном небе, возвышалась Триумфальная арка Этуалья.

Грохот пушек у Ванва и Монружа донесся до меня с того места, где я стоял. Когда дуэт “*Мэтр Шапель*” закончился, я вернулся в зал; отдаленный грохот митральезы в Нейи, донесенный до нас свежим весенним бризом, врывавшимся в открытые окна, присоединил его звучание к аплодисментам публики.

О! что за публика! Лица в целом выглядели подходящими объектами для виселицы; другие были просто отвратительны: удивление, удовольствие и страх перед Равенством отражались на каждой физиономии. Плотник Пинди, военный комендант ратуши, был увлечен беседой с девушкой из “Филиппа”. Бывшая шпионка Клеменс бормотала нежные речи на ухо вышедшему на пенсию *шифоньеру*, который неловко улыбался в ответ. Сапожник Дерер сосредоточенно разглядывал свои сапоги, в то время как Брилье, бывший кучер, подбадривал певцов шипением, как он сделал бы со своими лошадьми. Они собирались продекламировать какие—то стихи: я только ждал, чтобы услышать -

“PUIS, QUEL AVEUGLEMENT! QUEL NON-SENS POLITIQUE!”

несомненно, александрийка выступала в Национальном собрании, и я направился в сад так быстро, как только мог.

Там, несмотря на венецианские лампы, было очень уныло и темно. Аллеи были почти пустынные, хотя еще не было половины десятого. Я прогулялся под деревьями: вечер был холодный, и вскоре я вышел из сада у ворот улицы Риволи. Очень много людей стояло там, “чтобы посмотреть, как знатные люди возвращаются с праздника” — праздника, устроенного лакеями в заброшенном особняке!

LXXXVIII.

Я был занят написанием, когда внезапно услышал страшный взрыв, за которым последовало сообщение за сообщением. Окна задребезжали: мне показалось, что дом дрожит подо мной. Шум продолжался: казалось, со всех сторон грохочут пушки. Я выбежал на улицу; испуганные люди бегали туда-сюда и задавали вопросы. Некоторые думали, что версальцы бомбардируют Париж со всех сторон. На бульварах мне сказали, что взорван форт Ванв. Наконец я прибыл на площадь Согласия: там царил великий ужас, но ничего не было известно наверняка. Посмотрев вверх, я увидел высоко в небе нечто, похожее на темное облако, но это было не облако. Я снова и снова пытался получить информацию. Казалось совершенно очевидным, что взрыв произошел возле Военной школы - несомненно, у порохового склада Гренель, затем я свернул на Елисейские поля. Был слышен отдаленный треск, похожий на грохот грозной батареи митральез. Клубы белого дыма поднялись в воздух и смешались с темным облаком. Я больше не шел, я бежал: я надеялся увидеть что-нибудь с Последней точки Этуаль. Оказавшись там, моим глазам предстало грандиозное и пугающее зрелище. Огромные столбы дыма поднимались друг над другом к небу. Время от времени ветер немного отводил их в сторону, и на мгновение под клубящимися парами была видна часть города. Затем в одно мгновение вспыхнуло пламя — только одно, но такое гигантское, прямое, сверкающее, какое могло бы вырваться из внезапно открывшегося Толкана, пробиваясь сквозь дым, который покраснел, подсвеченный извержением огня. В тот же миг раздались взрывы, как будто сотня вагонов с порохом взорвалась одна за другой. Вся эта сцена в своем отвратительном великолепии ослепила и оглушила меня. Я хотел подойти ближе, почувствовать жар горения, броситься вперед. Я был охвачен огненным безумием!

RABOUA, GOVERNOR OF THE BOULE MILITAIRE.*

Спустившись на набережную Пасси, я обнаружил там плотную толпу. Кто-то закричал: “Назад! назад! огонь скоро доберется до магазина с патронами”. Едва были произнесены эти слова, как на нас градом посыпался град пуль. Каждый считал себя раненым, и многие обратились в бегство. Мне и в голову не приходило убегать. С того места, где я тогда находился, зрелище было еще более ужасающе красивым, и толпа, которая отошла от этого места, вскоре снова собралась. Ужасающие подробности передавались из уст в уста. Рухнули четыре пятиэтажных дома; никто не осмеливался даже подумать о количестве жертв. Были замечены тела, выпавшие из окон, ужасно изуродованные; руки и ноги были подобраны в разных местах. Рядом с пороховым складом находится больница, которую трясло от фундамента до крыши: на мгновение она сильно задрожала, как будто собиралась рухнуть. Медсестры, перевязочные и даже больные выбежали из палат, визжа в агонии страха; испуганные лошади, по бокам которых струилась кровь, тоже бешено скакали среди беглецов или усакали так быстро, как только могли, от ужасной сцены.

Относительно причины взрыва мнения сильно разошлись. Одни говорили, что это произошло из-за халатности надсмотрщиков или неосторожности рабочих; другие - что пожар был вызван попаданием снаряда. К нам подбежала женщина, крича, что она только что видела мужчину, арестованного в сарае на Марсовом поле, который признал, что взорвал пороховой склад по приказу версальского правительства. Конечно, это было неизбежно. Коммуна не упустила бы такой хорошей возможности для обвинения своих врагов. Несколько невинных людей будут арестованы, более или менее формально преданы суду и расстреляны; когда трупов будет так много, Коммуна воскликнет: “Вы видите, что они, должно быть, были виновны: их расстреляли!”

Когда наступил вечер, я повернул домой, думая, что чаша теперь переполнена и что преданному городу пришлось потерпеть поражение, гражданскую войну, позор и смерть; но это последнее бедствие казалось едва ли не большим, чем божественное правосудие. Время от времени я поворачивал голову, чтобы снова посмотреть. В сгущающихся сумерках пламя казалось кроваво-красным, как будто Коммуна развернула свое зловещее знамя над этой непоправимой катастрофой.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[97] Разуа служил в полку Спахи в Африке. Познакомившись с журналистами, которые часто посещали мадридское кафе, он стал там постоянным посетителем. Он занялся литературой и в 1867 году опубликовал несколько жестоких статей в *"Пилори Виктора Нуара"*. Впоследствии он отправился с Делеклюзом в *Ревель*, где проявились его революционные принципы. В феврале 1871 года он был избран жителями Парижа членом Национального собрания. Посидев некоторое время в Бордо, он подал в отставку и стал одним из членов Муниципального совета.

Назначенный губернатором Военной школы, он ничем не отличился на своем посту, за исключением роскошных обедов и ужинов, которыми потчевал своих друзей.

LXXXIX.

Я так долго смотрел на то, что происходило вокруг меня, что мои глаза устали. Я наблюдал за медленным угасанием радости, комфорта и роскоши, почти не подозревая, как все умирало вокруг меня, подобно человеку в бальном зале, где одну за другой гаснут свечи, который поначалу может не заметить сгущающегося мрака. Чтобы увидеть Париж таким, какой он есть в настоящий момент, каким его сделала Коммуна, требуется усилие. Позвольте мне

закрывать глаза и вызывать в памяти образ Парижа таким, каким он был, живым, радостным, счастливым даже посреди печали. Я сделал это — я вернул все это себе; теперь я открою глаза и оглянусь вокруг.

На улице, на которой я живу, не видно ни одного транспортного средства. Мужчины в форме национальных гвардейцев проходят мимо по тротуару; дама разговаривает со своим *консьержем* на пороге одного из домов. Они разговаривают вполголоса. Многие магазины закрыты; в некоторых закрыты только ставни; некоторые открыты полностью. Я вижу женщину за стойкой винного магазина напротив, она пьет.

Некоторые круги все еще сопротивляются посягательствам тишины и апатии. Некоторые артерии продолжают биться. Кое-где витрины украшены лентами: продавщицы с непокрытыми головами проходят мимо с улыбкой на губах; мужчины смотрят им вслед, когда они идут. На углу бульваров возникает своего рода суматоха из-за множества маленьких мальчиков и девочек, продавцов общественных журналов, которые во весь голос выкрикивают названия своих товаров. Но даже там, где толпа самая густая, чувствуется пустота. Две противоположные идеи о множестве и одиночестве, кажется, одновременно возникают в сознании. Странное впечатление! Представьте себе огромную пустыню с толпой людей в ней.

Бульвары кажутся бесконечными. Раньше между вами и расстоянием были сотни препятствий; теперь ничто не мешает вам смотреть так далеко, как вам нравится. Тут и там проезжает такси, пара омнибусов, и это все. Прохожие больше не прогуливаются. Они вышли, потому что были вынуждены: без этого они остались бы дома. Расстояния сейчас кажутся огромными, и люди, которые раньше прогуливались с утра до ночи, скажут вам, что “Мадлен очень далеко”. Очень мало можно увидеть мужчин в черных пальто или блузах; только очень старые мужчины осмеливаются показаться без формы. Перед кафе сидят офицеры федеральной армии, иногда по семь или восемь человек за столом. Когда вы подходите достаточно близко, вы обычно обнаруживаете, что они говорят об увольнении своего последнего командира. То тут, то там мимо быстро проходит дама с плотно закрытой вуалью, одетая в основном в черное, в неприязнительной шляпке. Отчетливо слышен лошадиный топот — в другое время никто бы никогда не обратил на это внимания; это курьер с депешами, гарибальдиец или один из *мстителей Флуранса*, запряженный в тяжелую ломовую лошадь, которая вспахивает землю своими тяжеловесными передними ногами. Несколько рот федералов гуськом приближаются к реке Мадлен, их пайки хлеба насажены на штыки. Посмотрите на боковые улицы, направо или налево, и вы увидите пустынные тротуары и ни одного транспортного средства от одного конца дороги до другого. Даже на Бульварах бывают моменты, когда там вообще никого не видно. Однако под всем этим скрывается страстное желание пробудиться, которое подавляется общей апатией.

Вечером человека обуревают порывы; он должен двигаться; он должен жить. Пассажиры ходят взад и вперед, громко переговариваясь. Но толпа скапливается между улицей Ришелье и улицей Фобур-Монмартр. В одиночестве сейчас есть что-то ужасное. Люди собираются вместе ради удовольствия толкать друг друга локтями, пытаясь поверить, что они обладают огромной силой. Вокруг маленькой босоногой девочки, поющей на углу улицы, собирается целая толпа. Мужчина, сидящий за низким столиком, обжигает *пастилу*; другой предлагает на продажу ячменный сахар; у третьего висят портреты знаменитостей. Все изо всех сил стараются быть веселыми, но магазины закрыты, а газ горит скупое, так что между группами людей лежат широкие тени.

Несколько человек ходят в театры; афиши, однако, не прельщают. Если вы войдете, то обнаружите, что дом почти пуст; актеры бормочут свои роли, стараясь как можно меньше действовать. Вы видите, что им скучно, и они наскучили нам. Иногда, когда какой-нибудь актер, от природы комик, говорит или делает что-то смешное, публика смеется, а затем внезапно замолкает и выглядит более серьезной, чем раньше. Смех кажется неуместным. Человек не знает, как это вынести; поэтому он ходит взад-вперед по коридорам, а потом, вместо того чтобы вернуться на спектакль, снова выходит на бульвар. Уже десять часов — ужасно поздно. Многие кафе уже закрыты на ночь. В Tortoni's и английском Café не видно ни огонька. Толпа почти рассеялась. Осталось всего несколько офицеров, которые весь вечер пили в кафе. Они призывают друг друга поторопливаться; возможно, один из них пьян, но даже ему не смешно. Пойдем домой. На улице почти никого не осталось. То тут, то там раздается звонок, когда последние из нас добираются до своих домов.

Вот, Парижская коммуна, во что вы превратили Париж! Пришли пруссаки, Париж ждал их спокойно, с улыбкой; снаряды падали на его дома, он ел черный хлеб, часами стоял на холоде, чтобы раздобыть унцию конины или тридцать фунтов хвороста; он сражался, но был побежден; ему сказали сдаться, и “он был сдан”, как говорят в Ратуше; и все же, несмотря на все это, Париж не переставал улыбаться. И в этом, по их словам, заключается его величие; это был последний протест против незаслуженных несчастий; это было воспоминание о том, что когда-то он был горд и счастлив, и надежда стать таким снова; одним словом, Париж заявлял, что он по-прежнему Париж. Что ж, то, чего не могли сделать ни поражения, ни голод, ни капитуляция, ты сделал! И будь ты проклят, о Коммуна; ибо, как Макбет убил сон, ты убил наши улыбки!

ХС.

Грохот пушек совсем рядом, свист снарядов, ружейные залпы! Я слышу это во сне и, вздрогнув, просыпаюсь. Я одеваюсь и выхожу. Мне говорят, что вошли войска. “Как? где? когда?” Я спрашиваю у национальных гвардейцев, которые несутся по улице, крича: “Нас предали!” Однако они знают очень мало. Они приехали с Трокадеро и увидели вдалеке красные брюки солдат. Возле виадука Отей, на Марсовом поле, идут бои. Нападение произошло прошлой ночью или сегодня утром? Получить какую-либо достоверную информацию совершенно невозможно. Одни говорят, что инженер-строитель подавал сигналы в Версаль; другие говорят, что капитан военно-морского флота первым вошел в Париж.^[98] Внезапно около тридцати человек выбегают на улицу с криками: “Мы должны построить баррикаду”. Я поворачиваю назад, опасаясь, что меня заставят идти на службу. Канонада кажется ужасно близкой. Снаряд свистит у меня над головой. Я слышу, как кто-то говорит: “Батареи Монматра обстреливают Триумфальную арку”; и, как ни странно, в этот момент ужаса и неуверенности мне приходит в голову мысль, что теперь та сторона арки, на которой находится барельеф Руда, будет открыта для снарядов. На бульваре лишь кое-где встречаются спешащие пассажиры. Магазины закрыты; даже кафе не работают. Резкий скрежет митральез становится все громче и ближе. Битва, кажется, совсем рядом, повсюду вокруг меня. Тысячи противоречивых предположений проносятся в моем мозгу и подгоняют меня, а здесь, на Бульваре, нет никого, кто мог бы мне что-нибудь сказать. Я иду в направлении “Мадлен”, влекомый туда неистовым желанием узнать, что происходит, которое заглушает голос благоразумия. Приближаясь к шоссе д'Антен, я замечаю множество мужчин, женщин и детей, бегающих взад и вперед с брусчаткой в руках. Возводится баррикада; ее высота уже превышает три фута. Внезапно я слышу скрип тяжелых колес; я

оборачиваюсь, и передо мной предстает странное зрелище — толпа женщин в лохмотьях, бледных, ужасных и все же величественных, с фригийскими колпаками на головах и завязанными вокруг талии подолами мантий, запряженных в митральезы, которые они тащат на полной скорости; другие женщины энергично подталкивают их сзади. Вся процессия, одетая в мрачные цвета, с красными вкраплениями тут и там, с грохотом проносится мимо меня; я следую за ней так быстро, как только могу. Митральеза останавливается немного впереди баррикады, и повстанцы приветствуют ее дикими криками. Когда я подхожу, амазонок распрягают. “А теперь, - сказал молодой *гамин*, похожий на тех, кого часто видели на галерее театра Порт Сен-Мартен, - не изображай из себя шпиона, или я размозжу тебе голову, как будто ты версалец”. — “Не трать зря патроны”, — крикнул старик с длинной белой бородой - патриарх гражданской войны. — “Не трать зря патроны; а что касается шпиона, пусть помогает таскать брусчатку. Месье, - сказал он, обращаясь ко мне с подчеркнутой вежливостью, - не будете ли вы так любезны сходить и принести вон те камни с угла?”

Жизнь кафе при коммуне. Зрелища Парижа.

Я сделал, как мне было велено, хотя думал, отнюдь не с удовольствием, что если в этот момент баррикада будет атакована и взята, меня могут застрелить прежде, чем я успею сказать: “Позвольте мне объясниться”. Но сцена, которая меня окружает, невольно меня интересует. Эти мрачные старухи в красных головных уборах, быстро передающие камни, которые я им передаю, из рук в руки, мужчины, которые их строят, лишь изредка прерываясь на минуту, чтобы выпить чашку кофе, который молодая девушка готовит на маленькой жестяной печурке; ружья, симметрично сложенные; баррикада, которая поднимается все выше и выше; уединение, в котором мы работаем — только тут и там в окне появляется голова и быстро удаляется; все усиливающийся шум битвы; и, поверх всего, яркость ослепительного утреннего солнца - все это в этом есть что—то зловещее и в то же время ужасно притягательное. Пока мы на работе, они разговаривают, я слушаю. Версальцы прибывали всю ночь.^[99] Порт-де-ла-Мюэтт и Порт-Дофин были сданы 13-м и 113-м батальонами первого округа. “Эти два числа 13 принесут им несчастье”, - говорит женщина. Вино обосновалось в Трокадеро, а Дуэ - в Point du Jour: они продолжают продвигаться. Марсово поле было отобрано у федералов после двухчасового боя. У Триумфальной арки установлена батарея, которая подметает Елисейские поля и обстреливает Тюильри. Снаряд упал на улице Марш Сент-Оноре. На Кур-ла-Рен храбро сражался 188-й батальон. Тюильри вооружен пушками и обстреливает Триумфальную арку. На авеню Мариньи жандармы расстреляли двенадцать сдавшихся федералов; их тела до сих пор лежат на тротуаре перед табачной лавкой. На Севрской улице *мстители де Флурен* обратили в бегство целый линейный полк: *мстители* поклялись сопротивляться до последнего человека. Они сражаются на Елисейских полях, вокруг Военного министерства и на бульваре Осман. Домбровский был убит в замке ла Мюэтт. Версальцы атаковали западный вокзал Сен-Лазар и маршируют к казармам Пепиньер. “Нас продали, предали и застали врасплох; но какое это имеет значение, мы восторжествуем. Нам больше не нужны вожди или генералы; за баррикадами каждый человек - маршал!”

Статуи бедняги Прадье.

Площадь Согласия: ЛИЛЛЬ страдает от своих боевых друзей, в то время как СТРАСБУРГ, облаченный в креп, оплакивает врага Франции.

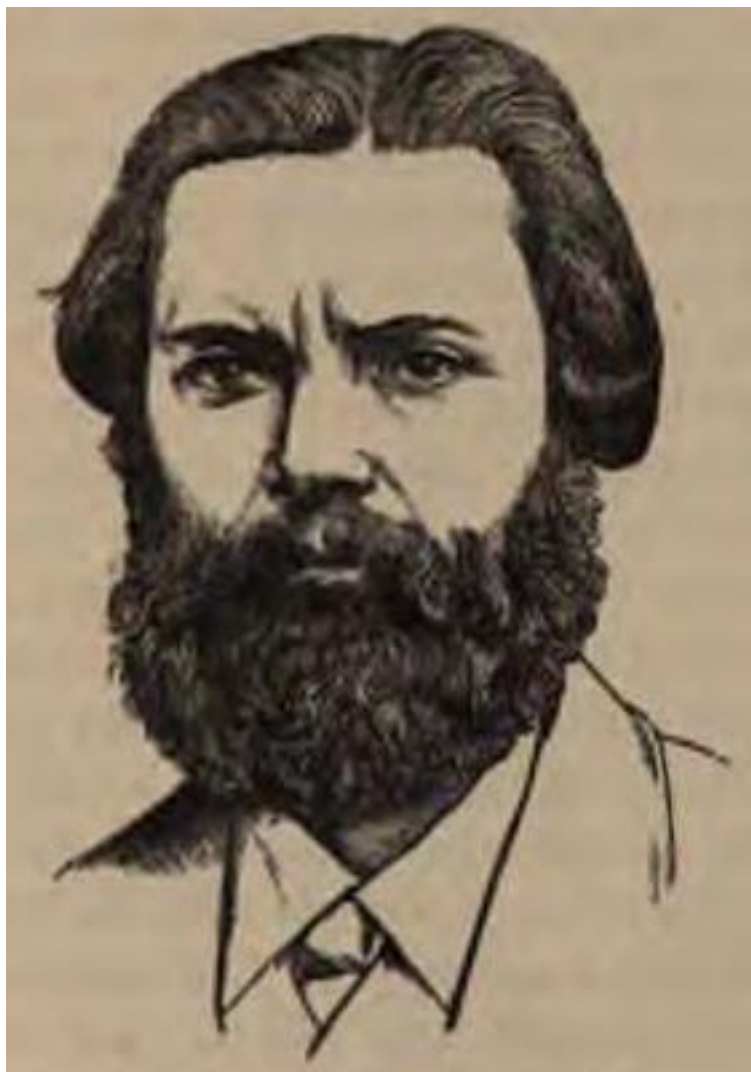

Огонь и вода — Воздействие огня на фонтаны площади Согласия и Шато д'О— Хирондель-де-Пари

Восемь или десять человек бегут по шоссе д'Антен; они присоединяются, выкрикивая: "Версальцы захватили казармы; они устанавливают батарею. Делеклюз был схвачен в Военном министерстве. "Это ложь!" - восклицает одна из вивандиерок. "Мы только что видели его в Ратуше". "Да, да, " кричат другие женщины, - "он в Ратуше. Он подарил нам митральезу. Жюль Вальес обнял нас, одного за другим; он прекрасный человек, он такой! Он сказал нам, что все идет хорошо, что версальцам никогда не захватить Париж, что мы окружим их и что все будет кончено через два дня". — "Да здравствует Коммуна!" - последовал ответ. Баррикада к этому времени закончена. Они ежесекундно ожидают нападения. "Вам, " сказал сержант, - вам лучше убраться отсюда, если вам дорога ваша жизнь". Я не жду, пока мужчина повторит свое предупреждение. Я возвращаюсь по бульвару, который уже не такой пустынный, как раньше. У дверей стоят несколько групп. Представляется вполне очевидным, что войска Ассамблеи добились немалых успехов с момента своего вступления. Федералы,

удивленные внезапностью и количеством атак, поначалу сильно сдали позиции. Но сопротивление организуется. Они удерживают оборону на площади Согласия; на Вандомской площади они очень многочисленны и имеют в своем распоряжении огромное количество артиллерии. Монмартр яростно обстреливают. Я сворачиваю на улицу Вивьен, где встречаю нескольких человек в поисках новостей. Они говорят мне, что “два батальона Сен-Жерменского предместья только что перешли на сторону войск, поменяв мушкеты местами. Капитан Национальной гвардии был первым в этом квартале, кто развернул триколор. От снаряда загорелось здание Министерства финансов, но пожарным в разгар обстрела удалось его потушить”. На Биржевой площади я вижу, как трое из четырехсот федералов возводят баррикаду; набравшись некоторого опыта, я спешу дальше, чтобы избежать неприятностей, связанных с принуждением к службе. Окружающие улицы почти пустынные; Париж затаился. Канонада становится все яростнее с каждой минутой. Я пересекаю сад Пале-Рояля. Там я вижу нескольких празднично одетых, стайка детей скачет вприпрыжку. Улица Риволи вся заполнена людьми. Батальон спешно марширует от Ратуши; во главе едет молодой человек на великолепном вороном коне. Это Домбровский. Мне сказали, что он мертв. Он очень бледен. “Осколок снаряда попал ему в грудь в Ла-Мюэтте, но не задел плоть”, - говорит кто-то. Маршируя, мужчины распевают *гимн Департамента*. Я вижу среди повстанцев несколько женщин с оружием в руках; у одной, идущей сразу за Домбровским, на руках ребенок. Глядя в сторону площади Согласия, я вижу дым, поднимающийся с террасы Тюильри. Напротив Министерства финансов, по эту сторону баррикады, находится какая-то черная масса; мне кажется, я различаю колеса; это либо пушки, либо паровозы. Кругом неразбериха. Я отчетливо слышу ружейную пальбу, но шум, кажется, доносится с Елисейских полей; они стреляют не по баррикаде. Я поворачиваюсь и иду к Ратуше: мимо постоянно проезжают конные экспрессы; роты федералов тут и там лежат на земле вокруг своих сложенных мушкетов. На улице Лувр есть еще одна баррикада; чуть дальше - еще одна, а потом еще одна.^[100] Недалеко от Сен-Жермен-л'Оксерруа женщины заняты опусканием деревянных скамеек; дети катят пустые винные бочки и таскают мешки с землей. По мере приближения к Ратуше баррикады становятся выше, лучше вооружены и укомплектованы большим количеством людей. Все местные жители здесь выглядят пылкими, решительными и свирепыми. Они мало говорят и совсем не кричат. Два охранника, сидя на тротуаре, играют в пикет. Я проталкиваюсь дальше, и мне разрешают пройти. Баррикады здесь закончились, и мне нечего бояться брусчатки. Подняв голову, я вижу, что все окна закрыты, за исключением одного, где две пожилые женщины заняты тем, что кладут матрас между окном и ставней. Часовой, стоящий на страже перед кафе “Компания Газа”, кричит мне: “Вы не можете пройти здесь!” Поэтому я сажусь за столик перед кафе, которое, несомненно, было оставлено открытым по приказу, и где несколько офицеров оживленно беседуют. Один из них встает и подходит ко мне. Он грубо спрашивает меня, что я здесь делаю. Я не позволю себе смутиться его тоном, но достаю из кармана свой пропуск и показываю ему, не говоря ни слова. “Хорошо”, - говорит он, а затем садится рядом со мной и говорит мне: “Я уже знаю, что часть левого берега реки занята войсками Ассамблеи, что повсюду идут бои и что армия на этой стороне постепенно отступает. — Видите ли, уличные бои - это наше дело, - продолжает он. В таких битвах, как эта, самый обыкновенный геймен из Бельвиля знает об этом больше, чем Макмахон.... Это будет ужасно. Враг расстреливает заключенных”. (В течение последних двух месяцев Коммуна говорила то же самое.) “Мы не дадим пощады”. — Я спрашиваю его, — “Это Делеклюз полон решимости сопротивляться?” - “Да”, - отвечает он.^[101] “Наклонитесь немного вперед. Посмотрите на те три окна слева от трофея. Это Главный государственный зал. Делеклюз отдает там приказы, подписывает поручения. Он не спал три дня. Только что я едва знал его, он был так измучен усталостью. Комитет общественного спасения постоянно заседает в

соседней комнате, издает прокламации и декреты”. “Ха—ха!” — сказал я. “указы!” - “Да, гражданин, он только что провозгласил героизм!”^[102] Офицер сообщает мне еще несколько фрагментов информации. Сообщает мне, что “у Луллье сегодня утром было расстреляно тридцать *рефрактеров*, и что Риго отправился в Мазас присматривать за заложниками”. Пока он говорит, я пытаюсь разглядеть, что происходит на Городской площади. Там находятся две или три тысячи федералов, некоторые сидят, некоторые лежат на земле. Идет оживленная дискуссия. Несколько маленьких бочонков стоят на стульях; мужчины то и дело встают и толпятся вокруг бочонков, у некоторых нет стаканов, но они пьют из ладоней. Женщины ходят взад и вперед группами, дико жестикулируя. Мужчины кричат, женщины визжат. Конные экспрессы галопом вылетают из отеля, некоторые в направлении Бастилии, некоторые - к площади Согласия. Последние пролетают мимо нас, выкрикивая: “Все хорошо!” Мужчина выходит на балкон ратуши и обращается к толпе. Все федералы с энтузиазмом вскакивают на ноги. — “Это Вальес”, - говорит мне мой сосед. Я уже узнал его. Я часто видел его в студенческом квартале, в маленькой *кремери* на улице Серпенте. Он был склонен сочинять стихи, кстати, довольно плохие; мне особенно запомнился один - панегирик зеленому мундиру. Раньше говорили, что у него была ситуация в *погребальных помпах*.^[103] На его лице уже тогда было горькое и жестокое выражение. Он оставил поэзию ради журналистики, а затем журналистику ради политики.

Жюль Вальес, комиссар общественного просвещения^[104]

Сегодня он разглагольствует в окне Ратуши. Я не могу разобрать ни слова из того, что он говорит; но когда он уходит, ему бурно аплодируют. Эти аплодисменты причиняют мне печальную боль. Я чувствую, что эти мужчины и эти женщины помешаны на крови и будут знать, как умереть. Увы! сколько уже убитых и умирающих! ни канонада, ни ружейный огонь не прекращаются ни на мгновение. Теперь я вижу, как несколько женщин выходят из отеля, толпа расступается, пропуская их. Они идут в нашу сторону. Они одеты в черное, их руки обвязаны черным крепом, а на шляпках - красные кокарды. Мой друг офицер сказал мне, что это гувернантки, занявшие места монахинь. Затем он подходит к ним и спрашивает: "Вам это удалось?" — "Да," отвечает один из них, " вот наше поручение. Школьники должны быть заняты изготовлением мешков и наполнением их землей, а старшие - зарядкой винтовок за баррикадами. Они будут получать паек, как национальные гвардейцы, а матерям тех, кто погиб за Республику, будет назначена пенсия. Уверю вас, они помешаны на войне. Мы заставили их усердно работать в течение последнего месяца, это будет их праздник!" Женщина, которая говорит это, молода и хороша собой, и говорит с милой улыбкой на губах. Я содрогаюсь. Внезапно появляются два штабных офицера и яростно скачут к Ратуше; они приехали с Вандомской площади. Мгновение спустя звучат трубы. На площади собираются компании, и в отеле царит сильное волнение. Мужчины снуют туда-сюда. Офицеры, находящиеся в кафе, где нахожусь я, немедленно встают и идут занимать свои места во главе своих людей. Распространяется слух, что версальцы заняли баррикады на площади Согласия.— "Клянусь Юпитером! Я думаю, тебе лучше пойти домой," говорит мне мой сосед, застегивая пояс с мечом. " У нас здесь будет горячая работа, и это скоро. Я считаю разумным последовать этому совету. Один взгляд на это Место, прежде чем я уйду. Отряды федералов только что быстрым маршем двинулись по улице Риволи и набережным, выкрикивая "Да здравствует Коммуна!", и свирепая радость сияла на их лицах. Молодой человек, почти юноша, немного отстает, к нему подбегает женщина и, схватив его за воротник, кричит: "Ну, а ты, ты не собираешься дать себя убить вместе с остальными?"

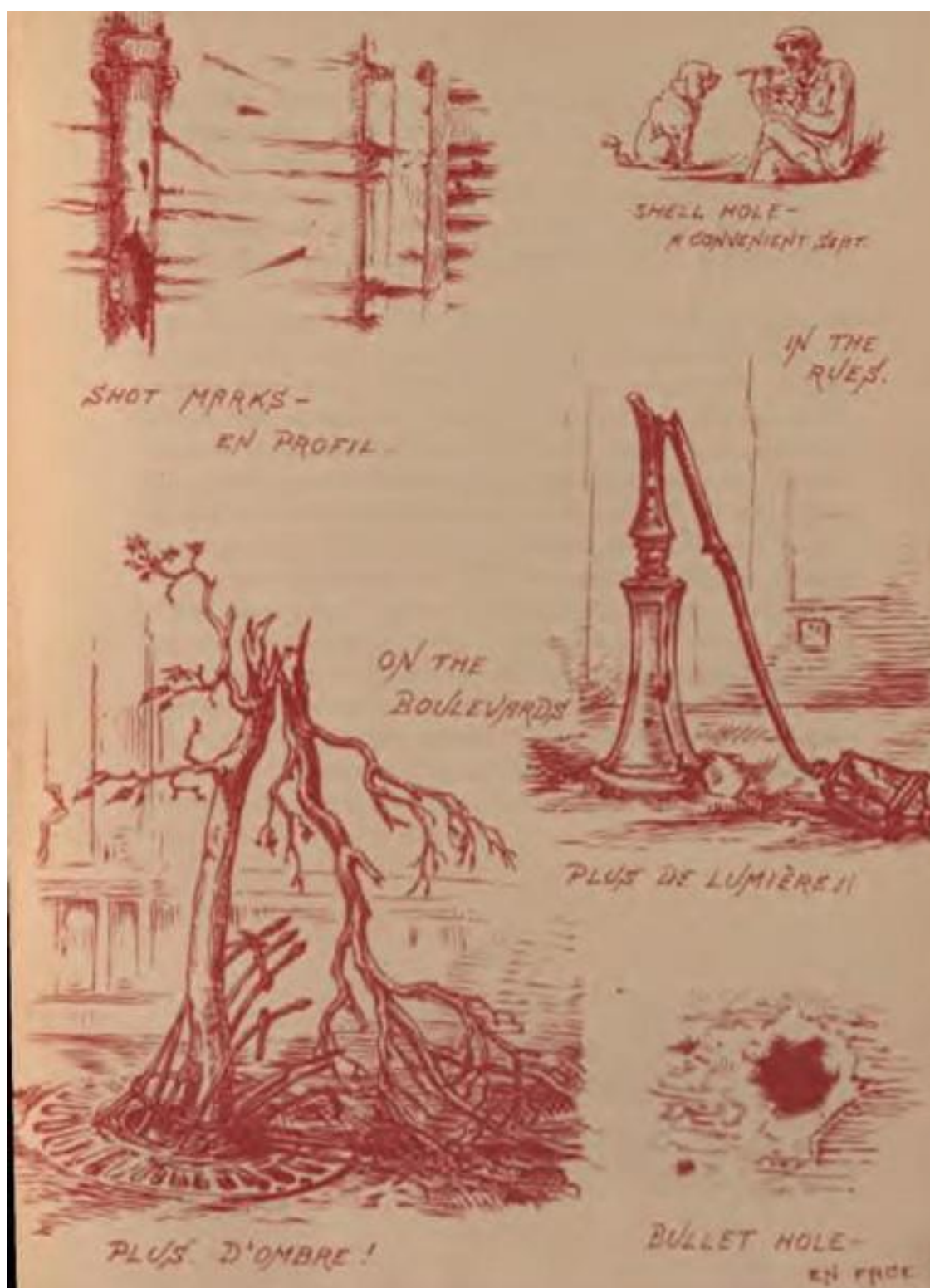
Баррикада , разделяющая улицу Риволи и площадь Согласия

Я выхожу на улицу Вьей-дю-Тампл, где возводится еще одна баррикада. Кладу на нее брусчатку и прохожу дальше. Вскоре я вижу открытые магазины и пассажиров на улицах. Этот квартал торговцев, похоже, пережил парижские беспорядки. Здесь можно было бы почти забыть о страшной гражданской войне, которая разгорается так близко, если бы разговоры окружающих не выдавали страданий ораторов, и если бы вы не слышали, как непрерывно гремят пушки: “Жители Парижа, послушайте меня! Я разрушаю ваши дома. Послушайте меня! Я убиваю ваших детей”.

На бульварах все больше баррикад; некоторые почти закончены, другие едва начаты. Одна из них, построенная возле ворот Сен-Мартен, выглядит устрашающе. Этому месту, похоже, суждено было стать театром кровавых сцен, бунтов и революций. В 1852 году за перилами были свалены в кучу трупы, а весь тротуар был залит кровью. Я возвращаюсь домой глубоко опечаленный; я едва могу думать. Я чувствую себя как во сне и смертельно устал; мои веки сами собой опускаются; я похож на один из тех домов с закрытыми ставнями.

Возле Гимназии я встречаю друга, который, как мне казалось, был в Версале. Мы печальножимаем друг другу руки. - Когда ты вернулся? - спрашиваю я. “Сегодня? — спрашиваю я. - Я следовал за войсками. — Затем, возвращаясь вместе со мной, он рассказывает мне о том, что видел. У него был пропуск, и он вошел в Париж вслед за артиллерией и линией фронта, дошел до Трокадеро, где солдаты остановились, чтобы занять свой боевой порядок. По всей длине набережных не было видно ни одного человека. На Марсовом поле он не заметил ни одного повстанца. Стрельба казалась очень жестокой возле Вожирара на Королевском

мосту и вокруг Дворца промышленности. Снаряды с Монмартра неоднократно падали на набережные. Он мало что мог разглядеть, но видел только дым вдалеке. Он не встретил ни души. Такой ужасный шум в таком уединении внушал страх. Он продолжил свой путь под прикрытием парашюта. В одном месте он увидел, как несколько гаминов отрезали огромные куски мяса от мертвого тела лошади, лежавшего на тропинке. Должно быть, там шла битва. Внизу, у воды, мужчина ловил рыбу, в то время как в реку, немного выше, в ярде или двух от берега, упали две раковины. Затем он счел благоразумным подойти поближе к Промышленному дворцу. К тому времени сражение почти закончилось, но не совсем. Елисейские поля были погружены в крайнюю меланхолию; там не было ни души. Это было правдой в буквальном смысле слова, поскольку на земле лежало несколько трупов. Он увидел рядового, лежащего под деревом, его лоб был залит кровью. Мужчина открыл глаза, словно собираясь что-то сказать, когда услышал звук шагов, веки задрожали, а затем появилась дрожь, и все было кончено. Мой друг медленно пошел прочь. Он видел поваленные деревья и разбитые бронзовые фонарные столбы; стекло хрустело у него под ногами, когда он проходил мимо разрушенных киосков. Время от времени поворачивая голову, он видел, как снаряды с Монмартра падают на Триумфальную арку и отламывают большие каменные обломки. Возле Тюильри на фоне дыма виднелась растерянная масса солдат. Внезапно он услышал свист пули и увидел, как упала ветка дерева. От одного конца проспекта до другого - никого; дорога сверкала белизной на солнце. Когда он пересекал Елисейские поля, повсюду валялось много мертвых. Все улицы слева были заполнены солдатами; там шли бои, но теперь они закончились. Повстанцы отступили в направлении реки Мадлен. Во многих местах из окон свисали трехцветные флаги, женщины улыбались и махали войскам носовыми платками. Присутствие солдат, казалось, успокоило всех. Консьержи сидели перед своими дверями с трубками во рту, рассказывая внимательным слушателям об опасностях, которых они избежали; о том, как пули пробивали матрасы, развешанные у окон, и о том, как федералы проникали в дома, чтобы спрятаться. Один сказал: "Я нашел троих из них у себя во дворе; я сказал лейтенанту, что они были там, и он приказал их расстрелять. Но я бы хотел, чтобы они их забрали; я не могу держать трупы в доме". Другой разговаривал с несколькими солдатами и показывал им дом. Четверо солдат и капрал вошли в указанное место, и мгновение спустя мой друг услышал треск винтовок. Консьерж потерял руки и подмигнул прохожим, в то время как другой говорил: "Они ничего не уважают, эти федералы; во время боя они пришли, чтобы украсть. Они хотели забрать мою одежду, мое белье, все, что у меня есть, но я сказал им оставить это, что им этого недостаточно, что они должны подняться на первый этаж, где найдут часы и тарелку, и я дал им ключ. Ну, господа, вы никогда не поверите, что они натворили, негодяи! Они взяли ключ, пошли и разграбили все на первом этаже! Мой друг услышал достаточно и ушел. Волнение повсюду было очень велико. Солдаты ходили туда-сюда, звонили в колокола, входили в дома и выводили оттуда бледнолицых пленников. Жители продолжали вежливо, но мрачно улыбаться. Тут и там на дороге валялись мертвые тела. Мужчина, толкавший грузовик, позволил одному из колес проехать по трупу, который лежал головой на бордюрном камне. "Ба! - сказал он, - это не причинит ему никакого вреда". Однако мертвых и раненых уносили так быстро, как только было возможно.

Дырка от снаряда — удобное сиденье. Следы от пуль: в профиль—В деревне—На бульварах: Плюс люмьер!! Plus d'ombre!!—Пулевое отверстие: на лице.

К этому времени пушки перестали грохотать, а бой все еще продолжался совсем рядом — несомненно, у Тюильри. Горожане были спокойны, а солдаты - надменны. Странный контраст: все эти добропорядочные граждане улыбались и болтали, а солдаты, пришедшие спасти их с опасностью для их жизни, смотрели на них сверху вниз с самым беспечным безразличием. Мой друг добрался до бульвара Осман; там трупов было много. Менее чем через сто ярдов он насчитал тридцать. Некоторые лежали под дверными проемами; на нижней ступеньке лестницы одного из домов сидела мертвая женщина. Рядом с церковью

“Ла Трините” стояли два орудия, выстрелы из которых были оглушительными; несколько снарядов упали на купальню на улице Тейбу напротив бульвара. На самом бульваре не было видно ни души. Тут и там виднелись темные массы, несомненно, трупы. Однако в тот момент, когда звук выстрела затих вдаль, и пока артиллеристы перезаряжали оружие, из дверей высунулись головы, чтобы посмотреть, какой ущерб был нанесен — подсчитать количество сломанных деревьев, вырванных скамеек и перевернутых киосков. Из некоторых окон стреляли из винтовок. Затем мой друг добрался до улицы, на которой он жил, и пошел домой. Ему сказали, что утром они подвергли жестокой бомбардировке колледж Шаптал, где укрепились зуавы Коммуны; но бой был недолгим, они взяли нескольких в плен, а остальных расстреляли.

Мой друг заперся дома, решив никуда не выходить. Но нетерпение увидеть и услышать, что происходит, вынудило его снова выйти на улицу. Казармы Пепиньеров были заняты линейными войсками; он смог без проблем добраться до Новой Оперы, оставив Мадлен, где шли ужасные бои, справа. По пути можно было увидеть груды мушкетов, сидящих и лежащих солдат и повсюду трупы. Затем ему удалось, не подвергаясь слишком большой опасности, добраться до бульваров, где повстанцы, которые тогда были очень многочисленны, еще не подверглись нападению. Некоторое время он работал на баррикаде, а затем ему разрешили пройти дальше. Так мы и встретились. Как раз в тот момент, когда мы собирались свернуть в предместье Монмартр, к нам подбежал человек и сказал, что триста федералов укрылись в церкви Мадлен, преследуемые жандармами, и продолжали сражаться более часа. “Теперь, - закончил он словами, - если *кюре* вернется, ему придется похоронить множество людей!”

Теперь я дома. Наконец-то наступил вечер; я записываю эти заметки по мере того, как они приходят мне в голову. Я слишком устал душой и телом, чтобы пытаться привести свои мысли в порядок. Канонада не прекращается, и стрельба тоже. Мне жаль тех, кто умирает, и тех, кто убивает! О! бедный Парис, когда же опыт сделает тебя мудрее?

ПРИМЕЧАНИЯ:

[98] К этому времени в Версале было известно, в каком отчаянном состоянии находилась Коммуна, по информации людей, преданных порядку, но оставшихся среди повстанцев, чтобы следить за ними и сдерживать их, насколько это возможно.

Власти Версаля знают, что благодаря хорошо направленному огню Монрету бастионы Пойнт-дю—Жур стали неприступными, и что их защитники оставили их и организовали новые оборонительные сооружения; тем не менее операции велись так же систематически, как если бы огонь осажденных не прекращался в течение нескольких дней, когда в воскресенье, 21 мая, около полудня офицер, дежуривший в окопах во время построения в Булонском лесу, заметил человека, делающего знаки белым платком возле военного поста Монрету. Сен-Клу; офицер немедленно подошел достаточно близко, чтобы услышать, как носитель флага перемирия сказал:

“Меня зовут Дюкатель, и я состою в службе инженеров дорог и мостов, и я был солдатом. Я заявляю, что ваш въезд в Париж легок, и в качестве гарантии правдивости того, что я говорю, я собираюсь сдаться”; с этими словами он перешел ров с помощью одной из опор подъемного моста, несмотря на несколько выстрелов, произведенных в него федералами, спрятавшимися в домах в Отейле, но ни один из них не достиг его цели.

Несколько решительных людей переправились через ров и без происшествий оказались на другой стороне. Несколько повстанцев, которые все еще были там, ушли, не теряя времени, оставив захватчиков закрепляться и ждать подкрепления.

Вскоре после того, как на соседнем бастионе был вывешен белый флаг с номером 62, и огонь из Монрету и Мон-Валерьяна был прекращен, пехота морской пехоты овладела

воротами, перерезав телеграфные провода, которые, как предполагалось, поддерживали связь с торпедоносцами, в то время как информация об этих важных событиях была немедленно отправлена в Версаль.

Дивизия генерала Вержеэ, находившаяся на то время под командованием генерала Дуэ, вошла в ворота в половине четвертого пополудни и овладела Пойнт-дю-Жур, после того как захватила несколько баррикад; на одной из них Дюкатель был отправлен с сигнальным флагом навстречу повстанцам, которые предложили сдаться, но он получил штыковое ранение, был доставлен в Военную школу, предстал перед военным трибуналом и приговорен к смертной казни, из которой, к счастью, был вырван прибытием версальских войск в Трокадеро в два часа дня. час ночи.

В то же время первый армейский корпус (генерала Л'Адмиро) прорвался в город через Порт-д'Отей и Пасси и занял сильную позицию на улицах Пасси.

[99] В десять часов вечера армия овладела районом, расположенным между *сентюр*ом, или кольцевой железной дорогой, и укреплениями, улицами Отей до виадука и мостом Гренель.

В полночь движение, приостановленное на время для отдыха войск, возобновилось по всей линии.

В два часа ночи генерал Дуэ занял Трокадеро; а около четырех часов его солдаты после короткого боя захватили замок Ла Мюэтт, взяв в плен около шестисот человек, а затем, продвигаясь в направлении Порта Майо, присоединились к войскам генерала Клишана, которые проникли за крепостные стены с этой стороны.

На рассвете над Триумфальной аркой развевался трехцветный флаг, при этом версальские войска не понесли ощутимых потерь. Все это происходило на правом берегу Сены.

[100] Повстанцы следовали решительному и заранее продуманному плану. Баррикады, которые пересекали улицы Парижа во всех направлениях, были устроены по общей системе, показавшей значительное мастерство. Был ли этот ансамбль концепцией Кюзере? или план Гайяра, или Юда, или Росселя? Сейчас никто не может сказать, какой именно, но, во всяком случае, мы можем вывести план из фактов и изложить его следующим образом: —

В пределах линии укреплений повстанцы образовали вторую линию обороны, которая проходит по правому берегу реки, мимо Трокадеро, Триумфальной арки, бульвара Курсель, бульвара Батиньоль и бульвара Рошешуар; и слева, через мост Иена, проспект Бурдонне, Военную школу, бульвар Инвалидов, бульвар Монпарнас и Западный железнодорожный вокзал. На всем протяжении этого кольца выходы на улицы были заграждениями, а “Места” превратились в редуты.

Из этого двойного *окружения* укреплений линии обороны сходились вдоль больших бульваров, Королевской улицы, Морского министерства, террасы садов Тюильри, площади Согласия, Дворца Легислативизированного корпуса, Бургундской улицы и улицы Варенн. Этот третий *оцепление* обороны было предметом гордости повстанцев; они никогда не уставали восхищаться своей знаменитой баррикадой на улице Сен-Флорентин и той, что перекрывала набережную на углу сада Тюильри и площади Согласия.

Это еще не все. Предположим, что третья линия была бы форсирована, повстанцы даже тогда не остались бы без ресурсов. На левом берегу Сены они последовательно отступили на улицу Гренель, улицу Сен-Доминик и улицу Лилль, все три были закрыты баррикадами; на правом берегу они могли продолжать борьбу на улице Нев-де-Пти-Шан, улице Мира и Вандомской площади, и даже после того, как были отброшены эти последние отступления, они все еще могли оборонять улицу Сент-Оноре и отступать мимо дворца Тюильри, Лувра и Ратуши.

[101] В следующем воззвании, опубликованном 21 мая, Делеклюз стимулировал коммунистическую партию, которая чувствовала, что ее власть тает со всех сторон:

“НАРОДУ ПАРИЖА, НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ.

“ГРАЖДАНЕ, с нас хватит милитаризма; давайте больше не будем носить расшитые и позолоченные по каждому шву ткани!

“Дайте место людям, настоящим бойцам с обнаженным оружием! Пробил час войны за независимость!

“Народ ничего не смыслит в научных маневрах, но с винтовкой в руках и мостовой под ногами он не боится всех стратегов монархической школы.

“К оружию, граждане! К оружию! Вы должны победить или, как вам хорошо известно, снова попасть в безжалостные руки *реакционеров* и клерикалов Версаля; тех негодяев, которые намеренно передали Францию Пруссии, а теперь заставляют нас платить выкуп за их измену!

“Если вы хотите, чтобы щедрая кровь, которую вы пролили, как воду, в течение последних шести недель, не была пролита напрасно, если вы хотите, чтобы свобода и равенство установились во Франции, если вы хотите избавить своих детей от страданий, подобных тем, которые пережили вы, вы восстанете как один человек, и перед вашими грозными отрядами враг, который тешит себя мыслью снова подчинить вас своему игу, не пожнет ничего, кроме урожая бесполезных преступлений, которыми он опозорил себя за последние два месяца.

“Граждане! ваши представители будут сражаться и умрут вместе с вами, если нам придется пасть; но во имя нашей славной Франции, матери всех народных революций, постоянного источника идей справедливости и единства, которые должны быть и которые будут законами мира, идите навстречу врагу и позвольте вашей революционной энергии доказать ему, что Париж может быть продан, но никогда не может быть сдан или завоеван.

“Коммуна доверяет вам, и вы можете доверять Коммуне!

“Гражданский представитель военного министерства,

(Подпись)

“Гл. ДЕЛЕСКЛЮЗ.

“Подписано Комитетом общественной безопасности: Антуан Арно, Биллиоре, Э. Юд, Ф. Гамбон, Г. Ранвье”.

Таков был отчаянный крик подавленного восстания.

[102] См. Приложение № 9.

[103] В Париже нет частных похоронных бюро и поставщиков оборудования для похорон. Все это делается компанией под надзором правительства, очень крупным концерном под названием *Погребальные помпы*.

[104] Жюль Вальес был одним из самых заметных среди участников акции 18 марта. Он был журналистом, работающим печатником, клерком в Отель-де-Виль, редактором газеты, памфлетистом и оратором в кафе по очереди, но всегда шумным и хвастливым. Андре Гилл, карикатурист, однажды нарисовал его в образе собаки гробовщика, тащащей за собой кастрюлю, и карикатура достаточно хорошо передала историю Вальеса. Лицом он был некрасив, но по выражению энергичен, почти до свирепости.

Он родился в Пюи в 1833 году и, окончив Нант-колледж, приехал изучать юриспруденцию в Париж, но в основном его занимала политика, и вскоре он оказался запертым в Мазасе в качестве политического заключенного. После некоторого времени, проведенного в

заклучении, он получил свободу и опубликовал в Нанте брошюру под названием “Деньги: литератор становится журналистом”; эта брошюра принесла ему некоторую популярность, и позже он был нанят для *Figaro* составлять биржевые отчеты, а тем временем зарабатывал на свое скромное жалованье, работая клерком в Hôtel de Ville. Когда Эрнест Фейдо в 1864 году выпустил “Эпоху”, Жюль Валлес опубликовал несколько статей в ее колонках, а чуть позже стал писателем “Вечера” с великолепным жалованьем в восемнадцать тысяч франков в год. Месяц спустя он снова остался без работы, но вскоре вновь появился со своим новым журналом “*La Rue, La Sue*”, который, в свою очередь, однако, просуществовал всего несколько номеров, а Жюль Вальес теперь занялся политикой в кафе и практиковался в застольном ораторском искусстве в *Мадридском университете*, где он поощрял и излагал проекты, которые с тех пор привел к столь ужасающему результату.

В 1869 году он стал одним из самых заядлых ораторов на предвыборных собраниях и представил себя кандидатом в Легислатурный корпус. Он не был избран, но то, что он тогда высказал свое мнение, несомненно, обеспечило ему место в Общинном собрании. В одной из последних статей Жюль Вальеса в “*Кри дю Пипл*” было объявлено о роковой решимости защищать Париж всеми возможными средствами. Статья, заканчивающаяся пророческим предложением: “М. Тьер, если он достаточно химик, поймет нас”.

XCI.

Выходить на улицу неблагоприятно; ночь была почти мирной, утро отвратительное. Грохот ружей огромен и не прерывается. Я полагаю, что на улице Фобур-Монмартр, должно быть, идет драка. Я отшатываюсь, такой страшный шум. На улице Тревиз не видно ни души, дома плотно закрыты и заперты на засовы. На втором этаже я слышу шум передвигаемой мебели и совершенно отчетливо слышу звук рыданий, женских рыданий. Я слышал, что на втором этаже дома проживает член Коммуны со своей семьей. Я собираюсь подняться наверх и посмотреть, могу ли я чем-нибудь помочь женщинам в случае опасности, когда вижу мужчину, опрометью входящего во Двор. На нем форма лейтенанта; я узнаю его, это носильщик. Он останавливается, оглядывается по сторонам и, видя, что он один, берет ружье обеими руками и изо всех сил перебрасывает его через высокую стену, которая находится по левую руку Двора. Сделав это, он бросается в дом. Там я отчетливо слышу, как он говорит своей жене: “Баррикада взята, дай мне блузку, они на Монмартре. Нам конец!” Я думаю, что носильщик, должно быть, ошибся и батарея еще не взята, потому что я слышу свист снаряда, который, кажется, доносится с Монмартра. Оглушительный шум со всех сторон удваивается, все отдельные звуки, кажется, сливаются в один непрерывный рев, подобный стуку миллиона молотков по миллиону наковален. Я едва могу это вынести; мои руки судорожно вцепляются в дверные косяки. Я высовываюсь, насколько могу, но не вижу ничего, кроме роты солдат в сопровождении двух жандармов, которые входят во Двор. Они останавливаются перед дверью дома. Несколько из них заходят внутрь, и тут я слышу звук внезапно открывшейся и захлопнувшейся двери и тяжелые шаги по деревянному полу. Я чувствую, что дрожу; этот человек, которого они пришли арестовать, — они собираются застрелить его здесь, в его собственной квартире, на глазах у его жены? Слава Богу, нет! Двое жандармов снова появляются на улице, держа заключенного между собой; его руки связаны; солдаты окружают их, и они собираются уходить, когда мужчина, воздев руки, яростно кричит: “Я сожалею только об одном, что я не взорвал весь квартал”. В этот момент окно наверху открывается, и женщина с седыми волосами высовывается наружу, крича: “Умри с миром, я отомщу за тебя!” При этих словах солдаты останавливаются, и двое жандармов возвращаются в дом. Они собираются взять жену в плен после того, как взяли

мужа. Я в ужасе падаю обратно на стул; я закрываю глаза, чтобы ничего не видеть, и зажимаю уши руками, чтобы не слышать ужасных выстрелов, но ужасный пронзительный грохот торжествует, и я все равно слышу его.

XCII.

О! те, кто этого не слышит, как они, должно быть, счастливы; они никогда не поймут, насколько страшен этот непрерывный, этот ужасный шум, и не почувствуют, что каждая пуля нацелена кому-то в грудь, и каждый снаряд несет за собой разрушение. Страх и жуть сжимают сердце и сводят с ума разум. Перед глазами проносятся видения трупов, домов, давящих спящих обитателей, людей, падающих и взывающих о пощаде! и довольно странно продолжать жить среди толпы, которая умирает!

Я отсутствовал некоторое время, мяч просвистел у меня над плечом и расплющился о железный прут на витрине магазина. Я услышал, как на тротуар посыпались осколки стекла. Я решил вернуться домой.

На обратном пути мне пришлось пройти мимо ликерной лавки, дверь которой была открыта, и несколько мужчин разговаривали там. Я остановился, чтобы узнать новости. Монмартр взят; федералы не оказали особого сопротивления, но на боковых улицах и переулках велась интенсивная стрельба. Семеро повстанцев были окружены. “Сдавайтесь, и ваши жизни будут спасены”, - кричали солдаты. Они ответили: “Мы пленники”, но один из них выхватил револьвер и выстрелил офицеру в ногу. Затем солдаты схватили семерых мужчин, бросили их в большую яму и застрелили сверху, как кроликов. Другой мужчина сказал мне, что видел мертвого ребенка, лежащего на углу Римской улицы. “Симпатичный парнишка, “ сказал он, - его мозги были разбросаны по тротуару рядом с ним”. В-третьих, когда все бои на площади Сен-Пьер закончились, раздался ружейный выстрел, и капитан егерей упал замертво. Майор, который был там, поднял глаза и увидел человека, пытающегося спрятаться за дымовой трубой; солдаты проникли в дом, схватили его на крыше и спустили вниз. Что сделал повстанец, но подошел к майору, улыбаясь, и нанес ему удар по щеке. Майор прижал его к стене и вышиб ему мозги из револьвера. Другой арестованный повстанец скорчил солдатам оскорбительную гримасу; они застрелили его. На южных окраинах Парижа действия армии были не такими удачными, как здесь. В Сен-Жерменском предместье она продвигается очень медленно, если вообще продвигается. Федералы сражаются с героическим мужеством на вокзале Мон-Парнас, улице Нотр-Дам-де-Шан и Круа-Руж; с углов улиц, из окон, с балконов раздаются выстрелы, которые редко бывают неэффективными. Такого рода боевые действия утомляют солдат, особенно потому, что дисциплина не позволяет им применять те же меры. В Сен-Кане марш войск также остановлен; баррикада на улице Клиши держится и продержится какое-то время. В других кругах преимущества, достигнутые версалем, очевидны. Кое-где оказывается небольшое демонстративное сопротивление, но повстанцы обращаются в бегство. Я не могу сказать, верны ли все эти ходящие слухи. Возвращаясь домой, я оглядываюсь; на улице Жоффруа-Мари, недалеко от предместья Монмартр, я вижу Национального гвардейца, одиноко стоящего посреди улицы, его ничто не прикрывает; он заряжает ружье и стреляет, заряжает и стреляет снова; снова и снова! Тридцать три раза! Затем винтовка соскальзывает на землю, а человек пошатывается и падает.

XCIII.

Сегодня утром, 23-го, после трехчасового боя баррикада на площади Клиши все еще не сдалась. Однако два батальона национальной гвардии в начале боя поменялись оружием и братались с солдатами на площади Мэн, в ста пятидесяти ярдах от места схватки. Треск винтовок, разрывы снарядов и звук митральез наполнили воздух. Запах пороха был удушающим. Ужасные крики раздавались среди бедных раненых, и свистящие снаряды с Монмартра разрывали воздух над головой в своем огненном полете. “Под нами, - сказал житель Батиньоля, сообщивший мне эти подробности, - под нами город лежал, как кипящий котел”.

Бой барабанов и резкие звуки труб смешивались с этим чудовищным шумом и то и дело терялись в оглушительном грохоте стрельбы.

Около половины второго звуки стали тише; баррикада была взята. Повстанцы в беспорядке отступали к Ла-Шапель и Бельвилью; линейные солдаты потоком ворвались на авеню Клиши, оставив трехцветный флаг водруженным на разобранную баррикаду.

Тут и там, на улицах, борьба не прекращалась. На улице Бланш с первого этажа раздался ружейный выстрел; мужчина был схвачен и казнен у собственной двери. Артиллерия двигалась вверх по улице Шапаль в направлении Монмартра и Ла Шапель. День был очень жаркий; на орудия выливали ведра с водой, чтобы утолить их жгучую жажду. Все молодые люди, которых находили на улицах, были временно арестованы, так как они боялись всех, даже детей, и ужасная месть и жажда крови овладели всеми. Внезапно раздавался отдельный выстрел, за которым через минуту или две следовали пять или шесть других. Каждый знал, что возмездие совершено.

Около четырех часов пополудни, когда кварталы Бельвиль и Клиши были довольно хорошо очищены от войск, двое повстанцев шли друг за другом по улице Леони. Тот, кто шел последним, поднял винтовку и небрежно выстрелил в направлении окон; выстрел прозвучал очень громко на тихой улице, и оконное стекло вдребезги упало на землю. Повстанец, шедший впереди, даже не повернул головы; эти люди, похоже, стали совершенно безразсудными и глухими ко всему.

Чего солдаты больше всего боялись, так это метких стрелков, спрятавшихся в домах и целящихся через маленькие дырочки и щели; внезапно раздавался щелчок, и офицеры подносили к глазам очки; чаще всего вообще ничего не было видно, но если за оконной занавеской появлялась малейшая тень, раздавался приказ: “Обыскать этот дом!” Казни проводились не в квартирах. Время от времени одного-двух жителей выводили на улицу, и они никогда не возвращались!

XCIV.

Сейчас середина ночи, и я, испуганно вздрогнув, просыпаюсь. Сквозь стекла струится яркий красный свет. Я распахиваю окно; небо слева — сплошная масса темного дыма и зловещих полос света - это пожар, Париж в огне!^[105] Я одеваюсь и выхожу. На углу улицы Тревиз меня останавливает часовая: “Вам нельзя проходить”. Я настолько сбит с толку, что и не думаю обращать внимание, федерал он или солдат. Что мне делать, куда мне идти? Хотя час назад вокруг свистели пули, теперь люди стоят у каждого окна. “Министерство финансов в огне! Королевская улица! Лувр!” Лувр! Я с трудом удерживаюсь от крика ужаса. Через минуту

чудовищность катастрофы обрушилась на меня. О! *шедеврам* нет числа! Я вижу, как тебя пожирают, поглощают, превращают в пепел! Я вижу, как шатаются стены, холсты выпадают из рам и сморщиваются; “Свадьба Ханаана” объята пламенем! Рафаэль бьется в горячей печи! Леонардо да Винчи больше нет! Это было поистине неожиданное бедствие! Судьба приготовила нам этот ужасный сюрприз! Но я не поверю этому, эти слухи, несомненно, ложны! Откуда этим людям, населяющим этот квартал, знать то, о чем я ничего не знаю? И все же небо над нашими головами окрашено в черно-красный цвет!

Руины Королевской улицы, выходящие на площадь Согласия и через улицу Фобур Сент-Оноре.

Станный запах наполняет воздух, как от чудовищной керосиновой лампы, которую только что зажгли. Это страшное слово, керосин, заставляет меня содрогнуться. Однажды я отчетливо слышу звук тяжелого падения огромного тела. Не иметь возможности получить информацию - это ужасно; не знать, что происходит, в то время как все вокруг, кажется, охвачено огнем; день начинает рассветать, ружейная стрельба и канонада начинаются заново, это ад, со смертью за поясом! Передо мной я вижу угол здания, освещенный огнем, на котором отражаются маленькие спиральки дыма от далекого пожара. Я спешу домой, я хочу спрятаться, уснуть, забыться. Когда я нахожусь в своей комнате, я вижу сквозь белые занавески на окне яркий свет. Я дрожу и бросаюсь к окну! Это позолоченные буквы вывески на противоположной стороне дороги выбрасывают яркие вспышки, позаимствованные у далеких языков пламени.

Бухта Тюильри — от площади Карусель. Теплый уголок рядом с Лувром

Millière^[106]

ПРИМЕЧАНИЯ:

[105] 24 мая КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ издал следующие хладнокровные указы:

“Гражданин Мильер во главе ста пятидесяти человек с запалами должен поджечь все подозрительные дома, а также общественные памятники на левом берегу Сены.

“Гражданин Дерюр со ста пятьюдесятью запальщиками находится в ведении 1-го и 2-го округов.

“Гражданин Биллиорэй с сотней человек обвиняется в 9-м, 10-м и 20-м округах.

“Гражданину Везинье с пятьюдесятью солдатами особенно доверены бульвары Мадлен и Бастилия.

“Эти граждане должны прийти к взаимопониманию с офицерами, командующими баррикадами, для выполнения этих приказов.

“DELESCLUZE, RÉGÈRE, RANVINE, JOHANNARD, VÉSINIER, BRUNEL, DOMBROWSKI.

“Париж, 3 Прериала, 79 год”.

[106] Этот Мильер, в прошлом адвокат и автор "*Марсельезы*", был уроженцем Сент-Этьена, ему было пятьдесят четыре года, он был хладнокровным оратором и сторонником передовых идей, что привело его к нескольким тюремным срокам. В марте 1870 года он был доставлен из тюрьмы Сент-Пелажи для дачи показаний в Туре против Пьера Бонапарта по обвинению в убийстве Виктора Нуара, где его ясные показания во многом свидетельствовали против заключенного. Вернувшись на свободу, он стал еще более революционным, чем когда-либо, и писал во время осады в "*Patrie en Danger*". В "Мире" он стал одним из членов партии "За Париж" и заседал в Бордо и Версале, обсуждая социальные темы и закон о квартирантах. Примерно 10 апреля он принял участие в движении Коммуны и при входе войск был схвачен в Люксембурге после того, как произвел шесть выстрелов из револьвера, был застрелен на

ступенях Пантеона и умер, когда расстегнул рубашку, крича: “*Да здравствует Республика! Vive la Liberté! Vive l’Humanité!*”

XCV.

Конечно, я не питал напрасных иллюзий. То, что вы сделали, господа из Коммуны, просветило меня относительно вашей ценности и чистоты ваших намерений. Видеть тебя лгать, красть и убивать, я сказал бы вам: “вы лжецы, грабители, и убийцы;” но действительно, несмотря гражданин Феликс пять, кто трус, а гражданин Миот, кто дурак, несмотря на Мьер, кто стрелял *réfractaires*, и Филипп, чье производство должно быть безымянным; несмотря Дакоста, который забавлялся с иезуитами в Консьержери, “разум, вы должны быть расстреляны в час,” а потом часа и затем вернулись, чтобы сказать: “я уже думал об этом, и это на завтра;” несмотря на Johannard, которые выполняются ребенком из пятнадцати виновным продажа подавленной газета; несмотря Rigault, которые, зажимные сын Chaudey под подбородком, - со смехом сказал ему: “завтра, малыш, мы будем стрелять папа;” несмотря на все безумцы и дураки, которые составляют Коммуны де Пари, кто после того, виновны больше, чем изыски необходимы, чтобы сделать мужчину отправили в сумасшедший дом в Шарантоне, и больше преступлений, чем достаточно, чтобы закрыть его в тюрьме в Sainte-Pélagie, удалось, при помощи любой формы, нечестия и лишней, чтобы сделать наш любимый Париж испуганный раб, пригнувшись к земле под их гнусной тиранией; несмотря ни на что, я и мечтать не могли, что даже их демонической ярости мог бы пойти так далеко, чтобы попытаться сжечь Париж, после того, как испортил! Нерон из трущоб! Сарданапал, опьяненный купоросом! Итак, ваше тщеславие хотело, чтобы такой вулкан поглотил вас, и вы пожелали умереть при свете такого *аутодафе*. Вместо факелов вокруг вашей похоронной машины вы пожелали, чтобы Тюильри, библиотека Лувра и Дворец ордена Почетного легиона сгорели дотла, Королевская улица превратилась в огромный пожар, где рушащиеся стены погребли заживо женщин и детей, а Лилльская улица извергала огонь и дым, как кратер Везувия.

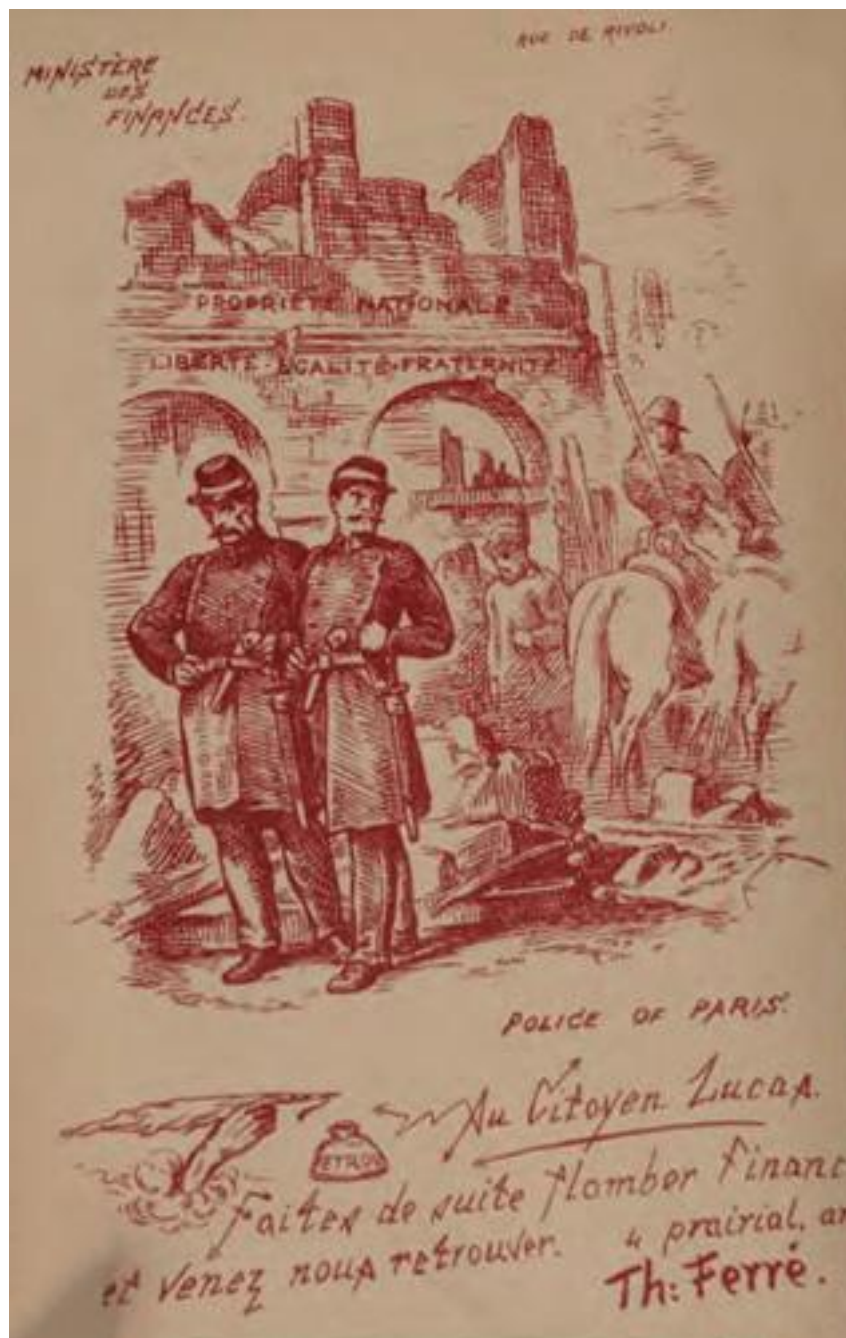

Дворец правосудия, частично разрушен. Сент-Шапель, спасен.

Вам приятно, что тысячи семей разорены, их сбережения рассыпаны в прах среди исчезнувших бумаг сгоревшего министерства финансов и *Государственной службы*. Увидев, что художественные галереи Лувра остались нетронутыми, сгорела только его библиотека, вы, должно быть, были охвачены безумной яростью. Как? Собор Парижской Богоматери еще не объят пламенем? Сент-Шапель не горит? У вас больше нет керосина, нет горящих факелов? Крика “К оружию!” недостаточно, вы должны кричать “К огню!” Неужели вы поглотили бы весь город и превратили бы его руины в ужасный памятник своей памяти?

Не говорите: “Мы этого не делали; это люди сами вершат свою месть, а мы ни за что не боимся, мы кротки, как ягнята. Раньше и мухи не обидит. Долой все это притворство; разве не вы стояли на балконе Ратуши в своих кроваво-красных шарфах и отдавали приказы? Население, обманутое и ослепленное, всего лишь подчинилось вам. Разве все обстоятельства, приведшие к этой колоссальной катастрофе, не свидетельствуют о тщательно продуманном плане, разработанном задолго до этого? Разве мы не читали это уведомление ежедневно в вашем официальном журнале: “Всех, у кого есть нефть, просят немедленно заявить о количестве, имеющемся в их распоряжении?” Разве в квартале Инвалидов не погасла чиркающая спичка, которая должна была передать пламя бочонкам с порохом, давным-давно помещенным в огромную канализацию? Да, то, что произошло, было предопределено вами. Если бедствия не были более ужасными, не потому ли, что, удивленные внезапным прибытием войск, вы не имели времени закончить свои приготовления? Да, вы преступники! Именно Юдес раздавал нефть *Петро Лез*; именно Феликс Пай заложил шлейф с порохом. Именно Тридон сказал: “Позаботьтесь о том, чтобы флаконы не были откупорены”. Общественный поджигательный комитет хорошо выполнил свой долг! Злостные преступники! Отвратительные безумцы! Пусть Небеса будут мне свидетелями, что мое сердце ненавидит месть, всегда склонно прощать — но за это! Какое

наказание может быть достаточно великим, чтобы утолить гнев правосудия! Какой обет покаяния можно было бы принести с таким пылом, чтобы его приняли на Небесах, даже в тот момент, когда, сраженные шарами, они жертвуют своей жизнью во искупление грехов? Зablудшее человечество!

Ministère Des Finances, Rue de Rivoli:

POLICE OF PARIS.

Au citoyen Lucas,

Faites de suite flamber Finances et venez nous retrouver.

4 prairial, an 79. Th: Ferré.

Ferré^[107]

ПРИМЕЧАНИЯ:

[107] Ферре, друг Рауля Бигулта и его коллега по Комиссии общей безопасности, как и последний, долгое время находился в тюрьмах за свои политические статьи, мятежные предложения, заговоры против государства и т.д. Это маленький человечек ростом около пяти футов и очень активный. Он с жадностью подписал запрет почти всех парижских журналов и смертный приговор большому числу несчастных заключенных с одобрения Рауля Бигулта. Он охотно взялся объявить архиепископу Парижскому, что настал его последний час. Следующий приказ, составленный им, был найден на теле повстанца: “Немедленно подожгите Министерство финансов и возвращайтесь сюда.

4 Прериал, номер 79.

(Подпись) Т. ФЕРРЕ”.

См. [Приложение, №10.](#)]

ХСVI.

С тремя друзьями я стоял на крыше дома недалеко от новой оперы, наблюдая за происходящим вокруг. Зрелище было таким, что ужас парализует все остальные чувства, даже чувство самосохранения. Ужас окружен пылающей атмосферой ужаса! Ратуша объята пламенем; дым, временами темно-красный, окутывает все, так что невозможно различить ничего, кроме очертаний огромных стен; ветер сильными порывами приносит смертоносный

запах — возможно, горелой плоти, — от которого болит сердце и кружится голова. С другой стороны, Тюильри, Почетный легион, Военное министерство и Министерство финансов все еще пылают, как пять огромных кратеров гигантского вулкана! Это извержение вулкана Париж! Огромная черная масса в одиночестве отделяется от вселенского пожара, это Тур Сен-Жак, выделяющийся подобно проклятию.

Один из трех друзей, которые находятся со мной на крыше дома, примерно час назад смог подобраться к Отель-де-Виль. Он рассказал мне следующее:—

“В момент моего прибытия пламя вырвалось из всех окон Ратуши, и сильнейший ужас охватил всех жителей, запертых в окрестных кварталах, ибо распространился ужасный слух; говорят, что в подземных хранилищах содержится более пятидесяти тысяч фунтов пороха. Поджигатели, должно быть, разлили демоническую жидкость реками по большим залам, вниз по огромным лестницам, с самых чердаков, чтобы окутать даже Тронный зал. Огромный костер бросает кроваво-красные отблески на город и на набережные Института. Ночь настолько похожа на день, что письмо можно прочитать прямо на улице. Неужели это конец знаменитой столицы Франции? Неужели печально известные изверги из комитета общественной безопасности в своей трусливой предсмертной агонии приказали, чтобы это был конец? Да, это разрушение всего, что было великим, щедрым, лучезарным и утешительным для нашей страны, которое они решили завершить хором адского смеха, в котором ужас и свирепость борются с жестокой деградацией.

“В разгар этого ужаса распространяются путанные слухи. Говорят, что жар проникнет в подвалы и вызовет взрыв целых кварталов. Что тогда станет с жителями и богатствами, которые они накопили? Между Тюильри и Отель—де-Виль стоит невыносимая жара, то есть на протяжении примерно мили. Две баррикады на улице Риволи и на улице Кутельери, рядом с которыми находятся учреждения муниципальных служб — городского освещения, октроя, водоснабжения, канализации и т.д., — не будут взяты до тех пор, пока не станет слишком поздно, несмотря на энергию, с которой армия атакует их. Есть опасения, что пламя достигнет окрестностей больших складов, так густо падают горящие хлопья и сеют разрушения. Баррикады на набережных все еще целы, пройдет еще час, прежде чем их возьмут. Там яростно работают пожарные, но их усилий недостаточно! Потребовались бы тонны аммиака, чтобы утолить ярость нефти, которая, подобно раскаленной лаве, льется на площадь из Ратуши, и ее ужасный отблеск окрашивает воды Сены в красный цвет, так что кажется, что течение реки наполнено кровью, которая окрашивает камни, разбивающиеся о арки моста!”

Эти сцены представляются мне, когда я смотрю на ужасный пожар, и все, что мне говорят, я, кажется, вижу. Непреодолимое желание быть рядом овладевает мной. Я нахожусь во власти неодолимого влечения. Я наклоняюсь вперед, вытянув руки; я рискую упасть, но что имеет значение? Вид этих почти возвышенных ужасов выжегся в самом моем мозгу!

XCVII.

Она идет быстрым шагом, держась в тени стены; она бедно одета; ей от сорока до пятидесяти лет; ее лоб повязан красным клетчатым платком, с которого свисают пряди нечесаных волос. Лицо у нее красное, глаза затуманены, и она двигается, опустив взгляд на землю. Ее правая рука в кармане или за пазухой наполовину расстегнутого платья; в другой руке она держит одну из высоких узких жестяных банок, в которых в Париже разносят молоко, но которые сейчас в руках этой женщины содержат ужасную нефтяную жидкость.

Проходя мимо *стойки* постоянных посетителей, она улыбается и кивает; когда они заговаривают с ней, она отвечает: “Мой добрый месье!” Если улица пустынна, она останавливается, сверяется с клочком грязной бумаги, который держит в руке, на мгновение останавливается перед решетчатым входом в подвал, затем продолжает свой путь, уверенно, без спешки. Час спустя на улице, по которой она проходила, горит дом. Кто эта женщина? Париж называет ее *Петро-лез*.^[108] Один из этих *петро-лей*, который был пойман с поличным на улице Трюффо, разрядил шесть стволов револьвера и убил двух человек, прежде чем его передали на казнь. Другую видели падающей в дверях дома на улице Булонь, пронзенной шариками, но это была молодая девушка; при падении у нее из рук выпала бутылка с бензином. Иногда можно было увидеть, как одна из этих несчастных женщин ведет за руку маленького мальчика или девочку; и ребенок, вероятно, носит в кармане бутылку с зажигательной жидкостью вместе с крышкой и шариками.

Люксембургский дворец (фасад сада). Используется как Федеральная больница скорой медицинской помощи.^[109]

Les Pétroleurs Les Pétroleuses

ПРИМЕЧАНИЯ:

[108] Поджигатели образовали настоящую армию, состоящую из вернувшихся каторжников, отбросов тюрем, бледных, худых парней, похожих на привидения, и старух, похожих на ужасных ведьм; их число достигло восьми тысяч! У этой армии были свои начальники, и каждому отряду было поручено расстрелять четверть войска. На приказе о поджоге общественных зданий стояла печать Коммуны и Центрального комитета, а также печать представителя Военного министерства. Для частных домов были использованы более оперативные средства. Маленькие билеты размером с почтовую марку были найдены наклеенными на стены домов в разных частях Парижа с буквами В.Р.В. (*приятного аппетита брюлеру*), что буквально означает "годен для сожжения". Некоторые билеты были квадратными, другие - овальными, с головой вакханки в центре. Они были прикреплены в

местах, обозначенных вождями. Каждая *петротелеза* должна была получать по десять франков за каждый подожженный дом. 5 сентября 1871 г. Среди повстанцев, которых судили в Версале, трое петро были приговорены к смертной казни, а один - к пожизненному заключению, множество других были отправлены в ссылку или подвергнуты иным наказаниям.

[109] В среду, последовавшую за взрывом порохового погреба в Люксембургском саду, в результате которого сорвало крышу с части дворца, выбило окна и нанесло ужасающий ущерб окружающим домам, вся коммуна исчезла из окрестностей. Следующей ночью вернулись четверо мужчин, неся с собой некоторое количество бензина. Они отдали приказ, чтобы шестьсот раненых, которые тогда лежали во Дворце, были немедленно увезены. Они приступили к осуществлению своего зловещего проекта и разливали нефть по подвалам, когда солдаты бригады Патюреля были проинформированы об этом и прибыли вовремя, чтобы предотвратить его осуществление. Преступники были схвачены и расстреляны на месте.

ХСVIII.

Сейчас семь часов вечера, движение стало почти невозможным. По улицам выстроились патрули, а полки Линии расположились лагерем на внешних бульварах. Они обедают, курят, устраивают бивуаки и выпивают с горожанами на порогах их домов. Вдалеке слышен шквал звуков, говорящих об отчаянном сопротивлении Бельвиля, и вдоль подножия домов видны квадратные белые пятна, показывающие замурованные подвалы, каждое отверстие и щель замазаны, чтобы предотвратить попадание дьявольской жидкости - замурованные против *петро—леров* и петро-лез, вереницы заключенных, среди которых разъяренные женщины и бедные дети, со связанными за спиной руками, проходят по бульварам в сторону Нейи. Наступает ночь, не зажигается ни одного фонаря, и улицы становятся пустынными по мере того, как небо постепенно темнеет. В девять часов одиночество становится почти абсолютным. Время от времени доносится звук удара мушкета о мостовую; тут и там проходит часовой, и огни в домах становятся все более и более редкими.

ХСIX.

Часы и дни проходят и ужасно похожи друг на друга. Написать историю бедствий пока невозможно. Каждый видит лишь краешек картины, и собранные рассказы расплывчаты и противоречивы; теперь кажется несомненным, что восстание приближается к концу. Говорят, что форт Монруж взят, но он все еще обстреливает Париж. Несколько снарядов только что упали в квартале Банк. Бои все еще идут в Халле, Люксембурге и у ворот Сен-Мартен. Ни канонада, ни стрельба не прекращаются, и наши уши привыкли к непрекращающемуся грохоту. Но, несмотря на варварский героизм федералов, силы их сопротивления истощаются. Что стало с вождями?

Мы продолжаем фиксировать инциденты по мере их поступления.

Говорят, что Асси был схвачен недалеко от Нового оперного театра. Он совершал ночной обход почти в одиночку — “Кто там?” - крикнул часовой. Асси, думая, что этот человек - федерал, ответил: “Вам следовало бросить мне вызов раньше”. В одно мгновение он был

окружен, обезоружен и унесен. Однако это очень неправдоподобная история; крайне маловероятно, чтобы Асси не знал, что Новая опера находилась в руках версальцев.

Говорят, что Делеклюз сбежал, что Домбровский умер^[110] в машине скорой помощи и что Мильер находится в заключении в Сен-Дени. Но это всего лишь слухи, и я совершенно не осведомлен об их ценности. Единственное, в чем можно быть уверенным, так это в том, что поиски ведутся энергично. Недалеко от дымящихся руин того, что когда-то было Ратушей, они поймали гражданина Феррейгу, инспектора баррикад; он признался, что получил от Комитета общественной безопасности особый приказ сжечь магазин "Бон-Дьябль". Был ли один из этих членов комитета помощником там, и имел ли он зуб на своего бывшего хозяина? У Феррейгу в кармане была бутылка бензина; его застрелили. Мне сказали, что в театре Шатле на сцене был учрежден военный трибунал. Федералов приводят по двадцать человек за раз, судят и выносят приговор, затем их выводят маршем на Место со связанными за спиной руками. Митральеза, стоящая в сотне ярдов от них, косит их, как траву. Это быстрое изобретение. Во дворе, на улице Сен-Дени, есть конюшня, полная трупов; я сам видел их там. Театр Порт-Сен-Мартен полностью разрушен, рядом стоит охрана. Сегодня утром там были застрелены три *петро-люса*, тела до сих пор лежат на бульварах. Я только что видел двух повстанцев, идущих между четырьмя солдатами; один старик, другой почти юноша. Я слышал, как старший сказал младшему: "Все наши несчастья происходят от того, что у нас есть оружие. В 48-м у нас их не было, поэтому мы забрали у солдат, а потом они остались без денег. Сейчас больше убийств и меньше дел". Через несколько минут после того, как маленькая процессия прошла по улице Отсевиль, я услышал выстрелы двух винтовок. О, какие ужасные дни! Я чувствую себя жертвой глубочайшего уныния — если бы только все это закончилось! Город выглядит жалким; даже там, где не идут боевые действия, дома закрыты, а улицы пустынные, за исключением кое-где спешащих одиноких пассажиров или несчастного пленника, марширующего между четырьмя солдатами. Все это очень ужасно! На улицах, где все еще бушует битва, ставни не закрыты; как только солдаты входят в новый квартал города, они кричат: "Закройте окна, откройте ставни". Причина этого в том, что открытые зарешеченные наружные ставни, или *персиены*, образуют капитальный экран, через который можно прицеливаться из ружья. Что касается меня, то посреди этого ужаса и печали я чувствую себя как сумасшедший ночью. Слух о том, что заложники были расстреляны в Мазасе, набирает силу.^[111] Мне сказали, что архиепископ, аббат Дегейри и Чоди были убиты. Именно Биголт отдал приказ об этих казнях. С тех пор его схватили, и он упал, крича "Долой убийц!" Это напоминает о Дюмолларе, убийце, который назвал присяжных "Каналья!" Говорят, что Мильер была застрелена на площади Пантеона. Когда ему велели опуститься на колени, он выпрямился во весь рост, его глаза вызывающе сверкнули. Станный каприз природы - сделать этих негодяев храбрыми.

Театр Порт-Сен-Мартен. Сенсационная драма, вызвавшая сенсацию

Камера архиепископа в тюрьме Ла-Рокет.

Внутренний двор тюрьмы Ла Рокет, где были расстреляны заложники.

Тем временем Коммуна бьется в предсмертной агонии. Подобно сказочному дракону, она умирает, изрыгая пламя. Ла Виллетт охвачен пожаром, дома горят в Бельвиле и на Бют-Шомоне. Сопротивление сосредоточено с одной стороны у Пер-Лашез, а с другой - на кладбище Мон-Парнас. Восстание овладело всем Парижем, а затем пришла армия, протянув свои длинные руки от Триумфальной арки до Бельвиля, от Марсова поля до Пантеона. Из всех сил пытаюсь разорвать эти оковы, плотно окруженные, то сопротивляющиеся, то обращающиеся в бегство, *эмигранты* наконец отступили. Сейчас он там, на двух кладбищах; он наблюдает из-за надгробий; он упирает стволы своих винтовок в мраморные кресты и возводит батарею на могиле. Снаряды версальцев падают в священной ограде, вспахивают землю и извлекают мертвых из погребения. Что-то круглое покатилося по дорожке, сражающиеся подумали, что это снаряд; это был череп! Что должны чувствовать эти люди, которые убивают и быть убитыми на кладбище! Умереть среди мертвых кажется ужасным. Но они никогда не задумываются об этом; кровавая жажда разрушения, которая ими владеет, позволяет им думать только об одном - об убийстве! Некоторые из них веселы, они храбры, эти мужчины. Это делает ситуацию еще более ужасной; эти негодяи героичны! За баррикадами были случаи самой блестящей доблести. Человек у ворот Сен-Мартен, держа в руке красный флаг, стоял, не обращая внимания на опасность, на груде камней. Пули посыпались вокруг него, в то время как он небрежно прислонился к пустой бочке, стоявшей позади. — “Лентяй”, - воскликнул его товарищ. — “Нет, - сказал он, - я прислонился только для того, чтобы не упасть, когда буду умирать”. Таковы эти люди; они грабители, поджигатели, убийцы, но они не боятся смерти. У них есть только одно хорошее качество. Они улыбаются и умирают. Вивандьеры позволяют целовать себя за надгробиями; раненые пьют со своими товарищами и поливают вином свои раны, говоря: “Давайте выпьем до последнего”. И все же, возможно, через час солдаты пробьются на кладбища, до которых уже долетают их пули, они тоже обезумели от ярости; тогда начнутся ужасные штыковые бои,

человек против человека среди могил, перелетая через курганы, оскверняя памятники, все, что воображение может вообразить из самого нечестивого и ужасного — битва на кладбище!

Мой сосед "в лицо"; дела идут своим чередом — Мой сосед по соседству: кто считает себя счастливым

ПРИМЕЧАНИЯ:

[110] Наиболее достоверный отчет о его смерти дает студент-медик, который присутствовал при нем в его последние минуты. “Домбровский проходил с несколькими членами Коммуны по улице Мирра, недалеко от улицы Пуассонье, когда в него попала пуля, которая прошла через нижнюю часть его тела. Его отнесли в соседнюю аптеку, где я перевязал рану. Перед тем как его перевезли в больницу Ларибуазьер, он приказал прекратить огонь, но войска, защищавшие баррикаду, не подчинились приказу. Я передал его шпагу капитану 45-го линейного полка. Его последние слова были почти идентичны тем, которые он произнес, падая: ‘Я не предатель!’ Его злейшие враги говорили о нем, что он был хорошим солдатом в плохом деле.

[111] В тюрьме Сент-Пелажи во вторник, 23 мая, несчастные жандармы, попавшие в плен 18 мая, были расстреляны вместе с писателем М. Шоди в *Сикле*, арестованы в редакции журнала и препровождены сначала в Мазас, а затем в Сент-Пелажи. (Приложение 11).

Согласно *Постановлению*, “прокурор” коммуны Рауль Риго явился в контору около одиннадцати вечера и, послав за месье Шоди, сказал ему без всяких предисловий: “Я здесь, чтобы сказать вам, что вам осталось жить не более часа”.

“Вы хотите сказать, что меня собираются убить”, - ответил Чоди.

“Вы будете расстреляны, и это немедленно”, - последовал ответ другого.

Но, добравшись до тюрьмы, вызванные национальные гвардейцы отказались выполнять эту отвратительную работу, и прокурор сам отправился на поиски других, более послушных. Шоди вывели перед ними, Рауль Риго обнажил шпагу, чтобы подать сигнал, мушкеты были наведены и выстрелили, и Шоди упал, но только раненый. Сержант нанес ему смертельный удар, выстрелив из пистолета ему в голову. На следующий день сто пятьдесят заложников

Коммуны, заключенных в префектуре полиции, среди которых были князь Голицын и журналист Андреоли, должны были быть расстреляны по приказу Ферре, когда вспыхнули поджоги и помешали исполнению приказа. В одиннадцать часов Рауль Риго приказал освободить заключенных и обязал их сражаться за Коммуну; в ответ на их отказ в них был выпущен град пуль. Заключенные бросились в поисках убежища на улицу дю Арле, которая была охвачена пламенем, и впоследствии были спасены линейным отрядом.

Тот же день стал роковым для Рауля Риго. Отряд пехотинцев заметил его в тот момент, когда он звонил в дверь дома на улице Гей-Люссак. Его полковничья форма сразу же сделала его заметным для солдат; однако он успел войти в дом, но вскоре был обнаружен, назвал свое имя и позволил увести себя в сторону Люксембургского дворца, но, не дойдя до него, начал кричать: “Да здравствует Коммуна!” “Долой убийц!” - и попытался сбежать. Солдаты прижали его к стене и застрелили.

Следующий день, 24-е, ознаменовался судьбой заложников, которые в ожидании нападения версальцев были переведены из Мазаса в Ла-Рокет. “Монсеньор Дарбой, ” пишет очевидец (мсье Дюбют, чудом спасшийся из-за ошибки в имени), - занимал камеру № 21 4-го отделения, а я находился недалеко от него, в камере № 26. Камера, в которой содержался почтенный прелат, служила кабинетом одного из тюремщиков; она была несколько больше остальных, и товарищам монсеньора по заключению удалось раздобыть для него стул и стол. В среду, 24-го, в половине восьмого вечера директор тюрьмы — некто Лефрансэ, который в течение шести лет был заключенным в карцере, — поднялся во главе пятидесяти федералов на галерею, рядом с которой содержались самые важные заключенные. Здесь они выстроились вдоль стен, и несколько мгновений спустя один из главных тюремщиков открыл дверь камеры архиепископа и позвал его наружу. Прелат ответил: “Я здесь!” Затем тюремщик перешел к камере господина ле Президента Бонжана ([приложение 12](#)), затем к камере аббата Аллара, члена Международного общества помощи раненым; отца дю Кудре, настоятеля школы Святой Женевиевы; и отца Клера из Братства Иисуса; последним был назван аббат Дегерри, кюре церкви Мадлен. Когда были названы имена, каждого заключенного вывели на галерею и спустили по лестнице во внутренний двор; с каждой стороны, насколько я мог судить, стояли федеральные охранники, которые оскорбляли заключенных на языке, который я не могу повторить. Под крики этих негодяев моих несчастных товарищей провели через двор в лазарет, перед которым выстроилась шеренга солдат для казни. Монсеньор Дарбуа выступил вперед и обратился к своим убийцам — обратился к ним со словами прощения; затем двое мужчин подошли к прелату и, упав на колени, умоляли его о прощении. Остальные федералы набросились на них и с руганью оттолкнули в сторону, затем, повернувшись к пленным, осыпали их новыми оскорблениями. Старший офицер отряда, однако, заставил солдат замолчать и, произнеся ругательство, сказал: “Вы здесь для того, чтобы стрелять в этих людей, а не оскорблять их”. Федералов заставили замолчать, и по команде своего лейтенанта они зарядили свои мушкеты.

“Отца Аллара прижали к стене, и он был первым, кого ударили; затем упал монсеньор Дарбуа, и таким образом шестеро заключенных были расстреляны по очереди, проявив в этот высший момент святое достоинство и благородную отвагу”.

С.

Куда идут эти люди торопливыми шагами и с фонарями в руках? Их форма - форма Национальной гвардии и, следовательно, федералов, но трехцветная повязка, которую они носят на руке, по-видимому, указывает на их принадлежность к Партии порядка. Они пробираются к одному из входов в канализацию и в сопровождении офицера исчезают под

мрачными сводами. Вспоминая зловещное выражение командующего артиллерией Общины— “Все реакционные кварталы будут взорваны; никто не будет пощажён”, невозможно не почувствовать дрожь ужаса. Что, если поджигатели, все с эмблемами Партии Порядка, собираются поджечь заранее подготовленные мины или бочки с нефтью, готовые к закладке! Дикие демоны Коммуны способны на все; изобретение пожарных-зажигалок приводится в качестве примера дьявольского гения, руководившего работой по разрушению; было замечено, что люди в форме пожарных выливали горячие жидкости с помощью насосов и ведер на горящие дома вместо того, чтобы помогать тушить пламя.

Парижский метрополитен

Враги прогресса.

Corps de garde de l'armée de Versailles

К счастью, опасения необоснованны, цель этих людей, напротив, состоит в том, чтобы перерезать провода, соединяющие все детали с легковоспламеняющимися материалами, торпедами и другими ужасными машинами. Они уже потратили несколько ночей на разрушение этой подземной телеграфной системы. Эта обязанность не лишена опасностей, ибо они подвергаются не только ужасным последствиям внезапного взрыва, но и риску быть

схваченными и расстрелянными без суда и следствия, как предатели Коммуны. То есть, если им доведется примкнуть к враждебным бандам или появиться в недружественных кварталах. Похоже, что эти решительные и преданные граждане уже потеряли двух своих товарищей при исполнении этого опасного долга. Намерение коммуны состояло в том, чтобы зарядить горючими веществами всю главную канализацию и подземные переходы; но, к счастью, у них не было времени продумать свои планы, поскольку продвижение версальских войск было для них слишком быстрым. Катакомбы были включены в план; ибо разве способный Асси не приказал своему агенту Фоссе держать их открытыми в качестве средства побега? Увы! эти подземные ходы, которые лежат в основе столь значительной части древнего Парижа, каких только историй они не могли бы рассказать о голодных беглецах и искалеченных преступниках, тащащих свои усталые конечности в темноту этих мрачных пещер только для того, чтобы они могли спокойно умереть там! Мужчины и женщины, чьи формы через несколько коротких недель станут неузнаваемыми, чьи побелевшие кости будут раздавлены и отброшены в сторону будущим исследователем, который, возможно, проникнет в лабиринты, и чья пыль в конце концов смешается и станет неотличимой от пыли костей и черепов, взятых с древних кладбищ, которыми мозаично украшена эта ужасная Голгофа.

СІ.

Пожар потушен, давайте посмотрим на руины.^[112] Коммуна уничтожена. Посмотрите на Париж, печальный, неподвижный, опустошенный. Вот до чего мы дошли! Ужас в каждой груди, одиночество на каждой улице. Мы больше не чувствуем ни гнева, ни жалости; мы смирились, сломленные эмоциями; мы видим процессии заключенных, направляющихся в Версаль, и едва ли смотрим на них; никому и в голову не приходит сказать: “Негодяи!” или “Бедняги!” Сами солдаты очень молчаливы. Хотя они и победители, им грустно; они не пьют, они не поют. Париж мог бы быть городом, подвергшимся нападению и взятым тупыми врагами; раздражение прошло само собой, а слезы еще не выступили. Трехцветные флаги, которые развеваются во всех окнах, удивляют нас; кажется, нет никаких причин для радости. И все же, особенно в последнее время, триумфа Версаля горячо желала большая часть населения; но все так устали, что у них нет сил радоваться. Давайте на мгновение оглянемся назад. Сначала осада с голодом, разобщенностью и нищетой; затем восстание на Монмартре, неожиданности, колебания, канонада днем и ночью, непрерывная стрельба, матери в слезах, преследуемые сыновья - все бедствия обрушились на этот несчастный город. Это было похоже на Рим при Тиберии, затем на Рим после того, как его захватили варвары. Пушечные ядра обрушились на Сибарис. Столько эмоций, столько ужасов обрушилось на город; а потом вся эта кровь, эта ужасная кровь. Трупы на улицах, трупы в домах, трупы повсюду! Конечно, они были ужасно виновны, эти мужчины, которых схватили, которые были убиты; они были ужасными преступниками, эти женщины, которые разливали бренди по стаканам и обливали дома бензином! Но в первый момент победы не было ли ошибок? Были ли все расстрелянные виновны? Тогда зрелище этих казней, какими бы заслуженными они ни были, было жестоко болезненным. Невинные содрогнулись при виде приговора правосудия. Верно, сейчас в Париже тихо, но это тишина поля битвы на следующий день после победы; тихо, как ночь, и как могила! Непреодолимое беспокойство угнетает нас; сможем ли мы когда-нибудь стряхнуть с себя эту апатию, пробиться сквозь этот мрак? Париж, разодранный и истекающий кровью, с грустью отворачивается от прошлого и все еще не осмеливается поднять глаза на будущее!

ПУБЛИЧНЫЕ ПРОГУЛКИ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ новых хозяев ЗА ПУБЛИЧНЫМИ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯМИ. ЛАГЕРЯ В ЛЮКСЕМБУРГСКОМ САДУ И ТЮИЛЬРИ — СОЛДАТЫ ЗАПЕРТЫ ВНУТРИ, А ПУБЛИКА - СНАРУЖИ. Пирс был поврежден прусским снарядом в январе 1871 года.

Люксембургский дворец (улица напротив). Ныне резиденция префектуры Парижа
БЕДНЫЙ ПАРИЖ!

15 августа репортер *Times* назвал число ожидающих суда в Версале - 30 000 человек. 7 сентября их число достигло 39 000, ежедневные аресты увеличивали это число; из них только 35 000 предъявили обвинения, из которых

было рассмотрено 13 900, было выдано 2800 распоряжений об освобождении, хотя на свободу вышли лишь несколько сотен.

В подчинении всего 94 офицера:

20 прикреплены к Военному совету,

6 - к Оранжери, 4 - к Сатори,

3 - к Женской тюрьме

и 16 - к Западным портам:

еще 17 будут

добавлены в ближайшее время.

Маршал Мак-Магон, герцог Маджента.
Главнокомандующий Версальской армией.

Свет и воздух Еще раз
коммуна Фоссе
КОНЕЦ

ПРИМЕЧАНИЯ:

[112] См. Приложения 14, 15, 16 и 17.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ХРОНОЛОГИЯ ПАРИЖСКОГО ВОССТАНИЯ, С 18 МАРТА ПО 29 МАЯ 1871 ГОДА.

Прочерк (—) в каждом дне после начала военных действий отделяет гражданский день от военного.

Суббота, 18 марта: Ранним утром войска овладевают холмами Монмартр и Бельвиль. Солдаты, которым поручено вернуть артиллерийские орудия, братаются с народом и Национальной гвардией. Арест генералов Леконта и Клемана Тома: они расстреляны на Монмартре без суда. Национальная гвардия захватывает Отель-де-Виль, в префектуру полиции вторгаются Рауль Риго, Дюваль и другие.

Воскресенье, 19 марта: Центральный комитет Национальной гвардии захватывает офисы *Официального журнала*. Арест генерала Чанзи. Гюстав Флуранс, заключенный в тюрьму в Мазасе, освобожден новыми хозяевами Парижа. М. Тьер обращается к стране с циркуляром, предписывающим подчиняться единственной власти - Ассамблее.

Вторник, 21 марта: Манифестация "Друзей порядка". Шествие с целью публичной демонстрации. Заседание Ассамблеи в Версале. Месье Жюль Фавр советует принять срочные меры. Обращение к народу и армии.

Среда, 22 марта: "Друзья порядка" застрелены на улице Мира. Луллье арестован по приказу Центрального комитета.

Четверг, 23 марта: вице-адмирал Сайссе назначен Ассамблеей главнокомандующим Национальной гвардией.

Пятница, 24 марта: делегаты Брюнель, Эд и Дюваль повышаются Центральным комитетом в звании генералов. Заявление вице-адмирала Сайссе.

Суббота, 25 марта: Занятие мэрии 1-го округа федералами. Первый плакат Согласительного комитета. Слух об аресте Луллье, которого упрекают в умеренности. Вице-адмирал Сайссе удаляется в Версаль. *Воскресенье, 26 марта:* Муниципальные выборы в Парижскую коммуну.

Вторник, 28 марта: 4 часа дня, имена избранных объявляются в ратуше. Прибытие генерала Шанзи в Версаль.

Среда, 29 марта: Воинская повинность отменена — все граждане зачисляются в Национальную гвардию. Указ о закладчиках. Организация комиссий: исполнительная, финансовая, военная и т.д. Министры будут называться делегатами.

Суббота, 1 апреля: Исполнительный комитет издает указ об отмене звания и функций главнокомандующего. Генерал Эд назначен военным делегатом; Бержере - в штаб Национальной гвардии вместо Брюнеля; Дюваль - в военное командование бывшей префектуры полиции, где гражданским делегатом был Рауль Риго.

Воскресенье, 2 апреля: Военные действия в Курбевуа начинаются в 9 часов утра. Флуранс ведет свои войска на Версаль, через Руэйль.

Понедельник, 3 апреля: Армейский корпус генерала Бержере на мысе Ронд близ Нейи остановлен артиллерией Мон-Валерьяна. Перестрелка между фортами Исси и Ванвес, занятыми повстанцами, и Медоном.—Провозглашено отделение Церкви от государства.

Вторник, 4 апреля: генерал Дюваль взят в плен в бою при Шатийоне и расстрелян. Смерть Флуранса при Рюэле.—Делеклюз, Курне и Верморель сменяют генералов Бержере, Эда и Дюваля в Исполнительной комиссии. Военный делегат Кюзере и командующий парижскими войсками Бержере.

Среда, 6 апреля: генерал Кюзере начинает активные действия. Военная служба обязательна для всех граждан моложе сорока лет. Аббат Дегерри и архиепископ Парижский арестованы.

Четверг, 6 апреля: Расширение действий до Нейи и Курбевуа. Версальская армия по указу исполнительной власти. Похороны Флуранса в Версале.—Указ о пособничестве Версалью и аресте заложников. Звание генерала отменено Коммуной. Домбровский сменил Бержере на посту коменданта Парижа.

Пятница, 7 апреля: Указ о разоружении фрактеров. Гильотина сожжена на площади Вольтера.

Суббота, 8 апреля: Федералы покидают Нейи. — Комиссия по возведению баррикад, созданная Гайяром-старшим и возглавляемая им. Военная оккупация железнодорожной станции повстанцами.

Воскресенье, 9 апреля: Повстанцы пытаются вернуть Шатийон, но получают отпор. Форты Ванв и Монруж выведены из строя. Мон-Валерьян обстреливает проспект Терн.—Асси и Бержере арестованы по приказу коммуны.

Вторник, 11 апреля: маршал Мак-Магон, главнокомандующий, распределяет свои силы. Начинается инвестирование в форт-Исси.

Среда, 12 апреля: Версальские батареи установлены в Шатийоне. Орлеанская железная дорога и телеграф отключены. Связь повстанцев с югом перехвачена.—Указ о падении Вандомской колонны. Указ о дополнительных выборах.

Четверг, 13 апреля: Курбе председательствует на собрании художников в Медицинской школе. Публикация отчетов о заседаниях Коммуны.

Пятница, 14 апреля: Редут Женвилье взят. Войска Версалья продвигаются к замку Бекон, важному посту.—Лулле принимает командование флотилией на Сене.

Воскресенье, 16 апреля: Дополнительные выборы. Организация военного трибунала под председательством Росселя, старшего офицера штаба.

Понедельник, 11 апреля: Захват и укрепление замка Бекон.

Вторник, 18 апреля: Вокзал и дома в Аньере взяты версальской армией.

Четверг, 20 апреля: Деревня Банье занята версальцами.—Реорганизация комиссий. Эд назначен генеральным инспектором южных фортов. Переносит свои апартаменты из Монружа во Дворец Почетного легиона.

Суббота, 22 апреля: Делегация масонов в Версаль.

Понедельник, 24 апреля: Рауль Риго вступает в должность государственного обвинителя, передавая префектуру полиции Курне.

Вторник, 25 апреля: Версальские батареи в Бретее, Бримборионе, Медоне и Мулен-де-Пьере обстреливают федеральный форт Исси, а батарея между Банье и Шатийоном обстреливает форт Ванв. Перемирие в Нейи с 9 утра до 17 вечера Жители Нейи въезжают в Париж через Тернские ворота.

Среда, 26 апреля: Захват Ле Мулино, аванпоста повстанцев, войсками, которые 27 и 28 числа сильно укрепились.

Суббота, 29 апреля: Кладбище и парк Исси захвачены Версалем ночью.Масоны предпринимают новую попытку примирения. Коммуна взимает с железнодорожных компаний сумму в два миллиона франков.

Воскресенье, 30 апреля: Флаг перемирия, отправленный Версалем в форт Исси с призывом к федералам сдаться. Генерал Эд вводит в форт свежие войска и сам принимает командование. —Клюзере заключен в тюрьму в Мазасе по приказу коммуны. Россель назначен временным военным делегатом.

Понедельник, 1 мая: Версальцы берут вокзал Кламар и замок Исси.—Создание Комитета общественной безопасности. Members: Antoine Arnauld, Léo Meillet, Ranvier, Félix Pyat, Charles Gérardin.

Среда, 3 мая: Войска генерала Лакретеля берут редут Мулен Саке.

Пятница, 5 мая: полковник Россель назначен начальником военного управления. Он определяет военные кварталы: генерал Домбровский на Вандомской площади; генерал Ла Сесилия в Военной школе; генерал Вроблевский в Елисейском дворце; генерал Бержере в Легислатурном корпусе; генерал Эд во Дворце Ордена Почетного легиона. Центральному комитету Национальной гвардии поручено ведение войны под наблюдением военной комиссии. Искупительная часовня, приговоренная к разрушению — материалы будут проданы с аукциона.

Суббота, 6 мая: Концерт в Тюильри в поддержку машин скорой помощи. Подавление газет.

Понедельник, 8 мая: Батарея Монрету (70 орудий морской пехоты) открывает огонь.

Вторник, 9 мая: утром повстанцы эвакуируют форт Исси.—Комитет общественной безопасности обновлен. Участники: Ранвье, Антуан Арно, Гамбон, Эд, Делеклюз. Россель подает в отставку; его письмо в Коммуну.

Среда, 10 мая: Пушки из форта Исси доставлены в Версаль.—Указ о сносе дома М. Тьера. Делеклюз назначен военным делегатом.

Пятница, 12 мая: Войска овладевают Центром Уазо в Исси и Лицеем в Ванве.

Суббота, 13 мая: Триумфальный въезд войск в Версаль с флагами и пушками, взятыми из монастыря. Эвакуация деревни Исси завершена. Форт Ванвес взят войсками.

Воскресенье, 14 мая: Сильная канонада с батареей Курбевуа, Бекона, Аньера, Леваллуа и Клиши: обе деревни эвакуированы. Начало сноса дома М. Тьера.

Понедельник, 15 мая: Отчет о перевооружении Монмартра.

Вторник, 16 мая: Падает Вандомская колонна.

Среда, 11 мая: взорваны пороховой склад и патронный завод недалеко от Марсова поля.

Воскресенье, 21 мая: 14:00 войска вступают в Париж.—Рошфор прибывает в Версаль. Рауль Риго и Режер обвиняются в указе о заложниках.

Понедельник, 22 мая: В полдень произошел взрыв порохового погреба Главного государственного манежа (школы верховой езды для персонала). Заложники переведены из Мазаса в Ла Рокет. Ассы арестованы в Париже Версалем. Ассамблея голосует за восстановление Вандомской колонны.

Вторник, 23 мая: взят Монмартр. Смерть Домбровского. Утром Асси прибывает в Версаль. Казнь жандармов и Гюстава Шоди в тюрьме Сент-Пелажи. Ночью Тюильри подожжен. Делеклюз и Комитет общественной безопасности проводят постоянные заседания в Отель-де-Виль.

Среда, 24 мая: В час дня взорван пороховой склад в Люксембургском дворце. Комитет общественной безопасности организует отряды стрелков. Днем солдаты застрелили Рауля Риго. Вечером казнь в тюрьме Ла Рокет архиепископа, аббата Дегерри и др.

Четверг, 26 мая: Форты Монруж, Верхний Брюйер, Бисетр эвакуированы повстанцами. Сообщается, что смерть Делеклюза произошла в этот день. Казни на итальянской аллее отца Доминикана в Аркуэе.

Пятница, 26 мая: Шестнадцать священников расстреляны повстанцами на кладбище Пер-Лашез.

Суббота, 27 мая: Холмы Шомон, высоты Бельвиль и кладбище Пер-Лашез взяты войсками. Захват тюрьмы Ла Рокет морскими пехотинцами. Освобождение 169 заложников.

Воскресенье, 28 мая: Капиталовложение в Бельвиль завершено.

Понедельник, 29 мая: шесть часов вечера, федеральный гарнизон Венсенской крепости сдался по собственному желанию.

I. (Страница 2.)

HENRI ROCHEFORT.

Анри Рошфора, личного врага Империи, юмориста-республиканца из "Марсельезы" и хладнокровного социалиста из "Mot d'Ordre", который мог ответить судье, спросившему его имя: "Я Анри Рошфор, граф де Люси", некоторые упрекали в его дворянских титулах и детском удовольствии, которое он получает, изображая плебея. О нем говорят, что он

стремится лишь к нисхождению, но кто осудит его за то, что он отверг окаменелости Сен-Жерменского предместья? Мужчина должен идти в ногу со временем.

Рошфор отличился среди молодых людей удивительным тактом, который он проявил, открыв путь к народной благосклонности. Если бы мне было позволено сравнить маркиза с одним из видов собак, я бы сказал, что у него острый нюх на популярность; но в такое время, как наше, нужно уважать ранг, когда мы можем засыпать под крики *канарейки*, а просыпаться под мелодичные звуки *“Да здравствует Генрих VI!”*, *“Да здравствует король!”*

Родившийся в январе 1830 года Анри Рошфор был сыном маркиза, хотя его отец, недавно умерший, был *водевиллистом*, а мать - *пирожницей*. От такого сочетания могли исходить странные вкусы, например, когда предпочитаешь трюфели картофелю, но берешь в руки нож, когда ешь зеленый горошек. Но в его случае Мать-природа так искусно смешала элементы, что Рошфор мог быть республиканцем и роялистом, католиком и атеистом, не будучи при этом обвиненным в том, что он политический флюгер.

Как автор остроумных и скандальных статей в *“Чаривари”*, было бы хорошо, если бы он использовал свой титул в качестве значка? Позже, участвуя в *“Nain Jaune”*, *“Soleil”*, *“Evénement”* и *“Figaro”*, когда все были бы в восторге называть его *“мой дорогой граф”*, он никогда не демонстрировал своего ранга, за исключением тех случаев, когда оказывался лицом к лицу со шпагой или пистолетом принца Ахилла Мюрата или Поля де Кассаньяка.

Завсегдатай *кафе*, живущий быстро, озлобленный по отношению к журналистам, дружащий с комиками, он расточал свое остроумие на благо небольших театров и растрачивал избыток своей патрицианской крови в комических одах. Вложив, таким образом, часть своих сил в такие произведения, как *“Век невесты”*, *“Фойе гротеска”* и *“Человек, совершивший ошибку”*, в 1868 году он основал *“Фонарь”* и с тех пор стал самым ярким защитником революционной партии; и в блестящих статьях, которые мы все знаем, он проливал свет на безрассудства других под предлогом, что они были его собственными. Это сатирическое произведение вышло в одиннадцатом номере, когда его автор, перейдя все границы, взял Наполеона за рога, а жандармов за нос и совершил другие сумасбродства, пока правительство не оштрафовало его на сумму в десять тысяч франков штрафа и не назначило ему короткий отдых в тюрьме Сент-Пелажи. Дурная слава, связанная с его именем, относится к тому периоду, и события, сопровождавшие насильственную смерть Виктора Нуара, имели тенденцию увеличивать его популярность и превращать его в лидера партии или носителя флага, вокруг которого сплотились все элементы борьбы против установленной власти. Он бежал в Бельгию и изучал социализм, который позже изложил восхищенной аудитории из семнадцати-восемнадцати тысяч избирателей в Бельвиле. Избранный депутатом от 20-го округа, г-н де Рошфор стал в 1869 году любимым представителем того класса парижского населения, чьим дурным инстинктам он льстил и чьи тенденции к бунту против власти поощрял, и в силу этих требований он был избран членом Правительства национальной обороны. Как председатель Комиссии по строительству баррикад после 4 сентября, во время осады Парижа, в разгар всевозможных трудностей, возникших у Правительства национальной обороны из-за вложения капитала, г-н Де Рошфор, все больше и больше объединяясь с революционной партией, отделился от своих коллег в правительстве, которые отказались разрешить создание второго правительства, Коммуны, в осажденном городе. Этим актом он открыто объявил себя сторонником Коммуны и сразу же после принятия предварительных условий мира сложил с себя депутатские полномочия, заявив, что его полномочия подошли к концу, и удалился в Аркашон.

Его кровавые статьи в "*Марсельезе*" и скрепленные кровью договоры с Флурансом и его сообщниками так измучили нашего бедного Рошфора, что в тот момент, когда он размахивал своим носовым платком как знаменем *канальи*, он, бледный, упал на землю в обмороке, пораженный тяжелой болезнью. Он едва выздоравливал, когда произошли события 18 марта. Но в начале апреля он приложил все усилия, чтобы взять на себя руководство *Восстанием*, которое после подавления по приказу генерала Виной, военного коменданта Парижа, вновь возникло сразу же после создания Коммуны. Он прибыл на место проведения конкурса примерно 8 или 10 апреля. Ежедневный отчет о военных операциях сообщает о передвижениях противника и указывает, что следует сделать, чтобы встретить его и оказать ему наиболее выгодное сопротивление (12, 13 и 14 апреля; 10, 16 и 20 мая). Мнимые успехи, неточность которых в большинстве случаев должна была быть известна главному редактору "*Mot d'Ordre*", вселяли надежды в повстанцев, в то время как сообщение о безуспешных боях откладывалось с явным намерением; самые нелепые истории, ложность которых была очевидна для самого простого здравого смысла и которые не могли ускользнуть от внимания г-на Рошфора, были опубликованы в его журнале и поддерживали народное волнение (12, 15, 19, 26, 27 и 28 апреля; 6 и 7 мая). Именно таким образом на сцену были выведены мнимые папские зуавы с украшенными знаменами, которые были захвачены солдатами Коммуны (18 и 19 апреля, 8 и 10 мая); что правительство Версаля было снабжено военными материалами, предоставленными пруссаками или купленными у них (27 и 28 апреля, 6 и 17 мая); что его снова обвинили в использовании разрывных пуль (18 и 19 мая) и керосиновых бомб (20 апреля, а также 2, 5, 17 и 19 мая). мая); и что самые известные и уважаемые генералы были виновны в самых грубых актах жестокости и варварства. Последовало подстрекательство к гражданской войне (2 и 26 апреля, 14 и 24 мая), а также часто повторяемые обвинения против правительства в желании опустошить Париж голодом; неопишуемая клевета, направленная против главы Исполнительной власти (2, 16, 20, 30 апреля и 8 мая), против министра, Палат (16 апреля и 14 мая) и генералов (12, 16 и 26 апреля). Директор *Mot d'Ordre* затем, обнаружив, что умы людей подготовлены ко всякого рода эксцессам, выдвинул идею сноса М. Дом Тьера в качестве возмездия (6 апреля); он упомянул о художественном богатстве, которое в нем содержалось. Он также упомянул жилища других министров. Он настойчиво возвращался к этой идее и 17 мая призвал народ во имя справедливости немедленно сжечь этот другой унижительный памятник, который называется Историей Консульства и Империи, — короче говоря, он настаивает на совершении этих актов вандализма. Он не призывал к разрушению Вандомской колонны, но одобрил указ. Он требует разрушить часовню Искупления Людовика XVI. (20 апреля) и предполагает изъятие драгоценностей короны, которые находились во владении банка (14 апреля). Короче говоря, мсье Рошфор, вступив на путь, который, естественно, должен привести к крайностям, в конце концов приходит к предложению совершить покушение. Точно так же, как он указал разрушителям дом М. Тьер, а бандитам, освобожденным коммуной, — церковные сокровища, поэтому он указывает убийцам на несчастных заложников.

За несколько дней до конца правления Коммуны он считал благоразумным, “видя серьезность событий”, приостановить публикацию своего журнала и покинуть Париж.

Он был арестован в Мо. Это было “*Море Финское*”,^[113] сказал друг и коллега-писатель.

Он прибыл в Версаль двадцать первого мая, в два часа дня, в тот же день, когда войска вошли в Париж. 21 сентября. 20 Рошфор вместе с коммунистами предстал перед военным трибуналом в Версале. Казалось, что физически он сильно пострадал за три месяца заключения. Сообщается, что он провел что угодно, только не блестящую защиту и ограничился ссылками на прошлые действия и хорошие услуги. Он сказал, что подавил

"Марсельезу" с потерей 20 000 франков в месяц, когда у него не было других частных средств к существованию, потому что он думал, что действие ее статей ослабит план Трошю по обороне Парижа, и что когда он (мсье Рошфор) удерживал *народные силы*, и у него был *уникальный случай*, он предпочел играть второстепенную роль. Он заявил, что был журналистом *при* правлении Коммуны, а не активной силой *в* Коммуне, из которой в конце концов ему пришлось бежать. Рошфор признавал, что его статьи в "*Mot d'Ordre*" были более или менее жестокими, но он ссылаясь на то, что причиной был его "*фасад плюс нервы, которые он использует для убийства*", и что из-за болезни он иногда не видел свой собственный журнал. Потворствуя вульгарной публике, Рошфор, казалось, утратил свою богатую жилу сатиры и растворился в гнусных оскорблениях. 21-го числа он был приговорен к пожизненному заключению во французской крепости.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[113] "Конец", последнее слово — финал.

II. (Стр. 27.)

ВОСЕМНАДЦАТОЕ МАРТА.

Именно день 18 марта, ровно через шесть месяцев после появления пруссаков под стенами Парижа, был выбран правительством для подавления восстания. В четыре часа утра войска парижской армии получили приказ занять отведенные им позиции. Все должны были принять участие в сражении, но здесь остается только добавить, что самая тяжелая и утомительная часть выпала на долю дивизии Люстьель, состоящей из бригады Патюреля (17-й егерский батальон) и бригады Леконта (18-й егерский батальон). Трем пехотным полкам была поручена охрана Ратуши; еще одному, 89-му, была поручена конная охрана Тюильри. Площадь Бастилии была занята батальоном 64-го полка и двумя ротами 24-го. Три других батальона оставались в казармах на бульваре принца Евгения. Улицы Фландр, Пуэбла и Крымская были заполнены сильными отрядами пехоты; батальон Республиканской гвардии и 35-й пехотный полк были стянуты в окрестностях Бют-Шомон. Весь квартал вокруг площади Клиши был занят республиканской гвардией, пешими егерями, конными жандармами, африканскими егерями и половиной артиллерийской батареи. Другие войска, начиная с этого базового направления операции, были отведены на высоты Монмартра вместе с ротами *Gardiens de la Paix* (бывшие сержанты, преобразованные в солдат). В шесть часов утра были выполнены первые приказы; гвардейцы Мира окружили сто пятьдесят или двести повстанцев, назначенных охранять артиллерийский парк, и войска овладели всеми наиболее важными пунктами. Успех был полным. Ничего не оставалось, как увезти орудия. К несчастью, лошади, которые были заказаны для этой цели, не прибыли в нужный момент. Причина этой фатальной задержки до сих пор остается неизвестной, но несомненно, что они все еще находились на площади Согласия в то время, когда их следовало запрячь к орудиям на Монмартре. Еще до того, как они прибыли, вспыхнуло волнение и распространилось по всему кварталу. Непокойное население, возмущенным тоном жаловавшееся на прекращение движения, оскорбляло часовых, выставленных у въездов на улицы, и угрожало наблюдавшим за ними артиллеристам. В то же время Центральный комитет приказал свергнуть восставших, и к семи часам утра десять или двенадцать тысяч национальных гвардейцев из округов Батиньоль, Монмартр, Ла Виллет и Бельвиль вышли на улицы. Толпы зевак окружили солдат, которые стояли на страже у отбитых орудий, женщины и дети умоляюще спрашивали их, хватит ли у них духу выстрелить в своих братьев.

Тем временем около дюжины тумбрилов со своими лошадьми прибыли на холмы, пушки были сняты и спокойно спускались с холма, когда на углу улицы Лепик и улицы Аббатисс их остановила толпа из нескольких сотен жителей квартала, главным образом женщин и детей. Пехотинцы, сопровождавшие орудия, забыв о своем долге, позволили толпе разогнать себя и, поддавшись вероломным уговорам, в конце концов вскинули приклады своих ружей. Эти солдаты принадлежали к 88-му батальону бригады Леконта. Непосредственным результатом их недовольства было то, что артиллеристы оказались во власти толпы, которая увеличивалась с каждым мгновением, делая для них совершенно невозможным ни отступление, ни наступление. И в результате в девять часов утра осколки снова попали в руки Национальной гвардии.

Решив, что у предприятия нет шансов на успех при возобновлении наступления, Генерал Виноа приказал отступить и отступил в квартал Ле-Терн. Более того, это движение было обусловлено плохими новостями, поступавшими из других частей Парижа. Операции в Бельвиле увенчались успехом не лучше, чем на Монмартре. Отряд 35-го полка, правда, атаковал и захватил холмы Шомон, защищаемые всего лишь примерно двадцатью национальными гвардейцами; но как только весть о взятии распространилась по кварталу, барабаны ударили к оружию, и вскоре было обнаружено, что войска братаются с национальными гвардейцами Бельвиля, которые снова овладели холмами Шомон и не только вернули себе свои орудия, но и те, которые артиллерия подтянула для поддержки маневра линейной пехоты. В то же время 120-й постыдно позволил народу разоружить себя, и повстанцы стали хозяевами казарм принца Евгения.

Около четырех часов пополудни две колонны национальной гвардии, каждая в составе трех батальонов, двинулись к Ратуше, где к ним присоединилась дюжина других батальонов с левого берега реки; в тот же час восставшие гвардейцы Бельвиля захватили Национальную Импримери, казармы Наполеона, штабные помещения на Вандомской площади и железнодорожные вокзалы; арест Генерала Шанзи завершил работу дня, которая была с выгодой использована повстанцами. - *“Герр Парижской коммуны.”*

III. (Стр. 77.)

ПРУССАКИ И КОММУНА.

Вчерашние враги, пруссаки, не побрезговали вступить в сношения с Центральным комитетом 22 марта. Это было дополнительной причиной для новых хозяев Парижа считать свое положение установленным, и *Официальный журнал* позаботился о том, чтобы довести до сведения общественности следующую депешу, полученную из прусского главного штаба:

“Действительному коменданту Парижа, главнокомандующему третьим армейским корпусом.

“Штаб-квартира, Компьень“,

21 марта 1871г.

“Нижеподписавшийся главнокомандующий берет на себя смелость уведомить вас, что германские войска, занимающие форты к северу и востоку от Парижа, а также окрестности правого берега Сены, получили приказ сохранять миролюбивую и дружественную позицию до тех пор, пока события, театром которых является внутренняя часть Парижа, не принимают по отношению к германским войскам враждебного характера или такого, чтобы подвергать их опасности, но соблюдают условия, установленные мирным договором.

“Но если эти события примут враждебный характер, с городом Париж будут обращаться как с врагом.

“Для командующего третьим корпусом имперских армий”,
(Подпись) Начальник штаба ФОН ШЛОСХАЙМ,
“генерал-майор”.

Пасхаль Груссе, делегат Центрального комитета иностранных дел, сменивший г—на Жюля Фавра, но которого вместо министра называли делегатом, что было гораздо демократичнее, ответил следующим образом:

“Париж, 22 марта 1871 г.
“Главнокомандующему императорскими прусскими войсками.

“Нижеподписавшийся, делегат Центрального комитета иностранных дел, в ответ на вашу депешу, датированную из Компьена 21-го числа, информирует вас, что революция, совершенная в Париже Центральным комитетом, имеющая по существу муниципальный характер, не имеет никаких агрессивных намерений против германских армий.

“У нас нет полномочий обсуждать предварительные условия мира, принятые Ассамблеей в Бордо.

“Член Центрального комитета, делегат по иностранным делам”.
(Подпись) ПАСХАЛЬ ГРУССЕ.

С вашей стороны, месье Груссе, было очень логично признать, что вы не уполномочены обсуждать предварительные условия мира, принятые Ассамблеей. Какое право вы тогда имели подменять его собой? Однако он не остановился на середине своей дипломатической карьеры, поскольку после выборов в Коммуну счел своим долгом обратиться к немецким властям со следующим письмом:

“ПАРИЖСКАЯ КОММУНА”.
Главнокомандующему 3-м корпусом.

“ГЕНЕРАЛ,

“Делегат Парижской коммуны по иностранным делам имеет честь обратиться к вам со следующими замечаниями:

“Город Париж, как и остальная Франция, заинтересован в соблюдении условий мира, заключенного с Пруссией; следовательно, она имеет право знать, как будет выполняться договор. Вследствие этого я прошу вас иметь любезность сообщить мне, произвело ли правительство Версаля первый платеж в размере пятисот миллионов долларов и назначило ли в результате такого платежа командование германской армии дату эвакуации части территории департамента Сена, а также фортов, которые составляют неотъемлемую часть территории Парижской коммуны.

- Я был бы вам очень признателен, генерал, если бы вы были так добры просветить меня на этот счет.

“Делегат по иностранным делам,
“ (Подпись) ПАСХАЛЬ ГРУССЕ.

Насколько нам известно, немецкий генерал не счел нужным посылать какой-либо ответ на вышеизложенное.

IV. (Стр. 88.)

ГАМБОН.

Есть определенные легендарные имена, которые при произнесении или воспоминании вызывают второй образ и вызывают раздвоение личности: Кастор подразумевает Поллукса; Нинос - Эвриала; Дамон - Пифия. Низший вид союза соединяет святого Антония с его свиньей, Роланда с его кобылой и бесконечно более современного Гамбона с его исторической коровой. Он был "деревенским Хэмпденом" Империи. Противостоя тирании сборщика налогов при Цезаре и отказываясь платить имперские налоги, он приобрел популярность, на которой и существовал до тех пор, пока Коммуна не передала ему власть. Его история коротка. Примерно за год до падения Второй империи он заявил, что больше не будет платить налоги, установленные правительством. После этого все его недвижимое имущество, состоящее из одной коровы, было конфисковано властями и продано в пользу государства. Это снискало ему сочувствие всей партии *несогласных*. В колонках "*Марсельезы*" была открыта подписка на замену конфискованного животного, и "*La vache à Gambon*" — "Корова Гамбона" - стала насмешливым партийным лозунгом. Гамбон был депутатом в 1848 году, и когда коммуна пришла к власти, принимал постоянное, хотя и не слишком заметное участие в ее обсуждениях. Двадцатого апреля он был назначен членом Делегации правосудия.

V. (Стр. 120.)

УБАЮКИВАЮЩИЙ.

Шарль Эрнест Луллье родился в 1838 году, поступил в Военно-морское училище в 1854 году и был назначен кадетом второго класса в 1856 году. Он был исключен из Военно-морского училища за непослушание и вспыльчивый характер. Находясь на борту "Аустерлица", он был известен своим вздорным нравом и агрессивным поведением по отношению как к начальству, так и к равным себе, что привело к его удалению с корабля и месячному заключению под стражей на борту адмиральского корабля в Бресте. Впервые он получил известность из-за своей ссоры с Полем де Кассаньяком, редактором "*Платин*", которому он бросил вызов и который отказался от его картеля. Луллье известен несколькими актами самой жестокой дерзости. Он ударил одного из правительственных советников во Дворце правосудия и открыто угрожал морскому министру. Его несколько раз осуждали за политические преступления и нарушения дисциплины. Четвертого сентября он покинул Сент-Пелажи одновременно с Рошфором. Он всячески нападал на новое правительство; и когда произошли события 18 марта, г—н Луллье — человек действия, человек, рекомендованный Флурансом, - воспользовался случаем, чтобы оправдать надежды, возлагавшиеся на него его политическими соратниками, которые не упускали его из виду и избрали военным главнокомандующим восстания. Как генерал Национальной гвардии, он рассказал нам историю своих подвигов 18, 19, 20, 21 и 22 марта. С тех пор он самодовольно описал энергию, с которой он выполнил свой приказ, объяснил средства, которые он использовал, и пункты, занятые повстанцами; и в том же стиле описал занятие парижских фортов Национальной гвардией.

Когда 18 марта Центральный комитет предложил ему должность главнокомандующего Национальной гвардией, он согласился только на следующих условиях:

1. Введение осадного положения.
2. Избрание Национальной гвардией всех своих офицеров, включая генерала.
3. Муниципальные привилегии Парижа, то есть право граждан собираться, назначать магистратов для города и взимать налоги через их представителей.

При назначении он поставил условие, чтобы инициатива принадлежала ему, а затем приступил к исполнению своих обязанностей с рвением, которое не ослабевало до его ареста 22 марта. По его приказу на улице Риволи, где он сосредоточил силы повстанцев, были возведены баррикады. Он приказал Брюнелю, командиру повстанцев, занять Отель-де-Вилль и казармы Наполеона. В полночь он вступил во владение префектурой полиции, в час - Тюильри, в два - площадью Пале-Рояль, а в четыре часа ему сообщили, что представители министерства должны собраться в Министерстве иностранных дел. "Я бы окружил их," сказал он, "но присутствие Жюль Фавра удержало меня. Поэтому я удовлетворился тем, что занял Вандомскую площадь, Ратушу и занял стратегические пункты на правом берегу реки и четыре на левом".

Впоследствии его обвинили в том, что он продал Мон-Валерьян властям Версаля, арестовали и бросили в Консьержери. Однако 14 апреля он вновь появился в качестве командующего флотилией коммуны. Разгневанный Центральным комитетом и Коммуной, он выступил против них и был арестован, но ему удалось сбежать из Мазаса. С этого момента генерал коммуны установил связь с Версалем при посредничестве г-на Камю и барона Датиэля де ла Тука, которые договорились с ним организовать контрреволюцию. Теперь Луллье был усердно занят попытками заставить людей забыть о той роли, которую он сыграл в восстании 18 марта. Он поставил условием, что ни он, ни его сообщники, Гомес д'Абсин и Биссон, не будут привлечены к ответственности. Расходы были рассчитаны в 30 000 франков, из которых г-н Камю передал 2000 франков Луллье, но план не увенчался успехом. Луллье обязался арестовать всех членов Коммуны и отправить заложников в Версаль. Луллье - человек храбрый, даже безрассудный, который никогда не колебался в борьбе, и если в конце Коммуны он пытался служить законному правительству, то это было сделано из чувства мести людям, которые отвергли его диктовку, и в его собственных интересах.

VI. (Стр. 220.)

ПРОТОТИП.

Гражданин Протот, назначенный уполномоченным юстиции указом от двадцатого апреля 1871 года, родился в 1839 году.

В качестве адвоката он защищал Меги, знаменитого генерала-коммуниста из форта Исси, когда его обвинили в убийстве полицейского агента одиннадцатого апреля 1870 года. Этот судебный процесс и продемонстрированные им способности на мгновение привлекли к нему внимание общественности. Скомпрометированный как член тайных обществ, он сумел скрыться от полиции, но в его отсутствие был приговорен к штрафам и тюремному

заклучению. Поскольку он сам был жертвой закона, его внимание сначала было сосредоточено на составлении указа, сформулированного следующим образом: —

“Нотариусы и государственные служащие в целом бесплатно составляют юридические документы, которые входят в их обязанности”.

В ходе обсуждения вопроса о конфискации имущества М. Тьер предложил, чтобы все имевшиеся в его распоряжении тарелки и другие предметы с изображением семьи Орлеанов были отправлены на монетный двор.

VII. (Стр. 229.)

И теперь он думает: “Империя шатается,
Шансов на победу мало.

Затем, украдкой отползая назад, он пытается улизнуть.
Оставайся, отступник, в здании!

‘Потолок рухнет’, - говоришь ты! “если они меня увидят”

Они схватят и остановят меня, когда я буду идти”,
Не смея ни отдохнуть, ни взлететь, ты с несчастным видом наблюдаешь за крышей
А потом дверь,

- И ты, дрожа, кладешь руку на засов.

Назад в мрачные ряды!
Назад! Правосудие, которого они бросили в яму,
Там, в темноте.

“Назад! Она там, ее бока кровоточат от их ножей,
Пади ниц; и на ее могиле
поставили плиту. Подол твоего плаща
Пойман под камнем.

“Ты не пойдешь! Что?! Покинь их дом!
И убегают от своей судьбы!
Что? Ты бы предал даже само предательство,
И даже это возмутило?

“Что! Разве ты не держал лестницу для этих мошенников
При свете дня?
Скажите, мешок для добычи этих разбойников
Не был ли приготовлен вами заранее?

“Ложь, Ненависть с ее холодными и ядовитыми клыками,
Притаись в этом логове.
И ты хотел оставить это! Ты! более хитрый, чем Ложь,
Более злобный, чем Ненависть”.

VIII. (Стр. 231.)

JOURDE.

Журд, безусловно, занимал одну из самых сложных должностей в коммуне, поскольку ему приходилось изыскивать средства для поддержания ситуации, но поскольку Министерство финансов сгорело, невозможно найти никаких документов, свидетельствующих о том, как он использовал средства, проходившие через его руки. 30 мая, когда он был арестован, переодетый артистом, вместе со своим другом Дюбуа, при нем была сумма в 8070 франков банкнотами, а у Дюбуа - 3100 франков; общая сумма между ними составила 11 170 франков. Часть наличных Журда была спрятана в подкладке его жилета; он заявил, что это была единственная сумма, взятая им из денежных средств, принадлежащих государству, что со всей очевидностью доказывает его вину в растрате.

Заявленные суммы, полученные Jourde, составляют в общей сложности 43 891 000 франков, но поскольку расходы составляют 47 000 000 франков, становится ясно, что существует дефицит в 3 309 000 франков. Несмотря на этот факт, все выплаты были произведены до 29 мая. Таким образом, несомненно, что Журд получил и другие денежные средства, и поскольку он говорит, что некие неизвестные лица, предложившие ссудить 50 000 000 франков под гарантию картинной галереи Лувра, отказались от наличных, естественно, приходит на ум предположение, что 3 309 000 франков могли быть получены в результате продажи ценностей в Тюильри. Журд был приговорен Версальским трибуналом к отправке за море.

IX. (Стр. 316.)

Это последние прокламации из Ратуши. Они непосредственно относятся к сожжению столицы.

Вечером тридцать первого мая, когда Делеклюз яростно отрицал вступление регулярной армии, он написал Домбровскому:

“ГРАЖДАНИН, я узнал, что приказы, отданные на строительство баррикад, противоречат друг другу.

“Проследите, чтобы это не повторилось.

“Взрывайте или сжигайте дома, которые мешают вашим планам обороны. Баррикады должны быть отделены от домов.

“Защитники коммуны должны быть устранены от нужды: раздайте нуждающимся то, что находится в домах, подлежащих разрушению.

“Более того, сделайте все необходимые запросы,

“ДЕЛЕКЛЮЗ, А. БИЛЛИКРЕЙ”.

“Париж, 2-я прерия, дом 79”.

22—го числа появилось следующее воззвание:-

“ГРАЖДАНЕ, ворота Сен—Клу, атакованные сразу с четырех направлений, были силой взяты версальцами, которые стали хозяевами значительной части Парижа.

“Это обратное отнюдь не обескураживает нас, а должно стать стимулом для наших усилий. Народ, свергнувший королей, разрушивший Бастилии и установивший Республику, не может в один день лишиться плодов освобождения 18 марта.

Парижане, борьба, которую мы начали, не может быть прекращена, ибо это борьба между прошлым и будущим, между свободой и деспотизмом, равенством и монополией, братством и порабощением, единством наций и эгоизмом угнетателей.

“К ОРУЖИЮ!”

Да, к оружию! Пусть Париж ошетинится баррикадами, и из-за этих импровизированных крепостных валов пусть он прокричит своим врагам клич войны, клич яростной гордости, неповиновения и победы; ибо Париж с его баррикадами непобедим.

“Пусть мостовая на улицах будет разорвана; во-первых, потому, что снаряды, летящие от противника, менее опасны при падении на мягкую почву; во-вторых, потому, что эти брусчатки, служащие новым средством обороны, можно переносить на верхние этажи, где есть балконы.

“Пусть революционный Париж, Париж великих подвигов, исполнит свой долг; Коммуна и Комитет общественного спасения выполняют свой.

“Отель-де-Виль, 2-й Прериал, дом 79“,
“Комитет общественной безопасности“,
АНТУАН АРНО, Э. ЭД, Ф. ГАМБОН, Г. РАНВЬЕ”.

Вот комментарии гражданина Делеклюза:—

“Гражданин Жаке уполномочен найти людей и материалы для строительства баррикад на улице Шато д'О и на улице д'Альбани.

“Граждане, которые откажутся от их помощи, будут расстреляны на месте.

“На граждан, начальников баррикад, возложена забота об обеспечении спокойствия каждому в его собственном квартале.

“Они должны осмотреть все дома подозрительного вида и т.д., и т.п.

“Подозреваемые дома должны быть подожжены по первому поданному сигналу.

“ДЕЛЕСКЛЮЗ”.

Х. (Страница 335.)

FERRÉ.

В половине десятого утра 18 марта Ферре находился в доме № 6 по улице Розье, выступая против отправки пленных Республиканской гвардии, добившись от командира Барделля отмены приказа об их увольнении, который, как было известно, был отдан. Он отправился в совет замка Руж, куда должны были доставить генерала Леконта, и обратил на себя внимание настойчивостью, с которой требовал смерти этого генерала. Утром в понедельник, 24 мая, свидетель, проживающий в префектуре полиции, видел, как Ферре и еще пятеро человек поднимались по лестнице префектуры полиции. Ферре сказал ему: “Уезжай как можно быстрее. Мы собираемся поджечь это место. Через четверть часа все будет объято пламенем”. Полчаса спустя свидетель увидел, как пламя вырвалось из двух окон офиса генерального прокурора. Когда Рауль Риго был смещен во время восстания, женщина видела, как какие-то люди мыли стены префектуры полиции бензином. Увидев, как они выходят во двор Сент-Шапель, она заметила среди них одного поменьше остальных, одетого в серое пальто с черным бархатным воротником и черные брюки в полоску. В тот же день полицейский агент отправился в Ла Рокет, чтобы отдать приказ о расстреле монсеньора

Дарбоя и других заключенных — президента Бонжана, аббата Аллара, отца Дюкудре и аббата Дегерри. В субботу, 27-го, Ферре проник в кабинет тюремного клерка, приказал освободить некоторых преступников и раздал им оружие и боеприпасы. После этого они устроили резню большого числа заключенных, среди которых было 66 жандармов. Несколько свидетелей видели Ферре в тот день в тюрьме.

XI. (Стр. 342.)

На суде над Ферре 10 августа доктор Пуймойен, врач тюрьмы для несовершеннолетних правонарушителей, расположенной напротив Ла Рокет, дал следующие наглядные показания:—

“Сразу же после того, как повстанцы, отброшенные войсками, заняли Ла-Рокет, они устроили военный трибунал в детской тюрьме напротив, где я живу. Именно оттуда я видел, как бедняг, которых они притворились, что освобождают, вывели на площадь, где они столкнулись с подлой толпой, которая обращалась с ними самым жестоким образом. Мне сказали, что Ферре председательствовал на этом военном суде. Его разбирательство было необычным. Я видел, как несчастного жандарма отвели в тюрьму; он был арестован недалеко от Гренье д'Абонданс по доносу. На нем были блузка, синие брюки и фартук, и его обвинили в их краже. Толпа хотела войти в тюрьму вместе с ним, но надзиратели, которые вели себя очень хорошо, предотвратили вторжение во внутренний двор. Эскортом командовала молодая женщина с шассепотом и в шиньоне. Я вошел в регистрационную контору вместе с этим несчастным жандармом. Некто Бриан, которому было поручено допросить заключенных в упрощенном порядке, спросил его, откуда взялась его одежда. Этот человек был очень хладнокровен и отважен, и его совершенное самообладание привело в замешательство этот *судья-инструктор*. Его спросили, женат ли он и есть ли у него семья. Он ответил: ‘Да, у меня есть жена и восемь детей’. Затем его провели в задний офис, где находились ‘судьи’. Эти судьи были всего лишь мальчишками, которые, казалось, очень гордились той ролью, которую они играли, и не переставали важничать. Вскоре после этого я спросил начальника тюрьмы, что сделали с жандармом. Он сказал мне, что они собирались застрелить его. Я ответил: “Конечно, это не может быть правдой. Я должен увидеть президента — мы не можем позволить, чтобы женатого мужчину с восемью детьми убили таким образом”. Я попытался проникнуть в комнату, где заседал военный трибунал, но мне помешали. Один из национальных гвардейцев, дежуривших у двери, сказал мне: “Не входи туда, или тебе конец (*Никогда не предпринимай этого, ты делаешь это*)”. Я немедленно навел дополнительные справки о месяце Груднемеле, и мне сказали, что он находится ‘во временной камере’. Я дрожал за него, потому что знал, что это означало, что он будет выдан толпе, которая разорвет его на куски. Когда они сказали: ‘Этот человек должен быть отведен в камеру’, это означало, что он должен быть расстрелян. Когда они сказали: “Поместите его во временную камеру”, это означало, что он должен быть передан толпе для убийства, я продолжал отстаивать интересы жандарма в Национальной гвардии, ссылаясь на тот факт, что у него восемь детей. В ответ упомянутая выше Женщина, которая, по-видимому, командовала отрядом, воскликнула: ‘Почему этот парень заступает за жандарма?’ Один из ее помощников ответил: “Размозжи ему челюсть”. Эта женщина, казалось, знала свое дело. Она внимательно осмотрела сумки мужчин, чтобы убедиться, что у них достаточно боеприпасов. Она и слышать не хотела о помиловании жандарма и добилась своего. Я понял, что мне лучше последовать совету губернатора и помалкивать. Простого мальчика поставили часовым у дверей военного трибунала. Он сказал мне: “Ты же

знаешь, я тебя не впущу'. Когда я увидел, как бедный жандарм выходит из комнаты, он умоляюще посмотрел на меня; вероятно, он заметил в моих глазах сочувствие. И когда ему сказали, что он может выйти, услышав крики толпы— он повернулся ко мне и сказал: 'Но я буду забит камнями до смерти'; и, на самом деле, было очень страшно слышать крики толпы снаружи. Я не смог устоять перед этим порывом, занял свое место рядом с ним и попытался обратиться к толпе. 'Подумайте о том, что вы собираетесь делать — вы же не станете убивать отца восьмерых детей'. Едва эти слова слетели с моих губ, как был подан своего рода сигнал. Меня прижали спиной к стене, а один национальный гвардеец, хлопнув ладонью по своему мушкету, воскликнул: 'Знаешь, старый негодяй, здесь есть кое-что для тебя', - и вонзил штык в мои бакенбарды. Несчастливого жандарма отвели через площадь, недалеко от магазина, где продают похоронные венки, но там не было участников расстрела. Затем он пустился наутек, но его преследовали, схватили и казнили. Я начал чувствовать себя несколько сбитым с толку, и кто-то уговорил меня вернуться в тюрьму, что я и сделал. Затем привели молодого лайнсмена. Это был совсем молодой парень, едва исполнилось двадцать; его руки были связаны за спиной. Они решили убить его в тюрьме. Они набросились на него, избили, разорвали на нем одежду, так что на нем почти ничего не осталось; они заставили его опуститься на колени, затем заставили встать, завязали ему глаза, затем открыли их; наконец они положили конец его долгим мучениям, застрелив его, и бросили тело в тележку уличного торговца недалеко от ворот. Несколько священников сбежали из тюрьмы Ла-Рокет. Аббат Сурат, проходя через баррикаду, был настолько неосторожен, что назвал себя и показал несколько ценных вещей, которые были у него при себе. Он дошел примерно до середины бульвара принца Евгения, когда его арестовали и отвезли обратно в тюрьму, где приготовились расстрелять. Но молодая женщина, о которой я уже упоминал, с револьвером в одной руке и кинжалом в другой бросилась на него, восклицая: 'Я должен иметь честь нанести ему первый удар'. Аббат инстинктивно выставил руки, чтобы защититься, и закричал: '*Грас! grâce!*' На что эта фурия крикнула: '*Грация! grâce! en voilà un maigre*', - и она выстрелила в него из револьвера. Тело не обыскивали, но сняли обувь. Впоследствии при нем был найден его пастырский крест и 300 франков. Мальчики, содержащиеся в тюрьме, были отпущены на свободу. Тех, что поменьше, заставили носить ведра с нефтью, остальным выдали мушкеты, и их послали сражаться. Шестеро из них были убиты; остальные вернулись той же ночью и на следующий день. Член коммуны, совсем молодой человек, отвез около сотни мальчиков в Бельвиль; их хотели сделать из мешков с песком, наполнить землей и построить баррикады".

XII. (Стр. 345.)

По поводу смерти президента Бонжана аббат де Марсе сказал: "Этот джентльмен зашел так далеко в своих угрызениях совести, что не воспользовался сорока восьмичасовым отпуском по условно—досрочному освобождению, опасаясь, что не сможет вернуться вовремя; таким образом, он не повидался со своей семьей".

Аббат Перни, почтенный человек с белой бородой, который был миссионером, сказал:

"В среду, 24 мая, нам приказали вернуться в наши камеры в Ла-Рокет раньше обычного, и около четырех часов дня батальон федератов с шумом занял проход, в который выходили наши камеры. Они говорили на пределе своих возможностей. Один из них сказал: 'Мы должны избавиться от этих версальских бандитов'. Другой ответил: "Да, давайте помоем их, уложим спать'. Я понял, что это значит, и приготовился к смерти. Вскоре после этого дверь в соседнюю шахту открылась, и я услышал, как мужчина спросил, там ли м. Дарбой.

Заклученный ответил отрицательно. Мужчина прошел перед моей дверью, не останавливаясь, и вскоре я услышал мягкий голос архиепископа, откликающегося на его имя. Затем заложников вывели из вестибюля; десять минут спустя я увидел, как скорбный *кортеж* проехал перед моими окнами; федераты шли в замешательстве, производя шум, чтобы заглушить голоса своих жертв, но я слышал, как отец Аллард призывал своих товарищей приготовиться к смерти. Немного погодя я услышал грохот мушкетов и понял, что все кончено. В четверг (25-го) день прошел спокойно, но в пятницу на тюрьму начали падать снаряды, и примерно в половине пятого пополудни был убит капрал по имени Ромен. подошел и с радостным лицом сказал нам, что мы скоро будем свободны. Он сказал, назовите свои имена; у меня должно быть 15. В руке у него был список, и, должен признаться, всех нас охватило чувство ужаса. Десять заложников назвались по именам. Один из них, отец ордена Пикпюса, спросил, можно ли ему взять свою шляпу. Ромен ответил: 'О, это бесполезно; вы всего лишь идете в регистратуру'. Никто из этих несчастных так и не вернулся. В субботу (27-го) мы узнали, что несколько заключенных были вооружены молотками, напильниками и т. Д. Они бросили нам несколько штук в окна. Затем нам сообщили, что в Ла-Рокет прибыли несколько членов Коммуны. Я не могу сказать, был ли Ферре среди них. Нас отвели обратно в наши подвалы, где мы каждую минуту ожидали смертной казни. Около четырех часов камеры обычных заключенных были открыты, и они сбежали, крича 'Да здравствует Коммуна!' Сам наш надзиратель исчез, и вскоре тюремщик открыл наши камеры и посоветовал нам бежать. Мы боялись, что это ловушка, но, поскольку это могло дать шанс, мы решили воспользоваться им. Те из нас, у кого была штатская одежда, поспешили ее надеть, и я должен сказать, что тюремщики вели себя превосходно в этой чрезвычайной ситуации; они одолжили одежду тем из нас, у кого ее не было, и, таким образом, все мы смогли сбежать. Что касается меня, то, побродив около часа по улицам около тюрьмы, не сумев нигде найти укрытия и боясь быть убитым на улицах, я решил вернуться в Ла Рокет. Добравшись до него, я встретил секретаря архиепископа, двух священников и двух жандармов, которые, как и я, были вынуждены вернуться в тюрьму. Один из зрителей сказал нам, что безопаснее всего для нас в больничной палате. Мы переоделись в больничную форму и спрятались в кровати. В восемь вечера федераты, которые не знали, что мы сбежали, вернулись и потребовали от тюремщиков выдать нас. Им сказали, что мы ушли; к счастью, они в это поверили. В воскресенье вошли войска, и на этот раз я навсегда покинул Ла-Рокет. Отвечая на следующий вопрос, свидетель сказал, что, когда заложники маршировали мимо его окон, направляясь на казнь, он увидел, как президент Бонжан поднял руки, и услышал, как он сказал: "*Боже мой, боже мой!*"

XIII. (Стр. 82.)

URBAIN.

Урбен, бывший директор академии, был избран в коммуну и стал, в силу своей прежней должности преподавателя, членом Учебного комитета, сохранив при этом за собой должность мэра. Примерно в середине апреля он, наконец, обосновался в своей мэрии вместе со своей сестрой и маленьким сыном и предоставил там защиту своей любовнице Лерой, которая имела на него большое влияние и часто посещала комитеты и клубы. В мэрии 7-го округа эта женщина в отсутствие мэра взяла на себя руководство делами. Во время администрации Урбена проводились обыски в частных домах и в религиозных учреждениях, эта женщина, Леруа, иногда принимала участие в разбирательствах; в этих случаях производились изъятия писем и ценных предметов, которые отправлялись в мэрию, а оттуда

в полицейское управление. Урбен и женщина по имени Леруа обвиняются в присвоении себе денег и драгоценностей. В мэрии 7-го округа находились депозиты для государственного обучения на сумму 8000 франков, которые сократились до 2900 франков. Урбен признается, что потратил эти деньги на помощь таким же скомпрометированным людям, как он сам. Несомненно, что во время пребывания женщины Леруа в мэрии расходы превысили сумму, разрешенную Урбену. Согласно показаниям одного из домашних, все прибегали к этому злополучному вкладу, и в инструкциях указано, что обвиняемый оставил по завещанию своему сыну сумму в 4000 франков ассигнациями и золотом, переданную на хранение его тете, мадам Данлер, в то время как есть четкие доказательства того, что до дней Коммуны у него не было ни су. У самой мадам Леруа, пришедшей в мэрию без гроша в кармане, было обнаружено 1000 франков, которые, по ее словам, были результатом ее сбережений. Из заявления мсье Лодона, инспектора полиции, явствует, что в результате обыска, произведенного в его доме, была изъята сумма в 6000 франков, и что он видел кольцо, принадлежавшее его жене, на пальце некоей Леруа. Хотя Урбен и не принимал заметного участия в военных действиях, он сыграл важную роль. В его обязанности входило посещать военные базы и вступать во владение фортом д'Исси, который был заброшен. Он признает, что таким образом посетил казармы и крепостные валы. Он приказал построить баррикады и говорит, что по случаю подавления восстания 22 мая он не поддавался на уговоры женщины по имени Леруа, которая хотела, чтобы он прекратил борьбу и вернулся в Ратушу с намерением остаться на своем посту. Как политик, Урбен был очень ревностен в дискуссиях Коммуны и часто выступал. Своим голосованием он санкционировал все насильственные указы, касающиеся заложников, разрушения Колонны, уничтожения М. Дом Тьера и Комитет общественного спасения, одним из самых ярых сторонников которого он был. К нему следует отнести, в частности, требование привести в исполнение указ, касающийся заложников. По этому поводу вот предложение Урбена, скопированное из *Официального журнала* от 18 мая: “Я требую, чтобы либо Коммуна, либо Комитет общественной безопасности издали указ о том, что десять заложников, находящихся у нас под стражей, должны быть расстреляны в течение двадцати четырех часов в отместку за убийства нашего кантиньера и носителя нашего флага перемирия, которые были расстреляны вопреки международному праву. Я требую, чтобы пятеро заложников были торжественно казнены в центре Парижа в присутствии делегаций от всех батальонов, а остальные были расстреляны на передовых постах в присутствии солдат, которые были свидетелями убийств. Я надеюсь, что мое предложение будет принято”. Этим предложением Урбен связал свое имя с ужасным преступлением, совершенным над заложниками. В последнее время он был членом военного комитета, и его способности хорошо послужили делу повстанцев. Он был приговорен военным трибуналом в Версале к пожизненным каторжным работам 2 сентября 1871 года.

XIV.

РАЗРУШЕНИЯ ПАРИЖА.

Ниже приводится способ, которым готовились костры: В некоторых случаях несколько человек, выступавших в качестве *авангардистов*, шли первыми, говоря жителям, что Квартал вот-вот будет охвачен пламенем, и призывая их спасаться бегством; в других оазисах несчастным людям говорили, что весь город будет сожжен, и что они могут с таким же успехом встретить смерть там, где они были, или бежать искать ее в другом месте. В некоторых местах — например, на улице Вожирар — утверждается, что на улицах были

выставлены часовые, которым было приказано стрелять в каждого, кто попытается сбежать. Один поджигатель, арестованный на улице Пуатье, заявил, что получал по десять франков за каждый подожженный дом. Другая система заключалась в выбрасывании через двери погреба или ловушки консервных банок или бутылок, наполненных нефтью, фосфором, нитроглицерином или другими горючими веществами, с помощью длинной серной спички, прикрепленной к горлышку сосуда, причем спичка зажигалась в момент забрасывания взрывчатки в погреб. Наконец, батареи в Бельвиле и кладбище Пер-Лашез вызвали разрушения во многих кварталах с помощью нефтяных снарядов.

Эд, генерал коммуны, отдал следующий приказ одному из своих офицеров:

“Стреляйте по Бирже, Банку, Почте, Площади Победы, Вандомской площади, Саду Тюильри, Вавилонским казармам; оставьте Ратушу коменданту Пинди и Военному делегату, а Комитет общественной безопасности и Коммуны соберутся в *мэрии* одиннадцатого округа, где вы обосновались; там мы организуем оборону популярных кварталов города. Мы пришлем вам пушки и боеприпасы из парка Basfroi. Мы будем держаться до последнего, что бы ни случилось.

“(Подпись) Э. ЮДЕС”.

Повстанцы собрали в Пантеоне значительное количество пороха, и когда версальские войска овладели зданием, командующий офицер сразу же поискал горящую спичку и зажег ее, когда ей оставалось гореть не более ярда!

Пожарным были даны указания не тушить пожары, а удалиться на Марсово поле с насосами и другим оборудованием. Всякий раз, когда человек пытался что-либо сделать, чтобы остановить пожар, в него стреляли. Пожарные, прибывшие со всех концов, даже из Бельгии, и присоединившиеся к ним честные граждане работали над тушением пожаров под градом пуль. В Казначействе работа этих людей четыре раза прерывалась яростной канонадой повстанцев.

Пожар вспыхнул в ТЮИЛЬРИ во вторник вечером. Когда батальоны у Триумфальной арки и Легислатурного корпуса заставили замолчать орудия, расставленные перед дворцом, повстанцы подожгли его и выгнали людей *в тираже*, чтобы помешать кому-либо приблизиться и потушить пламя.

В тот же момент была предпринята попытка поджечь МОРСКОЕ МИНИСТЕРСТВО в соответствии с приказом, отданным коменданту Брюнелю, который был сформулирован следующим образом: “Через четверть часа Тюильри будет охвачен пламенем; как только наши раненые будут вывезены, вы вызовете взрыв министерства”. Это был адмирал Потуо, сам министр, который во главе горстки матросов обратил поджигателей в бегство, и Брюнель вместе с ними. Они также прибыли вовремя, чтобы предотвратить нанесение какого-либо ущерба Национальной БИБЛИОТЕКЕ.

Ночью шла ожесточенная борьба; повстанцы, укрывшиеся в Министерстве финансов после взятия баррикады на улице Сен-Флорентен, усилили ярость пламени, стреляя из окон и поливая солдат бензином.

В среду утром битва стала ужасающей. К десяти часам над Парижем поднялись столбы дыма, образовав густое облако, сквозь которое не могли проникнуть солнечные лучи. Затем, одновременно, вспыхнули все пожары: в Государственном совете, в ОРДЕНЕ ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА, в Банке ДЕПОРТАЦИЙ И ОТПРАВЛЕНИЙ. в РАТУШЕ, в ПАЛЕ-Рояле, в МИНИСТЕРСТВЕ ФИНАНСОВ, в ПРЕФЕКТУРЕ ПОЛИЦИИ, во ДВОРЦЕ ПРАВОСУДИЯ, в ТЕАТРЕ

ЛИРИКИ, на улице Бак, на улице Лилль, на улице Круа-Руж, на улице Нотр-Дам-де-Шан, во множестве домов в предместьях Сен-Жермен и Сент-Оноре, на улице Рояль и на улице Буасси д'Англас. Не прошло и нескольких часов, как были замечены языки пламени на авеню Виктория, бульваре Севастополь, улице Сен-Мартен, в замке д'О, на улице Сент-Антуан и на улице Риволи.

Ночью в пятницу горели доки ЛА ВИЛЛЕТ, склады "ДУАНА", "ГРЕНЬЕ Д'Абонданс" и ГОБЕЛЕНОВ! Яркий свет был настолько силен, что мелкий шрифт можно было прочесть даже за пределами Версаля, даже на той стороне города, где были Медон и Виль д'Авре.

КУПОЛ ДОМА ИНВАЛИДОВ. — Он был подвергнут неминуемой опасности. Мины были заложены со всех сторон, но их расположение было обнаружено, и электрические провода, по которым должна была быть передана искра, вышли из строя.

ПЛОЩАДЬ СОГЛАСИЯ.—Когда шум стрельбы и канонады прекратился, площадь Согласия представляла собой картину абсолютного запустения. Со всех сторон валялись обломки канделябров, балюстрады, брусчатка, асфальт и кучи земли. Водяные нимфы и тритоны фонтанов были сильно изуродованы, а статуя города Лилля - одна из восьми гигантских сидящих фигур главных городов Франции, которые составляют видное украшение этого Места, работа Прадье и подобие одной из орлеанских принцесс — лежала, содрогаясь, на земле.

АРКА Этуаль.— На триумфальной арке много шрамов, но ни один из них не имеет большого значения. На фасаде, обращенном в сторону Курбеуа, большой барельеф Etex, изображающий "Войну", был поражен тремя снарядами; группа "Мир" получила только фрагмент одного. Тут и там, на барельефах, изображающих "Переход по мосту Ареоле" и "Взятие Александры", видны следы ударов шарами. В целом, здесь нет непоправимого шума. Шедевр Руда "Марсельеза" остался нетронутым.

ДВОРЕЦ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.—Ходят слухи, что у Курбе, среди прочих проектов, возникла идея снести Дворец промышленности. Расписные окна большого нефа серьезно не пострадали. На барельефе главного фасада, изображающем промышленность и искусство, предлагающие свою продукцию для всемирных выставок, несколько фигур изуродованы. То же самое произошло с колоссальной группой Diebolt—France, предлагающей лавровые венки искусству и промышленности.

ТЮИЛЬРИ.—Феликс Пай в "*Мстители*" предложил превратить Тюильрийский дворец в школу для детей солдат. Он говорит: "Они завладели работой и активностью, которые там царят; целый этаж заполнен инструментами и активностью и превращен в мастерские по изготовлению воздушных шаров—посланников. Там восседает король Труды. Среди рабочих я узнал изгнанника лондонской революционной коммуны. Рабочие и запрещенные в Тюильри! Из лондонской тюрьмы во дворец Тюильри. Это хорошо!" Но в сердце Коммуны душа *Мстителя* претерпела изменения и настояла на полном уничтожении "позорной кучи".

Сохранилась только часть здания, выходящая окнами на реку. Кровля разрушена, но фасад почти не пострадал, единственным поврежденным здесь произведением искусства является фронтон работы М. Карриер-Беллеза, представляющий "Сельское хозяйство". К счастью, правительство Четвертого сентября отправило все самое ценное в Garde-Meuble (Магазины); но как можно заменить великолепные гобеленовые полотна, прекрасные потолки, работы Шарля Лебрена, Пьера Миньяра, Койпеля, Франсиска Мейе, Кузевокса, Жирардона и многих других, а также изысканный Салон Роз?

Тюильри горел три дня, а десять дней спустя руины возле Павильона Флор вспыхнули заново. Всепожирающий огонь не только угрожал уничтожить бесценные сокровища, но и в понедельник несколько человек со спичками в руках во главе с человеком по имени Напиас-Пике сделали все возможное, чтобы поджечь несколько помещений музея Лувр, и двое охранников были застрелены. Этот Напиас-Пике грозил превратить весь квартал Лувра в один большой пожар. Он был схвачен и застрелен, а в его кармане была найдена записка о вчерашнем завтраке на сумму 57 франков 80 сантимов.

ЛУВР.—Сохранность музея была обеспечена благодаря прочной каменной кладке и толстым стенам новой части здания, на которые бушующее пламя не могло произвести никакого впечатления. Но это было сопряжено и с другими рисками: когда войска вошли в здание, они водрузили триколор на павильон с часами, который служил объектом для прицеливания повстанцев. Однако, когда это было замечено, его немедленно убрали. Обычно считалось, что галереи Лувра содержат все свои художественные сокровища. Это было не так; перед первой осадой самое ценное из содержимого было тщательно упаковано и перевезено в Брестский арсенал, где оно в целости и сохранности хранилось, но сохранилось много замечательных произведений искусства.

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ (казначейства).—22 мая официальный журнал коммуны опубликовал заметку, в которой говорилось, что товарные сертификаты и биржевые книги (*grand livre*) будут сожжены в течение сорока восьми часов. Коммуна была раздосадована оглаской, приданной этой записке, и в результате в ее совете разгорелись ожесточенные дебаты. По этому поводу Пасхаль Груссе произнес следующее: —

“Я обвиняю тех, кто вставил эту записку, но я требую, чтобы были приняты меры по уничтожению всех подобных документов, принадлежащих тем, кто находится в Версале, в тот день, когда они войдут в Париж”.

Двор Лувра, от площади Карусель

Библиотека полностью разрушена. Сожжено более 90 000 томов. Редкие издания, эльзевиры, драгоценные рукописи, монеты и уникальные коллекции, бесценные сокровища, безвозвратно утрачены.

Здание представляет собой одни из самых впечатляющих руин Парижа. Гражданин Лукас, назначенный Ферре поджечь министерство, хорошо выполнил свою задачу. Пожар, длившийся несколько дней, начался в ночь на 23 мая. Мало того, что каждая деталь была пропитана нефтью, но и вокруг здания были разбросаны снаряды, которые по мере

распространения пожара последовательно взрывались. От огромной кучи почти ничего не осталось, кроме офисов Администрации лесных угодий, которые почти не пострадали. Было спасено значительное количество ценных документов, но их количество было очень небольшим по сравнению с огромной коллекцией, накопленной с начала века. Четыре раза работы по спасению прерывались повстанцами. Ни одна книга из библиотеки не уцелела; а в этой библиотеке хранилась почти вся огромная переписка Кольбера, министра, составляющая не менее двух тысяч томов.

Пале-Рояль.

ПАЛЕ-РОЯЛЬ. — Разрушен только сам дворец; сохранились галереи Французского театра. *Constitutionnel* опубликовала следующий отчет о пожаре:—

“Этот ужасный пожар вспыхнул в три часа дня. Владелец магазина в ПАЛЕ-РОЯЛЕ, г-н Эмиль Ле Саше, поспешил предложить свои услуги. Капитан-коммунист, или лейтенант, пригрозил открыть в нем огонь, если он немедленно не уйдет в отставку; он добавил, что весь квартал будет взорван и сожжен. Однако, несмотря на эту угрозу, на место были вызваны две пожарные машины, и жители по соседству привели их в действие. Было четыре часа. Во дворе Фонтен нет воды. Но кое-что было добыто вереницей людей, выстроившихся вдоль прохода, ведущего от Двора Почета, которые передавали полные ведра воды из рук в руки.

“К стене была приставлена лестница, по которой можно было подняться на террасу улицы Валуа. Повстанцы оказались настолько верны своему слову, что люди были вынуждены отказаться от попытки спасти весь павильон. Огонь и дым вырвались из трех окон прямо над террасой. В разгар шаров, посыпавшихся с баррикады на углу улицы Риволи, им удалось потушить пожар на этой стороне. В пять часов М. О. Сов, капитан коммерческой службы, с горсткой отважных рабочих вызвал пожарную машину на Двор Почета и таким образом спас огромное количество картин, драгоценного мрамора, мебели, гобеленов и т. Д. Здесь образовалась еще одна очередь людей для переноски ведер, но, к сожалению, воды не хватало: трубы были перерезаны, негодяи планировали, что разрушение должно быть полным. В семь часов мсье Бессинье, июнь, поспешил туда с четырьмя парижскими пожарными, но Павильон, где впервые проявилось пламя, был уже полностью охвачен.

“По прибытии пожарных они приложили все усилия, чтобы огонь не перекинулся на апартаменты принцессы Клотильды; он уже добрался до фасада со стороны Площади. Здесь также были сохранены все приспособления и украшения часовни.

Наконец, в семь часов прибывают линейные солдаты. ‘Да здравствует очередь!’ - кричат со

всех сторон. 'Да здравствует Франция!' Подают сигналы флажками скорой помощи. Наконец-то пришла помощь!

“Присутствующие теперь относятся к своему положению более хладнокровно и прилагают все усилия для борьбы с огнем, откачивая воду с крыш и верхних этажей соседних домов. Однако пожар продолжается, усиливаясь и распространяясь на театральную часть. Здесь наибольшая опасность. Если театр загорится, скорее всего, будет уничтожен весь квартал. Затем они решают воспользоваться водопроводными приборами театра, чтобы остановить распространение пламени. Это. это становится еще более трудным и опасным из-за непрерывной стрельбы со стороны коммунистов, установленных на верхнем этаже отеля "Лувр". М. Ле Саш поднимается на крыши вместе с главным инженером, чтобы руководить этим движением. Они вынуждены прятаться от дождя мячей, обрушивающегося на них со стороны коммунистов.

“В десять часов прибывают роты из квартала Банк, 12-й батальон национальной гвардии. Федералы обращены в бегство. Вслед за этим тридцать *саперов-помпье* из Парижа наступали на полной скорости и успешно справлялись с оставшимся огнем. Еще час раньше, и все можно было бы спасти”.

Hôtel de Ville.

ОТЕЛЬ—ДЕ-Виль.-Отель-де-Виль был подожжен по приказу Комитета общественной безопасности в тот момент, когда ввод войск вынудил их бежать в Школу Шарти, которая, таким образом, была спасена, и откуда они бежали в мэрию Бельвиля. Пять батальонов Национальной гвардии — 57-й, 156-й, 178-й, 184-й и 187-й — остались, чтобы предотвратить любые попытки потушить пожар. Керосин был разлит вокруг *Тронного зала* и *Зала Зодиака*, которые были украшены Жаном Гужоном и Конье; в *Галерее де Пьер*, где были выставлены картины Леконта, Бодена, Дегоффа, Эдуэна и Беллеля; в *Салоне Аркад*, в *Салоне Наполеона*, в *Галерее праздников* и в *Салоне Мира*, в котором содержались работы Шопена, Пико, Ваншеле, Жадена, Жирара, Энгра, Делакура, Ланделля, Ризенера, Лемана, Госсе, Бенувилля и Кабанеля. Отель де Виль заслуживает сожаления не только как прекрасный образец архитектуры, но и как колыбель муниципальной и революционной истории Парижа, а также

как обширная коллекция городских архивов, копии которых в тот же момент сгорели во Дворце правосудия.

Министерство иностранных дел.

Представитель общины Ферре и банда пьяных национальных гвардейцев подожгли префектуру ПОЛИЦИИ.

ДВОРЕЦ ПРАВОСУДИЯ, благодаря быстрому прибытию солдат, частично уцелел. Однако нанесенный ущерб очень велик. В зале ПАС-ПЕРДЮС обвалилось несколько величественных арок, поддерживающих крышу, а многие колонны лежат в руинах на тротуаре. Кассационный суд и Суд Ассистентов полностью уничтожены. Пожар был остановлен, когда он достиг Апелляционного суда и Трибунала Первой инстанции.

ДВОРЕЦ На НАБЕРЕЖНОЙ Орсе. — Это огромное здание, в котором Государственный совет и Счетная палата проводили свои заседания, серьезно пострадало, хотя стены не

разрушены; но что невосполнимо, так это потеря многих ценных документов, относящихся к финансовой и законодательной истории Франции. Самые известные художники современности внесли свой вклад в оформление интерьера. Жанрон нарисовал двенадцать аллегорических сюжетов для сводчатого потолка *Зала Пердюз*; Изабей, Марсельский порт в зале заседаний Комитета. "Смерть президента де Ренти" в *Зале Контентье* кисти Поля Делароша; прекрасный портрет Наполеона I в качестве законодателя в большом зале Совета кисти Фландрена; а в другой квартире - портрет Жюстиньена работы Делакруа. Эти и многие другие сокровища утрачены, ибо работа по разрушению была завершена.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ.—Фасаду здания нанесен серьезный ущерб. По нему стреляли с террасы Тюильри и с канонерской лодки, стоявшей под прикрытием Пон-Руаяля. Дорические и ионические колонны частично разрушены, как и пятнадцать медальонов из белого мрамора, на которых были изображены гербы основных держав. Апартаменты напротив сильно пострадали, и особенно *салон* послов, где в 1856 году проходил Парижский конгресс.

ДВОРЕЦ ОРДЕНА ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА. — Это уникальный в своем роде образец французской архитектуры. К счастью, чертежи и планы сохранились, и члены ордена Почетного легиона предложили подписку на его восстановление.

ГОБЕЛЕНЫ.—Общественная галерея, школа гобеленоведения и мастерские художников были разрушены. Поджигатели сожгли бы все работы, рамы и материалы, если бы жители квартала вместе с ткачихами гобеленов не защитили их, рискуя своей жизнью. Невосполнимой потерей является утрата ценной коллекции гобеленов времен Людовика XIV.

Военный госпиталь **ВАЛЬ-ДЕ-ГРАС**, **ПРИЮТ ДЛЯ ГЛУХОНЕМЫХ**, монетный двор, фасад пристройки к **ШКОЛЕ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ** были изрешечены шариками. В Люксембургском дворце больше не существует великолепного дома камелий и оранжерей, а изящный фонтан Медичи был поврежден.

БАНК, к счастью, был передан в ведение делегата Беслая, который в течение всего времени своего пребывания там прилагал все усилия, чтобы предотвратить разграбление ценностей. Его умело поддерживали все официальные лица и *служащие*, которые до этого были вооружены и включены в состав батальона.

Дворец почетного легиона.

ПОЧТОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.— Представитель общины Тейз предотвратил поджог этого важного учреждения поджигателями.

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА ПОРТ-СЕН-ДЕНИ.—Барельеф, содержащий символическую фигуру Рейна, опирающуюся на руль направления, был изуродован, снаряд полностью снес рычаг и его опору. Другой барельеф, изображающий побежденную Голландию в слезах, был поражен шарами, как и фигуры Славы на тимпанах аркад.

ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА ПОРТ-СЕН-МАРТЕН.—Скульптуры, изображающие взятие Лимбурга и разгром немцев, значительно пострадали. Это работы Ле Онгра и старшего Легро.

Трагическим инцидентом стал поджог ТЕАТРА ПОРТ-СЕН-МАРТЕН (см. Эскиз). После того, как лавинг убил владельца и сотрудников *ресторана* Ronsegaу, федералы подожгли дом и примыкающий к нему театр. В восемь часов вечера, увидев первые языки пламени, жители

квартала объединились в попытке потушить пожар, несмотря на то, что снаряды обильно падали на бульвар Сен-Мартен и улицу Бонди. Федералы из-за своих баррикад на углу улицы Бушардон стреляли по каждому, кто пытался войти в театр.

АРХИВЫ (делопроизводство), НАЦИОНАЛЬНАЯ библиотека и БИБЛИОТЕКА МАЗАРИНИ были сохранены благодаря напряженным усилиям М. Альфред Мори, Оро и Шарль Асселино, которым всем удалось сохранить свои места, несмотря на Коммуну.

В ДОКАХ ЛА ВИЛЛЕТ и на складах ДУАНА был нанесен огромный ущерб имуществу. Там было потреблено товаров на многие миллионы долларов.

В больших зданиях, принадлежащих реюньским журналам (Кооперативным магазинам), была установлена машина скорой помощи, и в течение двух дней она находилась в крайней опасности. Только благодаря удивительной энергии М. Яхьера удалось справиться с огнем, в то время как бедные раненые были доставлены в безопасное место.

ЦЕРКВИ.

СОБОР Парижской Богоматери.—Внутри собора Парижской Богоматери повстанцы подожгли три огромные груды стульев и деревянных изделий. К счастью, этот факт был обнаружен до того, как произошло много бед.

СЕНТ-ШАПЕЛЬ. — Эта несравненная жемчужина готического искусства, по какой-то чудесной случайности не пострадавшая ни от огня, ни от снарядов. Он по-прежнему будет объектом паломничества эрудированных и любознательных.

МАДЛЕН.— Шары несколько повредили двойную колоннаду перистиля, но скульптурный фронтон работы Лемэра практически не пострадал.

ТРИНИТИ.—Фасад серьезно пострадал. Федералы со своих баррикад у въезда на шоссе д'Антен обстреливали его в течение нескольких часов. Расписанные окна работы Ондино были сняты перед осадой — как и окна древнего собора Сен-Дени и часовни Святого Фердинанда работы Энгра, они покоятся в безопасности.

Из всех церквей Парижа больше всего пострадал СЕНТ-ЭСТАШ. В какой-то момент огонь добрался до крыши, но, к счастью, его вовремя обнаружили.

Сохранились картины в НОТР-ДАМ-ДЕ-ЛОРЕТТ, в СЕН-ЖЕРМЕН-Л'ОКСЕРРУА и в СЕН-ЖЕРМЕН-ДЕ-ПРЕ.

Любопытно, что церкви пострадали так мало, в то время как несколько театров были сожжены, в том числе Порт Сен-Мартен, Театр Шатле, Лирик, Комические классы и т.д.

Окна церкви СЕН-ЖАК-ДЮ-О-ПА разбиты.

Было подсчитано, что стоимость домов и другого имущества, разрушенных в Париже, составляет двадцать миллионов фунтов стерлингов. В дополнение к этому, сообщается, что исчезли произведения искусства, мебель и т. Д. На двенадцать миллионов долларов и что было сожжено товаров на сумму более двух с половиной миллионов, что в общей сложности составило почти тридцать пять миллионов. Говорили, что стоимость одного только оконного стекла, уничтоженного во время правления Коммуны, приближается к миллиону фунтов стерлингов. Спрос на стекло одно время был настолько велик, что предложение было совершенно недостаточным, и в настоящий момент цена на него составляет 20 процентов. выше, чем обычно.

XV.

Следующий распорядок дня генерала де Ладмиро, командующего первым армейским корпусом Версаля, подводит итог основным эпизодам этого восьмидневного сражения:

“Офицеры и солдаты Первого армейского корпуса, —

Оборона рубежей Нейи, Курбеуа, Бекона и Аньера послужила вам в качестве ученичества. Ваша энергия и мужество сформировались среди величайших трудов и опасностей. Каждый в своем классе показал пример самого полного отречения и преданности. Артиллерия, саперы, линейные войска, кавалерия, добровольцы Сены и Уазы - вы соперничали друг с другом в рвении. Подготовившись таким образом, 22 числа этого месяца вы напали на повстанцев, о преступных замыслах и начинаниях которых вы знали и презирали. Вы благородно посвятили себя спасению от разрушения памятников нашей старой национальной славы, а также имущества граждан, которым угрожает дикая ярость.

23-го числа грозные позиции на холмах Монмартра больше не могли сопротивляться вашим усилиям, несмотря на все силы, которыми они были прикрыты.

Эта задача была возложена на первую и вторую дивизии и добровольцев Сены и Уазы, и главы различных колонн одновременно прибыли на вершину позиции.

24-го числа третья дивизия, на которую единственную была возложена задача выбить повстанцев из Нейи, Леваллуа-Перре и Сент-Уана, присоединилась к другим дивизиям и овладела конечной станцией Восточной железной дороги, в то время как первая дивизия силой оружия захватила Северную линию.

26-го числа третья дивизия заняла *ротонду*— круглую площадь Ла Виллет.

27-го числа первая и вторая дивизии вместе с добровольцами Сены и Уазы совместными усилиями взяли штурмом холмы Шомон и высоты Бельвиля, причем артиллерия своим умелым огнем подготовила почву для оккупации.

Наконец, 28-го числа оборона Бельвиля сдалась, и первый корпус блестяще выполнил поставленную перед ним задачу.

В дни борьбы вы оказали величайшую услугу цивилизации и заслужили благодарность страны. Примите тогда все похвалы, которые вам причитаются.

Париж, 29 мая 1871 года.

Генерал, командующий Первым армейским корпусом,

(Подпись) “ЛАДМИРО”.”

Днем 28 мая маршал Мак—Магон приказал вывесить на улицах Парижа следующее воззвание:-

Жители Парижа, —

Армия Франции пришла спасти вас. Париж вздохнул с облегчением. Последние позиции повстанцев были взяты нашими солдатами в четыре часа. Сегодня борьба подходит к концу; порядок, рабочая сила и безопасность восстанавливаются снова.

Париж, генерал-квартирье, 28 мая 1871 года.

(Подпись) “МАК-МАГОН, герцог де Маджента, маршал Франции, главнокомандующий”.

28 мая война коммунистов подошла к концу, но венсенский форт все еще был занят тремя сотнями национальных гвардейцев с восемнадцатью их старшими офицерами и пятнадцатью высокопоставленными чиновниками коммуны; Они обратились к

командующему прусскими войсками перед фортом в надежде получить паспорта для выезда в Швейцарию. Генерал Виноа, узнав об этом, немедленно принял самые энергичные меры, и в шесть часов 29 мая последние защитники Венсенна добровольно сдались.

XVI.

Сумма чрезвычайных расходов Версаля составляла, из расчета трех миллионов франков в день, 216 миллионов с 18 марта по 28 мая. Список артиллерийских орудий, изъятых из арсеналов Дуэ, Лиона, Безансона, Тулона и Шербурга и отправленных в Версаль с 18 марта по 21 мая, включает—

80 пушек 0,16 м (диаметр 6 дюймов 299/1000) из Военного арсенала

60 ” ” ” из арсенала морской пехоты

10 ” 0,22 м (диаметр 8 дюймов 661/1000) морской пехоты.

110 нарезных длинных 24-фунтовых ружей.

30 нарезных коротких 24-фунтовых ружей.

80 нарезных осадных 12-фунтовых ружей.

3 ступки по 0,32 м (диаметр 12 дюймов 598/1000).

15 ступок по 0,27 м (диаметр 10 дюймов 629/1000).

15 минометов 0,22 м (диаметр 8 дюймов 661/1000).

40 минометов 0,15 м (диаметр 5 дюймов 905/1000).

—
Всего 393 осадных артиллерийских орудия.

Боеприпасы, полученные в Версале—

Снаряды калибром 0,16 м (морские) 73 000

” 0,22 м ” 10 000

” 0,24 м (нарезные) 140 000

” для 12-фунтовых (нарезных) 80 000

Бомб калибром 0,32 м 1000

” 0,27 м 7000

” 0,22 м 7000

” 0,15 м 30 000

Всего 348 000

Запас пороха составил 400 тонн.

До 21 мая артиллерия получала по 20 тонн в день, и в тот день 50 тонн было отправлено осаждающей армии.

До 21 мая полевое вооружение состояло из...

36 батарей 4-фунтовых пушек.

18 ”12-фунтовых пушек.

4-дюймовые 7-фунтовые пушки (заряжающиеся с казенной части).

12-дюймовые митральезы.

—

Всего 70 батарей, 63 из которых были снабжены лошадьми (7 находились в запасе).

Служба боеприпасов состояла из...

80 стволов (калибр 12), в каждой по 54 заряда.

30 " (калибр 7), "90",

120 " (калибр 4), "120",

55 " митральез", "243",

5000 ящиков боеприпасов (для калибра 12), содержащих 49 000 зарядов.

600 " (для калибра 4), "12 000",

2000 " (для калибра 7), "20 000",

1000 " для митральез " 30 000",

16 миллионов патронов Chassepot и

2 миллиона патронов Remington.

Вечером 23 мая версальская армия израсходовала...

26 000 выстрелов (калибр 0,16 м) из орудий морской пехоты.

2000 " " 0,22м), "

60 000 " " 0,24 м) нарезных орудий.

30,000 " " 0,12 м), нарезные осадные орудия.

12,000 " (калибр 7), используется как осадное орудие.

150 бомб калибром 0,32 м

360 " 0,27м

2500 " 0,22 м

5500 " 0,16 м

Всего 138 800 выстрелов осадных орудий и мортир.— *"Герр коммуны"*, стр. 321.

Отличительной чертой второй осады Парижа была осмотрительность, проявленная при маневрировании людьми, чтобы защитить их от ненужного разоблачения, поскольку практический опыт столкновений с немцами преподавал этой линии суровый урок. Из доклада маршала Мак-Магона мы узнаем, что потери составили 83 офицера убитыми и 430 ранеными; всего 794 солдата убитыми и 6024 ранеными и 183 пропавшими без вести.

XVII.

СПИСОК ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ, ПАМЯТНИКОВ, ЦЕРКВЕЙ И ЖИЛЫХ ДОМОВ, ПОВРЕЖДЕННЫХ ИЛИ РАЗРУШЕННЫХ КОММУНИСТАМИ ПАРИЖА,

24-29 мая 1871 года.

Пожар начался в домах, помеченных таким образом (*).

Дворец Тюильри (парижская резиденция императора). Сожжен.
Musée du Louvre. Библиотека полностью разрушена.
Пале-Рояль (парижская резиденция принца Наполеона). Сгоревший.
Palais de la Légion d'Honneur (records all gone). Сгоревший.
Conseil d'Etat. Сгоревший.
Corps Législatif. Поврежден.
Cour des Comptes (Exchequer). Сожжен.
Государственный министр. Уволен, но спасен.
Ministère des Finances (Treasury). Сгоревший.
Hôtel de Ville. (Ратуша Парижа). Сожжен.
Дворец правосудия (судебные инстанции). Сгоревший.
Préfecture de Police. Сожжен.
Консьержери (Дом предварительного заключения). Частично сгоревший.
Мэрия 1-го округа. Дамба.
Мэрия 4-го округа. Частично сгоревший.
Мэрия 11-го округа. Частично.
Мэрия 12-го округа. Сожжен.
Мэрия 13-го округа. Поврежден.
Imprimerie Nationale. (Национальная типография). Поврежден.
политехническая школа. Поврежден.
Мануфактура гобеленов (Национальная гобеленовая мануфактура). Частично сгоревший.
Гренье д'Абонданс (Огромные запасы кукурузы и другие припасы). Сгоревший.
Colonne Vendôme. Свергнут 16 мая.
Colonne de Juillet, on the Place de la Bastille. Сильно поврежден.
Porte Saint-Denis. Поврежден.
Porte Saint-Martin. Поврежден.
Собор Парижской Богоматери. Очень слегка поврежден.
Panthéon. Очень незначительно поврежден.
Церковь Бельвиль. Поврежден.
Церковь Берси. Сожжен.
Церковь Ла Мадлен. Слегка запруженный.
Церковь св. Augustin. Поврежден.
Церковь Святого Эсташа (используется как клуб). Обстрелян и сильно поврежден.
Церковь Сен-Жерве (используется как клуб). Поврежден.
Церковь Сен-Лоран. Поврежден.
Церковь Сен-Леу. Поврежден.
Церковь Рейи. Подожжен, но не сгорел.
Церковь Святой Троицы. Поврежден.
Церковь Ла Виллетт. Поврежден.
Сент-Шапель. Слегка, если вообще, да.
Théâtre du Châtelet. Уволен, но спасен.
Théâtre Lyrique. Сожженный.
Музыкальный зал Ба-та-клан. Обожженный, но не сгоревший.
Théâtre des Délassements-Comiques. Сгоревший.
Théâtre de la Porte Saint-Martin. Полностью разрушен.
Théâtre Cluny. Только поврежден.
Théâtre Odéon. Поврежден.
Abattoir de Grenelle. Пострадавший.
Общественная помощь (учреждения общественной благотворительности). Сгоревший.

Caisse des Dépôts et Consignations (Bank of Deposit). *Сожжен.*
Касс де Пуасси (Депозитный банк). *Сгоревший.*
Служба мостов и дорог 13-го округа (офис инженера-строителя). *Частично.*
Арсенал. *Частично сгоревший.*
Caserne du Château-d'Eau (barracks). *Поврежден.*
Казерный муфетар. *Поврежден.*
Caserne Napoléon. *Поврежден.*
Caserne Quai d'Orsay. *Сгоревший.*
Caserne de Reuilly. *Сожжен.*
Доки, таможенные склады и складские помещения в Ла Виллетте. *Сожженный.*
Центральный рынок (Great general market). *Поврежден.*
Марш-дю-Тампль (Общий рынок). *Поврежден.*
Marché Voltaire (общий рынок). *Плотина.*
Мост через канал Урк. *Плотина.*
Пассерель-де-ла-Виллет (Пешеходный мост). *Сгоревший.*
Мост Аустерлиц с приданным ресторана и домом зрителя шлюза. *Все сгорело.*
Ronde de la Villette. *Поврежден.*
Приют поклонения Иисусу. *Поврежден.*
Больница Ларибуазьер. *Поврежден.*
Больница Сальпетриер: (Дом-убежище и сумасшедший дом для женщин). *Сожжен.*
Тюрьма Ла Рокет. *Поврежден.*
Лионский вокзал (конечная станция Лионской железной дороги). *Обстрелян и поврежден.*
Орлеанский вокзал (железнодорожная станция в Орлеане). *Поврежден.*
Вокзал Монпарнас (конечная станция Западной железной дороги). *Поврежден.*
Страсбургский вокзал (конечная станция Восточной железной дороги). *Поврежден.*
Венсенский вокзал (конечная железнодорожная станция Венсенна). *Поврежден.*
Дом М. Тьера (площадь Сен-Жорж). *Снято (ранее).*
Cimetière du Père-Lachaise (cemetery). *Поврежден.*
Barrière Charenton. *Поврежден.*
Люксембург: *Взорван* пороховой склад позади дворца, *сгорели* несколько вспомогательных зданий, *поврежден.*

Авеню Амандье: дома № 1, 2, 4, *Сожжены.*
№ 69. *Поврежден.*
Avenue de Choisy: Nos. 202, 221. *Dam.*
Авеню де Клиши: дома № 2, 4, 22. *Дамба.*
Avenue d'Italie: Nos. 1, 2, 3, 5, 78, 88. *Поврежден.*
Avenue d'Orléans: Nos. 79, 81, 83. *Dam.*
Авеню Виктория: Дома № 2, 3, 4, 5. *Сожжен.*
№ 6. *Поврежден.*
Avenue de Vincennes: Nos. 2, 4, 10. *Поврежден.*
Бульвар Бомарше: № 1. *Сожженный.*
№ 2, 13, 15, 26, 28, 30, 109. *Плотина.*
Бульвар де Берси: № 4, 8. *Дамба.*
Бульвар Бонн-Нувель: дома № 11, 15. *Поврежден.*
Бульвар Бурдон: № 7, 17. *Дамба.*
Boulevard des Capucines: No. 11;
Maison Giroux, Nos. 43, 58, 60. *Поврежден.*
Бульвар де ла Шапель: дома № 10, 12,
14, 18, 20, каретные сараи и конюшни,

22, 30, 34, 40, 62, 86, 90, 94,
100, 122, 141, 143, 145, 147, “ Вокруг
холмов Шомон”, 157, 163, 165,
169, 208, “О блю Кадран”, 216,
218. *Поврежден.*
Boulevard de Charonne: Nos. 50, 52, 74. *Поврежден.*
Бульвар Клиши: № 77; Монастырь и
церковь; № 79, 81, 84, 86. *Дамба.*
Бульвар Контрэскарп: Дома № 2, 4. *Сожжены.*
Дома № 42, 46. *Повреждены.*
Железнодорожный бульвар: № 131. *Дамба.*
Бульвар Османна: дома № 23, 72. *Поврежден.*
Бульвар д'Италия: № 7, 69. *Дамба.*
Бульвар Мадлен: № 1. *Дамба.*
Boulevard Magenta: Nos. 1, 3, 5, 6, 15,
48, 70, 78, 98, 114, “Au Méridien,”
118, 143, 151, 153, 156. *Поврежден.*
Бульвар Мальзерб: Дом № 9, 33. *Поврежден.*
Бульвар Мазас: № №. 1, 2, 3, 4, 5. *Сожженный.*
№№ 22, 26, 28 бис, 30, 60. *Дамба.*
Бульвар Монмартр: Нет, 1. *Дамба.*
Boulevard du Montparnasse: Nos. 9 bis,
41, 70, 100, 120, 150. *Поврежден.*
№ 25, три магазина, 110, 112. *Сожжен.*
Бульвар Орнано: № 56. *Сожженный.*
№ 1, 4, 7, 9, 22, 27, 32. *Плотина.*
Бульвар Пуассоньер: № 15. *Дамба.*
Boulevard du Port-Royal: Nos. 16, 18, 20. *Поврежден.*
Boulevard du Prince Eugène: Magazins-Réunis
(co-operative store). *Дамба.*
Бульвар Ришар-Ленуар: № 20, 82. *Сожженный.*
Нос . 1, 5, 7, 9, 31, 36, 50, 69, 76,
87, 93, 107, 109, 116, 118, 136, 140. *Поврежден.*
Boulevard Saint-Denis: Nos. 6, 13, Café Magny. *Поврежден.*
Бульвар Сен-Жак: Нос*. 69. *Дамба.*
Бульвар Сен-Марсель: № 21. *Дамба.*
Бульвар Сен-Мартен: № 14, 16, 18, 20. *Поврежден.*
Бульвар Сен-Мишель: № 20; Кафе-музей, 25;
Кафе "Миллер", 65;
Ресторан "Мольер", 73; Пивная "Дреер", 99;
Горное училище. *Плотина.*
Boulevard Sébastopol: Nos. 9, 11, 13, 15. *Сгоревший.*
№ 42, *65, 83. *Поврежден.*
Boulevard du Temple: Nos. 52, 54. *Сожженный.*
Нос . 2, 19, 20, 22, 24, 26, 30, 32, 34,
35, 38, 40, 44, 50. *Поврежден.*
Boulevard de la Villette: Nos. 85, 87, 117, Usine Falk. *Сожженный.*
Нос . 97, 128, 134, 136, 138, 140, 162. *Поврежден.*
Boulevard Voltaire: Nos. 2, 3, 4, 5, 6, 20, 22, 28, 60. *Сожженный.*

Нос . 38, 63, 55, 60, 78, 94, 97, 98, 141, 166. *Поврежден.*
Кабинет Обсерватории; № 11. *Поврежден.*
Chaussée Clignancourt: “Château-Rouge” (a public dancing-room). *Поврежден.*
Chaussée du Maine: No. 164. *Dam.*
Chaussée de Ménilmontant: Nos. 56, 58, 81, 98. *Поврежден.*
Круа-Руж (cross way): № 2, 4. *Горелый.*
Предмestье Монмартр: № 50,64. *Дамба.*
Faubourg Poissonnière: Nos. 39, 168. *Поврежден.*
Сент-Антуанское предместье: № 2. *Сожженный.*
№ 1, 8, 4, 6, 6, 7, 22, 141, 164, 156, 158, 162. *Поврежден.*
Faubourg Saint-Denis: Nos. 68, 77, 114, 208 bis, 214. *Поврежден.*
Предмestье Сент-Оноре: № 1, 2, 3. *Сожженный.*
№ 4, 29, 30, 33, 85. *Поврежден.*
Предмestье Сен-Мартен: № 1. *55, 66, 67, 69, 71, “Tapis Rouge.” *Сгоревший.*
Нос. 147, 184, 221, 234, 267. *Плотина.*
Предмestье Тамплъ: № 30. *Сожженный.*
№. 9, 16, 17, 19, 20, 26, 29, 32, 33, 36, 41, 47, 48, 49, 53, 64,
66, 73, 81, 82, 98, 94, 106, 117. *Плотина.*
Тупик Константина: № 2. *Поврежден.*
Тупик Сен-Совер: № 2. *Дамба.*
Пассаж дю Сауинон. *Поврежден.*
Place de la Bastille: Nos. 8, 10, 12, Poste de l’Ecluse. *Сгоревший.*
№ 4, 5, 6, 14. *Поврежденный.*
Бланш-площадь: № 2, 3. *Поврежден.*
Площадь Камбронн: № 8. *Разрушена.*
Place du Château-d’Eau: Nos. 7, 15. *Burnt.*
*9, 13, “Pauvres Jacques;” Nos. 17, 19, 21, 23, Café du
Château-d’Eau. *Поврежден.*
Площадь Согласия (фонтан). *Плотина.*
Площадь Согласия (Статуя Лилля). *Уничтожен.*
Place de l’Hôtel de Ville: Nos. 1, 3, 7, 9, 11. *Сгоревший.*
Жессенская площадь: № 4. *Разрушена.*
Площадь Лувр: № 1. *Сожженная.*
Площадь Мадлен: № 31. *Плотина.*
Place de l’Odéon: No. 8; Café de Bruxelles. *Поврежден.*
Оперная площадь: № 3. *Повреждена.*
Площадь Пигаль: № 1. *Поврежден.*
Площадь Сорбонны: № 8. *Плотина.*
Place Valhubert: “Châlet du Jardin.” *Поврежден.*
Площадь Победы: № 2. *Разрушена.*
Place de Vintimille: Nos. 1, 27. *Dam.*
Площадь Вольтера: № 7. *Сожжена.*
№ 9. *Повреждена.*
Quai d’Anjou: Nos. 5, 11, 19, 23, 27, 43; “Au Petit Matelot.” *Поврежден.*
Набережная Берси: № 12, 13. *Сожженная.*
№ 3, 5, 10. *Поврежден.*
Quai de Béthune: Nos. 12, 20. *Dam.*
Quai Bourbon: № 3. *Испорченный.*
Набережная Селестен: № 6. *Повреждена.*

Набережная Жевр: № 2. *Сожженная.*
Набережная отеля-де-Виль: № 1. 28, 68, 72, 78, 82. *Поврежден.*
Набережная Жемаппес: № 18, 80, 34, 42. *Поврежден.*
№ 32. *Сожжен.*
Quai de la Loire: Nos. 10, 84, 86, 88. *Сгоревший.*
№ 60. *Поврежден.*
Quai du Louvre: Nos. 2, 4, 6. *Dam.*
Quai de la Mégisserie: No. 22; "Belle Jardinière." *Поврежден.*
Набережная Орсе (клуб). *Поврежден.*
Quai de la Rapée: No. 92, 94, 96, 98, 100, *Burnt.*
Quai de Valmy: Nos. 27, 29. *Burnt.*
Nos. 31, 39, 48, 71, 73, 79. *Dam.*
Набережная Вольтера: № 9, 13, 17. *Дамба.*
Улица д'Алиберт: дома № 1, 2; *Повреждена.*
Rue d'Allemagne: Nos. 2, 10. *Dam.*
Улица д'Альсас: Дома 31, 33, 39. *Дамба.*
Rue des Amandiers: Nos. 3, 4, 20, 65, 86, 87. *Поврежден.*
Улица Амело: № 2, 21, 25, 104, 106, 139. *Повреждена.*
Rue de l'Ancienne Comédie: No. 2: "À Mazarin" (drapers). *Поврежден.*
Rue d'Angoulême: Nos. 2, 28, 31, 43, 72bis. *Поврежден.*
Улица д'Анжу: Дом № 23. *Поврежден.*
Улица Аркад: № 2. *Повреждена.*
Улица Арсен: № 3. *Сожжена.*
Улица д'Ассас: №. 80, *78, 86, 90, 96, 98, 106, 112, 118, 124. *Дамба.*
Улица д'Обервилье, дом № 138. *Сожжен.*
№ 2, 24, 88, 92, 96. *Поврежден.*
Улица Одран: № 1. *Поврежден.*
Улица Аваль: Дом № 11. *Поврежден.*
Дом № 17. *Сожжен.*
Улица дю Бак: Дом № 3, 4, 6, 7, 9, 11, 13. *Сожжен.*
Дома № 54, 55, 56, Леборнь-Хаус, 58, 62, 64. *Поврежден.*
Rue Barrault: Nos. 3, 31. *Поврежден.*
Rue de Belleville: Nos. 1, 2, 66, 70, 89, 91, 133. *Поврежден.*
Rue de Bercy: No. 257. *Поврежден.*
Улица Биша: № 67. *Поврежден.*
Улица Биссон: № 49. *Поврежден.*
Улица Бланш: дома 97, 99. *Поврежден.*
Улица Буасси-д'Англас: Дом № 31. *Сожжен.*
Дома № 33, 35, 37. *Поврежден.*
Rue de Bondy: Nos. 16, 17, 19, 21. *Сгоревший.*
№ *22, *32; 24, 26, Grand Café Parisien, 28, 30, 40, 44. *Поврежден.*
Улица Бреа: № 1. *Сожжена.*
№ 3. *Повреждена.*
Улица Брюссель: № 29. *Повреждена.*
Улица де Бюффон: № 1, 3. *Повреждена.*
Улица Бют-о-Кайль: № 1, 16. *Повреждена.*
Улица Бют-Шомон: № 1. *Сожжена.*
Улица Кайль: № 25. *Поврежден.*
Улица Кастекс: № 20. *Повреждена.*

Rue de la Cerisaie: Nos. 20, 41, 45, 47. *Поврежден.*
Rue de la Chapelle: Nos. 6, 16, 19, 35, 37, 75, 77. *Поврежден.*
Rue de la Charbonnière: Nos. 32, 42. *Damaged.*
Rue de Charenton: No. 1. *Burnt.*
Nos. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 100, 102, 187, 214, 230. *Dam..*
Rue de Charonne: Nos. 61, 79, 155. *Dam..*
Rue du Château: Nos. 169, 180. *Dam.*
Rue du Château-d'Eau: Nos. 1, 3, 73. *Сгоревший.*
Нос. 32, 55, 71, 75, 79, 81, *Плотина.*
Rue de la Chaussée-d'Antin: Nos. 58, 64, 68. *Поврежден.*
Rue du Chemin-Vert: Nos. 46, 54. *Dam.*
Улица Клавель: № 3. *Повреждена.*
Улица Клиньянкур: Дом № 9, 39, 43, 45, 49, 59. *Поврежден.*
Улица Конти: № 2. *Повреждена.*
Улица Котт: № 8. *Повреждена.*
Улица Кутельери: № 2. *Сожжена.*
Rue de Crimée: Nos. 156, 158. *Сожженный.*
№ 81, 83, 155, 163. *Поврежден.*
Улица Круассан: (рынок Святого Иосифа). *Поврежден.*
Улица Куриал: № 134. *Поврежден.*
Улица Дамен: № 1. *Повреждена.*
Улица Делаамбр: дома № 2, 4, *Сгоревшая.*
Улица Декарта: № 6. *Повреждена.*
Улица Домат: № 24. *Поврежден.*
Улица Домбаль: № 61. *Поврежден.*
Улица Дюрантен: № 7. *Повреждена.*
Улица Эколь: № 25. *Поврежден.*
Rue d'Elzévir: Nos. 4, 7, 11, 12; "Auberge de la Bouteille" (inn). *Плотина.*
Улица Эсперанс: № 7, 11. *Дамба.*
Улица Флешье: № 2. *Поврежден.*
Rue Folies-Méricourt: Nos. 51, 64, 75. *Поврежден.*
№ 115. *Сожжен.*
Улица Франко-Буржуа: № 33, отель "Карнавале". *Поврежден.*
Улица Жоффруа-Сент-Илер: № 18. *Дамба.*
Rue de la Glacière: Nos. 36, 75. *Dam.*
Улица Гранж-о-Бель: № 20. *Дамба.*
Улица Гренель: Дома № 1, 3. *Сожжен.*
№ 34. *Поврежден.*
Улица Ги-Патен: № 3. *Повреждена.*
Улица де Халль: № 28. *Повреждена.*
Улица Жак-Кер: № 31. *Дамба.*
Улица Жокеез: дом № 12. *Поврежден.*
Улица Жюльен-Лакруа: № 2. *Повреждена.*
Улица Жюссье: № 41. *Поврежден.*
Улица Лафайет: № 107, 127. *Дамба.*
№ 196, Обен (фейерверки), 208, 213, 215. *Поврежден.*
Rue Lasciée: Nos. 2, 4, 6. *Burnt.*
Улица Лапп: № 2. *Повреждена.*
Улица Лепельтье: № 26. *Повреждена.*

Улица Лесдигьер: № 2. *Повреждена.*
Улица Левер: дом № 12. *Поврежден.*
Улица Лилль: №. 27, 37, 39, 43, 45,
*47, 48, 49, 50, 51, Музей М. Гатто, завещанный нации,
53, 55, 57, 61, 63, 65, 67, 69, 81, 83. *Сгоревший.*
Улица Луи-ле-Кранд: дома 32, 34. *Дамба.*
Rue du Louvre: Nos. 6, 8. *Burnt.*
Улица Лун: № 1. *Повреждена.*
Лионская улица: № 16. *Поврежден.*
Улица Марэ: № 68. *Поврежден.*
Улица Марок: № 38. *Поврежден.*
Rue de Meaux: Nos. 2, 14. *Damaged.*
Улица Менар: № 8. *Поврежден.*
Улица Месле: Дом № 2. *Сожжен.*
Улица Монмартр: № 49, 53, 55. *Дамба.*
Rue Montorgueil: Nos. 1, 29, 31, 33, 65. *Поврежден.*
Улица Муфтар: дома № 132, 134, 136,
138, 139, 150; Церковь Святого Медара. *Повреждена.*
Rue du Moulin-des-Près: Nos. 83, 85. *Поврежден.*
Улица Нев-де-Пти-Шан: дом № 105, Пиверс. *Поврежден.*
Улица Нотр-Дам-де-Шан: Дома 52, 54.
Студия М. Джона Лейтона. *Сгоревший.*
№ 55, 57. *Поврежден.*
Улица Нотр-Дам-де-Назарет: дома 16, 31. *Повреждена.*
Rue Oberkampf: No. 4; À la Ville
d'Alençon, No. 11, 12, 13, 15, 25,
36, 37, 41, 49, 50, 53, 57, 60, 67. *Поврежден.*
Rue aux Ours: Nos. 47, 48, 49, 55. *Dam.*
Улица Петит-Экюри: дома № 2, 4. *Повреждена.*
Улица Пти-Мьюз: № 21. *Повреждена.*
Улица Пьера Леско: № 16. *Повреждена.*
Улица Попенкур: № 2. *Повреждена.*
Улица Прессуар: № 54. *Поврежден.*
Улица Прованс: № *20. № 23. *Повреждена.*
Rue de Puebla: Nos. 2, 3, 4, 17, 30, 292. *Поврежден.*
Улица Расин: № 2. *Повреждена.*
Rue Rambuteau: Nos. 32, 58, 60, 102.
“Aux Fabriques de France:” No. 124. *Поврежден.*
№ 16, “Колизей Родоса”; № 19,
Кафе дю Марэ; № 26, 28, 30,
34, 62, 65, 72;
Дом г-на Лефорестье, “Альянс”, № 49, 61,
63, 66, 69, 71. *Поврежден.*
Улица Рами: дома 41, 43. *Поврежден.*
Улица Рампон: дом № 18. *Поврежден.*
Rue Réaumur: Nos. 14, 25, 43. *Dam.*
Rue de Rennes: No. 2; Café de Rennes, 161. *Поврежден.*
Улица Рейи: № 68. *Поврежден.*
Улица дю Рен: № 6. *Повреждена.*

Rue Riquet: Nos. 63, 64. *Поврежден.*
Rue de Rivoli: Nos. 33, 35, 37, 39, 79,
80, 82, 84, 86, 91, 98, 100; "À Pygmalion." *Сожженный.*
Нос . 41, 88, 128, 210, 226, 236, 238. *Поврежден.*
Улица Роллен, дом № 18. *Поврежден.*
Rue de la Roquette: Nos. 1, 3, 6, 7, 9, 11 13, 18, 19, 20, 22,
24, 26. *Сожженный.*
Номер . 4, 8, 15, 17, 34, 87, 38, 78. *Плотина.*
Королевская улица: Номер . 15, 18, 17, 19, 21, 23, 25. *Сгоревший.*
№ 24, 27. *Поврежденный.*
Улица Сент-Андре-де-Ар: дома 26, 42. *Повреждена.*
Rue Saint-Antoine: Nos. 3, 7, 9, 114, 142, 150, 152, 160, 176,
178, 182, 192, 194, 198, 199, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 212;
"À la Fiancée," No. 213; "Phares de la Bastille," 214, 216, 218,
220, 222, 224, 226, 228, 232, 234, 236; Protestant Church. *Плотина.*
Маленькая улица Сент-Антуан: дома № 3, 7, 9. *Повреждены.*
Дома № 11, 18. *Сожжены.*
Rue Saint-Denis: No. 223; Église Saint Leu. *Поврежден.*
Улица Сен-Фиакр: № 15. *Поврежден.*
Улица Сент-Оноре: № 422. *Сгоревший.*
№ 132. *Плотина.*
Rue Saint-Jacques: Nos. 26, 146, 164, Café de l'Ecole de Droit, 1
36, 195, 198, 216. *Поврежден.*
Улица Сен-Лазар: № 46. *Повреждена.*
Улица Сент-Маргерит: № 22. *Дамба.*
Улица Сен-Мартен: дома 8, 10; "Добрый Дьявол". Дома 12, 14. *Сожженный*
дом. *16, 248. *Поврежден.*
Улица Сен-Мор: № 151, 184, 225, 227. *Поврежден.*
Rue des Saints-Pères: Nos. 46, 48. *Дам.*
Улица Сен-Сабен: Дома № 2, 4, 6. *Сожжены.*
Дома № 3, 10, 12, 14. *Повреждены.*
Улица Сен-Себастьян: дома 42, 43, 44. *Повреждена.*
Улица Соваль: дом № 13. *Поврежден.*
Улица Санте: № 63. *Поврежден.*
Улица Седен: № 1. *Сожженный.*
Номер. 5, 6, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 18, 19, 20. *Поврежден.*
Улица дю Сентье: дом № 22. *Поврежден.*
Улица 4 сентября: № 13. *Дам.*
Rue de Sèvres: No. 2. *Burnt.*
Nos. 14, 16 (reservoir); Nos. 91, 92, 141. *Поврежден.*
Улица де Сюлли: № 11. *Поврежден.*
Улица Сюрен: № 1, 9, 15, 17, 19. *Повреждена.*
Rue de la Tacherie: Nos. 1, 2, 3, 4. *Burnt.*
Улица Тэтбу: дома 22, 26. *Поврежден.*
Улица Таранн*: № 10. *Повреждена.*
Rue du Temple: Nos. 7, 10, 39, 201. *Поврежден.*
№ 207. *Сгоревший.*
Улица Токле: № 12. *Повреждена.*
Улица Траверсьер: Дом № 53. *Поврежден.*

Улица Тюрбиго; дома № 1, 3; “О Гранд Паризьен”, дома № 5, 8, 11, 19, 21, 47; Церковь Сен-Николас-де-Шан, дома № 51, 53, 56, 63, 74. *Поврежден.*

Улица Вожирар: № 60, 68, 69, 70, Монастырь Кармес, 82, Школа для девочек, 92, Школа для мальчиков. *Плотина.*

Улица Вавен: № 2, *18, 20, 22. *Сожжен.*

№ 16, 34, 36, 39. *Поврежден.*

54 (Коллекция М. Рейбера, архитектора). *Уничтожен.*

Улица Виктуар: № 61. *Поврежден.*

Улица Вье-Коломбье: № 31. *Плотина.*

Улица Вилин: № 2. *Поврежден.*

Rue de la Villette: Nos. 20, 25, 26, 70. *Поврежден.*

Rue de la Ville l'Evêque: Nos. 7, 18. *Damaged.*

Улица Вольты: № 38. *Поврежден.*

Улица Виарм: № 1. *Повреждена.*

Парижских баррикад насчитывалось около 600 — от небольшого бруствера до настоящей крепости.

УКАЗАТЕЛЬ К ПЛАНУ.

В. Сгоревший. Р.В. Частично сгоревший. D. Поврежден. S. Поврежден выстрелом и гильзой.

К СЕВЕРУ ОТ РЕКИ СЕНЫ.

Див. карты.

1	дворец Тюильри, Б	8
2	музея Лувра, п. б	8
3	Пале-Рояль, Б	8
4	бирже (биржа)	8
5	Новая Опера	8
6	церковь Мадлен, Д	8
7	Вандомская колонна (свергнут)	8
8	Дворец Елисейский	7
9	Триумфальную арку, Д	7
10	Пале де l'Industrie, Б	7
11	церковь Святого Огюстен, Ум.	8
12	Троицы, Б	8
13	Нотр-Дам де Лоретт	8
14	Морского министра	8
15	Национальной библиотеки	8
16	Центральных залов, С	8
17	Церкви Святого Эсташа, Ум.	8

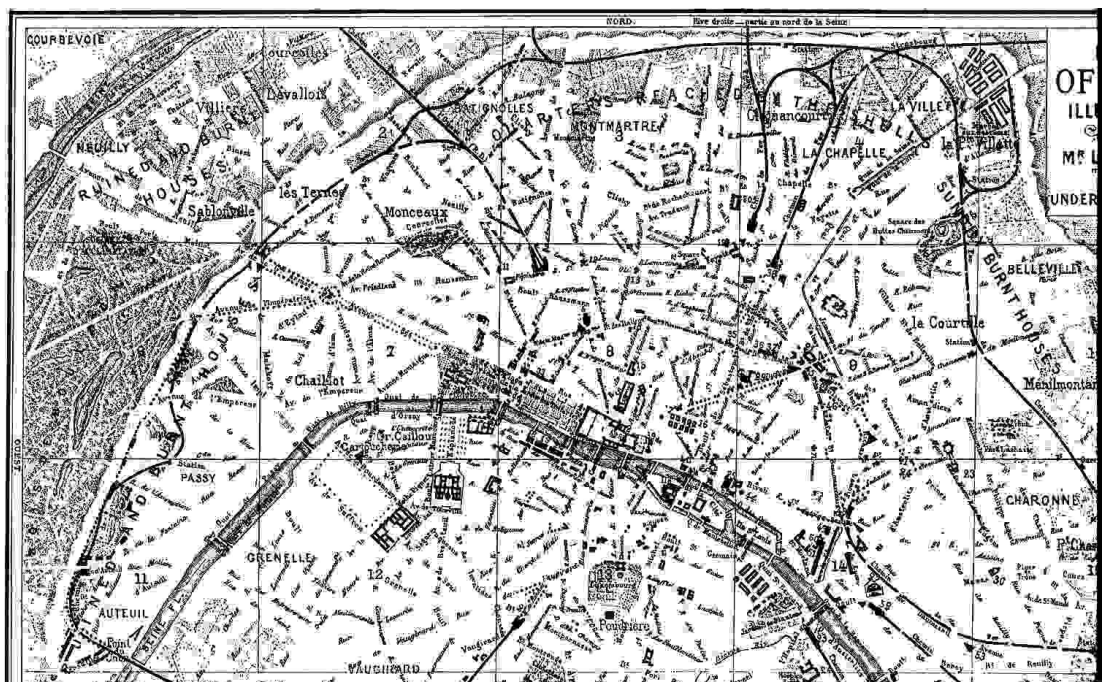
18	Комической оперы	8
19	Церкви Святого Винсента де Поля	8
20	Госпиталя Ларибуазьер, Д.	3
21	Казармы принца Евгения, Д.	9
22	Больница Сент-Луиса	9
23	Тюрьма Ла Рокет, Д.	14
24	Статуя принца Евгения (удалена)	14
25	Отель де Вилль, Б	13
26	Башня Сен-Жак, Д.	13
27	Тюрьма Мазас	14
28	Казармы Наполеона, Б	14
29	Консерватория искусств и ремесел	9
30	Больница Сент-Эжени	15
31	Рынок крупного рогатого скота и бойня	5
32	Журналы Берси (уволены)	20
33	Министерство финансов, Б	8
34	Площадь Согласия, Д.	8
86	Порт Сен-Дени, Д.	8
36	Порт Сен-Мартен, д.	9
37	Театр порта Сен-Мартен, В	9
38	Церковь Сен-Лорана, D	9
39	Мэрия 1-го округа, D	8
40	Театр Шатле, Р.В.	13
41	Театр Лирики, В	13
42	Муниципальный театр Кессе, В	13
43	Общественная помощь, В	13
44	Мэрия IV-го округа, Р.В.	14
45	Журнал Реуниса, Д.	9
46	Театр Дель. Комиксы, В	9
47	Мэрия XI округа, Р.В.	14
48	Июльская колонна, D	14
49	Арсенал, В	14
50	Больница Сальпетриер, В	19
51	Житница изобилия, В	14
52	Железнодорожный вокзал Лиона, РВ	14

К ЮГУ ОТ РЕКИ СЕНЫ.

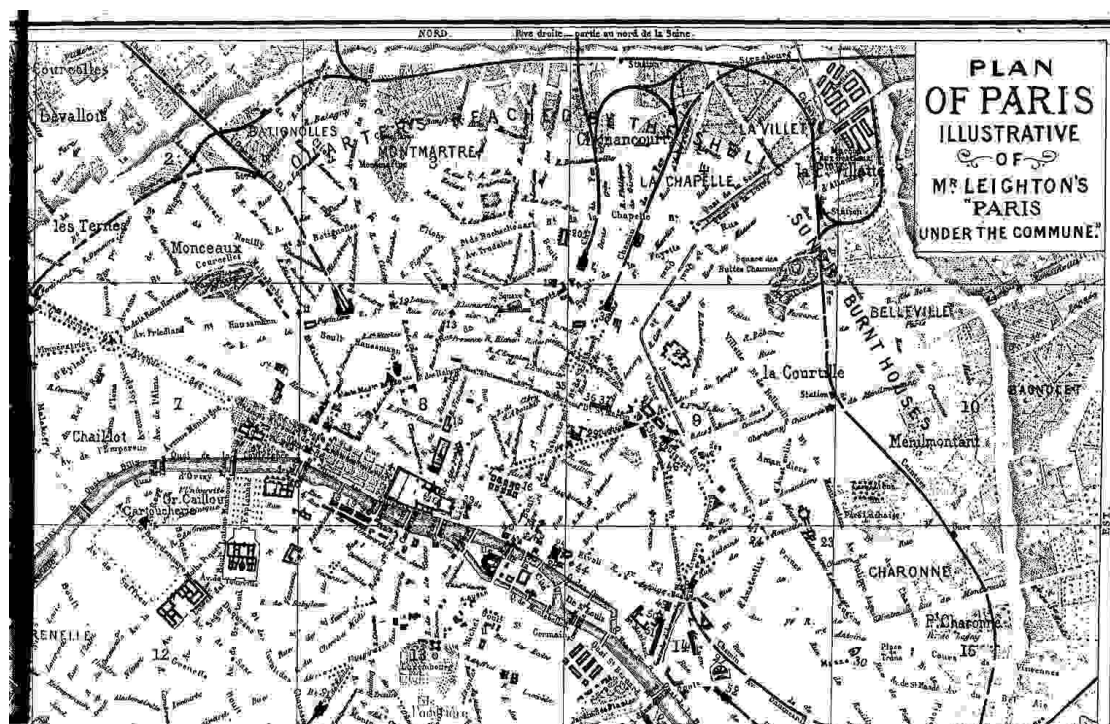
1	Министерство иностранных дел, д.	7
2	Военная школа	12
3	Дом инвалидов и Могила Наполеона I.	12
4	Легислатурный корпус	7
5	Казармы д'Орсе, П.Б.	8
6	Дворец института	13
7	Монетный двор	13
8	Церковь Сен-Сюльпис	13
9	Люксембургский дворец, д.	13
10	Театр Одеон, Д.	13
11	Музей Клюни	13
12	Palais de Justice, В.	13
13	Собор Нотр-Дам	13
14	Церковь Пантеона, Д.	13
15	Церковь Валь-де-Грас	13
16	Обсерватория	18
17	Винный рынок (разграблен)	14
18	Дворец Почетного Легиона, Б.	8
19	Государственный совет и казначейство, Б.	8
20	Депозитный банк, Б.	8
21	Западный железнодорожный вокзал, Б.	13
22	Фабрика гобеленов, П.Б.	18
23	Орлеанский железнодорожный вокзал, П.Б.	14

Смотрите на западной стороне плана пожары и разрушения, вызванные выстрелами и артиллерийскими снарядами во время боев между федеральными войсками и версальской армией: Пойнт—дю-Жур, Отей, Пасси, Порт-Майо, авеню Великой армии (Триумфальная арка, много раненых), Нейи, Вилье, Лаваллуа и др.

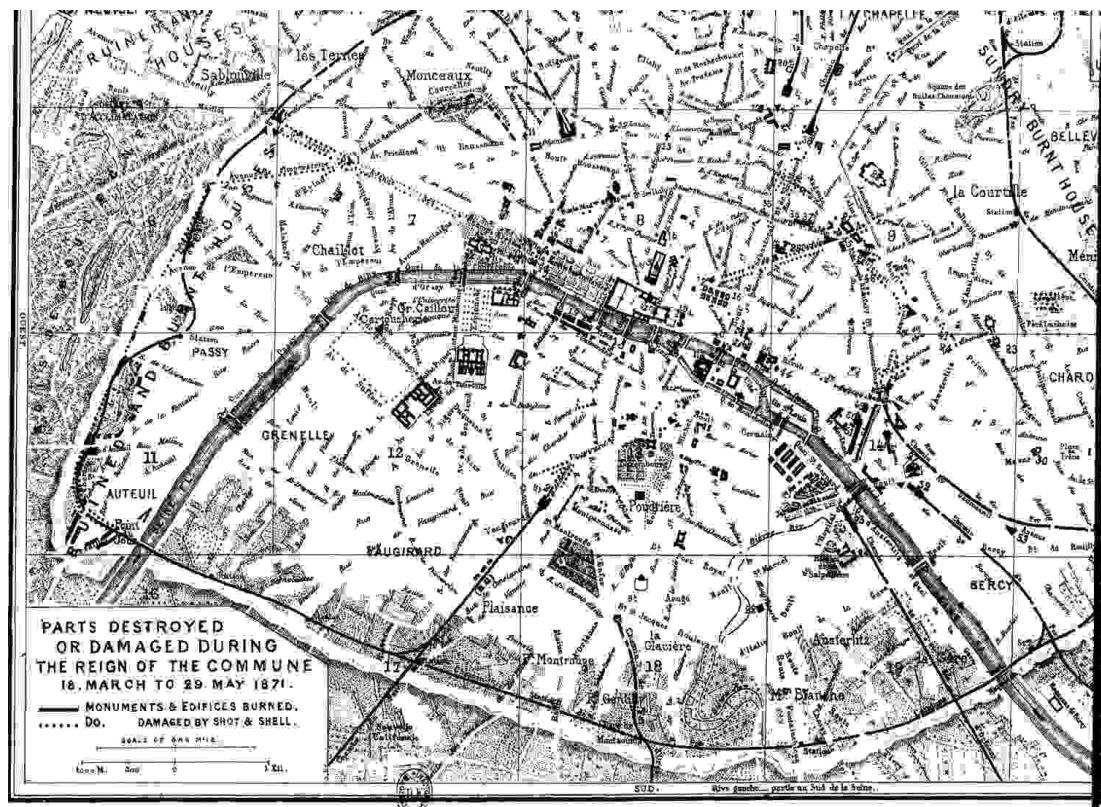
[Карты: (нажмите карту, чтобы увеличить)]

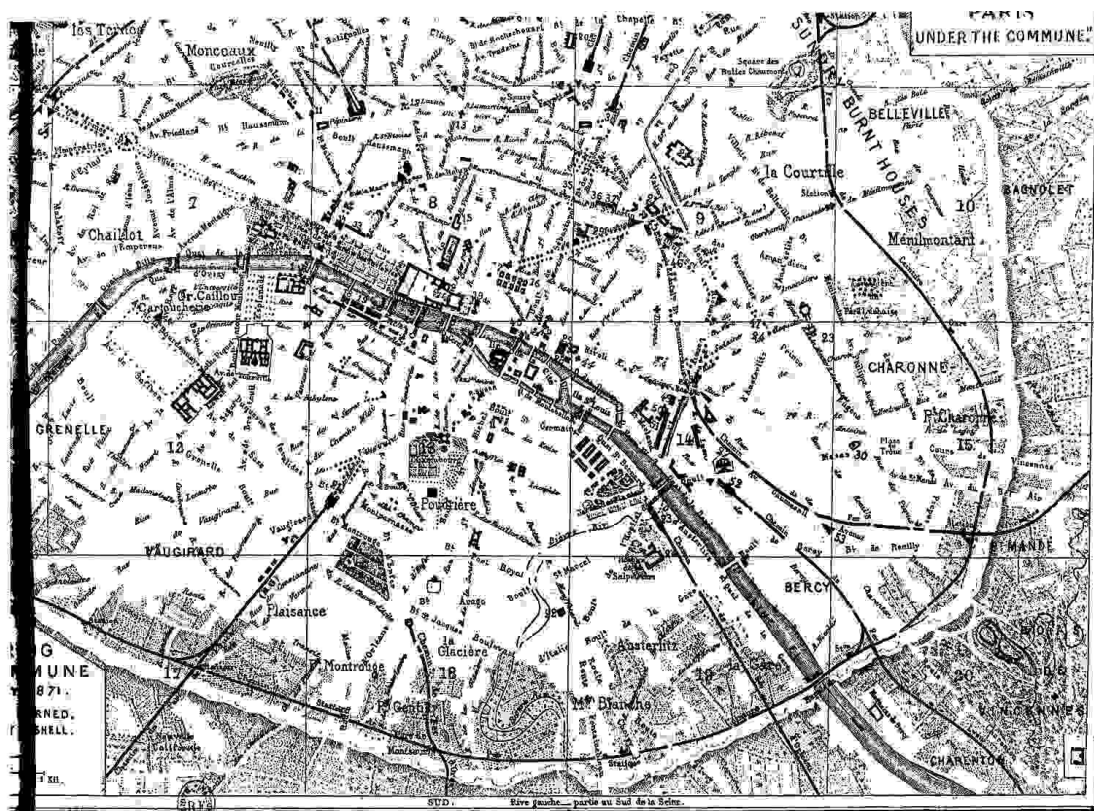
План Парижа, Иллюстрирующий Париж мистера Лейтона

План Парижа, Иллюстрирующий Париж мистера Лейтона

Части , Разрушенные Или поврежденные Во время правления Коммуны

План Парижа, Иллюстрирующий Париж мистера Лейтона